

[Faint, illegible text]

[Small red mark]

[Dark, illegible scribble]

Гербертъ Спенсеръ.

87.703.2
С 71

*С. П. Полевому
4/1 - 17.*

СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

МФ

Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею
д-ра философіи М. Филиппова.

ДАР
Л. С. ПОЛЕВОГО

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Пороховникова, Гороховая ул. № 12.
1897.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

80589

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

Дозвол. ценз. Сиб., 13 Января 1897 г.

Отъ издателя.

Предлагаемое сочиненіе Спенсера представляетъ послѣдовательное приложеніе началъ его этическаго ученія въ основнымъ вопросамъ *права*; ученіе Спенсера рѣзко *противитъ* утилитарной теоріи Бентама и составляетъ естественное дополненіе въ „Основаніямъ науки о нравственности“, переведеннымъ уже на русскій языкъ. Первые двѣ главы предлагаемой книги были переведены въ „Научномъ Обзорѣніи“ въ 1894 году. Для читателей, не имѣющихъ этихъ главъ, воспроизводимъ ихъ вторично; это тѣмъ болѣе уместно, что журналъ за первый годъ его существованія сталъ библиографическою рѣдкостью, а отдѣльныхъ оттисковъ сдѣлано не было.

Предисловіе автора.

Въ предисловіи въ „Даннымъ науки о нравственности“, изданнымъ въ іюнѣ 1879 года, встрѣчаются слѣдующія слова: „Признаки, повторявшіеся въ послѣдніе годы, все чаще и явственнѣе убѣдили меня, что состояніе здоровья можетъ постоянно ухудшаться, даже если жизнь не придетъ въ концу,—раньше, нежели я достигну послѣдней части намѣченной мною для себя задачи“. Затѣмъ слѣдовало утвержденіе, что „эта послѣдняя часть моей задачи“, а именно выводъ этики изъ ученія о развитіи, „представляетъ то, въ чему все предшествующее я считаю лишь вспомогательнымъ средствомъ“, и что поэтому для меня нежелательно предвидѣть возможность невыполненія этого дѣла. Отсюда явилась рѣшимость заранѣе написать „Данныя этики“.

шаетъ отвращеніе, тогда какъ насѣдка, вступающая въ битву за своихъ цыплятъ, возбуждаетъ почтеніе.

Себялюбивые поступки, точно также, какъ и поступки, внушенные любовью къ другимъ, если они совершаются животными, должны считаться хорошими или дурными. Бѣлка, собирающая запасъ пищи на зиму, поступаетъ такъ, какъ, по нашему мнѣнію, должна поступать каждая бѣлка. Обратное, та, которая по лѣности не дѣлаетъ запаса и гибнетъ отъ голода, рассматривается какъ несущая достойное наказаніе за свою безпечность. Собака, отдающая кость другой собакѣ безъ драки и боязливо убѣгающая прочь, называется трусливою—слово, выражающее порицаніе.

Итакъ, ясно, что поступки, приводящіе къ сохраненію потомства или особи, рассматриваются какъ хорошіе по отношенію къ животному виду,—обратные поступки считаются дурными.

2. Два рода поступковъ—альтруистическіе или внушенные любовью къ другимъ и эгоистическіе или себялюбивые—указываютъ намъ на два главныхъ и противоположныхъ между собою начала нравственности у животныхъ.

Въ незрѣломъ возрастѣ благодѣянія, получаемыя животнымъ, должны быть обратно пропорціональны способностямъ, которыми оно обладаетъ. Внутри семьи наиболѣе долженъ получать тотъ, кто наименѣе заслуживаетъ, если заслугу измѣрять цѣнностью заработка. Обратное, по достиженіи зрѣлости, достигаемая выгода должна быть прямо пропорціональна цѣнности, если цѣнность измѣряется приспособленностью къ условіямъ существованія. Дурно приспособленные должны страдать отъ своей негодности, а хорошо приспособленные получать выгоду отъ своей годности.

Таковы два закона, съ которыми долженъ сообразоваться всякій видъ животнаго, чтобы сохраниться. Ограничимъ это предложеніе высшими животными, такъ какъ у низшихъ родители не оказываютъ потомству никакой помощи, кромѣ той, что вносятъ малые запасы пищи въ ихъ зародыши, при чемъ чудовищная смертность уравнивается чудовищною плодovitостью. Говоря лишь о высшихъ животныхъ, можно сказать, что очевидно, если бы у дѣтенышей выгода была сообразна съ ихъ способностями, видъ тотчасъ долженъ былъ бы погибнуть, и если бы у взрослыхъ выгода была пропорціональна ихъ негодности, то видъ неминуемо погибъ бы въ

теченіе немногихъ поколѣній (Сравни. „Основанія соціологіи“, 322).

3. Но какова нравственная сторона этихъ началъ? Прежде всего, жизнь всѣхъ, исключая самыхъ низшихъ животныхъ, сохранилась благодаря этимъ началамъ. За исключеніемъ простѣйшихъ одноклѣтныхъ животныхъ (Protozoa), гдѣ слѣдствія этихъ законовъ едва замѣтны, мы видимъ, что безъ даровыхъ выгодъ въ пользу дѣтенышей и заслуженныхъ выгодъ въ пользу взрослыхъ жизнь не могла бы продолжаться.

Далѣе, тѣ же законы привели къ постепенному развитію жизни отъ низшей ступени къ высшей. Забота о потомствѣ, ставшая болѣе значительною по мѣрѣ усложненія организаціи, и выживаніе наиболѣе приспособленныхъ къ этой борьбѣ между взрослыми, которая стала болѣе обычною по мѣрѣ усложненія организаціи, — постоянно упрочивали превосходство однихъ надъ другими и приводили къ новымъ успѣхамъ.

Съ другой стороны, справедливо, что самопожертвованіе при заботѣ о дѣтенышахъ и борьба за существованіе между взрослыми производили гибель и голодную смерть, столь частую на раннихъ ступеняхъ развитія. Справедливо и то, что дѣйствія, сообразныя съ этими законами, привели къ появленію мучительныхъ паразитовъ, которые по числу видовъ и особей превышаютъ всѣхъ остальныхъ животныхъ.

Люди, привыкшіе относиться пессимистически къ животной жизни вообще, вникая въ эти законы, конечно увидятъ все въ дурномъ свѣтѣ. Но оптимисты и даже *меліористы* (т. е. люди полагающіе, что все на свѣтѣ постоянно улучшается), и тѣ, которые признаютъ, что мѣриломъ счастья является умноженіе числа удовольствій и благъ жизни, вникая въ эти начала, будутъ болѣе или менѣе удовлетворены и признаютъ, что выполненіе ихъ заслуживаетъ нравственнаго одобренія.

Кто желаетъ разсматривать эти начала съ точки зрѣнія господствующихъ религіозныхъ убѣжденій, тотъ увидитъ въ нихъ выраженіе божественной воли. Тотъ, кто убѣжденъ въ непознаваемости высшей силы, скажетъ только, что эти начала выражаютъ способъ дѣйствія этой непознаваемой силы во вселенной. Въ обоихъ случаяхъ мы приобретаемъ еще новый доводъ въ пользу этихъ началъ.

4) Но, оставляя въ сторонѣ рѣшительный споръ между пессимистами и оптимистами, достаточно на первый случай ограничиться нашимъ положеніемъ и примѣнить его лишь

въ какомъ-либо одному виду. Если сохраненіе и благополучіе этого вида желательно, то отсюда неизбежно вытекаетъ одно общее слѣдствіе, а изъ него три менѣе общихъ.

Общій выводъ будетъ тотъ, что, по своей обязательности, сохраненіе вида стоитъ выше сохраненія особи. Справедливо, что видъ существуетъ только какъ совокупность особей; справедливо и то, что поэтому благополучіе вида является цѣлью лишь въ смыслѣ сохраненія благополучія особей. Но исчезновеніе вида подразумеваетъ исчезновеніе особей, влечетъ за собою полную неудачу въ достиженіи всѣхъ цѣлей; тогда какъ исчезновеніе отдѣльныхъ особей, даже въ большомъ числѣ, можетъ все-таки дать остатокъ, довольно многочисленный для продолженія существованія вида, причемъ послѣдующее выполненіе цѣли окажется возможнымъ. Итакъ, сохраненіе особей, въ большей или меньшей степени, смотря по условіямъ, должно все-таки быть подчинено сохраненію вида, въ томъ случаѣ, если между тѣмъ и другимъ оказывается столкновеніе.

Отсюда вытекаютъ такія слѣдствія:

Во-первыхъ, среди взрослыхъ должна господствовать соразмѣрность съ закономъ, что получаемая выгода должна прямо соразмѣряться съ заслугами, причемъ заслуги измѣряются способностью къ поддержкѣ собственнаго существованія. Не будь этого, видъ долженъ былъ бы пострадать отъ двухъ причинъ. Онъ пострадалъ бы прямо, вслѣдствіе пожертвованія лучшими ради худшихъ, что влечетъ за собою общее уменьшеніе благополучія; онъ пострадалъ бы и косвенно, отъ дальнѣйшаго размноженія худшихъ, которое препятствуетъ размноженію лучшихъ, влечетъ за собою общее пониженіе урорня и, при достаточной продолжительности, влечетъ къ вымиранію вида.

Во-вторыхъ, въ теченіе раннихъ періодовъ жизни, прежде чѣмъ животное въ состояніи поддержать самого себя и также въ то время, когда оно лишь частью способно къ самоподдержанію, помощь оказываемая животному должна быть наибольшею, пока его собственная цѣнность наименьшая—получаемыя выгоды должны быть обратно пропорціональны заслугамъ, причемъ заслуги измѣряются способностью самоподдержанія. Если нѣтъ даровыхъ подачекъ потомству, сначала неопредѣленныхъ, затѣмъ опредѣленно уменьшающихся по мѣрѣ приближенія зрѣлости, то видъ исчезаетъ вслѣд-

ствіе гибели дѣтенышей. Конечно, отсюда вытекаетъ сообразная съ этимъ способность взрослыхъ къ самоотверженію.

Въ - третьихъ, къ этому самоотверженію, вытекающему изъ родительскихъ отношеній, въ извѣстныхъ случаяхъ, присоединяется дальнѣйшее самообузданіе. Если въ силу организаціи вида, и по причинѣ условій его существованія, пожертвованіе—частное или полное—нѣкоторыми изъ особей сохраняетъ благополучіе вида, и если его численность поддерживается этимъ способомъ лучше, чѣмъ иначе то ясно, что и такія жертвы должны быть оправдываемы.

Таковы законы, съ которыми сообразуется видъ для поддержанія своего существованія. И если мы предположимъ, что сохраненіе какого-либо вида желательно, то отсюда вытекаетъ обязательство сообразоваться съ этими законами, которые слѣдуетъ называть, смотря по обстоятельствамъ, подобными нравственнымъ или въ полномъ смыслѣ слова нравственными.

ГЛАВА II.

До-человѣческая справедливость.

5. Изъ двухъ существенныхъ, но противоположныхъ началъ дѣятельности, которыя сохраняютъ каждый видъ, мы здѣсь рассмотримъ лишь второе. Оставивъ въ сторонѣ законъ семьи, составленной изъ взрослыхъ и дѣтенышей, мы теперь рассмотримъ исключительно законъ вида, какъ составленнаго только изъ взрослыхъ. Этотъ законъ, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что особи, наиболѣе цѣнныя,—что измѣряется ихъ приспособленностью къ условіямъ существованія,—должны обладать наибольшими выгодами, и что низшія особи должны получать меньшія выгоды или терпѣть большія бѣдствія, или и то, и другое—законъ, который съ точки зрѣнія науки о жизни, біологій, влечетъ за собою переживаніе приспособленнѣйшихъ. Истолковывая его въ нравственномъ смыслѣ, получимъ законъ, что каждая особь должна подвергаться слѣдствіямъ ея собственной природы и вытекающаго изъ этой природы поведенія. Во всей до-человѣческой жизни законъ этотъ справедливъ безусловно, потому что тамъ нѣтъ причины, которая, между взрослыми, могла бы вмѣшиваться въ отношеніе между поведеніемъ и его послѣдствіемъ.

Чтобы вполне оцѣнить силу этого закона, мы съ удобствомъ можемъ на минуту остановиться на созерцаніи подобнаго ему закона или, точнѣе, того же самаго закона, проявляющагося въ другой сферѣ. Помимо проявленія его въ отношеніяхъ между членами одного и того же вида, изъ которыхъ одни хорошо, другіе дурно поддерживаютъ себя, смотря по ихъ хорошо или дурно приспособленнымъ дѣятельностямъ, законъ этотъ проявляется и въ отношеніяхъ между частями одного и того же организма между собою.

Каждый мускуль, каждая внутренность, каждая железа получаетъ количество крови, сообразное съ своимъ отправленіемъ. Если они мало работаютъ, то и мало питаются и вырождаются; если работаютъ много, то питаются хорошо и растутъ. Такое уравновѣшеніе работы и питанія въ то же время уравновѣшиваетъ и относительныя силы частей организма; такъ что организмъ, какъ цѣлое, приспособленъ къ своему существованію тѣмъ, что его части постоянно пропорціональны требованіямъ. И ясно, что этотъ законъ, самоприспособленія внутри каждой особи сходенъ съ началомъ самоприспособленія, посредствомъ котораго видъ, какъ цѣлое, оказывается приспособленнымъ въ своей средѣ; потому что посредствомъ лучшаго питанія и большей способности размноженія, свойственной членамъ вида, болѣе способнымъ и обладающимъ дѣятельностями, лучше приуроченными къ нуждамъ, въ соединеніи съ худшей поддержкой себя и потомства у менѣе способныхъ, достигается выживаніе болѣе способнаго вида путемъ большаго размноженія.

Итакъ, законъ до-человѣческой справедливости тотъ, что каждая особь должна получать выгоды и невыгоды отъ своей собственной природы и отъ своего отсюда вытекающаго поведенія.

6. Но до-человѣческая справедливость крайне несовершенна, какъ вообще, такъ и въ частности.

Въ общемъ, она несовершенна въ томъ смыслѣ, что существуютъ многочисленныя виды, которые могутъ поддержать себя лишь въ зависимости отъ полнаго уничтоженія другихъ видовъ; и это полное уничтоженіе ведетъ къ тому, что видъ, служащій добычей, встрѣчаетъ такія частыя нарушенія закона зависимости между поведеніемъ и его послѣдствіями, что лишь для весьма немногихъ особей законъ этотъ долго имѣетъ значеніе. Справедливо, что въ такихъ случаяхъ преждевременная гибель отъ враговъ, испытываемая почти

всѣми членами вида, должна также считаться слѣдствіемъ ихъ природы, ихъ неспособности бороться съ разрушительными вліяніями, которымъ они подвергаются. Но мы можемъ вполне признать истину, что эта насильственная гибель огромнаго большинства жизней ведетъ къ тому, что для такого вида животныхъ понятіе справедливости, нами опредѣленное выше, имѣетъ лишь самую ничтожную примѣнимость. До-человѣческая справедливость крайне несовершенна также и въ частностяхъ, въ томъ смыслѣ, что связь между поведеніемъ и его послѣдствіями въ чудовищномъ числѣ случаевъ нарушается случайностями, — такими случайностями, которыя совершенно безразлично поражаютъ и низшихъ и высшихъ особей. Множество смертей причиняется суровостью стихій, которой, въ большинствѣ случаевъ, лучшіе члены вида подвергаются наравнѣ съ худшими. Множество смертей зависитъ отъ скудости пищи, причемъ если не вполне, то въ широкой степени хорошіе мрутъ наравнѣ съ дурными. У низшихъ животныхъ причиною смерти являются также враги, дѣйствующіе такъ, что лучшіе становятся жертвой подобно худшимъ. То же касается нападенія паразитовъ, часто страшно губительныхъ и нерѣдко губящихъ лучшихъ особей такъ же легко, какъ и худшихъ.

Высокая плодовитость низшихъ животныхъ, необходимая для уравновѣшенія чудовищной смертности, сразу указываетъ намъ, что у нихъ долгое переживаніе не обезпечивается превосходными качествами; и такимъ образомъ, до-человѣческая справедливость, состоящая въ постоянномъ воспріятіи слѣдствій поведенія, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оказывается состоятельною для особи.

7. Здѣсь мы приходимъ къ чрезвычайно важной истинѣ, что до-человѣческая справедливость становится все болѣе рѣшительной по мѣрѣ повышенія организаціи.

Сѣсть ли ласточка ту или эту муху, сядетъ ли наѣзникъ (*Ichneumon*) на ту или другую гусеницу, проглотитъ ли китъ тѣхъ или другихъ селедокъ изъ числа ватаги, — все это событія совершенно независимыя отъ свойствъ особей: хорошія и дурныя особи гибнутъ наравнѣ. Иное дѣло — высшія животныя. Острыя чувства, пронизательность, подвижность придаютъ этому хищному особую способность овладѣвать добычей. Въ стадѣ травоядныхъ, животное съ болѣе острымъ слухомъ, яснымъ зрѣніемъ, болѣе чувствительнымъ обоняніемъ и болѣе значительною скоростью бѣга гораздо легче

спасется отъ преслѣдователя. Очевидно, что чѣмъ выше дарованія, душевныя и тѣлесныя, даннаго вида, и, слѣдовательно, чѣмъ больше его способность справляться съ случайностями окружающей среды, тѣмъ менѣе зависитъ продолженіе жизни каждой особи отъ случайностей, съ которыми она не можетъ справиться. И очевидно, что, по мѣрѣ того, какъ это слѣдствіе общаго превосходства становится замѣтнѣе, слѣдствія частныхъ превосходствъ также сильнѣе чувствуются. Различія между способностями особей играютъ болѣе важную роль въ опредѣленіи судьбы особей. Въ одномъ случаѣ отсутствіе способности сокращаетъ жизнь, въ другомъ — значительное дарованіе продолжаетъ ее. Другими словами, опытъ особи болѣе точно слѣдуетъ изъ ея собственной природы, справедливость соблюдается въ большей степени.

8. До-человѣческая справедливость, насколько она выражается у существъ, живущихъ одиночною жизнью, опредѣлена такимъ образомъ удовлетворительно. Но переходя къ стаднымъ животнымъ, мы находимъ, что еще одинъ пунктъ не выясненъ.

Простое сообщество, какъ, напр., у оленей, приноситъ особи и виду пользу единственно путемъ болѣе дѣйствительной охраны, которая вытекаетъ изъ превосходства множества глазъ, ушей и носовъ надъ глазами, ушами и носомъ одной особи. Тревожный сигналъ скорѣе подается, и всѣ пользуются чувствами наиболѣе одаренныхъ особей. Когда это сотрудничество, которое можно назвать пассивнымъ, недѣйственнымъ, превращается въ активное, дѣйтельное, какъ напр., въ стаѣ грачей, гдѣ одна сторожитъ, пока другія ѣдятъ, или у таѣ наз. симарронновъ (simarcons), горныхъ барановъ Центральной Америки, которые также ставятъ сторожей, или у бобровъ, работающихъ сообща при сооруженіи плотины, или у волковъ, которые составляютъ планъ нападенія, распредѣляя роли, — что содѣйствуетъ поимкѣ добычи, — то во всѣхъ этихъ случаяхъ и для особей, и для вида являются еще большія выгоды. Говоря вообще, можно сказать, что стадность и сотрудничество, болѣе или менѣе дѣйтельное, устанавливаются для вида только потому, что они полезны: иначе переживаніе болѣе приспособленныхъ предупредило бы эти явленія.

Но теперь замѣйте, что это выгодное сожителство становится возможнымъ лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Дѣйствія, направленные къ самоподдержанію и исполняемыя каж-

дымъ, исполняются болѣе или менѣе въ присутствіи другихъ, занимающихся тѣмъ же; слѣдствіемъ является стремленіе къ большому или меньшему ослабленію ихъ съ чужой стороны. Если ослабленіе велико, то сообщество можетъ оказаться невыгоднымъ. Чтобы оно было выгодно, дѣятельности должны сократиться лишь настолько, чтобы дать выгодный балансъ. Переживаніе приспособленнѣйшихъ, въ противномъ случаѣ, уничтожить ту разновидность, въ которой возникаютъ сообщества. Здѣсь мы находимъ новое начало въ до-человѣческой справедливости. Каждая особь, получая выгоды и бѣдствія отъ своей собственной природы и вытекающаго поведенія, должна выполнить это поведеніе въ ограничительныхъ условіяхъ, а именно не должна значительно помѣшать поведенію, посредствомъ котораго другія особи достигаютъ выгоды или навлекаютъ на себя бѣды. Среднее поведеніе должно быть не такимъ наступательнымъ, чтобы причинять зло, перевѣшивающее добро, вытекающее изъ сотрудничества. Итакъ, къ положительному началу въ до-человѣческой справедливости надо, для стадныхъ животныхъ, добавить отрицательное начало.

9. Необходимость соблюденія того условія, чтобы каждый членъ группы, поддерживая себя и потомство, не мѣшалъ серьезно подобнымъ же дѣйствіямъ другихъ, чувствуется въ такой степени вездѣ, гдѣ установилось сожителство, что при-норавливаетъ къ себѣ самый видъ. Бѣдствія, испытываемыя отъ времени до времени, когда нарушены границы, постоянно содѣйствуютъ всеобщей выправкѣ тѣмъ, что заставляютъ уважать эти границы; и это уваженіе, со временемъ, становится естественной чертою, инстинктомъ вида, потому что ясно, что невниманіе къ этимъ границамъ, если оно значительно и обще, приводитъ къ распаденію группы. Тѣ только разновидности могутъ выжить какъ стадныя, въ которыхъ явилось наследственное стремленіе поддерживать эти условія.

Но далѣе возникаетъ такое общее сознаніе необходимости поддерживать эти границы, что нарушающіе ихъ подвергаются наказанію не только со стороны обиженныхъ членовъ общины, но и со стороны общины, какъ цѣлаго. „Бродяга“ слонъ (всегда описываемый какъ особенно злой) это слонъ, изгнанный своими изъ стада: безъ сомнѣнія потому, что его поведеніе несовосно для другихъ, вѣроятно, по причинѣ обидъ, имъ нанесенныхъ. Говорятъ, что бобры изгоняютъ лѣнтя изъ своей колоніи и этимъ препятствуютъ ему

пользоваться трудами, въ которыхъ онъ не участвовалъ: фактъ этотъ тѣмъ болѣе правдоподобенъ, что, напр., пчелы-работницы избиваютъ трутней, когда въ нихъ нѣтъ болѣе нужды. Наблюденія, добытыя изъ разныхъ странъ, показываютъ, что стадо воронъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія, при громкомъ карканьи, наконецъ, убиваетъ зловреднаго члена стаи. Одинъ очевидецъ увѣряетъ, что у грачей, если одна чета воруетъ хворостины изъ сосѣднихъ гнѣздъ, ея собственное гнѣздо разносится въ прахъ остальными. Здѣсь мы видимъ, что необходимое предварительное условіе согласнаго сожительства безмолвно признается чѣмъ-то вродѣ закона, и что нарушеніе его влечетъ за собою наказаніе.

10. У существъ, ведущихъ одиночную жизнь, законъ, гласящій, что особь должна испытать всѣ послѣдствія, дурныя и хорошія, своей собственной природы и вытекающаго изъ нея поведенія (этотъ первичный законъ до-человѣческой справедливости, изъ котораго вытекаетъ выживаніе приспособленнѣйшихъ), усложняется развѣ только родительскою отвѣтственностью. У нихъ часто эгоистичныя дѣйствія въ пользу самосохраненія ограничиваются, во время размноженія, тѣмъ самоподчиненіемъ, которое необходимо для вывода потомства, но болѣе ниважимъ другимъ. У стадныхъ животныхъ сколько-нибудь смысленныхъ сдерживаемыхъ, какъ мы видѣли, въ должныхъ предѣлахъ присутствіемъ другихъ особей, — у этихъ животныхъ благо вида, требуя также самоподчиненія для вывода потомства, иногда требуетъ и дальнѣйшаго самопожертвованія. Говорятъ, что у бизоновъ, во время отеленія, быки образуютъ стражу, охраняющую стадо коровъ и телятъ отъ волковъ и другихъ хищниковъ, что подвергаетъ cadaго быка известной опасности, но ведетъ къ сохраненію вида. Когда стадо слоновъ выходитъ изъ лѣсу на водопой, сначала показывается одинъ и осматривается, нѣтъ-ли опасности; если не увидитъ ничего, то ставитъ другихъ членовъ, какъ стражей, и только тогда все стадо выходитъ и лѣзетъ въ воду. Здѣсь известный лишній рискъ испытывается немногими, чтобы многіе были въ большей безопасности. Еще въ большей степени мы видимъ дѣйствія этого рода въ стадѣ обезьянъ; члены его соединяются въ защитѣ или выручаютъ товарища, или ловко устраиваются, отступая отъ врага. Самки съ дѣтенышами идутъ впередъ, а самцы прикрываютъ отступление. Хотя въ частномъ случаѣ видъ можетъ потерпѣть отъ этого, и слѣдствіемъ можетъ быть гибель большого числа особей,

но въ общемъ важно уже и то, что развиваются наклонности, дѣлающія нападеніе на стадо опаснымъ.

Очевидно, что если такое поведеніе поддерживаетъ одну разновидность стаднаго вида или умножаетъ ея численность, тогда какъ другія разновидности, гдѣ такого самопожертвованія нѣтъ, вымираютъ, то для такихъ поступковъ является нѣкоторая санкція. Сохраненіе вида есть наивысшая цѣль, а потому тамъ, гдѣ случайная смертность особей, защищающихъ видъ, способствуетъ этому сохраненію въ большей степени, чѣмъ содѣйствовало бы преслѣдованіе каждою особою ея исключительныхъ выгодъ, то справедливость, которую мы назвали до-человѣческой, получаетъ этимъ путемъ второе ограниченіе.

11. Остается только указать порядокъ первенства и соотвѣтственное достоинство cadaго изъ этихъ началъ. Законъ соотношенія между поведеніемъ и его слѣдствіями, который, во всемъ животномъ царствѣ вообще, приноситъ благополучіе тѣмъ особямъ, чьи организмы лучше приспособлены къ условіямъ существованія, законъ этотъ съ нравственной точки зрѣнія выражается такъ, что каждая особь должна получать добро и зло, вытекающее изъ ея природы—и онъ является первичнымъ закономъ всѣхъ существъ. Онъ примѣнимъ поэтому безъ ограниченія къ существамъ, живущимъ одиночно, исключая того самопожертвованія, которое необходимо высшимъ животнымъ для воспитанія потомковъ.

У стадныхъ животныхъ,—и тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе ихъ сотрудничество,—играетъ роль еще законъ, второй по порядку времени и по авторитету, гласящій, что тѣ дѣйствія, которыми особь, по своей природѣ, достигаетъ выгодъ и избѣгаетъ зла, должны быть сдерживаемы необходимостью не мѣшать подобнымъ же дѣйствіямъ другихъ особей. Уваженіе этого закона, въ большинствѣ случаевъ являясь условіемъ, при которомъ только и возможна стадность, дѣлаетъ его повелительнымъ закономъ для тѣхъ существъ, которымъ стадность выгодна. Но ясно, этотъ вторичный законъ есть только примѣненіе той формы, которую принимаетъ первичный законъ при условіяхъ стадной жизни; такъ какъ, утверждая, что въ каждой особи связь поведенія съ его слѣдствіемъ должна быть ограничена, онъ безмолвно утверждаетъ вновь, что упомянутая связь должна быть поддержана въ *другихъ* особяхъ, стало быть и во всѣхъ особяхъ, включая рассматриваемую.

Болѣе поздняго происхожденія и болѣе узокъ по примѣ-

ненію третій законъ, гласящій, что при условіяхъ такого рода, что случайными пожертвованіями нѣкоторыхъ членовъ вида достигается благополучіе вида какъ цѣлаго, эти пожертвованія получаютъ санкцію, откуда вытекаетъ ограниченіе закона, что каждая особь должна получать выгоды и бѣдствія, вытекающія изъ ея собственной природы.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что тогда какъ первый законъ абсолютенъ для всѣхъ животныхъ вообще, а второй— для всѣхъ стадныхъ животныхъ, третій законъ относится къ существованію враговъ такого рода, что въ борьбѣ съ ними видъ выигрываетъ болѣе, чѣмъ сколько онъ теряетъ отъ пожертвованія немногими особями; и въ отсутствіи такихъ враговъ это ограниченіе, налагаемое третьимъ закономъ, совершенно исчезаетъ.

ГЛАВА III.

Человѣческая справедливость.

12. Содержаніе послѣдней главы является намекомъ на предметы, разсматриваемые теперь. Съ эволюціонной точки зрѣнія, человѣческая жизнь должна быть разсматриваема, какъ дальнѣйшее развитіе до-человѣческой жизни; отсюда слѣдуетъ, что, съ той же точки зрѣнія, человѣческая справедливость должна представлять дальнѣйшее развитіе до-человѣческой справедливости. Ради удобства та и другая разсматривается здѣсь отдѣльно, но онѣ существенно одинаковой природы и образуютъ части непрерывнаго цѣлаго.

Для человѣка, какъ и для всѣхъ низшихъ существъ, законъ, съ которымъ сообразуется видъ для своего сохраненія, состоитъ въ томъ, что, изъ взрослыхъ, особи, наилучшимъ образомъ приспособленныя къ условіямъ существованія, всего болѣе будутъ благоденствовать; особи, всего менѣе приспособленныя, должны преуспѣвать всего менѣе. Законъ этотъ, если онъ не встрѣчаетъ помѣхи, приводитъ къ переживанію приспособленнѣйшихъ и къ распространенію наиболѣе приспособленныхъ разновидностей. Какъ раньше, такъ и теперь, мы видимъ, что, разсматриваемый съ нравственной точки зрѣнія, законъ этотъ подразумѣваетъ слѣдующее: каждой особи должно доставаться благо и зло, вытекающее изъ ея собственной природы и зависящаго отсюда поведенія. Не должно ни препятствовать тому, чтобы особь пользовалась любымъ благомъ, нормально вытекающимъ изъ его дѣйствій, ни дозво-

лять, чтобы она взваливала на других какое бы то ни было зло, навлекаемое на нее ее поступками.

До какой степени подобное зло, естественно вытекающее из дѣйствій личности, можетъ быть добровольно переносимо другими лицами, это вовсе здѣсь не касается нашего изслѣдованія. Ограничительныя вліянія жалости, милосердія и великодушія разсмотрѣны особо, въ ученіи объ отрицательной и положительной благотворительности. Здѣсь насъ касается исключительно чистая справедливость. Возникающій такимъ образомъ законъ и выраженный въ такой этической формулѣ, очевидно, есть тотъ именно законъ, который соотвѣтствуетъ обыденному пониманію справедливаго. Ежедневныя утвержденія и порицанія подразумѣваютъ, что не слѣдуетъ отдѣлять поведенія отъ его послѣдствій. Когда о комъ-либо, страдающемъ отъ несчастія, говорятъ: „онъ долженъ винить въ этомъ только самого себя“, этимъ подразумѣвается мнѣніе, что страдающій не потерпѣлъ несправедливости. Если кто-либо по неразумности или по причинѣ дурного поведенія навлекъ на себя зло и о немъ говорятъ „какъ постелено, такъ и спать придется“ или „что посѣялъ, то и пожнешь“, то въ этомъ влечено убѣжденіе, что такая связь между причиною и слѣдствіемъ имѣетъ надлежащій характеръ. То же относится къ замѣчанію: „Онъ получилъ лишь по заслугамъ“. Родственное съ этимъ убѣжденіе подразумѣвается въ томъ случаѣ, когда, обратно, слѣдствіемъ является добро вмѣсто зла. „Онъ вполне заслужилъ награды“. „Онъ не получилъ должнаго вознагражденія“. Такія замѣчанія указываютъ на сознаніе того, что должна быть пропорціональность между примѣняемымъ усиліемъ и достигаемымъ результатомъ, т. е. что справедливость требуетъ такой пропорціональности.

13. Справедливость становится болѣе рѣзко выраженной по мѣрѣ повышенія организаціи. Эта истина, представившаяся намъ уже въ предыдущей главѣ, поясняется дальнѣйшими примѣрами, когда мы переходимъ отъ до-человѣческой справедливости къ человѣческой. Степень справедливости и степень организаціи одновременно повышаются: это доказывается и разсмотрѣніемъ всего человѣческаго рода, и контрастомъ, представляемымъ его высшими разновидностями по сравненію съ низшими.

Мы видѣли, что высоко развитый видъ животнаго отличается отъ низшаго вида въ томъ отношеніи, что его совокупность испытываетъ меньшую смертность отъ неожиданныхъ разрушительныхъ дѣятелей; поэтому, каждый изъ членовъ вида, въ среднемъ, въ теченіе болѣе продолжительнаго времени подвергается нормальному отношенію между поведеніемъ и его послѣдствіемъ. Здѣсь мы видимъ, что человѣческій

58508

родъ, какъ цѣлое, отличающагося гораздо меньшимъ процентомъ смертности, чѣмъ почти всѣ породы низшихъ видовъ, обыкновенно гораздо долѣе подвергаетъ своихъ членовъ благимъ и злымъ послѣдствіямъ хорошо или дурно приспособленнаго поведенія. Мы также видѣли, что у высшихъ животныхъ болѣе значительная средняя долговѣчность дѣлаетъ возможнымъ обнаруженіе слѣдствія индивидуальныхъ различій въ теченіе болѣе продолжительнаго времени. Отсюда слѣдуетъ, что неодинаковая судьба разныхъ особей здѣсь въ большей мѣрѣ опредѣляется нормальнымъ отношеніемъ между поведеніемъ и его послѣдствіями, составляющимъ справедливость. Теперь же мы видимъ, что у человѣка неравенство способностей еще въ большей степени и на болѣе продолжительное время вырабатываетъ свои послѣдствія, давая преимущества высшимъ и представляя невыгоды для низшихъ, при непрерывной связи между поведеніемъ и его послѣдствіемъ.

То же слѣдуетъ сказать при сравненіи цивилизованныхъ человѣческихъ расъ съ дикарями. Еще болѣе уменьшается процентъ смертности, а это подразумеваетъ существованіе еще болѣе значительной пропорціи такихъ членовъ, которые получаютъ благія послѣдствія отъ хорошо приспособленныхъ дѣйствій и терпятъ зло отъ дурнаго приспособленія. Точно также ясно, что болѣе крупныя различія въ долговѣчности между особями и болѣе значительныя различія общественнаго положенія подразумеваютъ, что въ цивилизованныхъ обществахъ, въ большей степени, чѣмъ у дикарей, различія одаренности и вытекающія отсюда различія поведенія способны причинять надлежащія различія въ благихъ или дурныхъ послѣдствіяхъ: стало быть справедливости здѣсь больше.

14. У человѣка яснѣе, чѣмъ у низшихъ расъ, мы видимъ, что стадность (*gregariousness*) устанавливается по причинѣ пользы, приносимой имъ той разновидности, у которой оно возникаетъ. Зависитъ это частью отъ содѣйствія общей безопасности, частью же отъ болѣе легкаго добыванія средствъ существованія. Ясно, что степень скопленія опредѣляется степенью подмоги, отказываемой интересамъ данной разновидности. Дѣйствительно, если разновидность такова, что члены ея питаются дичью и лѣсными плодами, то они соединяются лишь въ малыя группы. Дичь и плоды разбросаны по обширнымъ пространствамъ и способны поддерживать лишь такія группы. Но болѣе значительное скопленіе возникаетъ тамъ, гдѣ земледѣліе дѣлаетъ возможнымъ прокормленіе болѣе значительнаго числа людей на меньшей площади и гдѣ совмѣстное развитіе промысловъ приводитъ къ многочисленнымъ и разнообразнымъ формамъ сотрудничества. Мы теперь приходимъ къ утверженію истины—слабо

намѣченной у низшихъ существъ и ясно обнаруживаемой людьми—что выгоды сотрудничества (кооперации) могутъ быть пріобрѣтены только согласуясь съ извѣстными требованіями, возлагаемыми сообществомъ (ассоціаціей).

Взаимныя помѣхи, могущія возникнуть при преслѣдованіи цѣлей особями, живущими въ близкомъ сосѣдствѣ, должны удерживаться въ такихъ предѣлахъ, чтобы доставлять избытокъ преимуществъ, зависящихъ отъ жизни въ сообществѣ. Нѣкоторыя человѣческія племена, какъ, напр., аборы, ведутъ уединенную жизнь, такъ какъ до того склонны къ нападенію, что неспособны къ совмѣстной жизни. Этотъ крайній случай выясняетъ, что хотя у многихъ первобытныхъ группъ личный антагонизмъ часто причиняетъ ссоры, однако, эти группы все же удерживаются, такъ какъ ихъ члены пріобрѣтаютъ въ итогѣ болѣе выгодъ—главнымъ образомъ, по причинѣ большей безопасности. Ясно также, что по мѣрѣ того, какъ общины все болѣе развиваются, раздѣленіе труда усложняется, а дѣловыя отношенія умножаются,—выгоды сотрудничества становятся доступными лишь при посредствѣ еще лучшаго соблюденія тѣхъ предѣловъ, которые навязываются для дѣятельности каждаго человѣка совмѣстными дѣятельностями другихъ людей. Эта истина поясняется несчастіемъ или упадкомъ такихъ общинъ, гдѣ обиды, наносимыя другъ другу членами общины, таковы, что, вообще говоря, разнымъ образомъ препятствуютъ имъ пользоваться нормальными плодами своихъ трудовъ.

Требованіе, чтобы индивидуальныя дѣятельности взаимно сдерживались, какъ мы видѣли, чувствуется такъ сильно нѣкоторыми низшими стадными животными, что они наказываютъ особей, не сдерживающихъ себя должнымъ образомъ. Но это требованіе болѣе повелительно у людей и чувствуется ими болѣе явственно, причиняя болѣе рѣзко выраженную привычку наказывать обидчиковъ. Въ первобытныхъ группахъ обыкновенно каждому обиженному предоставляется мстить за себя обидчику, и даже въ обществахъ феодальной Европы защита и поддержка своихъ требованій во многихъ случаяхъ признавались личнымъ дѣломъ каждаго; однако, всегда наблюдалось стремленіе къ сознанію потребности во внутреннемъ порядкѣ, и это сознаніе сопровождалось такимъ чувствомъ, что и наказаніе обидчика цѣлою общиною или поставленными ею исполнителями постепенно вошло въ обычай. Законодательство, влекущее за собою ограниченіе поведенія, а также содержащее наказанія за нарушеніе этихъ правилъ, является естественнымъ продуктомъ человѣческой жизни, протекающей въ общественныхъ условіяхъ. Это доказывается тѣмъ фактомъ, что у многихъ націй, образовавшихся различными типами

человѣчества, одни и тѣ же поступки, одинаково считаемыя правонарушеніями, сходнымъ образомъ подвергались запрещенію.

Во всѣхъ этихъ фактахъ обнаруживается истина, признаваемая на практикѣ, если не въ теоріи. Каждая личность, при выполненіи дѣйствій, поддерживающихъ ея жизнь, и не встрѣчая помѣхи при достиженіи нормальныхъ, хорошихъ или дурныхъ послѣдствій своихъ поступковъ, не будетъ дѣйствовать при такихъ ограниченіяхъ, которыя налагаются на нее выполненіемъ подобныхъ же дѣйствій другихъ особей; эти послѣднія, въ свою очередь, должны пользоваться такими же нормальными, хорошими или дурными, послѣдствіями. Въ смутномъ, если не въ опредѣленномъ видѣ, это, какъ мы видѣли, составляетъ то, что называется справедливостью.

15. Мы видѣли, что у низшихъ стадныхъ животныхъ справедливость, въ ея всеобщей простой формѣ, кромѣ ограниченія, испытываемаго родителями въ силу самообузданія, а до нѣкоторой степени и самообузданія, вынужденнаго сообществомъ, въ немногихъ, случаяхъ ограничивается еще далѣе, хотя и въ малой степени, частнымъ или полнымъ самопожертвованіемъ, когда особи жертвуютъ собою ради защиты вида. Теперь же, для павысшаго изъ живущихъ обществами существъ, мы видимъ, что это дальнѣйшее ограниченіе первобытной справедливости принимаетъ широкіе размѣры. У низшихъ животныхъ это дальнѣйшее самоподчиненіе вызывается единственно потребностью въ защитѣ противъ враговъ другихъ видовъ; но у людей оно зависитъ также отъ необходимости защищаться противъ враговъ своего же вида. Разсѣявшись всюду, гдѣ только есть пища, группы людей всюду стали становиться другъ другу поперекъ дороги; и отсюда явилась взаимная вражда, и жертвы, вызываемыя войнами между различными группами, стали значительно превышать тѣ, которыя вызываются защитой этихъ группъ противъ низшихъ животныхъ. Безъ сомнѣнія, для всего человѣчества, и для низшихъ расъ, справедливо, что уничтоженіе группы или же разновидности не влечетъ за собою гибели всего вида; отсюда слѣдуетъ, что обязательство, существующее въ дѣлѣ самоподчиненія, въ интересахъ данной группы или разновидности, есть обязательство низшаго порядка по сравненію съ заботою о потомствѣ.

Дѣйствительно, невыполненіе этой послѣдней обязанности повлекло бы за собою гибель вида. Упомянутое выше обязательство также низшаго порядка по сравненію съ тѣмъ, которое требуетъ обузданія нашихъ поступковъ въ предѣлахъ, вынуждаемыхъ общественными условіями, такъ какъ полное или частное невыполненіе этихъ условій приведетъ къ разложенію группы. Все же необходимо разсматривать и упомяну-

тое обязательство, относящееся къ цѣлости группы, какъ дѣйствующее въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ поддержка существованія вида встрѣчаетъ подмогу со стороны каждой изъ составляющихъ его группъ. Но такимъ образомъ оправдываемое, въ смыслѣ обязательнаго правила, самоподчиненіе ограничивается требованіями, относящимися къ оборонительной войнѣ. Сохраненіе группы, какъ цѣлаго, влечетъ за собою сохраненіе жизни ея членовъ и возможности преслѣдованія жизненныхъ цѣлей; и лишь въ силу этого есть основаніе для жертвованія нѣкоторыми изъ членовъ группы. Основаніе это, однако, отпадаетъ, когда война имѣетъ не оборонительный, а наступательный характеръ.

Можно, однако, возразить, что наступательныя войны приводятъ къ такой борьбѣ между группами, которая оканчивается гибелью слабаго, и что поэтому такого рода войны, населяя земной шаръ сильнѣйшими, содѣйствуютъ интересамъ человѣческаго рода. Но если даже допустить, что побѣжденные группы всегда состояли изъ людей, обладавшихъ меньшею душевною или тѣлесною годностью для войны (а это не вѣрно, такъ какъ война отчасти рѣшается численностью, и меньшая группа можетъ состоять изъ болѣе способныхъ воиновъ), то все же можно дать подходящій отвѣтъ. Лишь въ теченіе болѣе раннихъ стадій человѣческаго прогресса развитіе силы, смѣлости и хитрости имѣетъ главное значеніе. Послѣ образованія крупныхъ обществъ и послѣ того, какъ явилось подчиненіе, необходимое для ихъ организаци, главная роль стала принадлежать другимъ, высшимъ способностямъ; а борьба за существованіе, основанная на насиліи, не всегда содѣйствуетъ переживанію наиболѣе приспособленныхъ. Стоитъ привести такой фактъ, какъ, напр., что простая случайность могла бы привести къ покоренію Греціи Персіей, или же тотъ фактъ, что татарскія орды чуть не одолѣли европейскую цивилизацію. Все это показываетъ, что когда рѣчь идетъ о наступательной войнѣ, то лишь въ одномъ случаѣ можно сказать съ увѣренностью, что она служитъ интересамъ человѣческаго рода, а именно, когда способность къ высшей общественной жизни еще отсутствуетъ, по мѣрѣ развитія этой способности, наступательная война все болѣе и болѣе стремится стать скорѣе помѣхой, чѣмъ содѣйствіемъ человѣческому благополучію. Вкратцѣ можно сказать, что какъ только достигнута ступень, когда начинаютъ поддерживаться нравственныя соображенія, то этимъ въ то же время достигнута стадія, когда наступательная война болѣе не можетъ быть оправдываема, такъ какъ нимало не достовѣрно, чтобы она содѣйствовала преобладанію племенъ, пригодныхъ для высшей общественной жизни, и навѣрное она причиняетъ вредныя нравственныя воздѣйствія

какъ на побѣдителей, такъ и на побѣжденныхъ; и только оборонительная война все еще можетъ быть оправдываема основаніями, имѣющими лишь сходство съ нравственными (quasi-ethical).

Здѣсь именно слѣдуетъ замѣтить, что самое подчиненіе, подразумѣваемое оборонительною войною, и необходимость въ вытекающемъ отсюда ограниченіи отвлеченнаго начала справедливости, принадлежать къ тому переходному состоянію, которое вынуждено столкновеніями между народами при помощи физической силы. Ограниченіе это должно исчезнуть по достиженіи мирнаго состоянія. Стало быть, всѣ вопросы, касающіеся предѣловъ подобныхъ ограниченіи, относятся къ тому, что мы различаемъ подъ именемъ относительной этики; но они не признаются абсолютною этикою, къ которой относятся основныя начала правильнаго поведенія въ обществѣ, составленномъ изъ людей, вполне приспособленныхъ къ общественной жизни. Это различіе я здѣсь подчеркиваю, такъ какъ въ слѣдующихъ главахъ мы убѣдимся, что признаніе его поможетъ намъ распутать сложныя задачи политической этики.

ГЛАВА IV.

Чувство справедливости.

16. Принятіе ученія объ органическомъ развитіи влечетъ за собою извѣстныя этическія понятія. Ученіе это подразумѣваетъ, что многочисленныя органы каждаго изъ безчисленныхъ видовъ животныхъ были прямо или же косвенно приспособлены къ жизненнымъ требованіямъ посредствомъ постоянной встрѣчи съ этими требованіями. Въ то же самое время, при посредствѣ видоизмѣненій въ нервной системѣ, произошло развитіе ощущеній, инстинктовъ, эмоцій (душевныхъ волненій) и умственныхъ способностей, необходимыхъ для надлежащаго употребленія органовъ. Это мы видимъ у запертыхъ въ клетку грызуновъ, упражняющихъ свои челюстные мускулы и рѣзцы безцѣльнымъ грызеніемъ, у стадныхъ животныхъ, несчастныхъ въ томъ случаѣ, когда они не могутъ быть въ сообществѣ съ себѣ подобными, у бобровъ, которые въ неволѣ обнаруживаютъ свою страсть къ сооруженію плотинъ собираніемъ въ кучи всевозможныхъ палочекъ и камней, какіе только могутъ достать. Окончился-ли этотъ процессъ душевнаго приспособленія вмѣстѣ съ первобытнымъ человѣкомъ? Развѣ человѣческія существа неспособны прогрессивно приноровлять своихъ чувствованій и идей къ способамъ жизни, возлагаемымъ на нихъ общественнымъ состояніемъ въ которомъ они выросли?

Допустимъ-ли мы, что природа, сдѣлавшая людей годными для требованій, предъявляемыхъ жизнью дикаря, оставалась неизмѣнною и останется такою же въ силу требованій цивилизованной жизни? Или же мы должны допустить, что эта первобытная природа, путемъ уничтоженія нѣкоторыхъ чертъ и воспитанія другихъ, стала все болѣе и болѣе приближаться къ природѣ, находящей для себя надлежащую среду въ развитомъ обществѣ и признающей для себя нормальными требуемая здѣсь роды дѣятельностей? Есть много лицъ, допускающихъ эволюціонное ученіе, — однако, повидимому, не имѣющихъ никакой вѣры въ непрерывную приспособляемость чело-вѣчества. Небрежно относясь къ свидѣтельствамъ, доставляемымъ сравненіемъ между различными чело-вѣческими расами и между разными эпохами въ жизни однѣхъ и тѣхъ же расъ, эти лица совершенно пренебрегаютъ индукціей, доставляемой явленіями жизни въ широкомъ смыслѣ слова. Но если бываетъ злоупотребленіе дедуктивнымъ методомъ, то бываетъ и злоупотребленіе индукціей. Пусть кто-либо откажется повѣрить, что молодой мѣсяцъ станетъ въ теченіе двухъ недѣль полною луною, а затѣмъ начнетъ убывать, и, пренебрегая наблюденіями, накопленными въ прошедшія времена, станетъ требовать наблюденія послѣдующихъ фазъ — и только тогда убѣдится. Такого чело-вѣка назвали бы индуктивнымъ до нелѣпой степени. Однако, не безъ основанія къ числу такихъ людей можно причислить и того, кто, пренебрегая индуктивнымъ доказательствомъ неограниченной приспособляемости, тѣлесной и душевной, представляемой всѣмъ животнымъ царствомъ, не допуститъ для чело-вѣческой природы приспособляемости къ общественной жизни, не убѣдившись прямо въ томъ, что приспособленіе уже наступило; или болѣе того, — станетъ даже игнорировать очевидный фактъ происходящаго приспособленія. Здѣсь мы примемъ, какъ неизбѣжный выводъ изъ ученія объ органической эволюціи, что наивысшій типъ живого существа, не менѣе всѣхъ низшихъ типовъ, долженъ приспособиться къ требованіямъ, возлагаемымъ на него обстоятельствами, а отсюда мы выведемъ по смыслу, что и нравственныя перемѣны принадлежатъ къ числу измѣненій, вырабатываемыхъ этимъ путемъ.

17. Извѣстенъ фактъ, что если объяденіе любимой пищей причинило болѣзнь, то можетъ явиться отвращеніе. Фактъ этотъ показываетъ, какимъ образомъ, въ области ощущеній, опытъ устанавливаетъ сочетанія (ассоціаціи), вліяющія на поведеніе. Извѣстно также, что домъ, гдѣ умерла жена или ребенокъ, или гдѣ мы перенесли продолжительную болѣзнь, въ такой степени сочетается съ болѣзненными душевными состояніями, что мы его избѣгаемъ; это достаточно показываетъ, каковъ, въ области душевныхъ волненій, способъ, могущій

опредѣлить наши поступки при посредствѣ связей между душевными состояніями, создавшихся въ теченіе нашей жизни. Когда условія жизни даннаго зоологическаго вида дѣлають извѣстныя отношенія между поведеніемъ и его послѣдствіями привычными, то надлежащимъ образомъ связанныя между собою чувствованія могутъ стать характерными признаками этого вида. Наслѣдственность видоизмѣненій, причиненныхъ привычкою, или же переживаніе большаго числа такихъ особей, у которыхъ нервныя строенія видоизмѣнялись надлежащимъ образомъ, постепенно создаютъ руководящія стремленія, подстрекающія къ надлежащему поведенію и отбивающія охоту отъ ненадлежащаго. Контрастъ между безстрашными птицами на островахъ, никогда раньше не посѣщенныхъ человекомъ—и птицами, окружающими насъ и обнаруживающими страхъ къ человеку немедленно по выходѣ изъ гнѣзда, служитъ примѣромъ такихъ приспособленій.

При посредствѣ этого процесса, у низшихъ существъ развились до нѣкоторой степени, а у человека въ значительно большей мѣрѣ, чувства, приспособленныя къ общественной жизни. Насильственныя дѣйствія, обыкновенно вредныя для группы, въ которой они случаются, часто вредны и для совершающихъ ихъ особей; поэтому, хотя ими достигаются извѣстныя наслажденія, однако, они часто влекутъ за собою перевѣсъ страданій надъ удовольствіями. Наоборотъ, поведеніе, сдерживаемое въ требуемыхъ предѣлахъ, не вызывающее никакихъ враждебныхъ страстей, благопріятствуетъ гармоническому сотрудничеству, приноситъ пользу группѣ, а въ силу этого оказывается, въ среднемъ, полезнымъ и для особей. Отсюда, при прочихъ равныхъ условіяхъ, для группъ, составленныхъ изъ членовъ, обладающихъ такимъ природнымъ приспособленіемъ, является стремленіе къ переживанію и распространенію.

Въ числѣ развившихся такимъ образомъ общественныхъ чувствъ, однимъ, представляющимъ особое значеніе, является чувство справедливости. Присмотримся теперь ближе къ его природѣ.

18. Зажмите ноздри животнаго, и оно начнетъ дѣлать безумныя усилія съ цѣлью освободить голову. Свяжите ему члены, и оно станетъ сильно барахтаться съ цѣлью освободиться. Привяжите его за шею или за ногу, и пройдетъ нѣсколько времени, прежде чѣмъ оно перестанетъ дѣлать попытки убѣжать. Положите его въ клетку, и оно долго будетъ метаться. Обобщая эти примѣры, мы видимъ, что чѣмъ чрезмернѣе помѣхи дѣятельностямъ, поддерживающимъ жизнь, тѣмъ сильнѣе сопротивленіе. Обратное, поспѣшность, съ которою птица пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы улетѣть, и

радость собаки, когда ее выпустят на волю, показывает, какъ сильна любовь къ нестѣсненному движенію.

Обнаруживая подобныя чувствованія подобными же способами, человѣкъ выказываетъ ихъ иначе и шире. Его раздражаютъ невидимыя помѣхи точно такъ же, какъ и видимыя; и по мѣрѣ повышенія его развитія, онъ подвергается вліянію обстоятельствъ и дѣятельностей, болѣе отдаленнымъ образомъ содѣйствующихъ преслѣдованію его цѣлей или имъ препятствующихъ. Слѣдующее сравненіе пояснить эту истину. Первоначально любовь къ собственности удовлетворяется единственно обладаніемъ пищею и кровомъ, а вскорѣ и одеждою; но впоследствии оно удовлетворяется обладаніемъ оружіемъ и орудіями, содѣйствующими добыванію пищи и одежды, затѣмъ,—обладаніемъ сырыми матеріалами, служащими для выдѣлки оружія и орудій и для иныхъ цѣлей, позднѣе—обладаніемъ монетою, за которую можно покупать эти матеріалы, да и вообще всѣ вещи, еще позднѣе—обладаніемъ обѣщаніями уплаты, годными къ обмѣну на монеты, наконецъ,—чеками на банкира, записанными въ чековой книжкѣ. Однимъ словомъ, является удовольствіе отъ обладанія собственностью, все болѣе и болѣе абстрактнаго и болѣе отдаленнаго отъ матеріальнаго удоетворенія. То же можно сказать и о чувствѣ. Оно начинается съ испытыванія радости, при возможности пользоваться своими тѣлесными способностями и получать соотвѣтственныя выгоды и съ раздраженія при прямыхъ помѣхахъ; постепенно оно соотвѣтствуетъ все болѣе и болѣе широкимъ отношеніямъ, возбуждаясь то личной зависимостью, то политическимъ подчиненіемъ, то классовыми привилегіями, то, наконецъ, ничтожными политическими перемѣнами. Наконецъ, это чувство, порою такъ мало развитое у негра, что онъ насмѣхается надъ освобожденнымъ товарищемъ, потому что тотъ не имѣетъ господина, могущаго о немъ позаботиться,—такъ сильно развивается у англичанина, что малѣйшее нарушеніе какой бы то ни было формальной процедуры въ публичномъ митингѣ или же въ парламентѣ, не касающееся его самого существеннымъ образомъ, встрѣчаетъ сильную оппозицію, такъ какъ можетъ нѣкоторымъ отдаленнымъ или косвеннымъ образомъ содѣйствовать тому, что явится возможность возложить на него неожиданныя тягости или ограниченія.

Ясно поэтому, что эгоистическое чувство справедливости представляетъ субъективный атрибутъ, соотвѣтствующій объективному требованію справедливости, а именно, чтобы каждый взрослый человѣкъ несъ послѣдствія своей собственной природы и вытекающихъ изъ нея дѣйствій.

Дѣйствительно, пока способности всякаго рода не нахо-

дать полного простора, такіа слѣдствія не могутъ быть достигнуты ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ смыслѣ, и пока не существуетъ чувства, побуждающаго къ отстаиванію этого простора, онъ будетъ суживаемъ, и свобода дѣятельности будетъ встрѣчать помѣхи.

19. Мы можемъ такимъ образомъ понять способъ развитія эгоистическаго чувства справедливости; но гораздо труднѣе понять, какимъ образомъ развилось альтруистическое чувство справедливости. Съ одной стороны, подразумѣвается, что это альтруистическое чувство можетъ возникнуть только въ теченіе приспособленія къ соціальной жизни. Съ другой стороны, подразумѣвается, что соціальная жизнь стала возможною только посредствомъ поддержки тѣхъ справедливыхъ отношеній, которыя основаны на альтруистическомъ чувствѣ справедливости. Какимъ образомъ могутъ быть выполнены эти взаимныя требованія? Отвѣтъ будетъ тотъ, что альтруистическое чувство справедливости можетъ возникнуть только при содѣйствіи чувства, временно его замѣщающаго и ограничивающаго поступки, вызываемые чистымъ эгоизмомъ. Это чувство справедливости мы можемъ назвать „доальтруистическимъ“. Оно слагается изъ различныхъ элементовъ, которые слѣдуетъ рассмотреть поочередно.

Первымъ мотивомъ, отбивающимъ охоту отънасилія, является встрѣчаемая вообще у животныхъ боязнь возмездія. Изъ числа существъ того же вида одно получаетъ пищу или овладѣваетъ болѣе выгоднымъ мѣстомъ; обладаніе здѣсь до нѣкоторой степени обезпечено страхомъ, испытываемымъ большинствомъ другихъ особей, боящихся мести, могущей послѣдовать за любой попыткой къ отнятію, а у людей, особенно въ теченіе болѣе раннихъ стадій общественной жизни, главнымъ образомъ именно такой страхъ обезпечиваетъ каждому человѣку просторъ его дѣятельности и исключительное пользованіе всѣмъ тѣмъ, что приноситъ ему эта дѣятельность. Дальнѣйшей задержкой является боязнь неодобренія, которое можетъ быть выказано незаинтересованными въ дѣлѣ членами группы. При изгнаніи „бродяги“ слона изъ стада или убіеніи преступнаго члена стаи воронами или аистами, мы видимъ, что даже у животныхъ особи страдаютъ отъ враждебнаго имъ общественнаго мнѣнія. Однако, едва-ли вѣроятно, чтобы у животныхъ ожиданіе всеобщаго неодобренія предупреждало нарушенія. Но у людей, „оглядывающихся назадъ и заглядывающихъ впередъ“ въ большей степени, мысль объ общественномъ неодобреніи обыкновенно является добавочной помѣхой для дурнаго поведенія одного человѣка относительно другого.

Къ этимъ чувствованіямъ, играющимъ роль прежде появленія любой общественной организаціи, слѣдуетъ добавить

тѣ, которыя возникаютъ по установленій политической власти. Когда вождь, имѣвшій удачу на войнѣ, приобретаетъ постоянную власть и дорожить ея сохраненіемъ, у него возникаетъ желаніе предупредить взаимныя насилія между подвластными, такъ какъ возникающіе отсюда раздоры ослабляютъ его племя. Право личной мести и, какъ, напр., въ феодальныя времена, право частной войны ограничивается, а въ то же время являются запрещенія дѣйствій, причиняющихъ столкновенія. Добавочной задержкой является страхъ передъ карами, постигающими за нарушеніе этихъ запрещеній.

По мѣрѣ развитія общества, вообще говоря, и культъ предковъ развивается въ особое поглоненіе духу умершаго вождя, а затѣмъ и въ поклоненіе духу умершаго монарха. Это увеличиваетъ святость его прижизненныхъ повелѣній; и когда, съ установленіемъ культа, онъ становится богомъ, то его повѣленія становятся божественными, и за нарушеніе ихъ угрожаютъ страшныя кары. Эти четыре рода страха кооперируются между собою. Боязнь мщенія, опасеніе общественнаго неодобренія, страхъ передъ законной карой и передъ небеснымъ возмездіемъ, соединяясь въ разныхъ пропорціяхъ, образуютъ сложное чувство, задерживающее первичное стремленіе къ такому преслѣдованію желанныхъ цѣлей, которое не принимаетъ во вниманіе интересовъ ближнихъ. Не содержа ничего изъ альтруистическаго чувства справедливости, въ строгомъ смыслѣ этого слова, указанное здѣсь до-альтруистическое чувство служитъ временно для внушенія уваженія къ взаимнымъ требованіямъ и для того, чтобы сдѣлать возможнымъ сотрудничество.

20. Существа, ставшія стадными, стремятся симпатизировать другъ другу въ степени, пропорціональной своимъ умственнымъ способностямъ. Здѣсь не утверждается, чтобы это стремленіе къ симпатіи было—исключительно, или даже, главнымъ образомъ,—того рода, какой обыкновенно подразумѣвается подъ этимъ словомъ; у нѣкоторыхъ почти ничего нѣтъ, кромѣ симпатіи относительно страха, а у другихъ—относительно свирѣпости. Все, что здѣсь подразумѣвается, сводится къ тому, что у стадныхъ существъ чувство, обнаруживаемое однимъ, способно возбудить родственныя чувства у другихъ и можетъ сдѣлать это въ тѣмъ большей пропорціи, чѣмъ болѣе развитъ умъ другихъ для пониманія знаковъ, выражающихъ это чувство. Въ „Основаніяхъ психологіи“ (см. главы Общественность и Симпатія и Альтруистическія чувства) я пытался показать, какимъ образомъ, вообще, возникаетъ симпатія, и какъ затѣмъ является альтруистическая симпатія.

Итакъ, здѣсь подразумѣвается, что состояніе сообщества

поддерживалось у людей посредством до-альтруистического чувства справедливости, а это поддерживало условия, при которых может развиваться и альтруистическое чувство. Въ прочной общественной группѣ, поколѣніе за поколѣніемъ, встрѣчаются событія, одновременно вызывающія у членовъ группы проявленія сходныхъ душевныхъ волненій—радости по поводу побѣды или избѣжанія опасности, по поводу совмѣстной поимки добычи или открытія запасовъ дичи или иной природной пищи; точно также бывають общія сѣтованія по случаю пораженій, голодовокъ, немилосердія и т. д. Это крупнѣйшія удовольствія и страданія, чувствуемая всѣми сообща и обнаруживающіяся такимъ образомъ, что каждый видитъ въ другихъ признаки чувствованій, подобныхъ тѣмъ, которыя онъ самъ обнаруживалъ раньше и теперь; сюда надо прибавить менѣе значительныя удовольствія и страданія, ежедневно проистекающія отъ совмѣстнаго приема пищи, совмѣстныхъ забавъ, игръ и нерѣдкихъ несчастныхъ случаевъ, одновременно поражающихъ многихъ лицъ. Такимъ образомъ воспитывается та симпатія, которая дѣлаетъ возможнымъ альтруистическое чувство справедливости.

Но это чувство медленно принимаетъ высшую форму, частью потому, что его первичная слагаемая не получаетъ высокаго развитія прежде достиженія поздней стадіи прогресса, частью по той причинѣ, что оно сравнительно сложно, частью, наконецъ, потому, что оно подразумеваетъ усиліе воображенія, невозможное для низшихъ умственныхъ способностей. Разсмотримъ всѣ эти основанія.

Каждое альтруистическое чувствованіе заранѣе предполагаетъ испытываніе соотвѣтственнаго эгоистическаго чувствованія. До тѣхъ поръ, пока боль не была испытана, не можетъ быть симпатіи къ боли; человѣкъ, не обладающій музыкальнымъ слухомъ, не можетъ принять участія въ удовольствіи, доставляемомъ другимъ музыкой. Точно также альтруистическое чувство справедливости можетъ возникнуть лишь послѣ того, какъ возникло уже эгоистическое чувство справедливости. Поэтому, гдѣ это послѣднее не было развито въ сколько-нибудь значительной степени или же было подавлено несчастною общественною жизнью, тамъ и альтруистическое чувство справедливости остается зачаточнымъ.

Сложность этого чувства становится очевидною, если замѣтимъ, что оно касается не только конкретныхъ удовольствій и страданій, но, главнымъ образомъ, нѣкоторыхъ изъ обстоятельствъ, при которыхъ тѣ или другія достижимы или устранимы. Такъ какъ эгоистическое чувство справедливости удовлетворяется поддержкою условий, дѣлающихъ достиженіе желаній безпрепятственнымъ, и, наоборотъ, раздражается на-

рушеніемъ этихъ условій, то отсюда слѣдуетъ, что альтруистическое чувство справедливости требуетъ, для своего возбужденія, идей не только о такомъ удовлетвореніи, но и о тѣхъ условіяхъ, которыя въ одномъ случаѣ поддерживаются, а въ другомъ нарушаются.

Очевидно, поэтому, что, для возможности испытывать это чувство въ развитой его формѣ, способность мысленнаго воспроизведенія должна быть сравнительно велика. Если чувствованія, которымъ надо симпатизировать, представляютъ простыя удовольствія и страданія, то высшія стадныя животныя порою обнаруживаютъ ихъ; жалость и великодушіе порою испытывается ими, какъ и человѣкомъ. Но для того, чтобы понять одновременно не только чувствованія, произведенныя въ другомъ человѣкѣ, но также связь дѣйствій и отношеній, производящихъ эти чувствованія, требуется внесеніе въ составъ мысли бѣльшаго числа элементовъ, чѣмъ сколько можетъ быть одновременно охвачено низшимъ животнымъ. А когда мы приходимъ къ наиболѣе отвлеченнымъ формамъ чувства справедливости, касающимся общественныхъ порядковъ, то оказывается, что только высшія разновидности человѣка способны къ пониманію путей, посредствомъ которыхъ дурныя или хорошія законы или учрежденія случайно смогутъ коснуться сферы ихъ дѣятельности; поэтому лишь они будутъ, подъ вліяніемъ такого чувства, оказывать содѣйствіе или противодѣйствіе, и только у нихъ, при такихъ условіяхъ, возбуждается то симпатизирующее чувство справедливости, которое заставляетъ ихъ отстаивать политическіе интересы согражданъ.

Существуетъ, конечно, тѣсная связь между чувствомъ справедливости и социальнымъ типомъ. Господство милитаризма, влекущее за собою принудительную форму организаціи, какъ среди воиновъ, такъ и въ обществѣ, поддерживающемъ эту военную силу, не предоставляетъ никакого простора для эгоистическаго чувства справедливости, но, наоборотъ, постоянно попираетъ его; и въ то же время симпатіи, производящія альтруистическое чувство справедливости, постоянно ослабляются военною дѣятельностью. Обратное, по мѣрѣ того, какъ принудительный режимъ (*status*) замѣняется договорнымъ режимомъ, — другими словами, какъ только добровольное сотрудничество, характеризующее промышленный строй общества, становится болѣе общимъ, чѣмъ принудительная кооперация, характеризующая милитаризмъ, — тотчасъ мы видимъ, что индивидуальныя дѣятельности становятся менѣ стѣсненными и чувство наслажденія просторной дѣятельностью все болѣе поощряется. Въ то же время случаи подавленія симпатій становятся менѣ частыми. Поэтому въ теченіе во-

индивидуальных фаз общественной жизни чувство справедливости понижается; оно повышается в мирные времена и может достигнуть своего полного развития только при постоянно мирном состоянии ¹⁾.

ГЛАВА V.

Идея справедливости.

21. При описании чувства справедливости был подготовлен путь для описания идеи справедливости. Хотя чувство тесно связано с идеей, однако, их можно ясно различить. Пусть кто-либо уронил свой бумажник; обернувшись назад, он видит, что другой подобрал и не желает отдать: потерпевший негодует. Если лавочник пришлет ему на дом не тот товар, который куплен, он протестует против обмана. Если он на минуту оставил свое место в театре, а кто-либо его занял, он чувствует, что потерпел обиду. Если утром его будит шум в курятнике соседа, он жалуется на беспокойство. Он симпатизирует гневу приятеля, который, под влиянием ложных утверждений, впутался в несчастное предприятие или же проиграл тяжбу по причине промаха в ведении дела. Но хотя в этих случаях его чувство справедливости оскорблено, он может быть не в состоянии различить существенные черты, причиняющие, в каждом данном случае, обиду. Он может в полной мере обладать чувством справедливости, в то время как его идея справедливости останется смутною.

Это отношение между чувством и идеей есть дело времени. Способы взаимного нарушения прав становятся многочисленнее и запутаннее, по мере усложнения общества; они должны быть испытаны в их разных видах, поколенье за поколенье, прежде чем анализ будет в состоянии выяснить существенное различие между законными и незаконными действиями. Эта идея возникает и становится определенной по мере опытов, показывающих, что действие может быть доведено до известного предела, не вызывая озлобления со стороны других людей, но если оно перейдет этот пре-

¹⁾ Постоянный мир существует в редких местах; но где он существует, там чувство справедливости необыкновенно сильно и впечатлительно. Я рад новому поводу для того, чтобы указать, что среди так наз. нецивилизованных людей есть некоторые, отличающиеся полным отсутствием виновной деятельности и в то же время могущие своими характеристиками пристыдить народы, называемые цивилизованными. В моем сочинении „Политическая учреждения“ §§ 437 и 574 я привел восемь примеров этой связи между фактами, заимствованными из описания племен разных типов.

дѣль, то вызоветъ озлобленіе. Такіе опыты накопиются, и постепенно, вмѣстѣ съ отвращеніемъ отъ поступковъ, причиняющихъ страданія вслѣдствіе реакціи, возникаетъ также понятіе о предѣлѣ для каждаго рода дѣятельности, до котораго распространяется свобода дѣйствія. Но такъ какъ роды дѣятельности многочисленны и становятся, съ развитіемъ общественной жизни, все болѣе разнообразными, то проходитъ много времени, прежде чѣмъ можетъ быть понята общая природа предѣла, относящаяся ко всѣмъ случаямъ ¹⁾).

Слѣдуетъ указать дальнѣйшее основаніе для медленности этого развитія. Идеи, какъ и чувства, въ среднемъ, должны быть приспособлены къ общественному состоянію. Поэтому, такъ какъ война была частою или обычною почти во всѣхъ обществахъ, то тѣ идеи справедливости, которыя существовали, постоянно становились смутными по причинѣ противодействующихъ другъ другу требованій дружбы внутри общества и вражды съ внѣшними врагами.

22. Было уже выяснено, что идея справедливости, по крайней мѣрѣ та, которая свойственна человѣку, содержитъ два элемента. Съ одной стороны, есть положительный элементъ, подразумеваемый въ признаніи каждымъ человѣкомъ своихъ притязаній на безпрепятственную дѣятельность и на приносимыя ею благодѣянія. Съ другой стороны—отрицательный элементъ, подразумеваемый сознаніемъ предѣловъ, навязываемыхъ существованіемъ другихъ людей, имѣющихъ подобныя же притязанія. Двѣ противоположныя черты въ этихъ двухъ составныхъ частяхъ особенно обращаютъ на себя вниманіе. Неравенство есть первоначально внушаемая идея. Дѣйствительно, если слѣдовать принципу, что на долю каждаго должны выпасть благодѣянія и бѣдствія, зависящія отъ его собственной природы и вытекающаго отсюда поведенія, то различіе между способностями людей должно привести къ различію въ слѣдствіяхъ ихъ поведенія. Неравныя количества выгодъ подразумеваются этой идеей.

¹⁾ Происхожденіе идеи простыхъ предѣловъ для простыхъ дѣятельностей обнаруживается у смысленныхъ животныхъ и служитъ для освѣщенія процесса, въ случаѣ болѣе сложныхъ дѣйствій и менѣе ясныхъ предѣловъ. Укажу на собакъ въ Константинополѣ, у которыхъ, если не между особами, то между группами, существуетъ молчаливое заявленіе притязаній и кары за нарушеніе ихъ. Этотъ общезвѣстный фактъ недавно былъ поразительнымъ образомъ подтвержденъ въ сочиненіи майора Джонсона (E. C. Johnson, On the Track of the Crescent). Онъ пишетъ (стр. 58—59): „Однажды вечеромъ я гулялъ (въ Константинополѣ) съ однимъ англійскимъ жандармскимъ офицеромъ, какъ вдругъ подбѣжала собака-самба и лизнула его руку... Она слѣдовала за нами немного, но вдругъ остановилась среди улицы. Она махала хвостомъ и тоскливо глядѣла намъ вслѣдъ, но не двигалась съ мѣста, хотя мы звали ее. Нѣсколько дней спустя... та же собака узнала меня... и слѣдовала за мною до границы своей области“.

Взаимныя ограниченія человеческихъ дѣйствій внушаютъ противоположную идею. Если каждый преслѣдуетъ свои цѣли, пренебрегая притязаніями сосѣда, то возникаютъ ссоры; отсюда является сознаніе необходимаго установленія границъ для дѣяній каждаго лица, съ цѣлью избѣжанія ссоръ. Опытъ показываетъ, что границы эти въ среднемъ однѣ и тѣ же для всѣхъ, и вытекающая отсюда мысль о взаимно ограниченныхъ сферахъ дѣятельности приводитъ къ понятію о равенствѣ.

Неравномѣрная оцѣнка этихъ двухъ факторовъ человеческой справедливости приводитъ къ разнорѣчивымъ нравственнымъ и общественнымъ ученіямъ, на которыя мы должны теперь бросить взглядъ.

23. У нѣкоторыхъ изъ грубѣйшихъ дикарей оцѣнка этого рода не выше, чѣмъ у низшихъ стадныхъ животныхъ. Здѣсь сильный беретъ, что хочетъ, у слабѣйшаго, не вызывая общаго порицанія, какъ, напр., у догрибовъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ существуетъ на дѣлѣ и молчаливо одобряется нѣчто вродѣ коммунизма, какъ, напр., у огнеземельцевъ. Но тамъ, гдѣ обычная война развила политическую организацію, идея неравенства становится преобладающею. Если не среди побѣжденныхъ, обращаемыхъ въ рабство, то среди побѣдителей, естественно признающихъ *должнымъ* то, что ведетъ къ осуществленію ихъ интереса, находятъ пищу элементъ въ понятіи справедливости, подразумевающей, что превосходство должно приводить къ преимуществамъ. Хотя діалоги Платона не могутъ быть признаны мѣриломъ убѣжденій греческаго міра, все же изъ нихъ мы можемъ извлечь, какія именно убѣжденіе были распространеными. Главконъ, приводя ходячее мнѣніе, говоритъ:

„Таково, по ихъ утвержденію, происхожденіе и природа справедливости: есть середина или примиреніе между тѣмъ, что всего лучше для каждаго,—а именно, чтобы наносить несправедливость не претерпѣвая ея, и между тѣмъ, что для каждаго составляетъ наибольшее бѣдствіе,—т. е. страдать, безъ возможности возмездія; справедливость же, занимая середину между тѣмъ и другимъ, допускается не какъ добро, а какъ наименьшее зло“. И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ сказано, что люди „направляются на путь справедливости только силою закона“.

Въ этой замѣчательной цитатѣ необходимо отмѣтить нѣсколько вещей. Прежде всего здѣсь мы находимъ признаніе факта, указаннаго выше, а именно, что на ранней ступени развитія выполненіе справедливости начинается со страха передъ возмездіемъ и съ внушаемаго опытомъ убѣжденія, что въ общемъ желательно избѣжать насилія и уважать границы, требуемая компромисомъ. Здѣсь нѣтъ мысли о внутренней

гнуности насилія, но идетъ рѣчь лишь о неблагоразуміи. Далѣе, предѣлы для дѣяній каждаго человѣка, описанные, какъ „середина или примиреніе“ и уваженіе къ тому, что названо „путемъ справедливости“—все это установлено лишь „силою закона“. Законъ не рассматривается какъ выраженіе справедливости, познаваемой инымъ образомъ, но какъ самый источникъ справедливости; а поэтому смыслъ приведенной цитаты тотъ, что справедливо повиноваться закону. Наконецъ, здѣсь подразумѣвается, что, не будь возмездія и законныхъ баръ, сильнѣйшій могъ бы съ полнымъ основаніемъ насилловать слабѣйшаго. Здѣсь мы видимъ до половины выраженное убѣжденіе, что превосходство должно пользоваться всѣми преимуществами, какими оно можетъ овладѣть. Идея неравенства занимаетъ выдающееся мѣсто, тогда какъ идея равенства не проявляется опредѣленнымъ образомъ.

Каково было мнѣніе Платона, или скорѣе Сократа, по этому предмету,—это не очень легко узнать. Греческія идеи по многимъ вопросамъ его не достигли стадіи опредѣленности, и на всемъ протяженіи діалоговъ мышленіе туманно. Справедливость, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поясняемая примѣрами честности, въ другихъ мѣстахъ признается равнозначущей съ добродѣтелью въ широкомъ смыслѣ слова; въ этихъ случаяхъ она рассматривается (цитирую по изложенію Джоуэтта) какъ „всеобщій порядокъ или благосостояніе, сначала въ государствѣ, а затѣмъ и для отдѣльнаго лица“. Это послѣднее, окончательное мнѣніе подразумѣваетъ установленное господство правящаго класса и подчиненіе остальныхъ. Справедливость состоитъ въ томъ, чтобы „каждый изъ трехъ классовъ совершалъ работу, приличную его классу“, плотникъ, башмачникъ и всякій другой долженъ дѣлать „свое собственное, а не чужое дѣло“ и всѣ должны повиноваться тому классу, дѣломъ котораго является управлять ¹⁾).

Такимъ образомъ, идея справедливости развивается изъ

¹⁾ На другой страницѣ находится типичный примѣръ сократовскаго разсужденія. Признается справедливымъ, чтобы люди „не брали чужого и не были лишены своего собственного“. Отсюда выводится, что справедливость состоитъ въ „обладаніи своимъ и въ дѣланіи своего собственного дѣла“; а далѣе слѣдуетъ выводъ, что несправедливо, чтобы одинъ человѣкъ бралъ на себя занятіе другого и „пробивался“ изъ одного класса въ другой. Итакъ здѣсь, только потому, что собственное имущество и собственное занятіе человѣка называются его собственнымъ удѣломъ, т. е. однимъ общимъ именемъ, — къ обоимъ примѣняется одинаковый выводъ. Здѣсь вмѣшиваются въ разсужденіе два заблужденія: первое, что человѣкъ будто бы можетъ быть „собственнымъ“ ремесль или профессіи, такимъ же образомъ, какъ и собственникомъ платья; второе, что такъ какъ человѣка нельзя лишить платья, стало бытъ нельзя лишить ремесла, а поэтому надо ограничить его занятія только этимъ дѣломъ. Діалоги Платона постоянно несутъ погрѣшностями этого рода, принимаемыми смѣшеніемъ словъ съ вещами: единство имени смѣшивается съ единствомъ природы.

идеи неравенства. Хотя здѣсь есть нѣкоторое признаніе равенства положеній и притязаній между членами одного и того же класса, однако, правила, относящіяся къ общности женъ и т. п. въ классѣ „стражей“, имѣютъ признанною цѣлью установить, даже въ этомъ классѣ, неравныя преимущества въ пользу высшихъ.

Что понятіе о справедливости имѣло этотъ общій характеръ у грековъ, доказывается далѣе фактомъ появленія его вновь у Аристотеля. Въ главѣ V своей Политики, Аристотель заключаетъ, что отношеніе между господиномъ и рабомъ въ одно и то же время и выгодно, и справедливо.

Но теперь замѣйте, что хотя въ греческомъ понятіи о справедливости преобладаетъ идея неравенства, тогда какъ идея равенства незамѣтна, неравенство относится не къ естественному достиженію большихъ выгодъ помощью большихъ заслугъ, но къ искусственному приноровленію наградъ къ заслугамъ. Рѣчь идетъ о неравенствѣ, главнымъ образомъ, установленномъ властью. Ступени въ гражданской организаціи того же характера, какъ и въ военной; въ обоихъ случаяхъ господствуетъ регламентація, и идея справедливости сообразуется съ характеромъ общественнаго строя.

И эта идея справедливости свойственна вообще воинственному типу, въ чемъ мы убѣждаемся для всей Европы въ послѣдующіе вѣка. Достаточно указать, что, на ряду съ различными, установленными закономъ, положеніями и привилегіями разныхъ сословій, существовали различныя постепенности въ суммахъ, которыя уплачивались въ видѣ пени за преступленія, сообразно съ рангомъ обиженнаго. До какой степени понятіе о справедливости опредѣлялось понятіемъ о справедливо-существующемъ неравенствѣ, показываютъ осужденія рабовъ, бѣжавшихъ въ города и, какъ говорили, „несправедливо“ ускользнувшихъ изъ подъ власти господъ.

Такимъ образомъ, какъ и слѣдовало ожидать, мы находимъ, что, пока борьба за существованіе между обществами продолжается дѣятельнымъ образомъ, признаніе первичнаго фактора справедливости, общаго всей жизни (человѣческой и до-человѣческой), весьма несовершеннымъ образомъ ограничивается признаніемъ вторичнаго фактора. То, что можно назвать скотскимъ элементомъ въ этомъ понятіи, лишь незначительно смягчается человѣческимъ элементомъ.

24. Всѣ движенія ритмичны и, между прочимъ, социальныя движенія, съ сопровождающими ихъ ученіями. Вслѣдъ за понятіемъ о справедливости, въ которомъ обазывается ненадлежащее преобладаніе идеи неравенства, мы видимъ понятіе, въ которомъ преобладаетъ ненадлежащимъ образомъ идея равенства. Недавній примѣръ такой реакціи доставляетъ

этическое учение Бентама. Какъ показываетъ слѣдующая выписка изъ книги Милля „Утилитаризмъ“ (стр. 91 англ. подлинника), идея неравенства здѣсь совершенно исчезаетъ.

„Принципъ наибольшаго счастья есть простой наборъ словъ безъ разумнаго значенія, если только счастье одной личности, по предположенію одинаковое по степени (съ надлежащею оговоркою относительно его рода), считается точно такимъ же, какъ и счастье другого лица. При выполнении этихъ условій, формула Бентама: *каждый считается за одного и никто болѣе, чѣмъ за одного* можетъ быть подписана подъ принципомъ полезности въ видѣ объяснительнаго комментарія“. Но хотя Бентамъ смѣется надъ мыслью избрать нашимъ руководителемъ справедливость, замѣчая, что счастье есть цѣль понятная всякому, а справедливость, — цѣль сравнительно непонятная, однако, онъ молчаливо допускаетъ, что его принципъ: „каждый считается за одного и никто болѣе, чѣмъ за одного“, во всякомъ случаѣ, справедливъ; иначе ему пришлось бы допустить, что этотъ принципъ несправедливъ, а мы не можемъ допустить, чтобы Бентамъ хотѣлъ этого. Поэтому его учение подразумеваетъ, что справедливость означаетъ равное надѣленіе благами, матеріальными и нематеріальными, добываемыми дѣятельностью людей. Здѣсь не признается, чтобы неравныя доли людей въ томъ, что относится къ счастью, были надлежащимъ послѣдствіемъ неравенства ихъ способностей или характеровъ.

Это теорія, которую коммунизмъ хотѣлъ выполнить на практикѣ. Отъ одного изъ знакомыхъ князя Крапоткина я знаю, что онъ порицаетъ англійскихъ социалистовъ за нежеланіе ихъ выработать правило равнаго надѣленія всѣхъ благами. Въ одномъ журналѣ, Лавелэ недавно подвелъ итогъ коммунистическому принципу, сказавъ, что въ силу этого ученія „индивидуумъ работаетъ на пользу государства, которому передаетъ продуктъ своего труда для равнаго распределенія между всѣми“. Въ коммунистической утопіи, описанной въ романѣ Беллами (Bellamy, Looking Backward) утверждается, что каждый „долженъ будетъ дѣлать одинаковое усиліе“, а если посредствомъ того же усилія, тѣлеснаго или душевнаго, одинъ производитъ вдвое болѣе другого, то не слѣдуетъ дать ему извлечь выгоду изъ разницы. Умственно или физически слабые должны пользоваться благами наравнѣ съ другими; при этомъ утверждается, что существующій режимъ есть система „ограбленія неспособныхъ, которыхъ лишаютъ ихъ полнаго права, оставляя ихъ безъ помощи“.

Принципъ неравенства такимъ образомъ здѣсь отрицается абсолютно. Признается несправедливымъ, чтобы превосходство природы должно было влечь за собою превосходство въ

слѣдствіяхъ или, во всякомъ случаѣ, въ матеріальныхъ результатахъ; и такъ какъ не дѣлается никакого различія ни по физическимъ, ни по умственнымъ, ни по нравственнымъ качествамъ, то не только подразумѣвается, что сильные и слабые должны получать одинаковыя доли, но что то же относится къ глупымъ и мудрымъ, достойнымъ и недостойнымъ, подлымъ и благороднымъ. Дѣйствительно, если, сообразно съ этимъ понятіемъ о справедливости, природныя физическія или умственныя недостатки не идутъ въ счетъ, это слѣдуетъ распространить и на моральныя дефекты, потому что всѣ они въ основѣ наследственны.

Здѣсь также мы видимъ намѣренное упраздненіе того основнаго различія между этикой семьи и этикой государства, которое было подчеркнута въ началѣ; упраздненіе, которое, какъ мы видимъ, должно привести къ упадку и гибели вида или разновидности, гдѣ оно случается.

25. Разсмотрѣвъ эти разнорѣчивыя понятія о справедливости, въ которыхъ идеи неравенства и равенства почти совсѣмъ или совершенно исключаютъ другъ друга, мы теперь подготовлены къ выработкѣ правильнаго понятія о справедливости.

Въ другихъ областяхъ мысли на мою долю выпало указать, что правильный взглядъ достигается посредствомъ соподчиненія (координаціи) противорѣчивыхъ ложныхъ взглядовъ.

Такъ, теорія, основывающаяся умъ на ассоціаціи, согласуется съ трансцендентальной теоріей воспріятія; если къ слѣдствіямъ личнаго опыта добавить наследственныя результаты опыта ряда предковъ, то оба взгляда сливаются въ одинъ. Точно также, если признать, что приспособленіе чувствованій къ потребностямъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, причиняетъ приспособленіе моральной природы, то этимъ достигается примиреніе между утилитарной теоріей нравственности и интуитивной теоріей. Здѣсь мы снова видимъ, что подобная же взаимная поправка является для той, болѣе спеціальной составной части этики, которая насъ теперь занимаетъ. Дѣйствительно, если принять, что каждое изъ этихъ противоположныхъ понятій о справедливости вѣрно лишь отчасти, и дополнить его другимъ, то отсюда явится то понятіе о справедливости, которое возникаетъ при созерцаніи законовъ жизни, протекающей въ общественномъ состояніи. Равенство касается взаимно-ограниченныхъ сферъ дѣятельности, которыя должны быть установлены, если находящіеся въ сообществѣ люди должны дружно сотрудничать. Неравенство касается результатовъ, которыхъ можетъ достичь каждый, продолжая свою дѣятельность въ установленныхъ предѣлахъ.

Никакого несоответствія не будетъ, если идея равенства будетъ примѣнена къ одной вещи, а именно къ предѣламъ, а идея неравенства, — къ другой, а именно къ достигаемымъ благамъ. Наоборотъ, оба утвержденія могутъ или должны стоять рядомъ.

Другія этическія предписанія здѣсь насъ не касаются. Существуютъ возлагаемыя на себя добровольно требованія и ограниченія частнаго поведенія (см. III часть моей „Этики“); есть также требованія и ограниченія, включенныя мною въ понятія отрицательной и положительной благотворительности, принимаемыя одновременно личностями на себя и, до известной степени, возлагаемыя на нихъ общественнымъ мнѣніемъ. Здѣсь идетъ рѣчь лишь о тѣхъ требованіяхъ и предѣлахъ, которые должны быть установлены, какъ условія гармоничнаго сотрудничества, и только они должны быть сдѣланы принудительными со стороны общества, какъ корпоративной силы.

26. Нечего ожидать, чтобы такая опредѣленная идея, какъ справедливость, была въ значительной мѣрѣ общепринятою. Это идея, свойственная конечному состоянію, и она лишь отчасти можетъ быть поддерживаема въ переходныхъ состояніяхъ, потому что господствующія идеи должны, въ среднемъ, согласоваться съ существующими учрежденіями и дѣятельностями.

Два существенно-различныхъ типа соціальной организаціи, военный и промышленный, изъ которыхъ одинъ основанъ на понятіи *status*, а другой на договорѣ, какъ мы видѣли, соответствуютъ различно приспособленнымъ къ нимъ чувствованіямъ и убѣжденіямъ; а смѣшанныя чувствованія и убѣжденія, свойственныя промежуточнымъ типамъ, постоянно должны измѣняться, сообразно съ взаимнымъ отношеніемъ того и другого типа. Какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ¹⁾, въ продолженіе 30 или скорѣе 40 лѣтънаго мирнаго времени, а стало быть во время ослабленія военной организаціи, идея справедливости стала болѣе ясною; принудительныя правила смягчились и каждому стало свободнѣе дышать. Но съ тѣхъ поръ новое развитіе милитаризма причинило обратныя перемѣны, и, на ряду съ номинальнымъ приращеніемъ свободы, дѣйствительная свобода уменьшилась отъ умноженія ограниченій и взысканій. Духъ регламентаціи, свойственный военному типу, распространился и на всѣ области гражданской администраціи. Армія рабочихъ, съ указанными ей уроками и назначенною долею продуктовъ, — цѣль, къ которой сознательно или бессознательно стремится социализмъ, — обнаруживаетъ въ

¹⁾ Основанія социологін. §§ 226—7. Политическія учрежденія § 573—4 и 559.

гражданской жизни тѣ же самые признаки, какъ и армія солдатъ съ предписанными обязанностями и опредѣленными раціонами. Каждый парламентскій актъ, отнимающій деньги у частнаго лица для общественныхъ цѣлей и дающій частному лицу общественныя блага, стремится къ уподобленію гражданскаго строя военному. Всего лучше это обнаруживается на примѣрѣ Германіи. Здѣсь милитаризмъ всего рѣзче выраженъ, и въ то время, какъ регламентація гражданской жизни наиболѣе выработана, также и социализмъ достигъ наивысшаго развитія; и отъ главы германской военной системы явилось предложеніе регламентировать положеніе рабочихъ классовъ во всей Европѣ.

Симпатія, которая въ прошломъ поколѣніи приняла форму справедливости, теперь принимаетъ видъ великодушія, а великодушіе примѣняется путемъ причиненія несправедливости. Текущее законодательство мало заботится о томъ, чтобы каждый получилъ принадлежащее ему, но весьма озабочено тѣмъ, чтобы каждый получилъ то, что принадлежит кому-нибудь другому. Въ то время какъ нимало не заботятся о такой реформѣ нашей судебной администраціи, чтобы каждый могъ получить все, что заработалъ, и пользоваться всѣмъ заработаннымъ, — величайшая энергія обнаруживается въ дѣлѣ снабженія всѣхъ и каждого тѣми благами, которыхъ они не заработали. Рядомъ съ злополучнымъ *laissez faire* (невмѣшательствомъ), которое спокойно присматривается къ разоренію людей, пытающихся законнымъ образомъ отстоять свои справедливыя притязанія, мы видимъ дѣятельность, стремящуюся снабдить ихъ, на счетъ другихъ людей, даровымъ чтеніемъ романовъ!

ГЛАВА VI.

Формула справедливости.

Мы прослѣдили развитіе справедливости въ ея простѣйшей формѣ, рассматриваемой объективно, какъ условіе сохраненія жизни. Мы видѣли, что справедливость характеризуется новыми факторами, когда жизнь становится стадною или общественною, особенно у человѣка. Соответственныя субъективныя послѣдствія — чувство и идея справедливости, какъ было показано, возникаютъ отъ привычки къ общественному состоянію. Теперь мы подготовлены къ опредѣленному выводу: намъ стоитъ только найти точное выраженіе для компромисса, описаннаго въ послѣдней главѣ.

Наша формула должна соединить положительный элементъ съ отрицательнымъ. Она должна быть положительною, насколько въ ней утверждается, относительно каждой личности, что ей слѣдуетъ предоставить возможность дѣйствовать, такъ какъ каждый долженъ испытать добро и зло, вытекающее изъ его дѣйствій. Формула должна быть отрицательною, насколько въ ней подразумѣвается, что каждому слѣдуетъ дозволить дѣйствовать не иначе, какъ при ограниченіяхъ, возлагаемыхъ на него присутствіемъ другихъ лицъ, имѣющихъ такія же притязанія на дѣятельность. Очевидно, положительный элементъ выражаетъ собою требованіе, составляющее условіе жизни вообще; отрицательный элементъ ограничиваетъ это требованіе такимъ способомъ, какой необходимъ въ томъ случаѣ, если вмѣсто отшельнической жизни мы видимъ много жизней, протекающихъ въ сообществѣ.

Поэтому рѣчь идетъ о точномъ опредѣленіи ограниченія, испытываемаго свободою каждого исключительно отъ подобнаго же рода свободы всѣхъ. Это можно выразить такъ:— каждый свободенъ дѣлать все, что хочетъ, предполагая, что онъ не нарушаетъ такой же свободы кого-бы-то ни было другого.

28. Необходимо предостеречь отъ возможнаго ошибочнаго пониманія этихъ словъ. Существуютъ насильственные дѣйствія, которыя, какъ слѣдуетъ думать, эта формула стремилась исключить, но повидимому не исключила. Можно сказать, что если А ударить Б, то пока Б не встрѣчаетъ помѣхи ударить, въ свою очередь, А, ни одинъ изъ двухъ не имѣетъ притязанія на болѣе значительную свободу дѣйствій; или если А совершилъ насиліе надъ собственностью Б, то требованія формулы не нарушены, пока Б, въ свою очередь, можетъ захватить собственность А. Такія истолкованія, однако, указываютъ на непониманіе существеннаго смысла формулы, и для раскрытія его достаточно оглянуться назадъ на ея происхожденіе.

Дѣйствительно, истина, которую здѣсь надо выразить, состоитъ въ слѣдующемъ. Каждый, выполняя тѣ дѣйствія, которыя составляютъ его жизнь въ данное время и приводятъ къ поддержкѣ его жизни на будущее время, не долженъ встрѣчать помѣхи далѣе той, которая зависитъ отъ выполненія подобныхъ же дѣйствій другими, для поддержанія ихъ жизни. Сюда не включается, однако, излишнее вмѣшательство въ чужую жизнь, основанное на томъ, что такое же

вмѣшательство съ обратной стороны можетъ явиться противовѣсомъ первому. Такое преобразование формулы потребуетъ болѣе значительныхъ вычетовъ изъ жизни всѣхъ и cadaго, чѣмъ сколько по необходимости требуется, въ силу общественнаго состоянія; а это очевидно является извращеніемъ смысла формулы.

Если мы вспомнимъ, что наибольшая сумма счастья, хотя и не является непосредственною цѣлью, составляетъ, тѣмъ не менѣе, отдаленную цѣль, то ясно увидимъ, что сфера, въ которой каждый можетъ добиваться счастья, имѣетъ предѣлъ; по ту сторону его находятся подобнымъ же образомъ ограниченныя сферы дѣятельности его сосѣдей, и каждый не имѣетъ права вторгаться въ сферу сосѣда, подѣ условіемъ взаимности. Вмѣсто того, чтобы оправдывать насиліе и обратное насиліе, формула эта имѣетъ цѣлью назначить предѣлъ, который не можетъ быть перейденъ ни съ той, ни съ другой стороны.

29. Здѣсь, по поводу этого ложнаго пониманія и приведенной поправки, поучительное поясненіе доставляется фактами соціального прогресса. Факты эти показываютъ, что, насколько дѣло касается справедливости, прогрессъ состоялъ въ переходѣ отъ неправильнаго истолкованія къ правильному. Въ раннихъ стадіяхъ мы видимъ обычное насиліе и обратное насиліе,—то между обществами, то между отдѣльными лицами,

Сосѣднія племена сражаются за границы территорій, нарушая ихъ то съ одной, то съ другой стороны; дальнѣйшія стычки причиняются требованіемъ, чтобы уронъ, нанесенный съ одной стороны, потерпѣлъ возмездіе посредствомъ такихъ же убійствъ. Въ подобныхъ актахъ мести и обратнаго возмездія обнаруживается смутное признаніе равенства притязаній. Отсюда является стремленіе къ признанію опредѣленныхъ границъ, какъ относительно территорій, такъ и относительно кровопролитія, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ поддерживается равновѣсіе между числомъ смертей съ каждой стороны.

На-ряду съ ростомъ этого понятія о междуплеменной справедливости, возрастаетъ также понятіе о справедливости между членами cadaго племени. Сначала страхъ возмездія внушаетъ уваженіе, въ той мѣрѣ, какъ это возможно, къ личности и имуществу другихъ. Идея справедливости является идеей уравнивленія обидъ: „око-за-око и зубъ-за-зубъ“. Такою она остается въ теченіе раннихъ стадій цивилизаціи.

Послѣ того, какъ справедливость, при такомъ пониманіи ея, болѣе не поддерживается силою самимъ оскорбленнымъ лицомъ, это послѣднее начинаетъ требовать удовлетворенія при посредствѣ установленной власти. Вопль о правосудіи, обращенный къ правителю, есть требованіе наказанія, т. е. нанесенія обиды, по крайней мѣрѣ столько же тяжелой, какъ и испытанная; или же здѣсь требуется вознагражденіе, равносильное потерѣ. Такимъ образомъ равенство притязаній лишь молчаливо утверждается, въ требованіи возможнаго возстановленія нарушеннаго равенства.

Какимъ образомъ постепенно изъ этого грубаго понятія о справедливости возникаетъ развитое понятіе, это едва ли стоитъ объяснять. Истинное представленіе причиняется испытываніемъ бѣдствій, сопровождающихъ ложное представленіе. Естественнымъ образомъ, воспріятіе правильныхъ ограниченій поведенія становится болѣе яснымъ по мѣрѣ того, какъ уваженіе къ этимъ ограниченіямъ становится принудительнымъ и, такимъ образомъ, болѣе правильнымъ и болѣе общимъ. Вторженія людей во взаимныя сферы образуютъ родъ колебанія, сначала бурнаго, но становящагося все болѣе слабымъ, по мѣрѣ перехода къ сравнительно мирному общественному состоянію. По мѣрѣ убыванія колебаній, является приближеніе къ состоянію равновѣсія, а по мѣрѣ приближенія къ такому равновѣсію, является и приближеніе къ окончательному установленію теоріи.

Такимъ образомъ, та первобытная идея справедливости, по которой насиліе должно уравниваться обратнымъ насиліемъ, исчезаетъ изъ мысли, какъ только оно исчезло изъ практическаго примѣненія, и возникаетъ идея, здѣсь сформулированная, причемъ въ ней признаются такія ограниченія поведенія, которыя совсѣмъ исключаютъ насиліе.

Примѣчаніе. Въ Приложеніи А (въ концѣ книги), см. о взглядахъ Канта, относящихся къ основному принципу права.

ГЛАВА VII.

Авторитетъ этой формулы.

30. Прежде чѣмъ идти дальше, мы должны рассмотреть эту формулу со всѣхъ ея сторонъ, съ цѣлью увидѣть, что можетъ быть сказано—какъ противъ нея, такъ и въ ея пользу.

Люди, воспитанные подъ вліяніемъ школы, господствующей въ области политики и морали, выказываютъ настоящее пренебреженіе ко всякому ученію, подразумѣвающему ограниченіе поступковъ, непосредственно полезныхъ или кажущихся такими. На-ряду съ признаннымъ презрѣніемъ къ „отвлеченнымъ принципамъ“ и обобщеніямъ, мы видимъ неограниченную вѣру въ пестрое собраніе кандидатовъ, намѣченныхъ политическими клубами, которыми верховодятъ невежественные и фанатичные заправилы; и признается невыносимымъ, чтобы сужденія такихъ сборищъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, должны были подчиняться дедуціямъ, выведеннымъ изъ этическихъ истинъ.

Страннымъ образомъ, также и въ мірѣ науки мы находимъ одобреніе политическаго эмпиризма и недовѣріе ко всякому иному руководству. Хотя чертою научнаго духа является признаніе причинности, какъ всеобщаго начала, и хотя этимъ подразумѣвается молчаливое допущеніе, что причинность примѣняется и къ поступкамъ людей, образующихъ политическую группу, — все же это допущеніе остается мертвою буквою. Очевиденъ фактъ, что если бы въ общественныхъ дѣлахъ не было причинности, то всякій образъ дѣйствія былъ бы одинаково хорошъ; не менѣе очевидно, что отвергать это послѣднее предположеніе значитъ утверждать, что нѣкоторая причина опредѣляетъ полезность или вредность той или иной политики: тѣмъ не менѣе, не дѣлаютъ ни малѣйшаго усилія для отождествленія обоихъ родовъ причинности. Наоборотъ, насмѣхаются надъ людьми, пытающимися найти опредѣленное выраженіе для основнаго принципа гармоническаго соціальнаго порядка. Различія между взглядами такихъ людей преувеличиваются, а черты сходства умаляются; точно такъ же, какъ люди, придерживающіеся обычныхъ вѣрованій, преувеличиваютъ разногласія между людьми науки, забывая о существенномъ согласіи.

Явно такимъ образомъ, что прежде, чѣмъ идти далѣе, мы должны посчитаться съ важнѣйшими возраженіями, выставленными противъ формулы, выработанной въ послѣдней главѣ.

31. Всякаго рода эволюція подвигается отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному; одно изъ вытекающихъ отсюда слѣдствій состоитъ въ томъ, что опредѣленное понятіе о справедливости возникло лишь постепенно. Было уже показано, что приближеніе къ практическому признанію справед-

ливости подразумѣваетъ соответственное приближеніе къ теоретическому ея признанію. Желательно здѣсь ближе при-смотреться къ возрастанію того сознанія, что дѣятельности, совершаемыя каждымъ ради самосохраненія, должны сдерживаться подобными же дѣятельностями всѣхъ другихъ.

Сначала отмѣтимъ одинъ фактъ, который можно было бы съ удобствомъ привести и въ концѣ послѣдней главы, а именно, что, гдѣ люди подвержены только дисциплинѣ мирной общественной жизни, не встрѣчающей помѣхи со стороны дисциплины, вызываемой междуплеменной враждою, тамъ сознаніе развивается быстро. Вполнѣ мирныя племена, въ томъ числѣ нѣкоторые, нецивилизованныя въ обыкновенномъ смыслѣ слова, выказываютъ пониманіе того, что составляетъ справедливость, гораздо яснѣе, чѣмъ цивилизованные народы, у которыхъ нравы промышленной жизни болѣе или менѣе широко ограничиваются нравами военной жизни. Дружелюбный и совѣстливый лепча, пока не идетъ рѣчь объ опасности быть самому убитымъ, рѣшительно отказывается помогать въ убіеніи другихъ; надѣленный социальными добродѣтелями гось можетъ быть доведенъ почти до самоубійства подозрѣніемъ въ томъ, что онъ совершилъ кражу; низко стоящій лѣсной ведда едва можетъ счесть возможнымъ, чтобы одинъ человѣкъ добровольно былъ способенъ ударить другого или взять чужое; эти и многія другія племена показываютъ, что, хотя у нихъ нѣтъ достаточно ума, чтобы выработать понятіе объ основномъ общественномъ законѣ, однако существуетъ сильное чувство, соответствующее этому закону, и есть пониманіе специальныхъ примѣненій послѣдняго. Гдѣ условія таковы, что не требуютъ, чтобы уваженіе къ притязаніямъ соплеменниковъ шло рука объ руку съ частымъ нарушеніемъ притязаній людей другихъ племенъ, тамъ у каждой особи одновременно возникаетъ уваженіе къ ея собственнымъ и къ чужимъ притязаніямъ.

Лишь тамъ, гдѣ этика дружбы смѣшивается съ этикой вражды, понятія относительно поведенія становятся сбивчивыми, влѣдствіе необходимости компромисса. Привычка къ насилію внѣ своего общества находится въ противорѣчій съ привычкою не совершать насилій внутри общества, а также съ признаніемъ закона, подразумѣваемого отсутствіемъ насилія. Народъ, придающій своимъ воинамъ смягченное названіе „защитниковъ отечества“, въ то же время пользуется ими исключительно для нападенія на другія страны; онъ

настолько цѣнить жизнь, что на своей территоріи запрещаетъ кулачные бои на призъ, но внѣ своихъ границъ часто отнимаетъ десятки жизней, чтобы отомстить за одну; онъ не можетъ у себя дома вынести мысли, чтобы слабость влекла за собою неизбежное зло, но на чужбинѣ нисколько не стѣсняется примѣнять пулю и штыкъ, сколько потребуется для покоренія нецивилизованныхъ расъ, подъ предлогомъ, что низшіе должны быть вытѣснены высшими. Такой народъ долженъ имѣть извращенныя понятія объ основныхъ началахъ добра и зла. Провозглашая кодексъ, то пригодный для внутренней политики, то приспособленный для внѣшней политики, онъ не можетъ поддерживать связныхъ этическихъ идей.

Цѣлый рядъ столкновеній между расами населилъ земной шаръ сильнѣйшими и былъ предварительной ступенью къ высокой цивилизаціи; но отсюда возникли несогласующіяся между собою дѣятельности, приводящія къ негармонирующимъ убѣжденіямъ, тогда какъ связныя убѣжденія стали невозможными.

Тѣмъ не менѣе, гдѣ это дозволялось обстоятельствами, понятіе о справедливости медленно развивалось до нѣкоторой степени и нашло для себя приблизительно вѣрныя выраженія. Въ еврейскихъ заповѣдяхъ мы видимъ запрещенія, хотя и не прямо признающія положительный элементъ справедливости, однако, подробно указывающія ея отрицательный элементъ, обозначая предѣлы дѣйствія и предписывая эти предѣлы всѣмъ евреямъ, причемъ молчаливо утверждается, что жизнь, собственность, доброе имя и т. д. должны быть уважаемы у всѣхъ и cadaго. Христіанское правило: „Дѣлай другому то, что ты себѣ желаешь отъ другихъ“, не проводящее различія между великодушіемъ и справедливостью, смутно подразумеваетъ равенство притязаній всѣхъ людей; правда, очень смутно, такъ какъ это правило не признаетъ никакого основанія для неравенства благъ, принадлежащихъ каждому человѣку. Въ правилѣ этомъ нѣтъ прямого признанія какого-либо притязанія, предъявляемаго каждымъ на плоды собственной дѣятельности: здѣсь есть лишь признаніе такихъ притязаній въ лицѣ другихъ людей, а отсюда вытекаетъ предписаніе границъ. Оставимъ въ сторонѣ промежуточныя формы понятія о справедливости и приведемъ изъ новѣйшихъ формъ ту, которая выработана мыслью Канта. Его правило: „Дѣйствуй лишь по тому пра-

вилу, которое ты желалъ бы сдѣлать всеобщимъ закономъ — есть, въ сущности, лишь передѣлка христіанскаго правила. Здѣсь внушается мысль, что каждый другой человекъ долженъ считаться дѣйствующимъ такимъ же образомъ, и молчаливо подразумѣвается, что если дѣйствіе можетъ причинить страданіе, оно не должно быть выполнено. (Канта причисляютъ къ анти-утилитаристамъ!). Косвеннымъ образомъ здѣсь допускается, что благополучіе другихъ людей должно быть признаваемо равнымъ по достоинству съ благополучіемъ дѣйствующаго лица — предположеніе, хотя и включающее требованія справедливости, но въ то же время вмѣщающее въ себѣ и гораздо больше этого.

Но теперь оставимъ въ сторонѣ убѣжденія людей, разсматривавшихъ вопросъ съ религіозной и съ нравственной точки зрѣнія, и разсмотримъ убѣжденія тѣхъ, которые приступали къ вопросу съ точки зрѣнія законности.

32. Конечно, когда юристы выставляютъ свои основныя начала или же апеллируютъ къ нимъ, то подразумѣваются основныя начала справедливости, хотя бы самое слово справедливость и не употреблялось; дѣйствительно, правила справедливости, общія и частныя, составляютъ главный предметъ ихъ трудовъ. Замѣтивъ это, обратимся къ ученіямъ, порою высказываемымъ ими.

Генри Мэнъ, говоря объ извѣстныхъ опасностяхъ, угрожавшихъ развитію римскаго закона, поясняетъ:

„Но во всякомъ случаѣ юристы пользовались надежной опорой въ своей теоріи естественнаго права. Дѣйствительно, естественное право юрисконсультовъ ясно понималось ими, какъ система, которая постепенно должна поглотить гражданскіе законы, не вытѣсня ихъ, пока они остаются неотмѣненными... Значеніе и пригодность этого понятія зависѣли отъ того, что оно представляло умственному взору типъ совершеннаго закона и внушало надежду на неопредѣленное приближеніе къ нему“. (Древнее право, стр. 76—7. 3 изд. англійск. подлин.).

Въ духѣ этихъ римскихъ юристовъ, одинъ изъ нашихъ старинныхъ судей, главный судья Гобартъ, пользовавшійся высокою репутаціей, высказалъ слѣдующее краснорѣчивое утвержденіе:

„Даже парламентскій актъ, направленный противъ естественной справедливости, — вродѣ того, чтобы сдѣлать какого-либо человека судьей въ его собственномъ дѣлѣ, лишень

всякой силы, потому что *jura naturae sunt immutabilia* (естественныя права неизмѣнны) и они законы законовъ". (Hobart's Reports, Lond., 1641, p. 120).

То же утверждалъ крупный авторитетъ недавняго прошлаго. Находясь подъ вліяніемъ убѣжденія, что естественныя вещи повелѣваются сверхъестественнымъ путемъ, Блэкстонъ писалъ: „Этотъ законъ природы такъ же старъ, какъ и человѣчество, и продиктованъ самимъ Богомъ. Поэтому онъ, конечно, выше по своей обязательности, чѣмъ всякій другой... Никакіе человѣческіе законы не имѣютъ никакой силы, если противорѣчатъ этому закону, а имѣющіе силу приобрѣтаютъ весь свой авторитетъ, прямо или косвенно, изъ этого источника". (Chitty's Blackstone, Vol. I, pp. 37—8).

Подобнаго же рода и другое утвержденіе, высказанное авторомъ, изслѣдовавшимъ законодательство съ философской точки зрѣнія. Сэръ Джемсъ Мэкинтошъ опредѣляетъ естественное право такимъ образомъ: „Это верховное, неизмѣнное и не контролируемое правило поведенія всѣхъ людей... Это естественное право или „законъ природы“, потому что его общія положенія существенно приспособлены къ увеличенію счастья человѣка... далѣе потому, что этотъ законъ открывается естественнымъ разумомъ и приличенъ нашей естественной организаціи; и сверхъ того потому, что его пригодность и мудрость основаны на общей природѣ человѣческихъ существъ, а не на какихъ-либо изъ тѣхъ временныхъ и случайныхъ положеній, въ какія они могутъ быть поставлены". (Mackintosh's Miscell. Works, I, 346).

Даже деспотически-настроенный Остинъ (Austin), передъ которымъ идолопоклонствуютъ законники нашихъ дней за то, что онъ выработалъ теорію неограниченной законодательной власти, вынужденъ сознаться, что конечнымъ оправданіемъ защищаемого имъ правительственнаго абсолютизма является этическое начало. Подъ покровомъ авторитета, — монархическаго, олигархическаго или же, наконецъ, парламентскаго, — издающаго законы, признаваемые верховными, наконецъ распознается авторитетъ, которому всѣ они подвластны, стало быть, авторитетъ, не происшедшій отъ человѣческаго закона, но стоящій выше его, — авторитетъ, приписываемый если не божественной дѣятельности, то природѣ вещей.

Воздаваніе должнаго этимъ изреченіямъ (къ нимъ я могъ бы присоединять афоризмы германскихъ юристовъ съ ихъ *естественнымъ правомъ*) не влечетъ за собою неразумнаго

легковѣрія. Можно разумно предположить, что, хотя по формѣ такія утверждения доступны критикѣ, они все же истинны по существу.

33. „Но вѣдь это апріорныя мнѣнія“ — презрительно замѣтятъ многіе. „Всѣ они служатъ примѣромъ того дурного способа философствовать, который состоитъ въ развитіи истинъ изъ глубины нашего собственнаго сознанія“ — такъ скажутъ лица, полагающія, что общія истины достижимы только посредствомъ сознательной индукціи. Всякое движеніе ритмично: любопытнымъ подтвержденіемъ этого является тотъ фактъ, что абсолютное довѣріе, которое питали въ прежнія времена въ апріорному сужденію, уступило мѣсто абсолютному недовѣрію; теперь ничего не хотятъ допустить, чего нельзя достигъ апостеріорно. Каждый, кто способенъ созерцать среднее движеніе человѣческаго прогресса, можетъ считать почти достовѣрнымъ, что за этой сильной реакціей послѣдуетъ обратная реакція; а отсюда можно заключить, что оба эти противоположные способа разсужденія, представляя возможность злоупотребленія, въ то же время имѣютъ и полезное примѣненіе.

Откуда являются апріорныя убѣжденія? Какимъ образомъ они возникаютъ? Я, разумѣется, не сошлюсь на убѣжденія, свойственныя отдѣльнымъ личностямъ и могущія быть результатами извращеннаго сужденія. Я говорю объ убѣжденіяхъ, имѣющихъ общій, если не всеобщій характеръ — признаваемыхъ всѣми, или почти всѣми, хотя и не основанными на очевидности, но все же достовѣрными. Происхожденіе такихъ убѣжденій либо естественно, либо сверхъестественно. Допустимъ послѣднее: тогда или необходимо принять взглядъ людей, вѣрующихъ въ дьявольское навожденіе, или же слѣдуетъ признать, что эти убѣжденія внушены свыше — въ послѣднемъ случаѣ на нихъ можно положиться. Если же, не удовлетворяясь такимъ сверхъестественнымъ источникомъ, мы спросимъ, каково ихъ естественное происхожденіе, то придется заключить, что эти способы мышленія опредѣлены привычными соотношеніями между вещами. Кто слѣдуетъ обычной вѣрѣ въ благихъ и злыхъ дѣятелей, можетъ не безъ основанія отрицать значеніе апріорныхъ убѣжденій; но тотъ, кто допускаетъ ученіе объ эволюціи, если желаетъ избѣжать самопротиворѣчія, долженъ допустить, что апріорныя убѣжденія, поддерживаемыя вообще людьми, должны были возникнуть, если не изъ опыта каждой особи, то изъ расового опыта.

Возьмемъ, въ видѣ примѣра, геометрическое положеніе, что двѣ прямыя линіи не могутъ замкнуть пространства; допустимъ (а это и слѣдуетъ сдѣлать), что такая истина не можетъ быть установлена апостеріорно: дѣйствительно, ни въ одномъ случаѣ, а тѣмъ менѣе, во многихъ случаяхъ, нельзя прослѣдить линій до безконечности для наблюденія, что произойдетъ съ заключеннымъ между ними пространствомъ. Но отсюда неизбежно вытекаетъ слѣдующее: опытъ людей относительно прямыхъ линій (или скорѣе, въ первобытныя времена, относительно приблизительно прямыхъ объектовъ) былъ такого рода, что сдѣлалъ невозможнымъ представленіе пространства, замкнутаго двумя прямыми. Другими словами, опытъ былъ таковъ, что сдѣлалъ для людей принудительною мыслью о сгибаніи линій, прежде чѣмъ пространство будетъ ими замкнуто. Безспорно, по гипотезѣ эволюціи, что эта прочная интуиція должна была установиться тѣмъ общеніемъ съ предметами, которые, въ теченіе чудовищно продолжительныхъ прошлыхъ эпохъ, прямо или косвенно опредѣлили организацію нервной системы и извѣстныя вытекающія отсюда необходимыя формы (necessities) мышленія. Апріорныя убѣжденія, опредѣляемыя этими необходимыми формами, отличаются отъ апостеріорныхъ убѣжденій только тѣмъ, что являются продуктами опыта безчисленныхъ послѣдовательныхъ особей, а не одной только особи.

Итакъ, если, съ эволюціонной точки зрѣнія, это несомнѣнно оправдывается для простыхъ познаній, касающихся пространства, времени и числа, то развѣ не слѣдуетъ отсюда вывести, что это справедливо также, въ широкой степени, для тѣхъ болѣе сложныхъ познаній, которыя касаются человѣческихъ отношеній? Говорю „въ широкой степени“ — частью потому, что опытъ въ этихъ случаяхъ гораздо болѣе запутанъ, поверхностенъ и разнообразенъ и не могъ произвести ничего, въ родѣ опредѣленныхъ вліяній на нервную организацію; частью же потому, что вмѣсто того, чтобы восходить черезъ безчисленный рядъ поколѣній, къ отдаленнѣйшимъ предкамъ, этотъ опытъ восходитъ не далѣе части поколѣній собственно человѣческихъ предковъ. Дѣйствительно, этотъ опытъ, едва наблюдаемый въ болѣе древнія стадіи, становится замѣтнымъ и связнымъ, лишь когда дружественное общественное сотрудничество образуетъ существенный факторъ общественной жизни. Поэтому, такого рода познанія должны быть сравнительно неопредѣленными; необходимо поэтому сдѣ-

латъ то ограниченіе, что такія этическія интуиціи, въ гораздо большей степени, нежели математическія, должны быть подвергнуты методической критикѣ. Даже сужденія, проистекающія изъ непосредственнаго воспріятія, относящагося къ прямымъ и кривымъ линіямъ, къ угламъ и т. д., должны быть провѣряемы способами указываемыми сознательнымъ разумомъ; перпендикулярность одной линіи къ другой воспринимается съ приблизительной точностью, но полная перпендикулярность можетъ быть установлена только съ помощью геометрическихъ теоремъ. Очевидно, стало быть, что сравнительно смутныя внутреннія воспріятія, которыми люди обладаютъ относительно справедливыхъ человѣческихъ отношеній, не могутъ быть приняты безъ обдуманыхъ сравненій, строгихъ перекрестныхъ изслѣдованій и тщательной провѣрки; выводъ становится очевиднымъ при помощи многочисленныхъ маловажныхъ противорѣчій, сопровождающихъ болѣе важныя предупрежденія.

Такимъ образомъ, если даже предъидущія положенія, а вмѣстѣ съ ними и недавно сформулированный законъ равной свободы, не имѣли бы никакого иного источника, кромѣ апріорнаго (а это далеко не такъ), то и въ этомъ случаѣ все же было бы рационально признавать ихъ по крайней мѣрѣ за намеки на истину, если не за истину въ буквальномъ смыслѣ слова.

34. Но теперь замѣтите, какимъ образомъ люди, возстающіе, въ данномъ случаѣ, противъ системъ, исходящихъ изъ апріорной интуиціи, въ свою очередь, сами могутъ подвергнуться болѣе существенному упреку.

Въ философіи, въ политикѣ, въ наукѣ, всюду мы видимъ, что индуктивная школа, подъ вліяніемъ сильной реакціи противъ дедуктивной школы, дошла до крайности, утверждая, что сознательная индукція оказывается достаточною для всѣхъ цѣлей и что нѣтъ необходимости признавать что бы то ни было за данное. Довозательство допускаемой истины состоитъ въ томъ, что ее включают въ нѣкоторую болѣе широко установленную истину; если же и эта послѣдняя допускаетъ сомнѣніе, то процессъ повторяютъ, доказывая, что и эта истина включается въ третью, еще болѣе широкую. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, однако, многіе молчаливо допускаютъ, что таковой процессъ можетъ продолжаться безъ конца, никогда не достигнувъ самой широкой истины, которой уже нельзя включить ни въ кабую иную, а стало быть нельзя и доказать.

Результатомъ такого неразумительнаго допущенія является построение теорій, которыя, если только онѣ дѣйствительно лишены апріорныхъ основъ, не имѣютъ вообще никакого основанія. Это мы и увидимъ, рассматривая утилитарныя этическія и политическія теоріи ¹⁾).

Дѣйствительно, что такое, въ концѣ концовъ, означаетъ принципъ пользы? Если намъ предлагаютъ руководиться эмпирическими правилами, то въ какомъ направленіи должны мы руководиться? Если нашъ путь всегда долженъ быть опредѣляемъ достоинствомъ даннаго дѣла, то спрашивается, какими способами судить о достоинствѣ? Отвѣтъ будетъ тотъ, что слѣдуетъ руководиться „благополучіемъ общества или общественнымъ благомъ“. Не скажутъ, что достоинство подразумѣваетъ увеличеніе бѣдствій или состояніе равнодушія, идетъ-ли рѣчь объ ощущеніяхъ или объ эмоціяхъ; стало быть, рѣчь идетъ объ увеличеніи счастья. Итакъ, если не прямо, то скрытно утверждаютъ, что величайшее счастье есть вещь, въ которой должны стремиться въ общественный дѣятельности, или въ частной, или и въ той, и въ другой. Но откуда взялся этотъ постулатъ? Что это, — индуктивная истина? Если такъ, то гдѣ и кто извлекъ ее? Или это опытная истина, выведенная изъ тщательныхъ наблюденій? Въ такомъ случаѣ, каковы эти наблюденія, и когда была обобщена та обширная масса ихъ, на которой слѣдуетъ соорудить все зданіе политики и морали? Не только нѣтъ такихъ опытовъ, такихъ наблюденій, такой индукціи, но невозможно, чтобы что-либо подобное было указано. Даже, если бы эта индукція была всеобщою, чего нельзя сказать (такъ какъ ее отвергали аскеты всѣхъ временъ и странъ, и она отвергается одною новѣйшею школою моралистовъ), то все же мы не имѣли бы никакой лучшей гарантіи, чѣмъ та, что это положеніе непосредственно доказано нашимъ сознаніемъ.

Но можно доказать большее. Здѣсь включено еще одно

¹⁾ Есть люди, не только уклоняющіеся допустить необходимость какаго-либо истинъ, но отвергающіе и самую необходимость. Очевидно, они не сознаютъ того факта, что въ разсужденіи каждый шагъ отъ послѣлокъ къ выводу не имѣетъ никакого иного основанія, исключая воспріятія необходимой зависимости. Стало быть, отвергать необходимость, значитъ отвергать значеніе каждаго довода, включая и тотъ, который имѣетъ цѣлью доказать отсутствіе необходимости! Недавно я прочиталъ замѣтку о странномъ воскрешеніи одного ученія, считавшагося давно погибшимъ. Безспорно, фактъ замѣчательный, если только истинный. Мнѣ извѣстно лишь одна, еще болѣе замѣчательная вещь, а именно, что какаго-либо система мышленія прогуливается въ самомъ бодромъ настроеніи духа послѣ совершенія самоубійства!

убѣжденіе, не менѣе апріорнаго характера. Я уже ссылался на правило Бентама: „Каждый признается за одного, никто болѣе, чѣмъ за одного“; вмѣстѣ съ тѣмъ было указано и замѣчаніе Милля, что принципъ наибольшаго счастья лишень смысла, пока „счастье одного лица не признается точно такимъ же, какъ и другого“. Стало быть, бентамовская теорія морали и политики признаетъ это за основную, самоочевидную истину. Это молчаливое допущеніе, — что притязанія одного человѣка на счастье такъ же хороши, какъ и другого, — недавно было выражено въ болѣе конкретной формѣ Бедлами, въ слѣдующихъ словахъ:

„Міръ и все, въ немъ заключающееся, рано или поздно будутъ признаны общей собственностью всѣхъ, и ими будутъ пользоваться и распоряжаться для равнаго блага всѣхъ“.

Итакъ, имѣемъ-ли мы дѣло съ самимъ Бентамомъ, или съ его истолкователемъ Миллемъ, или же съ ученикомъ коммунистическаго направленія, во всѣхъ случаяхъ находимъ допущеніе, что всѣ люди имѣютъ равныя права на счастье. Въ пользу этого допущенія не приводится, да и не можетъ быть приведено никакой гарантіи, исключая предполагаемаго интуитивнаго воспріятія. Это, стало быть, апріорное познаніе.

„Но это не познаніе въ настоящемъ смыслѣ слова“, — быть можетъ, заявятъ люди, желающіе отвергнуть коммунистическій выводъ, въ то же время желая отвергнуть и апріорное сужденіе. „Это лишь продуктъ извращенной фантазіи. Счастье само по себѣ не можетъ быть удѣлено ни въ равныхъ, ни въ неравныхъ доляхъ, а величайшее счастье не можетъ быть добыто равнымъ распредѣленіемъ средствъ счастья или благъ, какъ они названы выше. Оно скорѣе можетъ быть добыто удѣленіемъ большей доли средствъ людямъ, болѣе способнымъ къ счастью“. Не возбуждая вопроса о примѣнимости такого распредѣленія, зададимся, по-просту, вопросомъ, гдѣ гарантія для такого утвержденія? Что это — индуктивная гарантія? Сдѣлалъ-ли кто-либо рядъ сравненій между обществами, гдѣ примѣнялся одинъ способъ надѣленія благами, и обществами, гдѣ былъ примѣняемъ другой способъ? Едва-ли такъ, если принять во вниманіе, что ни тотъ, ни другой методъ не примѣнялся ни въ какомъ обществѣ. Въ пользу этой альтернативы есть не болѣе фактовъ, чѣмъ въ пользу отвергаемаго предположенія. Если оно не опирается на нѣкоторую апріорную гарантію, то у него нѣтъ никакой гарантіи.

Посмотрите теперь, въ какомъ мы положеніи. Въ то время, какъ порицаемая предположенія, какъ говорятъ, основываются лишь на непосредственной интуиціи, эмпирическая система дѣлаетъ большее количество такихъ же предположеній, нежели система, ея оспариваемая! Одно изъ этихъ предположеній заключается въ томъ, что счастье должно было бы быть искомою цѣлью; другое подразумѣвается въ любомъ изъ обоихъ утвержденій, что люди имѣютъ равныя права на счастье или же не имѣютъ равныхъ правъ. Замѣтите также, что ни одна изъ этихъ интуицій не оправдывается такимъ широкимъ согласіемъ людей, какъ та, которая отбрасывается подъ предлогомъ ея неправдоподобія. Генри Мэнъ замѣчаетъ: „Счастье человѣчества, безъ сомнѣнія, порою упоминается, какъ въ популярной, такъ и въ юридической литературѣ римлянъ, въ видѣ надлежащей цѣли попечительнаго законодательства; но весьма замѣчательно, какъ рѣдки и ничтожны свидѣтельства въ пользу этого принципа, по сравненію съ тѣми, которыя постоянно приводятся въ пользу повелительныхъ требованій естественнаго права“. (Древнее право, стр. 79 третьяго англ. изданія).

Едва-ли стоитъ добавитъ, что послѣ римской эпохи по-прежнему существовалъ контрастъ между узкимъ признаніемъ счастья, какъ цѣли, и широкимъ признаніемъ естественной справедливости, какъ цѣли.

35. Но теперь слѣдуетъ припомнить, что принципъ естественной справедливости, выраженный въ послѣдней главѣ, какъ ограниченіе свободы каждаго лишь одинаковою свободою всѣхъ,—этотъ принципъ не есть исключительно апріорное убѣжденіе. Хотя, съ одной точки зрѣнія, онъ является непосредственнымъ предписаніемъ человѣческаго сознанія, подверженнаго дисциплинѣ продолжительной общественной жизни,—съ другой стороны онъ является убѣжденіемъ, выводимымъ изъ условій, которыя должны быть выполнены, во-первыхъ, для поддержанія жизни вообще, а во-вторыхъ, для поддержанія жизни въ обществѣ.

Ислѣдованіе фактовъ показало, что основной законъ, сообразно съ которымъ развивалась жизнь отъ наинизшей до наивысшей ступени, состоитъ въ томъ, что каждая взрослая особь должна испытать послѣдствія своей собственной природы и своихъ дѣйствій: результатомъ является переживаніе наиболѣе приспособленныхъ. Этимъ необходимо подразумѣвается полная свобода дѣйствій, образующая положительный эле-

ментъ въ формулѣ справедливости; дѣйствительно, безъ полной свободы дѣйствія, отношеніе между поведеніемъ и послѣдствіями не можетъ быть поддерживаемо. Различные примѣры сдѣлали очевиднымъ выводъ, вполне ясный теоретически, а именно что у стадныхъ животныхъ свобода каждаго изъ нихъ къ дѣйствию должна быть ограничена; такъ какъ, если она неограничена, то должны явиться такія столкновенія, которыя воспрепятствуютъ стадности. Несмотря на сравнительно низкое умственное развитіе, низшія стадныя животныя примѣняютъ наказанія за нарушеніе необходимыхъ ограниченій. Этотъ фактъ показываетъ, какимъ образомъ уваженіе къ такимъ ограниченіямъ установилось безсознательно, какъ условіе прочной общественной жизни. Оба эти закона, изъ которыхъ одинъ относится ко всѣмъ живымъ существамъ, а другой—къ общественнымъ, проявляясь все явственнѣе по мѣрѣ повышенія эволюціи, находятъ послѣднюю и полнѣйшую сферу примѣненія въ человѣческихъ обществахъ. Мы недавно видѣли, что на-ряду съ возрастаніемъ мирной коопераціи являлось и все большее приноровленіе къ этому сложному закону, какъ съ положительной его стороны, такъ и съ отрицательной; мы видѣли также, что совмѣстно возрастало эмоціональное уваженіе къ этому закону и интеллектуальное его пониманіе.

Такимъ образомъ мы не только имѣемъ указанныя основанія для вывода, что это апріорное убѣжденіе коренится въ опытѣ расы, но мы въ состояніи связать его съ опытомъ всѣхъ вообще живыхъ существъ и можемъ замѣтить, что оно является лишь сознательнымъ отвѣтомъ на нѣкоторыя необходимыя соотношенія въ природѣ. Нельзя придумать болѣе надежной гарантіи; и теперь, признавая законъ равной свободы конечнымъ этическимъ принципомъ, авторитетъ котораго превосходитъ всякій другой, мы можемъ продолжать наше изслѣдованіе.

ГЛАВА VIII.

Слѣдствія этой формулы.

Человѣческая дѣятельность разнообразна и вытекающія изъ нее соціальныя отношенія сложны. Поэтому, для того, чтобы общая формула справедливости могла служить руко-

водствомъ, необходимо сдѣлать выводы, различнымъ образомъ примѣнимые къ специальнымъ категоріямъ случаевъ. Утвержденіе, что свобода каждаго ограничена только равной свободой всѣхъ, остается мертвою буквою, пока не показано, каковы ограниченія, являющіяся въ разныхъ обстоятельствахъ, которыми подвергается данное лицо. Кто допускаетъ, что каждый человѣкъ долженъ обладать извѣстною ограниченою свободою, тотъ утверждаетъ, что это происходитъ *по праву*. Если возможно показать, что то въ одномъ, то въ другомъ случаѣ человѣкъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ до извѣстнаго предѣла, но не дальше этого,—то отсюда вытекаетъ, что *по праву* его свобода въ данномъ случаѣ опредѣлена такимъ образомъ. Поэтому различные частные случаи свободы могутъ съ основаніемъ получить названіе *правъ* данной личности, какъ ихъ обыкновенно и называютъ.

37. Слова порою значительно утрачиваютъ наше довѣріе, по причинѣ злоупотребленія ими. Истинныя представленія, ими обозначаемыя, такъ тѣсно сочетаются съ ложными идеями, что въ значительной мѣрѣ утрачиваютъ свои признаки. Это очевидно произошло со словомъ „права“.

Въ прежнія времена потоки крови проливались ради поддержки правъ того или другого лица на престолѣ. Въ эпоху дѣйствія нашего стариннаго англійскаго закона о бѣдныхъ, притязанія бѣдняка имѣли основаніемъ утвержденіе, что бѣдный имѣетъ „право“ на прокормленіе. Не очень давно мы ознакомились съ идеей, въ то время распространенной среди французскихъ рабочихъ, что они имѣютъ „право“ на трудъ, т. е. право, чтобы имъ доставляли работу. Въ настоящее время коммунисты пользуются выраженіемъ „права“ въ смыслѣ, совершенно извращающемъ значеніе, приданное ему прежнимъ употребленіемъ. Такъ шатко примѣненіе этого слова, что болтуны, угождающіе страсти къ сплетнямъ о знаменитыхъ личностяхъ, защищаются словами: „публика имѣла *право* знать“.

Слѣдствіемъ было то, что у многихъ изъ образованныхъ людей возникло упорное и презрительное отрицаніе права. Ничего такого, по ихъ словамъ, не существуетъ, исключая тѣхъ правъ, которыя устанавливаются положительнымъ закономъ. Слѣдуя Бентаму, они утверждаютъ, что государство есть источникъ правъ и что внѣ его нѣтъ никакого права.

Но если неспособность различенія обнаруживается въ такомъ злоупотребленіи словами, которое зависитъ отъ включе-

нія въ нихъ болѣе значительнаго содержанія, чѣмъ слѣдовало бы, по ихъ смыслу,—то такая же неспособность обнаруживается при упущеніи изъ виду настоящаго значенія словъ, скрытаго ложными значеніями.

38. Какъ указано выше, права, въ собственномъ смыслѣ слова, являются слѣдствіями изъ закона равенства свободы, а то, что ошибочно называется правомъ, не можетъ быть выведено изъ этого закона.

Разсматривая эти слѣдствія, мы найдемъ, во-первыхъ, что всѣ они совпадаютъ съ обычными этическими понятіями и, во-вторыхъ, всѣ соотвѣтствуютъ постановленіямъ законодательнаго характера. Далѣе, станетъ очевиднымъ, какъ далеко отъ истины мнѣніе, будто гарантіей правъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, является законъ; оказывается, наоборотъ, что законъ получаетъ свою гарантію отъ этихъ правъ.

ГЛАВА IX.

Право физической неприкосновенности.

39. Оправданіемъ такого, повидимому, педантичнаго термина, какъ неприкосновенность (*integrity*), служитъ то обстоятельство, что нѣтъ другого, болѣе подходящаго слова, выражающаго все, что необходимо включить въ эту главу. Физическая неприкосновенность, которой слѣдуетъ требовать для каждаго, можетъ въ одномъ крайнемъ случаѣ быть уничтожена насиліемъ, а въ другомъ—испытать непріятность отъ отвращенія, причиняемаго неприличіемъ сосѣда.

Самоочевиднымъ слѣдствіемъ изъ закона равной свободы является, кромѣ прочихъ ограниченій, то, что дѣйствія каждаго человѣка не должны причинять тѣлеснаго поврежденія, ни значительнаго, ни малаго, никому другому. Прежде всего, дѣйствія, переступающія этотъ предѣлъ, подразумеваютъ проявленіе болѣе значительной свободы, съ одной стороны, чѣмъ съ другой, исключая случая возмездія; а мы видѣли, что, въ строгомъ смыслѣ слова, нашъ законъ не включаетъ насилія и обратнаго насилія. Далѣе, если разсматривать нашъ законъ, какъ утвержденіе состоянія, которое, при согласованіи съ нимъ, приведетъ къ величайшей суммѣ счастья, то законъ воспрещаетъ любое дѣйствіе, причиняющее физическую боль или же разстройство.

40. Лишь ради формы необходимо указать подь нашимъ общимъ заглавіемъ на право жизни и на вытекающее отсюда воспрещеніе убійства. Убійство, признаваемое въ цивилизованныхъ обществахъ самымъ чернымъ преступленіемъ, безсознательно или даже сознательно считается такимъ, потому что оно является наибольшимъ возможнымъ нарушеніемъ закона равной свободы, такъ какъ, по причинѣ убійства, способность другого къ дѣятельности не только испытываетъ помѣху, но и уничтожается. Однако, хотя нѣтъ надобности настаивать на томъ первомъ выводѣ изъ закона равной свободы, что жизнь священна, все же будетъ поучительно наблюдать послѣдовательные шаги къ признанію ея священнаго характера.

Отмѣтивъ, въ видѣ крайности, примѣръ фиджійцевъ, у которыхъ убійство признается или признавалось почетнымъ дѣломъ, мы можемъ перейти къ многочисленнымъ примѣрамъ, доставляемымъ дикими племенами, убивающими своихъ старыхъ, больныхъ и бесполезныхъ членовъ. Различные древніе европейскіе народы дѣлали то же. Гриммъ утверждаетъ, что у вендовъ „дѣти убивали престарѣлыхъ родителей, кровныхъ и другихъ родственниковъ, а также всѣхъ, болѣе неспособныхъ къ войнѣ или къ работѣ, а затѣмъ жарили ихъ и поѣдали или же погребали заживо“. „Герулы также убивали престарѣлыхъ и больныхъ“... „Послѣдніе слѣды обычая убивать престарѣлыхъ и больныхъ находятся въ Сѣверной Германіи“.

Независимо отъ этого намѣреннаго истребленія неспособныхъ членовъ племени, обыкновенно извиняемаго тѣмъ, что оно было необходимо для сохраненія болѣе способныхъ,—въ первобытныхъ соціальныхъ группахъ обыкновенно не существовало общественнаго признанія убійства преступленіемъ. О грекахъ гомеровскихъ временъ Гротъ пишетъ, что убійцѣ приходилось страшиться только „личнаго мщенія родственниковъ и друзей“. Они могли вступить въ сдѣлку за обиду при посредствѣ условленной платы. Все, что дѣлали вожди въ такихъ случаяхъ, состояло въ наблюденіи за выполненіемъ подобнаго торга. Въ болѣе позднія времена во всей Европѣ господствовали тѣ же идеи, чувства и обычаи. Зломъ представлялась не столько потеря жизни убитымъ, сколько обида, нанесенная его семьѣ или роду. Это было зло, за которое слѣдовало отомстить или же дать вознагражденіе. Поэтому признавалось сравнительно безразличнымъ, былъ-ли

въ свою очередь убить убійца, или же какой-либо невинный человекъ изъ числа родственниковъ убійцы. И это также, по всей вѣроятности, было отчасти причиною градацій въ вознагражденіи за убійства, смотря по сословію убитаго, — вознагражденіи, которое сначала являлось дѣломъ частнаго соглашенія, но затѣмъ устанавливалось законами. А въ какой малой степени утвердилось понятіе о священности жизни, доказывается тѣмъ фактомъ, что за раба не уплачивалось никакой *виры* (*wergeld, bot*); господинъ могъ убить раба по прихоти, а если раба убилъ кто-либо другой, то можно было требовать лишь его цѣнности, какъ за поврежденіе имущества.

Естественный переходъ къ признанію убійства чѣмъ-то превышающимъ частную обиду произошелъ, когда часть денегъ, уплачиваемыхъ въ видѣ вознагражденія, стала попадать въ руки короля, хотя понятіе, въ значительной мѣрѣ, оставалось прежнимъ, такъ какъ убійство подданнаго было частнымъ уничтоженіемъ власти короля надъ подданнымъ, да и въ дѣйствительности уменьшало силу общества для военныхъ цѣлей. Но по прежнему, разныя пени применялись къ разнымъ сословіямъ, и это показываетъ, какъ мало признавалась существенная преступность убійства; это далѣе доказывается и отличіемъ, которое составляла неподсудность духовныхъ и вообще грамотныхъ лицъ, т. е. право судить уголовныя дѣла собственнымъ судомъ (*benefit of clergy*). До самой эпохи Плантагенетовъ „убійца, умѣвшій читать, избѣгалъ почти всякаго наказанія“.

Отмѣтимъ только, что крупный шагъ былъ сдѣланъ въ эпоху республики, когда „неподсудность духовенства должна была вполне уничтожиться“, когда „отдѣльнымъ актомъ было уничтожено пари на поединокъ“ и „тотъ же актъ сталъ наказывать дуэль съ необычайной строгостью“ — все это законы, признавшіе существенную виновность убійцы; затѣмъ мы можемъ сразу перейти къ новѣйшимъ временамъ. Никакое сословное отличіе не можетъ быть теперь приведено въ видѣ смягчающаго вину обстоятельства, и никакое отпущеніе ни въ какой формѣ не возможно.

Этотъ прогрессъ представляетъ три знаменательныхъ факта. Поддержаніе жизни въ наиболѣе раннихъ стадіяхъ представляетъ вполне частное дѣло, какъ и у животныхъ; лишенію жизни также придаютъ едва-ли худшее значеніе, чѣмъ это дѣлается у животныхъ. По мѣрѣ социальнаго роста

и дальнѣйшей организаціи, отнятіе жизни разсматривается все болѣе и болѣе какъ зло, причиняемое сначала семьѣ или роду, затѣмъ обществу, и наказывается скорѣе какъ преступленіе противъ общества, чѣмъ противъ личности. Но наконецъ, хотя удерживается понятіе о преступности, какъ нарушеніи закона, необходимаго для общественнаго порядка, все же становится господствующимъ понятіе о преступности убійства, какъ неизмѣримаго и непоправимаго зла, причиненнаго убитому. Это сознаніе существенной виновности поступка подразумѣваетъ сознаніе существеннаго притязанія каждой особи на жизнь: право жизни приобрѣло первостепенное мѣсто въ мысли.

41. Связь между той степенью тѣлесныхъ поврежденій, которая причиняетъ смерть, и тою, которая причиняетъ большую или меньшую неспособность къ продолженію жизни, была всегда слишкомъ очевидна для того, чтобы остаться непризнанной. Поэтому, вмѣстѣ съ молчаливымъ утвержденіемъ права на физическую неприкосновенность, внушаемымъ наказаніемъ убійцы, явилось другое молчаливое утвержденіе, подразумѣваемое наказаніями за нанесеніе поврежденій, ранъ и т. п. Естественно также существовалъ извѣстный параллелизмъ между послѣдовательными стадіями въ обоихъ случаяхъ, начиная съ того, который существуетъ между жизнью за жизнь и „окомъ за око“.

Когда, послѣ древней стадіи, на которой возмездіе было чисто частнымъ дѣломъ, достигли той стадіи, на которой оно стало дѣломъ, касающимся семьи или рода, каждый родъ сталъ мстить за себя, отнимая у оскорбителя рода жизнь, взаимнѣ утраченной имъ жизни. Такъ же точно, добываясь подставнаго, если не дѣйствительнаго эквивалента, родъ стремился отомстить за обиду, не имѣвшую рокового значенія. Доказывается это тѣмъ фактомъ, что, послѣ того какъ развилась система денежныхъ вознагражденій, цѣна, не только за жизнь, но и за членовредительство, должна была уплачиваться родомъ или семьей обидчика роду или семьѣ обиженнаго. Еще одинъ фактъ подразумѣваетъ то же понятіе. У германскихъ племенъ, и въ старину у англичанъ, наряду съ вознагражденіями за убійство, различными, смотря по сословію, существовалъ „такой же обширный рядъ вознагражденій за меньшія обиды“, также смотря по сословію. Въ обоихъ случаяхъ подразумѣвается, что вредъ, нанесенный семьѣ или роду, считался болѣе важнымъ по сравненію съ

вредомъ, нанесеннымъ отдѣльному лицу. То же справедливо для древней Руси.

Какъ только социальная жизнь меньшихъ группъ или клановъ растворилась въ жизни болѣе крупныхъ группъ или націй, представленіе объ обидѣ, нанесенной націи, стало вытѣснять то, которое относится къ обидѣ, нанесенной клану; сначала часть пени, а затѣмъ и вся пеня, уплачиваемая обидчикомъ, стала доставаться государству: этотъ обычай еще уцѣлѣлъ до сихъ поръ. Хотя въ случаяхъ личнаго насилія, ходячія теперь понятія и чувства заняты главнымъ образомъ симпатіей къ обиженному и укоромъ обидчику, за нанесеніе страданія и сопровождающаго его бѣдствія, однако государство присваиваетъ себѣ штрафъ и предоставляетъ пострадавшему перенести зло, какъ ему угодно.

Но въ новѣйшее время мы видимъ возрастаніе болѣе высокихъ понятій, а именно относительно вознагражденій за обиды, бывшія послѣдствіемъ небрежности. Притязанія гражданина къ своему согражданину, не только за тѣлесное поврежденіе, нанесенное добровольно, но и за причиненное небрежными дѣйствіями или же бездѣйствіемъ, имѣютъ за собою, по крайней мѣрѣ, нѣсколько столѣтій. Въ послѣднее время были сдѣланы гораздо болѣе обширныя примѣненія этого принципа, вродѣ тѣхъ, которыя дѣлаютъ желѣзнодорожную компанію отвѣтственною за вредъ, причиненный несовершенствомъ ея сооруженій или же небрежностью ея должностныхъ лицъ; сюда же относится отвѣтственность частныхъ предпринимателей за увѣчья, нанесенныя рабочимъ несовершенствомъ машинъ, отсутствіемъ предохранительныхъ средствъ или же работами, сопряженными съ опасностью. Это развитіе права предполагаетъ болѣе высокую оцѣнку притязаній особи на физическую неприкосновенность. Фактъ, что отдѣльное лицо или компанія, отвѣтственные за причиненный вредъ, присуждаются къ уплатѣ убытковъ пострадавшему, а не государству, служить однимъ изъ доказательствъ того, что притязанія особи на физическую неприкосновенность теперь занимаетъ въ общемъ сознаніи гораздо больше мѣста, нежели мысль о социальномъ вредѣ, причиненномъ невниманіемъ къ такимъ притязаніямъ.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, для доказательства того же положенія, что то, что мы можемъ назвать священными правами личности, въ наше время получило дальнѣйшее подкрѣпленіе со стороны законовъ, рассматри-

вающихъ какъ обиду не только такіе случаи насилія, которые причиняютъ лишь ничтожныя поврежденія, но даже намѣренные толчки и другія насильственныя дѣйствія надъ чужимъ тѣломъ; за обиду дѣйствіемъ (assault) признаются даже угрожающіе жесты руками, безъ дѣйствительнаго прикосновенія, и также поцѣлуй, данный безъ согласія, признается наказуемой обидой.

42. Еще одинъ видъ посягательства на физическую неприкосновенность, не признававшійся въ старину, но признаваемый въ наше время, это—распространеніе заразы.

Названный видъ правонарушенія, несмотря на его тяжесть и частное признаніе его закономъ, не занимаетъ ни въ общемъ сознаніи, ни въ законѣ такого яснаго мѣста, какъ слѣдовало бы, вѣроятно по причинѣ неопредѣленности и недостоверности вредоносныхъ послѣдствій. Вотъ отецъ, увозящій домой своего мальчика, страдающаго заразною болѣзнью: онъ не принимаетъ во вниманіе того обстоятельства, что вагонъ, въ которомъ они ѣдутъ, можетъ сообщить заразу другимъ. Вотъ мать, спрашивающая доктора, нельзя-ли послать ея дѣтей, достаточно оправившихся отъ скарлатины, въ школу, и желающая послать ихъ, несмотря на утвержденіе, что они весьма легко могутъ сообщить заразу своимъ школьнымъ товарищамъ.

Такія дѣйствія, разумѣется, заслуживаютъ наказанія, но они обыкновенно остаются не обнаруженными, и зло, могущее отсюда произойти, такъ слабо сознается, что они едва признаются проступками, хотя, собственно говоря, ихъ слѣдовало бы признавать чѣмъ-то вродѣ преступленій, если не дѣйствительныхъ, то возможныхъ.

Вспомнимъ, что теперь признано и закономъ, и общественнымъ мнѣніемъ, что не только настоящій физическій ущербъ, причиненный другимъ, но даже возможный ущербъ подлежитъ осужденію. Мы достигли стадіи, когда тѣло каждаго человѣка признается территоріей настолько неприкосновенной для всѣхъ другихъ, что мы признаемъ обидами всѣ дѣйствія, которыя, по всей вѣроятности, могутъ посягнуть на эту неприкосновенность.

43. Такимъ образомъ безспорно, что то, что признано нами первичнымъ слѣдствіемъ изъ формулы справедливости, постепенно устанавливалось по мѣрѣ соціальной эволюціи и сопровождающей ее эволюціи душевной природы человѣка. Продолжительное общеніе съ условіями, при которыхъ только

и можетъ гармонично продолжаться социальная жизнь, медленно измѣняло чувства, идеи и законы, сообразно съ первичной этической истиной, выводимой изъ названныхъ условий ¹⁾).

Въ особенности слѣдуетъ намъ здѣсь замѣтить, что убійство, — какъ намѣренное, такъ и ненамѣренное, — членовредительство, обида дѣйствіемъ и всѣ вообще проступки противъ физической неприкосновенности, вплоть до самыхъ мелочныхъ, стали правонарушеніями не въ силу законовъ, ихъ воспрепятствующихъ, и не въ силу запрещеній, имѣющихъ предполагаемое сверхъестественное происхожденіе; но ихъ характеръ, какъ правонарушеній, былъ послѣдствіемъ нарушенія извѣстныхъ, естественно возникшихъ ограниченій.

Остается только сказать, что въ то время, какъ въ системѣ абсолютной этики, слѣдствіе, извлеченное здѣсь изъ формулы справедливости, оказывается неограниченнымъ, — въ относительной этикѣ оно должно подвергнуться ограниченію въ силу необходимости социального самосохраненія. Первичный законъ (а именно, что каждая особь должна испытывать благо и зло, составляющее слѣдствіе ея собственной природы) вытекаетъ изъ поведенія, надлежащимъ образомъ принимающаго во вниманіе предѣлы, установленные общественною жизнью.

Мы уже видѣли, однако, что въ случаѣ, если какая-либо группа испытываетъ опасности отъ внѣшнихъ враговъ, законъ этотъ долженъ быть видоизмѣненъ вторичнымъ закономъ, требующимъ такого пожертвованія особями, какое необходимо, чтобы сохранить за группою возможность надлежащихъ дѣйствій и полученія результатовъ отъ этихъ дѣйствій.

Поэтому, ради цѣлей оборонительной войны, слѣдуетъ оправдать такую утрату физической неприкосновенности, какою требуетъ дѣйствительная защита общества, предполагая,

¹⁾ Одинъ адвокатъ, много занимавшійся вопросомъ объ эволюціи права, подтвердилъ положенія предшествующихъ и послѣдующихъ главъ, какъ для старинныхъ, такъ и для нынѣшнихъ законовъ, и присоединилъ къ предыдущему параграфу слѣдующее замѣчаніе: „Недавнее дѣло въ Клайтеро о похищеніи жены, установившее, что мужъ не вправе насильственно удерживать свою жену, представляетъ любопытный примѣръ этого ученія. Въ данномъ случаѣ право замужней женщины на физическую свободу было только что установлено апелляціоннымъ судомъ, и это противъ мнѣнія двухъ весьма знающихъ судей первой инстанціи, полагавшихъ, что старинный законъ гласилъ иное.“

Судебное наказаніе учителей начальныхъ школъ за примѣненіе къ мальчикамъ розги представляетъ другой примѣръ возрастанія этого чувства, видоизмѣняющаго законъ, подъ видомъ выполненія его“.

разумѣется, что такая защита возможна: такъ какъ въ случаѣ подавляющей силы нападающей стороны, такое пожертвованіе отдѣльными личностями, повидимому, не оправдывается.

Здѣсь оказывается, — и это мы увидимъ во всѣхъ послѣдующихъ главахъ, — что съ требованіями абсолютной этики можно вполне сообразоваться лишь въ состояніи прочнаго мира; и пока земной шаръ все еще будетъ покрытъ народами, предающимися политическому разбою, окажутся выполненными только требованія относительной этики.

ГЛАВА X.

Права свободного движенія и перемѣщенія.

44. Права каждаго человѣка свободно пользоваться своими членами и двигаться безъ помѣхи съ мѣста на мѣсто, какъ прямые выводы изъ формулы справедливости, почти слишкомъ очевидны для того, чтобы нуждаться въ особомъ подчеркиваніи. Дѣйствительно, эти права, — быть можетъ, болѣе, нежели всякія другія, — непосредственно признаются въ мысли, какъ прямые выводы.

Ясно, что если кто-либо свяжетъ члены другого, прикуетъ его цѣпью къ столбу или же заключить въ темницу, то онъ при этомъ проявитъ бѣольшую свободу дѣйствій, чѣмъ его плѣнникъ; не менѣе ясно, что если, угрожая наказаніемъ, или инымъ способомъ, одинъ препятствуетъ другому перемѣнить мѣсто жительства, то и этимъ онъ совершаетъ аналогичное нарушеніе права равной свободы.

Далѣе ясно, что если, тѣмъ или другимъ путемъ, свобода человѣка уничтожена или уменьшена, не однимъ человѣкомъ, а группою людей, дѣйствующихъ сообща, — если, напр., каждый изъ членовъ низшаго класса встрѣчаетъ отчасти помѣху для своей способности движенія и перемѣщенія, вслѣдствіе правилъ, установленныхъ высшимъ классомъ, то каждый изъ членовъ этого высшаго класса является нарушителемъ конечнаго принципа равенства; различіе возможно лишь относительно степени нарушенія.

45. Мы уже видѣли, что инстинктъ, побуждающій къ бѣгству, а также къ желанію убѣжать, если животное поймано, обнаруживаетъ какъ у низшихъ существъ, такъ и у

человѣка, присутствіе того импульса, который, въ концѣ концовъ, проявляется, какъ сознательное притязаніе на свободное движеніе и перемѣщеніе. Но въ то время какъ этотъ положительный элементъ чувства, соотвѣтствующаго праву, глубоко укоренившійся въ насъ, проявляется очень рано, — отрицательный элементъ, соотвѣтствующій налагаемымъ на насъ границамъ, можетъ достигъ сколько-нибудь замѣтнаго развитія не раньше, чѣмъ успѣетъ упрочиться дисциплина, вызываемая общественностью.

Существуютъ примѣры, показывающіе, что гдѣ не существуетъ правительственнаго контроля, или же гдѣ онъ очень слабъ, тамъ сильно выражено молчаливое притязаніе на безпрепятственное движеніе, и это независимо отъ того, свирѣпъ или же кротокъ характеръ расы. Съ одной стороны, можно указать на аборовъ, до того назойливыхъ, что они не въ состояніи жить сообща, и на племя нага, которому такъ чуждо понятіе о власти, что они насмѣхаются надъ мыслью имѣть какого-либо правителя. Съ другой стороны, могу привести примѣръ вышеназванныхъ лепча, убѣгающихъ, при всей своей кротости, въ лѣса и питающихся кореньями скорѣе, чѣмъ подчиниться обузданію; или же джакуновъ, высоко цѣнимыхъ въ роли слугъ за свои добродѣтели, но сразу убѣгающихъ, если только почувствуютъ надъ собою несправедливое примѣненіе власти. Отличаясь всѣ вообще сильнымъ чувствомъ личной свободы, эти типы человѣчества различаются въ томъ отношеніи, что у воинственныхъ племенъ это чувство чисто эгоистично, тогда какъ у мирныхъ оно также альтруистично, т. е. сочетается съ уваженіемъ къ личной свободѣ другихъ людей.

Начиная съ первичныхъ неорганизованныхъ группъ, или же группъ съ очень слабой организаціей, мы видимъ, что прогрессъ къ установленію крупныхъ и организованныхъ группъ совершается войною. Это подразумѣваетъ малое уваженіе къ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ свободѣ; и поэтому, въ теченіе процесса образованія націй, признаніе притязаній на свободу, а также на жизнь, играетъ второстепенную роль: чувство постоянно подавляется, а идея становится смутною. Лишь послѣ того, какъ социальное скрѣпленіе достигло значительнаго успѣха и общественная организація стала въ значительной степени промышленною, — лишь когда война перестала быть постоянною, а военный типъ общественнаго строя ослабѣлъ, — только при этихъ усло-

віяхъ указанныя чувства и идеи стали болѣе рѣзко выраженными.

Здѣсь намъ придется бросить взглядъ на нѣкоторые изъ шаговъ, посредствомъ которыхъ постепенно устанавливается какъ этически, такъ и легально, притязаніе на свободу движенія и перемѣщенія.

46. Было основательно замѣчено, что возникновеніе рабства въ сущности явилось ограниченіемъ людоедства и въ этомъ смыслѣ составило прогрессъ. Когда военнопленному стали позволять жить и работать, вмѣсто того, чтобы быть сжареннымъ и съѣденнымъ,—основной принципъ справедливости болѣе не былъ абсолютно отрицаемъ для его личности; такъ какъ продолженіе его жизни, даже при навязанныхъ ему силою условіяхъ, сдѣлало возможнымъ нѣкоторую поддержку соотношенія между поведеніемъ и послѣдствіемъ.

Гдѣ обращенные въ рабство военнопленные и ихъ потомки, получая пищу и кровь настолько, насколько это необходимо для пользованія ими, какъ рабочимъ скотомъ, въ то же время въ любое время могутъ быть употреблены въ пищу (какъ было до недавняго времени у фиджійцевъ),—тамъ смягченіе людоедства сравнительно ничтожно; но гдѣ съ рабомъ обращаются въ значительной мѣрѣ, какъ съ членомъ семьи (а это мы видимъ у многихъ нецивилизованныхъ народовъ), тамъ ограниченія его свободы въ сущности немногимъ значительнѣе тѣхъ, которымъ подвергаются дѣти.

Подчеркивать различныя формы ограниченія рабства, существовавшія у разныхъ народовъ въ разныя времена и при измѣненіи социальныхъ условій, было бы здѣсь бесполезно для нашей цѣли, даже если бы это и было выполнимо на практикѣ. Слѣдуетъ упомянуть лишь о такихъ фактахъ, которые указываютъ, какимъ образомъ развилось понятіе объ индивидуальной свободѣ, какъ въ законѣ, такъ и въ этикѣ. Мы можемъ отмѣтить, что у евреевъ можно было покупать чужеземцевъ и они, вмѣстѣ съ дѣтьми, передавались по наслѣдству, какъ имущество; но евреи, продававшіе себя, своимъ-ли соплеменникамъ или живущимъ среди нихъ чужестранцамъ, были подвержены рабству, ограниченному, какъ по продолжительности, такъ и по отношенію къ суровости: при этомъ выставлялось то основаніе, что, какъ служители Іеговы, они не могли быть отчуждаемы навсегда. Но здѣсь не существовало ни признанія какого-либо зла, причиняемаго порабощеніемъ, ни соответственнаго права на свободу. Этотъ

пробѣль въ чувствахъ и въ идеяхъ, ставшихъ въ новѣйшія времена такими господствующими, продолжалъ существовать и послѣ возникновенія христіанства въ неизмѣнномъ видѣ. Христіанство не отвергло прямо рабства; по отношенію къ свободѣ, былъ данъ совѣтъ предпочесть ее рабству, но очевидно здѣсь не подразумѣвалось никакого обязательнаго притязанія каждой особи на безпрепятственную свободу движенія и перемѣщенія. То же мы видимъ у грековъ, да и у большинства народовъ на раннихъ стадіяхъ ихъ развитія. Въ гомерическія времена военнопленныхъ обращали въ рабство и ихъ можно было продавать и выкупать, а въ теченіе всего періода греческой цивилизаціи, при войнахъ, бывшихъ, въ сущности, хроническими, рабство признавалось нормальной стороною соціального порядка. Порабощеніе плѣненіемъ, за долги и по другимъ причинамъ, признавалось несчастіемъ, но рабовладѣльцу не ставилось въ укоръ. Стало быть, понятіе о свободѣ, какъ неотчуждаемомъ правѣ каждого человѣка, мало проявлялось или вовсе не существовало ни въ этикѣ, ни въ правѣ. Оно неизбежно устранялось по отношенію къ рабамъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, потому что даже люди, номинально свободные, были въ сущности рабами государства — такъ какъ каждый гражданинъ принадлежалъ не самому себѣ, но своему народу. И стоитъ замѣтить, что въ наиболѣе воинственномъ изъ греческихъ государствъ, а именно въ Спартѣ, не только положеніе илота было униженнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, но и самъ господинъ — спартиатъ былъ въ большей степени, чѣмъ гдѣ-либо, лишенъ возможности распоряжаться своими движеніями по произволу.

Дѣйствительно, можно признать, вообще, слѣдующій фактъ: въ государствахъ, значительно увеличившихся и усложнившихся, естественно случалось, что ростъ ихъ, зависѣвшій отъ нападеній и завоеваній, подразумѣвалъ обузданіе внутри общества, а поэтому индивидуальность такъ сильно подавлялась, что оставляла немногіе слѣды въ законѣ и въ обычаяхъ.

47. Для иллюстраціи того, какъ возрастаетъ, въ области морали и въ сферѣ законодательства, понятіе о человѣческой свободѣ, установившееся теперь у передовыхъ цивилизованныхъ расъ, достаточно бросить взглядъ на нѣкоторые изъ главныхъ шаговъ, которые возможно прослѣдить въ нашей англійской исторіи.

Однѣ за другими прибывавшія толпы завоевателей, то покорявшихъ, то изгонявшихъ прежнихъ владѣльцевъ земли,

населяли страну, и, разумѣется, случалось, что между ними бывали рабы — классъ несвободныхъ, первоначально военно-плѣнныхъ, время отъ времени пополнявшійся должниками и преступниками. По мѣрѣ возрастанія населенія и сопровождавшаго его развитія политической организаціи, тѣ люди, которые, при первоначальной системѣ такъ называемыхъ марокъ, составляли классъ свободныхъ людей, постепенно утратили значительную долю своей свободы. Порою это зависѣло отъ столкновеній внутри группъ, причемъ нѣкоторые изъ членовъ стали одерживать верхъ; но большею частью это происходило во время внѣшнихъ конфликтовъ, приводившихъ къ покоренію и къ установленію власти лордовъ. Крестьяне стали подвластными владѣльцамъ (такъ называемымъ танамъ thegns), а эти владѣльцы — высшимъ. Въ эпоху Альфреда „признавалось, что ни одинъ человекъ не можетъ существовать безъ господина“. Этимъ подразумѣвается лишеніе свободы не только для членовъ самаго низкаго сословія (рабовъ, подлежавшихъ куплѣ и продажѣ), но и для членовъ всѣхъ высшихъ сословій. Несмотря на перемѣны, послѣдовавшія за (норманскимъ) завоеваніемъ, ограниченіе свободы, подразумѣваемое присягою на вѣрность, продолжало существовать или даже усилилось, исключая развѣ частнаго упраздненія торговли рабами. Вмѣстѣ съ ростомъ городовъ въ теченіе XI столѣтія, при развитіи промышленныхъ учрежденій, при замѣнѣ принудительныхъ отношеній договорными и развитіи „новаго моральнаго чувства, относящагося къ праву на равную для всѣхъ справедливость“, явился „переходъ отъ чистаго рабства въ несовершенной свободѣ“. Столѣтіе спустя, Великая Хартія ограничиваетъ произволь власть и вытекающую отсюда потерю свободы гражданами. Возрастающее вліяніе промышленныхъ классовъ обнаружилось въ предоставленіи свободы путешествій чужеземнымъ купцамъ. Затѣмъ, еще сто лѣтъ спустя, когда было уничтожено постепенно ослабѣвавшее прикрѣпленіе раба къ землѣ, вполне свободный рабочій приобрѣлъ право безпрепятственнаго передвиженія. Онъ отчасти утратилъ это право, когда „черная смерть“ произвела такія сильныя опустошенія въ населеніи; послѣдовавшее отсюда значительное повышение заработной платы побудило къ изданію статута, установившаго цѣну труда и прикрѣпившаго рабочаго къ его приходу. Однако, эти задержки, причинивъ сильное сопротивленіе, привели къ насильственному утверженію равенства, не только относительно права пере-

движенія, но и по отношенію къ другимъ вещамъ. Но какъ мало признавалось тогда правящими классами притязаніе на свободу, доказывается тѣмъ фактомъ, что когда, послѣ покоренія возставшихъ крестьянъ, король намекнулъ на освобожденіе, то землевладѣльцы, утверждая, что рабы составляютъ ихъ имущество, сказали, что „никогда не давали и не дадутъ согласія на освобожденіе, „хотя бы всѣмъ пришлось умереть въ одинъ день“. Возрастаніе промышленной дѣятельности и организаціи произвело возрастаніе свободы; точно также, обратно, двадцать лѣтъ воинственной дѣятельности, извѣстной подъ названіемъ „Войнъ Алой и Бѣлой Розы“, разрушили значительную часть пріобрѣтенной свободы. Впрочемъ, не было уничтожено отдѣленіе мужаика отъ земли и вытекающая отсюда возможность странствованія. Въ томъ смутномъ соціальному состояніи, которое явилось послѣдствіемъ разрушенія феодализма, эта оторванность крестьянина отъ земли повлекла за собою промышленную неурядицу, которую пытались устранить, подвергнувъ снова рабочій классъ извѣстному обузданію и частью прикрѣпивъ его въ мѣсту осѣдлости, безъ дальнѣйшей помѣхи его движеніямъ. Свободу, добытую такимъ образомъ, все еще приходилось охранять. Постановленія противъ произвольнаго заключенія въ тюрьму, ведущія начало со временъ Великой Хартии, но часто нарушаемая, были усилены, въ концѣ XVII вѣка, актомъ Habeas Corpus. Исключая незначительныхъ нарушеній, причиненныхъ временною паникою, личная свобода въ Англіи съ тѣхъ поръ оставалась неприкосновенною, а тѣ мелкія ограниченія свободы передвиженія, которыя подразумѣвались законами, воспрещающими ремесленникамъ путешествовать въ поискахъ за работою, были формально отмѣнены въ 1824 году.

Теперь не забудемъ отмѣтить, что, на-ряду съ медленнымъ законодательнымъ установленіемъ начала личной свободы, возрастало и соотвѣтственное чувство; сверхъ того, въ эгоистическому утвержденію свободы подъ конецъ присоединилось и альтруистическое. Тѣ перемѣны, которыя, въ теченіе многихъ вѣковъ, повысили соціальный строй отъ состоянія полнаго рабства низшаго сословія и ограниченнаго рабства высшихъ сословія, до состоянія абсолютной свободы всѣхъ, подъ конецъ произвели и чувство, и законъ, утверждающій эту свободу. И это утвержденіе касается не только англійскихъ гражданъ, но и чужихъ, находящихся подъ охраною англій-

скихъ законовъ, — начиная съ освобожденія рабовъ, ступившихъ на англійскую почву, и оканчивая освобожденіемъ всѣхъ тѣхъ, которые жили въ англійскихъ колоніяхъ. Съ того времени, повсемѣстное уничтоженіе рабства и было всегдашнею цѣлью.

48. Кромѣ людей, полагающихъ, что цивилизація есть пятное движеніе, всѣ допустить, стало быть, что индукція подтверждаетъ эту дедукцію, выведенную изъ основного начала справедливости. Есть люди, полагающіе, что древнія общества принадлежали къ высшему типу, нежели наши, и что человѣческое благополучіе тамъ осуществлялось полнѣе; другіе полагаютъ, что феодальная организація, съ ея степенями вассальныхъ отношеній, наложенныхъ надъ крѣпостнымъ правомъ, достигала болѣе значительнаго итога благополучія, чѣмъ существующая въ наше время. Люди, подобные Карлейлю, вздыхающіе по временамъ аббата Сампсона и восхищающіеся повиновеніемъ восточныхъ народовъ, могутъ логично утверждать, что возрастаніе чувства свободы и установленіе индивидуальной свободы закономъ вовсе не является опорой абстрактныхъ выводовъ настоящей главы. Но люди, полагающіе, что наше время лучше, чѣмъ то, когда дворяне жили въ замкахъ и носили кольчуги, — люди, думающіе, что *oubliettes* и застѣнки были принадлежностями соціального состоянія, менѣе желательнаго, нежели то, когда князья наравнѣ съ бѣдными подлежатъ общему правосудію, — люди, увѣренные въ томъ, что режимъ, вызвавшій крестьянскіе бунты, былъ хуже того, который характеризуется многочисленными обществами, содѣйствующими народному благосостоянію, — всѣ эти люди должны допустить, что обобщеніе, выведенное изъ человѣческаго опыта въ широкомъ смыслѣ слова, согласно съ слѣдствіемъ, выведеннымъ выше изъ формулы справедливости. Но это повелѣніе абсолютной этики должно быть ограничено требованіями относительной этики. Нами былъ установленъ въ началѣ принципъ, а именно, что сохраненіе вида или же разновидности его, составляющей общество, является цѣлью, которая должна предшествовать сохраненію особи. Отсюда слѣдуетъ, что право на индивидуальную свободу, подобно праву на индивидуальную жизнь, должно подтверждаться, подчиняясь ограниченіямъ, требуемымъ мѣрами, необходимыми для національной безопасности. Посягательство на свободу, которое требуется для сохраненія самой свободы, имѣетъ за собою подобіе этической гарантіи. Подчиняясь только условію,

чтобы всѣ способные члены общества одинаково подвергались ограниченіямъ, это посягательство на свободу движенія и перемѣщенія, вынуждаемое военной организаціей и дисциплиной, является законнымъ, — предполагая, во всякомъ случаѣ, что имѣющаяся въ виду цѣль есть оборонительная война, а не наступательная.

ГЛАВА IX.

Право пользованія природною средою.

49. Можетъ случиться, что человѣкъ не испытываетъ ни малѣйшаго тѣлеснаго поврежденія отъ дѣйствій своихъ ближнихъ и ни малѣйшей помѣхи въ своихъ движеніяхъ, но тѣмъ не менѣе ему препятствуютъ выполнять дѣятельности, необходимыя для поддержанія жизни. Для этого достаточно помѣхи тѣмъ или инымъ его отношеніямъ къ физической средѣ, отъ которой зависитъ его жизнь. Дѣйствительно, предполагается, что нѣкоторыя изъ этихъ природныхъ силъ не могутъ быть изъяты изъ общаго владѣнія. Такъ, напр., мы читаемъ слѣдующее:

„Нѣкоторыя вещи по самой природѣ неспособны къ присвоенію, такъ что не могутъ попасть подъ чью-либо власть. Римское право придало имъ названіе *res communes*. Ихъ опредѣляли, какъ вещи, никому не принадлежащія въ собственность, но находящіяся во всеобщемъ пользованіи. Такъ, свѣтъ, воздухъ, текучая вода и т. п. приспособлены къ всеобщему пользованію въ такой мѣрѣ, что ни одна особь не въ состояніи пріобрѣсти ихъ въ собственность или лишить другихъ возможности пользованія. (An Institute of the Law of Scotland. By John Erskine, ed. Macallan, I, 196).“

Но хотя свѣтъ и воздухъ не могутъ быть монополизированы, однако распредѣленіе ихъ можетъ быть таково, что одинъ человѣкъ отчасти лишить другого возможности пользованія, и въ такой даже степени, что причинить послѣднему серьезный вредъ.

Никакая помѣха этого рода невозможна безъ нарушенія закона равной свободы. Если одинъ человѣкъ постоянно лишаетъ другого возможности пользоваться равною долею свѣта, то этимъ совершается нарушеніе принципа.

въ силу котораго свобода каждаго ограничена подобною же свободою всѣхъ другихъ; то же справедливо, если является помѣха для свободнаго доступа воздуха.

Подъ эту общую категорію необходимо, однако,—помощью необычайнаго расширенія смысла нашего опредѣленія,—включить то, что допускаетъ присвоеніе, а именно—поверхность земного шара. Земная поверхность, образуя часть физической среды, повидимому, необходимо включается въ число тѣхъ составныхъ частей среды, на которыя можно имѣть притязанія, основываясь на законѣ равной свободы. Ни у кого нельзя абсолютно отвергать права на земную поверхность, не сдѣлавъ неосуществимою дѣятельность, способную поддерживать жизнь; при отсутствіи почвы, на которой можно было бы стоять, человѣкъ вовсе ничего не способенъ дѣлать. Поэтому, изъ закона равной свободы, если его примѣнить строго, повидимому, вытекаетъ, что поверхность земли не можетъ быть абсолютно присваиваема отдѣльными лицами, но можетъ только быть въ ихъ пользованіи—такимъ способомъ, который подразумеваетъ, въ послѣдней инстанціи, что и другіе имѣютъ то же право собственности: другими словами, собственникомъ является все общество.

Что касается этического и законодательнаго признанія притязаній на пользованіе другими природными богатствами, намъ пришлось бы сказать немногое. Лишь вопросъ о земной поверхности требуетъ усиленнаго вниманія. Разсмотримъ, однако, эти предметы, по порядку.

50. На самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія, когда городская жизнь еще не началась, никто не могъ серьезно препятствовать другому человѣку пользоваться свѣтомъ. Въ лагеряхъ дикарей и въ деревняхъ земледѣльческихъ племенъ, никто, преслѣдуя свои цѣли, не имѣлъ повода заслонять свѣтъ своему сосѣду. Впрочемъ, самый характеръ и расположеніе построекъ дѣлали такое насиліе почти невозможнымъ. Въ болѣе позднія времена, когда стали появляться города, стало сомнительнымъ, чтобы люди впредь обращали большое вниманіе на притязанія сосѣдей относительно пользованія свѣтомъ. На тѣхъ стадіяхъ соціальной эволюціи, когда праву на жизнь и свободу придавалось мало значенія, такія сравнительно пустячныя правонарушенія, какія совершались людьми, строившими дома совершенно близко передъ другими домами, едва ли могли обратить на себя особое вниманіе,—все равно, считать-ли это нравственнымъ или

юридическимъ проступкомъ. Узкія, темныя улицы старинныхъ континентальныхъ городовъ, подобно малымъ дворамъ и узкимъ аллеямъ, характеризующимъ болѣе старинныя части нашихъ англійскихъ городовъ, показываютъ, что въ дни построения этихъ улицъ прегражденіе солнечнаго свѣта и неба своему сосѣду не признавалось обидой. И, дѣйствительно, можно съ основаніемъ утверждать, что признаніе такой обиды въ тѣ времена было бы неосуществимымъ, такъ какъ въ окруженныхъ стѣною городахъ тѣсное скопленіе домовъ стало необходимою.

Въ новѣйшія времена, однако, возникло убѣжденіе, что естественное распредѣленіе свѣта не должно встрѣчать помѣхъ. Законъ, воспреещающій строить стѣны, дома или другія зданія известной высоты ближе предписаннаго разстоянія отъ уже построенныхъ домовъ, правда, не абсолютно воспрещаетъ заслонять свѣтъ сосѣду; однако, онъ запрещаетъ и такое перехватываніе свѣта, если оно достигаетъ значительной степени, т. е. старается согласовать сооруженіе новаго дома съ притязаніями смежныхъ домовладѣльцевъ, насколько это возможно. Другими словами, хотя указанный выводъ изъ закона равной свободы и не высказывается вполнѣ громогласно, онъ, во всякомъ случаѣ, пользуется молчаливымъ признаніемъ.

51. Прегражденіе доступа свѣта до известной степени подразумѣваетъ помѣху относительно доступа воздуха: запрещеніе одного изъ этихъ правонарушеній подразумѣваетъ запретность другого. Однако, притязаніе на пользование воздухомъ, хотя и признанное англійскимъ закономъ, относящимся къ вѣтрянымъ мельницамъ, менѣе опредѣленно установлено, — быть можетъ потому, что прегражденіе доступа воздуха причиняло лишь незначительное зло. Тѣмъ не менѣе, явилось опредѣленное признаніе права на неспорченный воздухъ. Дѣйствія чловѣка, уменьшающаго доступъ воздуха, не причисляются опредѣленнымъ образомъ къ проступкамъ; но дѣйствія, портящія качество воздуха, въ новѣйшія времена признаются проступками, порою подверженными лишь нравственному порицанію, но иногда влекущими за собою и законодательную кару. До нѣкоторой степени всѣ вынуждены портить своимъ дыханіемъ воздухъ, вдыхаемый другими, находящимися по близости людьми. Стоитъ только пройти немного позади курящаго, чтобы замѣтить, какъ широко распространяются выдыханія изъ легкихъ каждаго чловѣка

и до какой, стало быть, степени люди, особенно въ комнатахъ, вынуждены вдыхать воздухъ, уже бывший въ чужихъ легкихъ и оттуда періодически вытѣсняемый. Но такъ какъ эта порча воздуха взаимна, то она и не составляетъ насилія. Насиліе является лишь въ томъ случаѣ, если одинъ или нѣсколько портятъ воздухъ такимъ способомъ, въ которомъ другіе не участвуютъ; напр., это часто случается въ вагонахъ, гдѣ люди, считающіе себя джентльменами, бурятъ въ помѣщеніяхъ, предназначенныхъ для некурящихъ. При этомъ иногда пользуются номинальнымъ, а не реальнымъ согласіемъ спутниковъ и не думаютъ о непріятности, доставляемой на долгое время тѣмъ, которые будутъ позднѣе путешествовать въ отдѣленіяхъ, пропитанныхъ табачнымъ дымомъ. Помимо того, что люди, правильно объ этомъ судящіе, признаютъ такіе поступки непристойными, такое куреніе прямо запрещено желѣзнодорожными правилами и въ силу особыхъ постановленій можетъ подлежать денежному штрафу.

Переходя отъ случаевъ этого рода къ другимъ, болѣе серьезнымъ, мы должны отмѣтить запрещенія, направленные противъ различнаго загрязненія воздуха, какъ, напр., когда рѣчь идетъ о зловоніи, распространяемомъ извѣстными производствами, о вредномъ дымѣ и парахъ, выходящихъ, напр. изъ трубъ химическихъ заводовъ, и вообще о дымѣ, выходящемъ изъ большихъ трубъ. Законодательства, воспреещающія подобное зараженіе воздуха, подразумѣваютъ право каждаго гражданина на неиспорченный воздухъ.

Подъ ту же категорію можно съ удобствомъ подвести другой родъ правонарушеній, для которыхъ ареною является окружающая среда. Я говорю о производствѣ несносныхъ звуковъ. Бываютъ и малыя, и крупныя правонарушения этого рода. Если кто-либо говоритъ за общимъ столомъ въ гостинницѣ такъ громко, что мѣшаетъ разговору другихъ, или если кто-нибудь, во время представленія въ театрѣ или въ концертѣ, упорно разсѣиваетъ вниманіе слушателей разговоромъ, то это подвергается, по малой мѣрѣ, порицанію. Такіе поступки признаются противными приличіямъ, т. е. нравственности, такъ какъ „хорошія манеры“ входятъ въ мораль, какъ составная часть. Но если проступки этого рода совершаются публично и продолжительно, какъ, напр., если кто-либо на улицѣ затѣетъ музыку — особенно рѣжущую слухъ, или если фабрика производитъ несносный шумъ, или если

колокола звонять слишком рано, то такого рода насилие признается закономъ подлежащимъ карѣ; признаніе это, однако, далеко не отличается полнотою, что видно изъ примѣра желѣзнодорожныхъ свистковъ въ центральныхъ станціяхъ: здѣсь безъ надобности дозволяютъ тревожить десятки тысячъ людей въ теченіе цѣлой ночи, причемъ порою причиняется серьезный вредъ больнымъ.

Мы видимъ, что относительно пользованія воздухомъ принципъ ограниченія свободы cadaго равною свободою всѣхъ другихъ, хотя не провозглашается во всеуслышанье, однако, сталъ признаваться молчаливо; это признаніе въ весьма широкой степени имѣетъ нравственный характеръ, а въ довольно значительной степени признается также закономъ.

52. Положеніе вещей, къ которому привела цивилизація, не препятствуетъ легкому усвоенію слѣдствій, выведенныхъ выше, но скорѣе расчищаетъ для нихъ почву. Въ эпоху, когда людоѣдство было обычнымъ дѣломъ и когда часто приносили людей въ жертву богамъ, утвержденіе права жизни могло бы встрѣтить ропотъ; но идеи и обычаи тѣхъ временъ не оставили такихъ слѣдовъ, которые могли бы стоять поперекъ дороги безпристрастному сужденію. Пока рабство и крѣпостничество были глубоко укоренены въ социальномъ строѣ, утвержденіе права на свободу могло встрѣтить сильное противодѣйствіе; однако въ наше время, по крайней мѣрѣ у англичанъ, не существуетъ никакой идеи, чувства или обычая, находящагося въ противорѣчии съ тѣмъ выводомъ, что каждый человекъ свободенъ относительно употребленія своихъ членовъ и перемѣщенія, куда ему угодно. То же можно сказать объ отношеніяхъ къ окружающей средѣ. Такія мелкія прегражденія доступа воздуха и свѣта, которыя часто происходили отъ построекъ въ старинныхъ городахъ, а также та порча воздуха, которую причиняетъ дымъ, едва-ли значительно препятствуютъ усвоенію общаго положенія, что люди имѣютъ равныя права на пользованіе средою, въ которой всѣ они находятся. Но имѣютъ-ли люди равныя притязанія на пользованіе остальной частью окружающаго—частью, которую трудно назвать средою—почвою, на которой всѣ стоятъ, и которая питаетъ насъ всѣхъ своими продуктами? Это положеніе встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны идей и учреждений, доставшихся намъ отъ прошедшихъ временъ. Эти идеи и учрежденія возникли, когда соображенія относительно равенства такъ же мало касались землевладѣнія, какъ и владѣнія рабами

или крепостными; но они и теперь затрудняют усвоение общаго положенія. Допустимъ, что при тѣхъ нравственныхъ чувствахъ, которыя произведены нынѣшнимъ общественнымъ строемъ, люди находились бы на территоріи, еще не раздѣленной на части, принадлежащія отдѣльнымъ собственникамъ. Они не колеблясь признали бы равенство притязаній на землю, точно такъ же, какъ безъ колебаній признали бы равенство правъ на свѣтъ и воздухъ.

Но теперь, послѣ того, какъ мы имѣемъ фактъ давнишняго присвоенія, продолжительной культуры, многихъ покупокъ и продажъ, — вопросъ усложнился, и требованіе абсолютной этики, несогласное съ существующимъ порядкомъ, представляется вполне подлежащимъ отрицанію. Прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, бросимъ взглядъ на нѣкоторыя изъ старинныхъ формъ землевладѣнія.

На раннихъ стадіяхъ земледѣльческой культуры, земля, послѣ быстрого истощенія, вскорѣ не стоить дальнѣйшаго владѣнія; что и было отчасти причиною, почему у мало-цивилизованныхъ и получивилизованныхъ народовъ отдѣльныя лица вскорѣ бросали расчищенные ими участки и начинали расчищать новые. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о причинахъ, остановимся только на фактѣ, что въ древнихъ стадіяхъ развитія частная поземельная собственность неизвѣстна: лишь право пользованія принадлежитъ земледѣльцу, тогда какъ самая земля молчаливо признается собственностью племени. Это мы и теперь видимъ, напр., у жителей Суматры и др.; то-же было у нашихъ предковъ. Члены *марки*, владѣя порознь продуктами обработанныхъ участковъ, не были собственниками самыхъ надѣловъ. Можно, конечно, сказать, что первоначально всѣ они были членами одной и той же семьи, рода или клана, и что каждый участокъ былъ частной собственностью, въ томъ смыслѣ, что принадлежалъ союзу родственниковъ; однако, тотъ же способъ землевладѣнія уцѣлѣлъ и позднѣе, когда населеніе *марки* стало включать людей, не состоявшихъ въ родствѣ съ другими; такимъ образомъ, общинное, а не частное землевладѣніе было установившимся учрежденіемъ. Первобытное состояніе будетъ ясно понято, если мы присмотримся къ русскимъ, у которыхъ оно лишь отчасти упразднено:

„Сельскія земли были общимъ владѣніемъ всѣхъ членовъ общины или *мира*; отдѣльный членъ общества былъ собственникомъ лишь урожая и двора, окружающаго его избу. Это первобытное состояніе землевладѣ-

нія, существующее въ Россіи до сихъ поръ, нѣкогда было общимъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, (*Histoire de Russie* par A. Rambaud, англ. перев. Leng'a, I, 45).

Позволю себѣ добавить нѣсколько выписокъ изъ книги Мэккензи Уоллеса „Россія“, гдѣ описано первобытное и позднѣйшее состояніе. Онъ указываетъ, что пока донскіе казаки были настоящими кочевниками, „земледѣліе у нихъ было запрещено подъ угрозой смерти“, повидимому, вслѣдствіе помѣхи, оказываемой охотѣ и скотоводству. Далѣе Уоллесъ пишетъ:

„Позднѣе, каждый казакъ, желавшій снять урожай, пахаль и сѣяль, гдѣ находилъ удобнымъ, и владѣль присвоеннымъ участкомъ, пока того желалъ; когда почва начинала обнаруживать признаки истощенія, онъ бросалъ участокъ и пахаль въ другомъ мѣстѣ. Когда число земледѣльцевъ увеличилось, часто стали возникать ссоры. Еще худшія бѣдствія явились, когда по сосѣдству появились ярмарки. Въ нѣкоторыхъ станицахъ, болѣе богатая семья захватила чудовищныя количества общей земли, пользуясь нѣсколькими упряжками воловъ, или нанимая крестьянъ сосѣднихъ деревень, пахавшихъ для нихъ землю; вмѣсто того, чтобы бросать участки послѣ двухъ или трехъ урожаевъ, они стали ихъ удерживать. Такимъ образомъ вся пахать или, по крайней мѣрѣ, ея лучшія части, стали фактически, если не по закону, частной собственностью немногихъ семействъ (*Wallace, Russia, II, 86*)“.

Произошло нѣчто въ родѣ переворота, и Уоллесъ такъ описываетъ послѣдствія:

„Сообразно съ требованіями безземельныхъ членовъ общества, присвоенная земля была конфискована общиною, и была введена система періодическихъ передѣловъ.... Благодаря этой системѣ, каждый взрослый мужчина обладаетъ участкомъ земли“ (*Ibid. II, 87*).

Въ степяхъ „участокъ земли обыкновенно воздѣлывается только три или четыре года подъ рядъ. Затѣмъ его оставляютъ, по крайней мѣрѣ на вдвое большее время, и земледѣльцы переходятъ на какую-либо другую часть общинной территоріи... При такихъ обстоятельствахъ, принципъ частной собственности въ странѣ едва-ли можетъ прочно укорениться. Каждое семейство

настаиваетъ на владѣніи скорѣе извѣстнымъ *количествомъ* земли, чѣмъ участкомъ, и довольствуется правомъ пользования, тогда какъ право собственности остается въ рукахъ общины“ (Ibid. II, 26).

Но въ центральныхъ и болѣе подвинувшихся губерніяхъ это древнее обыкновение видоизмѣнилось, хотя существенный характеръ землевладѣнія не упраздненъ.

„При трехпольной системѣ, земледѣльцы не переходятъ періодически изъ одной части общинной территоріи въ другую, но постоянно обрабатываютъ одни и тѣ же поля, и вынуждены удобрять свои участки... Хотя трехпольная система примѣняется уже въ теченіе многихъ поколѣній въ центральныхъ губерніяхъ, однако общинныя начала, съ ихъ періодическимъ передѣломъ земли, все еще остаются неприкосновенными“ (Ibid. II, 29).

Эти и многіе другіе подобныя факты ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ выводъ, что прежде чѣмъ прогрессъ соціальной организаціи измѣнилъ отношенія отдѣльныхъ лицъ къ почвѣ, вездѣ господствовала общинная, а не частная собственность.

Такимъ образомъ измѣнилось это отношеніе? Какъ оно могло измѣниться? Конечно, не путемъ непринужденнаго соглашенія.

Преступленіе порою причиняло утрату доли, принадлежащей отдѣльному лицу въ общей собственности; но такія насилія оставляли отношеніе остальныхъ членовъ общины къ землѣ неизмѣнными. Подобный же результатъ могъ бы произойти по причинѣ задолженности; но долгъ предполагаетъ кредитора. Едва ли возможно допустить, чтобы въ роли кредитора выступала община, какъ цѣлое; задолженность же отдѣльному члену общины не могла сдѣлать должника способнымъ отдать въ уплату что-либо, чѣмъ онъ не владѣлъ на правахъ частной собственности и что не можетъ перейти въ такую же собственность другого лица.

Быть можетъ и въ другихъ мѣстахъ играла роль причина, дѣйствовавшая въ Россіи, гдѣ нѣкоторыя лица, воздѣлывавшія болѣе обширныя площади, чѣмъ другія, накопили богатства и вытекающую отсюда власть и не получили избытка земли; но мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи это привело къ преобразованію и возстановленію первичнаго состоянія; отсюда видно, что процессъ скопленія земель въ немногихъ рукахъ здѣсь, а вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ,

признавался актомъ насилія. Очевидно, что главной причиною было прямое или косвенное примѣненіе силы; порою дѣйствовали внутреннія причины, но большею частью внѣшнія. Споры и драки внутри общины приводили къ преобладанію; порою это облегчалось владѣніемъ укрѣпленными домами; такимъ образомъ подготовлялся путь къ частной узурпаціи. У сванетовъ мы и теперь еще видимъ, что каждая семья въ деревнѣ имѣетъ свою укрѣпленную башню. Легко понять отсюда, какимъ образомъ внутренніе раздоры въ деревнѣ общины обыкновенно влекли за собою господство отдѣльных лицъ, которое оканчивалось установленіемъ, что частныя притязанія на землю одерживали верхъ надъ притязаніями общины. Но внѣшнее завоеваніе всюду было главнымъ способомъ замѣны общинной собственности частною. Нельзя допустить, чтобы во времена, когда плѣнниковъ обращали въ рабовъ, а плѣнницъ считали военною добычею, — могло существовать большее уваженіе къ раньше существовавшей поземельной собственности. Старинные англійскіе буканьеры, которые, сходя на берегъ, убивали священниковъ у алтарей, зажигали церкви и избивали народъ, искавшій тамъ убѣжища, были бы совершенно непонятными существами, еслибы они признавали поземельную собственность за людьми, оставшимися въ живыхъ. Датскіе пираты, въ старину подымавшіеся по рѣкамъ и сожигавшіе цѣлыя поселенія, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ, протыкали пиками дѣтей или продавали ихъ на рыночной площади; слѣдовало бы допустить чудесное превращеніе, еслибы они послѣ этого задались вопросомъ, кому принадлежали занятія ими *марки* и допустили права своихъ жертвъ на землю. Двумя столѣтіями позднѣе, непрерывная внутренняя война уже произвели военныхъ правителей, предъявлявшихъ нѣчто въ родѣ феодальныхъ притязаній надъ владѣвшими землею; но затѣмъ явились норманскіе завоеватели, и право завоеванія еще разъ уничтожило тѣ роды собственности, которые успѣли возникнуть. Общинныя же права на землевладѣніе еще болѣе были угнетены тѣмъ родомъ частной собственности, который свойственъ феодализму.

Побѣда, доставляющая неограниченную власть надъ покоренными и надъ ихъ имуществомъ, влечетъ за собою, смотря по природѣ расы, всеобщее упроченіе частной собственности, болѣе или менѣе ограниченной, смотря по требованіямъ политики. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. въ Дагомеѣ,

является лишь абсолютная монополія короля, относящаяся не только къ землѣ, но и ко всему остальному. Въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Англии, является верховная собственность короля, признающая подчиненныя ей права вельможъ и ихъ вассаловъ, съ цѣлою лѣстницей ступеней, причемъ низшее право на землю подчиняется высшему, и все это подъ условіемъ военной службы: верховное право, разумѣется, признается за короной.

Какъ первичное состояніе, такъ и послѣдующія, оставили свои слѣды въ существующихъ поземельныхъ законахъ. Есть много мѣстныхъ правъ, ведущихъ свое происхожденіе съ того времени, когда „частная собственность на землю, какъ мы теперь ее понимаемъ, была нововведеніемъ, а потому должна была выдерживать борьбу.“¹⁾

„Люди, пользующіеся общинными правами; основываются на данныхъ, которыя, если бы ихъ удалось прослѣдить назадъ до конца, гораздо болѣе древни, чѣмъ права лорда. Права этого рода принадлежали членамъ деревенской общины задолго до того времени, когда можно было слышать что-либо о помѣстьяхъ и о владѣющихъ ими лордахъ“²⁾.

Каждый знаетъ, какъ немилосердно обращаются еще теперь съ правами общинниковъ, когда идетъ рѣчь о томъ, чтобы добиться акта, дозволяющаго огородить извѣстный участокъ (такъ назыв. *inclosure acts*); читатель будетъ поэтому очень легковѣренъ, если подумаетъ, что въ болѣе грубыя времена превращеніе общинныхъ правъ въ частныя совершалось на началахъ справедливости. Частная собственность однако была обыкновенно неполною, такъ какъ подвергалась притязаніемъ болѣе высшаго господина, а чрезъ его посредство и еще болѣе высшаго, откуда вытекаетъ, что частная собственность была подчинена главѣ всего общества.

„Наши старинныя уложенія не признавали никакой абсолютной частной собственности на землю, исключая собственности короны. Предполагалось, что всѣ земли непосредственно или посредственно были во владѣніи короны, хотя могло и не быть никакой ренты или повинностей и никакой дарственной грамоты отъ короны“³⁾.

¹⁾ Fred. Pollock, *The Land Laws*, p. 2.

²⁾ *Ibid*, p. 6.

³⁾ Pollock, *ibid*, 12.

Переживаніе этого понятія о поземельной собственности, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, даже въ настоящее время доказывается тѣмъ фактомъ, что изъ году въ годъ государственная власть присваиваетъ землю для общественныхъ цѣлей, послѣ надлежащаго удовлетворенія прежнихъ обладателей. Можно, правда, возразить, что это притязаніе государства на верховную поземельную собственность составляетъ лишь часть его притязаній на верховную собственность въ общемъ смыслѣ слова; при этомъ можно сослаться на то, что государство присваиваетъ себѣ право присвоить все, что угодно, за опредѣленное вознагражденіе; однако, присвоеніе земли есть притязаніе, которое обыкновенно имѣетъ принудительный характеръ, тогда какъ притязаніе на другіе предметы чисто номинально и не принудительно. Такъ, когда идетъ рѣчь о покупкѣ картинъ для національнаго музея, то государство просто выступаетъ конкурентомъ частныхъ покупателей и можетъ имѣть успѣхъ или же неуспѣхъ.

Остается только подчеркнуть, что политическія перемѣны, медленно замѣнявшія прежнюю частную власть короны властью народа, тѣмъ самымъ замѣнили и частныя коронныя права на землю правами народно-государственными. Въ Англіи представительное правленіе унаслѣдовало прежнюю высшую власть; тѣмъ самымъ оно унаслѣдовало и верховныя права собственности на землю. Парламентъ является лишь представителемъ общества, поэтому верховное право на землю теперь принадлежать въ Англіи обществу. Этого не отрицаютъ и сами землевладѣльцы. Отчетъ, напечатанный въ декабрѣ 1889 года совѣтомъ „Лиги защищающей свободу и собственность“, — а въ составѣ этого совѣта сидятъ нѣсколько пэровъ и двое судей, — служить хорошимъ доказательствомъ. Высказавъ, что существенный принципъ ихъ организаціи, „основанный на документальномъ опытѣ“, состоитъ въ недовѣріи „бюрократизму, какъ правительственному такъ и муниципальному“, совѣтъ утверждаетъ затѣмъ слѣдующее:

„Этотъ принципъ, примѣненный къ поземельному вопросу, ясно указываетъ на частную собственность, ограниченную государственнымъ верховенствомъ... Земля конечно можетъ быть отчуждаема за уплату полного вознагражденія, и на ней можетъ вести хозяйство народъ, если онъ того желаетъ“.

Здѣсь въ видѣ единственнаго довода въ пользу удержа-

нія существующей системы землевладѣнія приводятся дурныя качества требуемой, для указанной цѣли, административной системы; но верховныя права собственности общества на землю прямо признаются. Итакъ, на раннихъ стадіяхъ, наряду со свободою каждаго человѣка, мы видимъ совмѣстное владѣніе землею у цѣлой группы людей; но въ теченіе продолжительныхъ періодовъ той воинственной дѣятельности, которая сгруппировала маленькія общества въ большія, была утрачена индивидуальная свобода, и въ то же время утратилось участіе въ поземельной собственности. По мѣрѣ упадка воинственности и по мѣрѣ возрастанія индустриализма, вновь стала пріобрѣтаться индивидуальная свобода, и вновь пріобрѣтено было участіе въ поземельной собственности, — по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ назначенія тѣхъ лицъ, которыя въ настоящее время распоряжаются всею землею. Члены общества, чрезъ посредство своихъ представителей, пользуются правомъ отчужденія и пользованія землею по своему желанію; отсюда вытекаетъ, что они, если сочтутъ это умѣстнымъ, вправѣ, безъ нарушенія справедливости, присвоить и всю вообще землю для пользованія ею. Но справедливость и обычное право одинаково подразумеваютъ, что нынѣшніе землевладѣльцы не могутъ быть лишены своихъ участковъ, не получивъ взамѣнъ справедливо опредѣленной цѣнности. То-же относится и въ отчужденію всей совокупности земли обществомъ: оно можетъ быть совершено, безъ нарушенія справедливости, только путемъ покупки. Еслибы непосредственное примѣненіе права собственности было сдѣлано обществомъ безъ покупки, то общество взяло бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, что ему принадлежитъ, также и чудовищно большее количество ему непринадлежащаго. Оставимъ даже въ сторонѣ тѣ многочисленныя усложненія, которыя, въ теченіе многихъ вѣковъ, необычайно запутали притязанія разныхъ лицъ; рассмотримъ вопросъ теоретически, приведя его къ простѣйшему выраженію. И въ этомъ случаѣ намъ придется допустить, что все, чего въ правѣ требовать общество, — это поверхности страны въ ея первичномъ необработанномъ состояніи. На всю ту цѣнность, которая придается землѣ расчисткою, вспашкою, продолжительною культурою, огораживаньемъ, орошеніемъ, проведеніемъ дорогъ, сооруженіемъ фермъ и т. д., — а это составляетъ почти всю цѣнность земли, — общество не имѣетъ никакого права. Эта цѣнность была придана либо личнымъ

трудомъ, либо трудомъ, за который было уплачено, либо трудомъ предковъ; или же наконецъ цѣнность приданная землѣ такими способами, была куплена посредствомъ денегъ, законно заработанныхъ. Вся эта искусственно приданная цѣнность досталась нынѣшнимъ собственникамъ, и безъ чудовищнаго ограбленія не можетъ быть у нихъ отнята. Если въ теченіе многочисленныхъ сдѣлокъ, приведшихъ къ существующему землевладѣнію, совершалось много насилій и обмановъ, то все же все это малость по сравненію съ тѣмъ насиліемъ и обманомъ, въ которомъ было бы повинно общество, еслибы оно отняло безъ вознагражденія всю ту искусственную цѣнность, которая была придана землѣ трудомъ почти двухъ тысячелѣтій.

53. Возвратимся къ общей темѣ этой главы, къ правамъ на пользованіе природными дарами. Здѣсь главнымъ образомъ отмѣтимъ, какимъ путемъ эти права постепенно приобрѣли законодательную санкцію, по мѣрѣ того, какъ общества повышались, переходя отъ низшихъ типовъ къ высшимъ.

Въ началѣ главы мы видѣли, что въ новѣйшія времена возникли законодательныя утвержденія равенства правъ людей на пользованіе свѣтомъ и воздухомъ. Никакія формы соціальной организаціи или классовыхъ интересовъ, впрочемъ, замѣтно не препятствовали признанію этихъ выводовъ, вытекающихъ изъ закона равной свободы. И мы только что видѣли, что, если не громогласно и не сознательнымъ образомъ, то хотя молчаливо въ наши дни признавались равныя права всѣхъ избирателей на верховную собственность, относительно всей населенной территоріи; права эти, хотя и въ скрытой формѣ, утверждаются каждымъ парламентскимъ актомъ, отчуждающимъ землю. Хотя это право на пользованіе землею, которымъ обладаетъ каждый гражданинъ, встрѣчаетъ помѣху въ установленныхъ порядкахъ въ такой степени, что на практикѣ упраздняется, однако. Существованіе его, какъ справедливаго притязанія, не можетъ быть отрицаемо безъ того, чтобы не утверждать, что экспроприація посредствомъ государственнаго декрета несправедлива. Право нынѣшнихъ землевладѣльцевъ можетъ быть справедливымъ образомъ устраненно лишь въ томъ случаѣ, если существуетъ предшествующее ему право общества, взятаго въ цѣломъ; а это предшествующее право общества состоитъ изъ суммы индивидуальныхъ правъ его членовъ.

Примѣчаніе. Различныя соображенія, относящіяся къ этому злополучному вопросу о поземельной собственности, заняли бы здѣсь слишкомъ много мѣста, а поэтому я включилъ ихъ въ приложение В.

ГЛАВА XII.

Право собственности.

54. Всѣ матеріальные объекты, которые только могутъ быть предметомъ собственности, тѣмъ или инымъ способомъ добываются изъ земли. Отсюда слѣдуетъ, что право собственности прежде всего зависитъ отъ права пользованія землею. Когда не было еще искусственныхъ продуктовъ и произведенія природы были поэтому единственными вещами, доступными присвоенію, то эта связь была очевидно необходимою. Въ нашемъ развитомъ общественномъ строѣ есть множество имуществъ (начиная съ домовъ, мебели, платьевъ, предметовъ искусства и кончая банковыми билетами, желѣзнодорожными акціями, закладными, правительственными облигаціями и т. д.), не имѣющихъ очевиднаго отношенія къ пользованію землею. Однако, необходимо только припомнить, что эти предметы являются лишь продуктами труда, либо замѣстителями такихъ продуктовъ; но трудъ обезпечивается пищей, а пища добывается изъ почвы; такимъ образомъ связь съ землею, хотя отдаленная и запутанная, существуетъ во всякомъ случаѣ. Отсюда вытекаетъ, что полное этическое оправданіе права собственности затрудняется тѣми же мотивами, которые играютъ роль при этическомъ оправданіи права пользованія землею.

Оправданіе, которое пытался дать Локкъ, не удовлетворительно. Локкъ говоритъ: „хотя земля и всѣ низшія существа составляютъ общее достояніе всѣхъ людей, однако каждый человѣкъ собственникъ своей личности“. Отсюда онъ заключаетъ, что „трудъ его тѣла и работа его рукъ“ принадлежать ему; затѣмъ Локкъ продолжаетъ:

„Все, что человѣкъ удаляетъ отъ состоянія, которое природа устроила и оставила такимъ,—все это потребовало вмѣшательства его труда, ко всему этому человѣкъ присоединилъ нѣчто свое, а поэтому сдѣлалъ это своею собственностью“. Но вѣдь можно было бы отвѣтить Локку слѣдующимъ образомъ. Согласно съ его послылками, „земля и всѣ низшія существа“ принадлежать всѣмъ людямъ; стало быть, надо получить согласіе всѣхъ людей, прежде чѣмъ мы получимъ право „удалить“ какой-либо предметъ изъ того общественнаго состоянія, въ которое онъ былъ поставленъ природой. Спорный вопросъ состоитъ въ томъ, приобрѣлъ-ли человѣкъ, посредствомъ затраты труда на удаленіе предмета изъ естественнаго состоя-

нія, право, превышающее предшествующія права *всѣхъ* другихъ людей, взятыхъ въ совокупности. Возникающее такимъ образомъ затрудненіе можетъ, однако, быть устранено. Есть три способа, посредствомъ которыхъ въ дикомъ, въ полудицивилизованномъ и въ цивилизованномъ состояніи разныя права собственности могутъ быть установлены, при должномъ соблюденіи одинаковыхъ правъ *всѣхъ* другихъ людей.

Представимъ себѣ племя, занимающее область, гдѣ оно собираетъ или ловитъ разныя произведенія природы. Между этими жителями можетъ явиться если не явное, то молчаливое соглашеніе насчетъ того, что, располагая одинаковыми средствами воспользоваться такими продуктами, *всѣ* они должны пассивно соглашаться на присвоеніе, совершенное *кѣмъ-либо* однимъ. Между членами охотничьихъ племенъ существуетъ такое соглашеніе. Поучительно, однако, наблюдать, что нѣкоторые изъ нихъ, если не въ теоріи, то на практикѣ подтверждаютъ указанное выше ограниченіе. Дѣйствительно, обычай вызываетъ со стороны другихъ членовъ племени нѣкоторое притязаніе на дичь, убитую однимъ изъ членовъ племени: очевидно, этимъ подразумевается убѣжденіе, что добыча отчасти принадлежала имъ передъ тѣмъ, какъ была убита. Скулькрафтъ говоритъ намъ о команчахъ:

Они не признаютъ опредѣленныхъ правъ на *мое* и *твое*, исключая личнаго имущества. Занимаемую ими территорію и пасущуюся на ней дичь они считаютъ общей собственностью всего племени: дичь присваивается лишь поимкой... Убившій дичь удерживаетъ шкуру, а мясо раздѣляется, смотря по потребностямъ партіи охотниковъ, всегда безъ всякихъ споровъ, и каждый дѣлится пищею со всякимъ членомъ племени.

Подобнаго же рода обычаи и понятія мы находимъ у племени чиппеуэй. По словамъ Скулькрафта:

Если дичь загнана внутрь изгороди партіей охотниковъ, то ее дѣлятъ между *всѣми* участвовавшими въ преслѣдованіи. Если же она попала въ принадлежащую кому либо западню, то признается частной собственностью; тѣмъ не менѣе, любой охотникъ, потерпѣвшій неудачу въ поискахъ за дичью, вправѣ взять такимъ образомъ пойманнаго оленя, оставивъ голову, шкуру и хребетъ собственнику западни.

Для оцѣнки почти справедливаго (*quasi-equitable*) принципа, если не вполне отчетливо, то смутно признаваемого здѣсь правомъ, представимъ себѣ кого-либо, кто является совмѣстнымъ арендаторомъ рыбной ловли или кому, вмѣстѣ съ другими гостями, дозволено ловить рыбу; ему, конечно, не пріятно, если другой арендаторъ или гость станетъ непра-

вильно пользоваться ловлей. Чувство это было бы еще сильнее, если бы присваивалась ненадлежащая доля пищи, вмѣсто ненадлежащей доли участія въ спортѣ.

Переходя отъ охотничьяго состоянія къ полуосѣдлому, мы встрѣчаемъ обычаи, подразумевающіе тѣ же общіе принципы. Занятая площадь, вмѣсто того, чтобы быть для всѣхъ одинаково пригодною въ дѣлѣ собиранія пищи, доставленной ею самопроизвольно, становится одинаково годною для всѣхъ въ дѣлѣ произращенія пищи. Продукты труда въ этомъ послѣднемъ случаѣ, подобно добычѣ труда въ первомъ случаѣ, являются собственностью того, кто затрачиваетъ трудъ. Согласіе племени на то, чтобы кто-либо былъ собственникомъ пищи, произращенной на участкѣ, кѣмъ-либо присвоенномъ, подразумевается однородными присвоеніями, точно также сдѣланными всѣми другими. Какъ было сказано въ послѣдней главѣ относительно надѣловъ у русскихъ общинниковъ, возникающее такимъ образомъ неопредѣленное соглашеніе, наконецъ, становится опредѣленнымъ. Является раздѣлъ земли на равные участки; каждый надѣлъ обрабатывается тѣмъ, кому онъ достался, и за владѣльцемъ признается право собственности на продукты его участка. Подобнаго же рода соглашеніе существовало у ирландцевъ время Генриха II и позднѣе. „Земля, принадлежащая племени, раздѣлялась между его членами, но передѣлялась вновь черезъ нѣсколько лѣтъ“. Этимъ подразумевается, что, по общему соглашенію, полученное однимъ лицомъ, посредствомъ своего труда, съ участка земли, при соблюденіи данныхъ условій, было его исключительной собственностью. Итакъ, въ этомъ случаѣ, какъ и въ первомъ, право собственности возникаетъ, сообразуясь съ закономъ равной свободы.

Нельзя сказать, чтобы возникающая такимъ образомъ собственность была слѣдствіемъ настоящаго договора между каждымъ членомъ общины и общиною, какъ цѣлымъ. Однако, здѣсь есть нѣчто вродѣ воображаемаго договора ¹⁾; и такой воображаемый договоръ можетъ превратиться въ дѣйствительный, если одна часть общины посвятить себя другимъ занятіямъ, тогда какъ остальные будутъ по прежнему воздѣлывать землю. Въ этомъ случаѣ доля продукта будетъ, по соглашенію, выдаваться тѣмъ, которые перестали вести хозяйство, за пользованіе ихъ земельными участками.

Мы не имѣемъ доказательства, чтобы когда-либо возникало такое отношеніе между владѣльцами и общиною и чтобы послѣдствіемъ этого было подтвержденіе права собствен-

¹⁾ Въ подлинникѣ сказано потенціального договора, т. е. существующаго въ возможности.

ности общины на продукты, остающіеся послѣ уплаты доли, равносильной рентѣ. Но это зависитъ отъ того, что первоначальное общинное право собственности обыкновенно узурпировалось внутренними или же внѣшними насильниками, и рента, если не въ видѣ продукта, то въ видѣ труда или воинской службы, обыкновенно выплачивалась узурпатору. Но при такомъ положеніи дѣлъ, справедливыя права собственности, какъ и всякія другія права, попираются. Однако, именно изъ такихъ узурпацій феодальной эпохи, какъ мы видѣли, возникали тогдашнія государственныя земли и ленныя права; но изъ этихъ государственныхъ правъ можетъ вновь возникнуть теоретически справедливое право собственности. Въ Китаѣ, гдѣ „вся земля отдается прямо отъ короны за уплату годичной подати“ „съ присоединеніемъ личной службы государству“ право собственности на продукты, остающіеся послѣ уплаты ренты обществу, можетъ быть утверждено лишь при предположеніи, что императоръ представляетъ собою общество. Въ Индіи, гдѣ правительство является верховнымъ собственникомъ земли и гдѣ, пока существовала система *земиндаровъ*, государство было непосредственнымъ получателемъ ренты, происхожденіе права собственности изъ договора между личностью и обществомъ можетъ быть утверждено лишь съ еще большей натяжкой. Да и въ Англии, (гдѣ теорія, гласящая, что всякій землевладѣлецъ есть арендаторъ коронной земли, почти только и остается теоріей) нѣтъ лучшихъ условій для удовлетворенія этическимъ требованіямъ. Лишь мѣстами, гдѣ государственная собственность имѣетъ не потенциальный, а дѣйствительный характеръ, и коронѣ уплачивается обыкновенная рента (при чемъ казна въ такомъ случаѣ должна быть отождествляема съ обществомъ)—лишь въ такихъ странахъ установился тотъ родъ пользованія землею, который придаетъ теоретически прочное основаніе праву частной собственности.

Допуская, однако, что установленіе съ этической точки зрѣнія полного права собственности встрѣчаетъ трудности, вродѣ тѣхъ, которыя препятствуютъ этически-обыкновенному праву на пользованіе землею, мы тѣмъ не менѣе видимъ изъ обзора фактовъ, доставляемыхъ существующими теперь первобытными обществами, а также древнѣйшею исторіей цивилизованныхъ обществъ, что право собственности первичнымъ образомъ можетъ быть выведено изъ закона равной свободы. Это становится невозможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если были пренебрежены другія слѣдствія, вытекающія изъ того же закона равной свободы.

55. Выводъ этотъ, рано признанный обычаемъ и впоследствии формулированный законодателями, долженъ все болѣе и

болѣе разрабатываться и усиливаться по мѣрѣ развитія общества.

Первоначально право собственности рассматривалось какъ притязаніе со стороны труда, безъ насилія другимъ лицамъ. Это доказывается тѣмъ фактомъ, что у грубѣйшихъ народовъ, у которыхъ хотя въ малѣйшей степени развилось понятіе о собственности, существуетъ собственность на оружія, утварь, одежду и украшенія,—предметы такого рода, что цѣнность, приданная имъ трудомъ, представляетъ весьма значительную пропорцію по сравненію съ цѣнностью сырого матеріала. Если къ такимъ предметамъ мы присоединимъ хижины, обыкновенно сооружаемыя съ помощью товарищей, пользующихся взаимною помощью, то окажется, что мы назвали почти всѣ вещи, у которыхъ первоначально цѣнность, придаваемая усиліемъ, велика по сравненію съ внутренней присущей имъ (inherent) цѣнностью. Дѣйствительно, внутренняя цѣнность собранной или пойманной пищи болѣе очевидна, нежели цѣнность усилія, затраченнаго на добычаніе ея. А это, безъ сомнѣнія, и является причиною, почему, въ самыхъ грубыхъ обществахъ, право собственности болѣе опредѣленно по отношенію къ личному убранству и орудіямъ, нежели по отношенію къ другимъ вещамъ.

Доказательствомъ того, что признаніе права собственности есть первоначально признаніе соотношенія между усиліемъ и выгодною, служить, на болѣе поздней стадіи, режимъ патриархальной группы и домашней общины. Дѣйствительно, какъ указываетъ сэръ Генри Мэнъ, глава группы былъ сначала номинальнымъ собственникомъ всѣхъ ея имуществъ; однако, фактически онъ былъ лишь довѣреннымъ лицомъ, и каждый изъ членовъ группы, принося свою долю участія въ совмѣстныхъ трудахъ, пользовался своею долею и относительно продуктовъ. Этотъ порядокъ, полу-соціалистическій внутри группы, но состязательный внѣ ея, не придаетъ опредѣленнаго выраженія праву индивидуальной собственности, однако, молчаливо утверждаетъ, что трудъ долженъ приносить работающему нѣчто равноцѣнное въ видѣ продукта. Это молчаливое утвержденіе переходитъ въ открытое въ тѣхъ случаяхъ, когда члены группы приобрѣтаютъ собственность помощью труда, затрачиваемаго ими независимо отъ трудовъ остальныхъ.

Здѣсь было бы и неумѣстнымъ и излишнимъ прослѣдить развитіе права собственности, насколько это право было установлено правителями и находилось подъ управленіемъ его агентовъ; при этомъ слѣдовало бы начать съ запрещенія кражи въ еврейскихъ заповѣдяхъ и довести до новѣйшихъ дней, когда собственность всякаго рода была легально формулирована съ многочисленными подробностями и большою точностью.

Для настоящихъ цѣлей достаточно отмѣтить, что подразумѣваемый здѣсь принципъ справедливости,—быть можетъ, сначала усматриваемый яснѣе, чѣмъ какой-либо иной,—по мѣрѣ социальнаго прогресса приобрѣлъ болѣе значительную опредѣленность какъ относительно признанія, такъ и по болѣе широкому примѣненію и большей принудительности. Такимъ образомъ теперь, нарушеніе права собственности, посредствомъ недозволеннаго присвоенія корня рѣпы или нѣсколькихъ вѣтвей хвороста, стало проступкомъ, подлежащимъ наказанію; право собственности установилось на пѣсню, на узоръ, на фабричное клеймо.

56. Многіе въ наше время полагаютъ, что справедливость и моральный принципъ требуютъ переступить границы этого права. Они считаютъ несправедливымъ, чтобы каждый человѣкъ пользовался выгодами, пропорціональными его усиліямъ; они отвергаютъ, чтобы человѣкъ могъ по справедливости обладать всѣмъ, что произвелъ его трудъ, предоставляя менѣе способнымъ обладать тѣмъ, что произведено ихъ трудами.

Выражая это ученіе въ его кратчайшей формѣ, его можно формулировать такимъ образомъ: Пусть неодинаковые роды или количества работы доставляютъ равныя доли продукта; пусть произойдетъ „равный раздѣлъ неравнымъ образомъ заработаннаго“.

Очевидно, что коммунизмъ подразумѣваетъ нарушеніе справедливости, какъ мы ее опредѣлили въ предыдущихъ главахъ. Когда мы утверждаемъ, что свобода каждаго ограничена лишь такою же свободою всѣхъ, то этимъ самымъ утверждаемъ, что каждый можетъ свободно удерживать въ свою пользу всѣ тѣ выгоды и источники выгодъ, которые добываетъ, не нарушая сферы дѣятельности сосѣдей. Итакъ, если кто-либо, помощью превосходства силы, ума или прилежанія, приобрѣтаетъ болѣе, чѣмъ другія лица, и дѣлаетъ это, ни мало не вторгаясь въ чужія сферы, то законъ равной свободы предоставляетъ ему исключительное обладаніе всѣми подобными экстренными выгодами или источниками выгодъ. Да и другія лица не могутъ отнять ихъ у него, не потребовавъ для себя болѣе значительной свободы дѣйствія, чѣмъ сколько онъ требуетъ, и такимъ отнятіемъ нарушаютъ тотъ же законъ.

Въ прежнія времена устраивали такъ, что немногіе высшіе пользовались выгодами на счетъ многихъ низшихъ. Теперь предлагаютъ ввести порядокъ, при которомъ многіе низшіе должны были бы воспользоваться выгодами на счетъ немногихъ высшихъ. Старинная социальная система была принята людьми, признававшими ее справедливыми; новая признается справедливою людьми, ее предлагающими. По ихъ мнѣнію,

такое распределение безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ считать справедливымъ, а поэтому его можно, по справедливости, установить силою; примѣненіе силы, если не открыто, то молча подразумѣвается такими планами. Насколько человѣческая природа извѣстна изъ прошлаго и изъ настоящаго, тотъ, кто обладаетъ превосходствомъ физической или умственной силы или большимъ прилежаніемъ въ работѣ, и кто вслѣдствіе этого зарабатываетъ болѣе другихъ, не согласится добровольно отдать избытки другимъ. Тамъ и сямъ найдется человѣкъ, готовый сдѣлать это, но такіе люди далеко отличаются отъ средняго человѣка. Средній человѣкъ изъ числа высшихъ „не захочетъ добровольно отдать другимъ избытокъ“ выгоду, добываемыхъ имъ въ силу превосходства; стало бытъ всѣ такіе планы подразумѣваютъ, что онъ будетъ принужденъ поступить такъ, и что сила, принуждающая его, заслуживаетъ оправданія. Обѣ стороны согласны въ томъ, что многочисленныя низшіе физически способны принудить къ этому немногихъ высшихъ: но коммунисты идутъ далѣе, допуская, что требуемое насиліе со стороны большинства худшихъ надъ меньшинствомъ лучшихъ было бы актомъ справедливости.

Послѣ того, что было сказано въ первыхъ главахъ этой части, едва-ли стоитъ подчеркивать, что система, установленная въ коммунистическомъ ученіи, повлекла бы за собою вырожденіе гражданъ и гибель общества, образованнаго изъ такихъ гражданъ. Устраненіе той естественной дисциплины, посредствомъ которой каждая порода существъ остается приспособленною къ дѣятельностямъ, требуемымъ жизненными условіями, неизбежно повлечетъ за собою негодность для жизни, а стало-бытъ приведетъ къ быстрому или медленному исчезновенію.

57. Итакъ, абсолютная этика утверждаетъ, такимъ образомъ, право собственности; нарушеніе же этого права, вродѣ того, какое подразумѣвается проектами коммунистовъ, не гарантируется тою относительною этикою, которая принимаетъ во вниманіе временныя нужды. Однако, относительная этика требуетъ такихъ ограниченій права собственности, которыя вынуждаются вознагражденіемъ стоимости охраны, какъ національной, такъ и индивидуальной.

Въ самомъ началѣ книги нами была признана та истина, что сохраненіе вида или же той его разновидности, которая образуетъ данное племя, является цѣлью, которая должна предшествовать индивидуальному сохраненію. Истина эта уже была подчеркнута при оправданіи того пожертвованія правомъ жизни, которое подразумѣвается возможностью гибели во время оборонительной войны. Она оправдываетъ и то пожертвованіе правомъ свободы, которое требуется, въ тѣхъ же

случаяхъ, военною службою и подчиненіемъ. Здѣсь также надо указать на законность присвоенія тѣхъ частей имущества и заработковъ частныхъ лицъ, которыя могутъ потребоваться для надлежащаго сопротивленія врагамъ. Но въ то время, какъ оборонительная война доставляетъ почти этическое оправданіе всякаго нарушенія правъ собственности, какое понадобится для ея цѣлей, ничего подобнаго нельзя привести въ оправданіе, когда рѣчь идетъ о наступательной войнѣ.

Не менѣе очевидно, что право собственности законнымъ образомъ подвергается еще одному дальнѣйшему ограниченію. Собственность приходится нарушать для поддержки тѣхъ общественныхъ управленій, которые служатъ въ свою очередь для насильственной поддержки права собственности и всѣхъ другихъ правъ. Въ обществѣ, цѣликомъ составленномъ изъ людей, должнымъ образомъ уважающихъ взаимныя притязанія, никакія подобныя частныя вторженія въ право чужой собственности не были бы возможны; но въ существующихъ обществахъ и въ такихъ, которыя, повидимому, будутъ еще существовать въ теченіе долгаго времени, наибольшее приближеніе къ выполненію закона равной свободы достигается въ томъ случаѣ, когда разныя вторичныя права жертвуются въ степени, необходимой для сохраненія всѣхъ остальныхъ. Итакъ, относительная этика гарантируетъ такое равномерно распределенное податное обложеніе, какое необходимо для поддержанія порядка и безопасности.

ГЛАВА XIII.

Право невещественной собственности.

58. Даже собака, вступающая въ драку не только за найденную кость, но и за сюртукъ или иной предметъ, оставленный ей хозяиномъ на попеченіе, способна признать право собственности на видимый, осязаемый предметъ; отсюда ясно, что для пониманія права на матеріальную собственность требуется лишь ничтожная доля ума. Гораздо большая понятливость требуется тамъ, гдѣ собственность невидима и неосязаема. Требуется творческое воображеніе для того, чтобы понять существованіе продукта мыслительной способности; еще болѣе высокое творческое воображеніе необходимо для того, чтобы понять, что продуктъ умственнаго труда точно съ такимъ же основаніемъ можетъ признаваться

собственностью, какъ и продуктъ ручного труда. Будемъ ли мы разсматривать положительный или отрицательный элементъ права, въ обоихъ случаяхъ можно доказать, что оба рода труда стоятъ на равной ногѣ. Вспомнимъ, что справедливость, съ положительной точки зрѣнія, состоитъ въ томъ, что каждое лицо получаетъ выгоды и невыгоды, зависящія отъ его собственной природы и вытекающаго изъ нея поведенія. Отсюда ясно, что если какое-либо лицо достигаетъ какого-либо результата помощью умственного труда, оно должно пользоваться всѣми благами, естественно вытекающими изъ этого результата. Справедливость, какъ мы ее опредѣлили, требуетъ, чтобы связь между поведеніемъ и послѣдствіемъ въ этомъ случаѣ испытала не болѣе значительныя помѣхи, чѣмъ во всякомъ другомъ. Притязаніе на предвидѣнное благо имѣетъ полную силу.

Не менѣе очевидно, что отрицательный элементъ справедливости, удерживающій, у общественныхъ существъ, дѣятельность каждой изъ нихъ въ предѣлахъ, опредѣленныхъ сходными дѣятельностями всѣхъ остальныхъ, воспрещаетъ присвоеніе произведеній чужой умственной дѣятельности; или, точнѣе, воспрещаетъ пользованіе безъ согласія произведшаго, если это пользованіе такого рода, что изобрѣтатель хотѣлъ извлечь изъ него выгоду отъ другихъ лицъ. Пусть напр. А издастъ какое-либо умственное произведеніе; если В, С, D станутъ пользоваться этимъ безъ согласія А, то тѣмъ самымъ нарушаютъ законъ равной свободы; дѣйствительно, они въ отдѣльности воспользовались выгодой, воспользовались продуктомъ умственного труда А, не доставивъ А удобнаго случая извлечь выгоду отъ пользованія какими-либо равноцѣнными продуктами, вещественными или умственными, ихъ собственного труда. Если на это отвѣтять, что умственное произведеніе А не отнимается у него другими лицами, которыя только пользуются этимъ плодомъ его труда, то обратно можно сказать, что для произведеній ума, какъ и для матеріальныхъ вещей, пользованіе другими лицами можетъ составлять имѣющійся въ виду источникъ выгодъ. Кто строитъ домъ и нанимаетъ его или кто дѣлаетъ экипажъ, затѣмъ нанимаемый путешественникомъ, считается обманутымъ людьми, занимающими домъ или нанимающими коляску безъ уплаты за нее. Онъ произвелъ нѣчто не для собственного, а для чужого употребленія и не получаетъ взамѣнъ той ожидаемой выгоды, ради которой построилъ или сдѣлалъ что-либо. Даже

если не было заключено опредѣленнаго соглашенія насчетъ уплаты ренты или наемной платы, всѣ допускаютъ, что собственникъ потерпѣлъ ущербъ. Подобнымъ же образомъ, хотя тотъ, кто создалъ какое-либо произведеніе ума, не лишается его вслѣдствіе пользованія другими лицами, однако даже при отсутствіи между ними опредѣленнаго соглашенія, онъ оказывается обманутымъ, если другіе пользуются его трудомъ, не доставляя ему выгодъ, ради которыхъ онъ работалъ. Есть два рода умственныхъ произведеній, отъ пользованія которыми со стороны другихъ лицъ авторы этихъ произведеній ожидаютъ выгоды: во-первыхъ, произведенія литературныя, музыкальныя, скульптурныя и т. п., во-вторыхъ—изобрѣтенія, механическія или иныя. Разсмотримъ ихъ порознь.

59. Человѣкъ можетъ читать, слушать, наблюдать сколько угодно, не уменьшая свободы подобныхъ же дѣйствій другихъ лицъ. Знаніе, прибрѣтенное такимъ образомъ, можетъ быть переработано, переорганизовано и изъ него можетъ быть получено новое знаніе, безъ нарушенія правъ ближнихъ. Удерживаетъ ли онъ добытые такимъ образомъ выводы для себя, будутъ ли это выводы цѣнные для практическаго руководства, или же мысли, имѣющія эстетическое значеніе, никто не вправе сказать, что онъ переступаетъ границы индивидуальной свободы; и даже, если онъ ихъ не хранитъ про себя, но рѣшается на опубликованіе, то можетъ, не нарушая ничьихъ правъ, поставить свои условія. Другіе въ правѣ принять ихъ или отвергнуть, и если отвергнуть, то ихъ прежнее положеніе ничуть не измѣнится. Но если другіе пренебрегутъ его условіями, то положеніе мѣняется. Онъ продалъ имъ экземпляры книги, самъ или чрезъ посредника, подразумѣвая, что за такую-то сумму онъ предоставляетъ имъ, вмѣсто печатной бумаги, право чтенія или право ссужать другихъ для чтенія, но не право воспроизведенія книги; поэтому каждый, перепечатающій книгу, нарушаетъ условіе и совершаетъ насиліе. Въ обмѣнъ за уплаченныя деньги онъ пользуется выгодною далеко важнѣйшею, нежели та, которая, предполагалась за деньги.

Страннымъ образомъ, существуютъ интеллигентные люди, увѣряющіе, что, какъ только книга издана, она становится общественнымъ достояніемъ; изъ принципа свободы торговли будто-бы вытекаетъ, что каждый въ правѣ перепечатать книгу и продавать экземпляры въ свою пользу. Но если нарушеніе права литературной собственности не нарушаетъ ничьихъ

правъ, то какимъ образомъ взятая вещь можетъ обладать цѣнностью? А если она не обладаетъ никакой цѣнностью, то взявшій ее не будетъ въ худшемъ положеніи, если ему воспрепятствуютъ взять. Если же онъ отъ этого теряетъ, то ясно, что она приобрѣла нѣкоторую цѣнность. А такъ какъ это нѣчто, обладающее цѣнностью, не есть продуктъ природы, то полученіе его должно произойти на счетъ кого-либо, кто произвелъ эту цѣнность искусственно. Какъ я сказалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ: „Члены комиссіи о литературной собственности и выслушанные ими эксперты имѣли намѣреніе, если не совсѣмъ упразднить право литературной собственности, то во всякомъ случаѣ ограничить его такимъ образомъ, что это было бы шагомъ къ его упраздненію, и эти лица дѣйствовали такъ во имя предполагаемыхъ интересовъ свободы торговли, и пытались дискредитировать авторское право, какъ оно теперь признается, называя его монополіей. Въ политико-экономическомъ смыслѣ слова, монополія есть учрежденіе, при которомъ одно лицо или группа лицъ получаютъ по закону право исключительнаго пользованія извѣстными естественными продуктами, дѣятелями или удобствами, которыя при отсутствіи такого закона были бы доступны всѣмъ. Противникомъ монополіи является тотъ, кто, не требуя ничего отъ монополиста въ смыслѣ прямой или косвенной помощи, требуетъ лишь того, чтобы ему самому было предоставлено пользоваться этими естественными продуктами, дѣятелями или удобствами. Онъ желаетъ вести дѣло, которое не ставить его даже самымъ отдаленнымъ образомъ въ зависимость отъ монополиста, но которое онъ можетъ вести такъ же или даже лучше при отсутствіи монополиста и при отсутствіи всего, сдѣланнаго этимъ послѣднимъ. Обратимся теперь къ торговлѣ литературными произведеніями и спросимъ, въ какомъ положеніи находится такъ называемый фритредеръ и такъ называемый монополистъ? Развѣ такъ называемый монополистъ, т. е. авторъ, воспрещаетъ такъ наз. фритредеру, т. е. учинителю контрафакціи, пользоваться любыми приспособленіями или процессами, интеллектуальными или механическими, посредствомъ которыхъ производятся книги? Нѣтъ. Все это остается общедоступнымъ. Желаетъ ли такъ наз. фритредеръ просто воспользоваться этими общедоступными удобствами независимо, точно такъ же, какъ могъ бы сдѣлать, если бы такъ наз. монополиста и его трудовъ не существовало? Нѣтъ. Онъ желаетъ быть зависимымъ, желаетъ приобрѣтать выгоды,

которыхъ не могъ бы имѣть, если бы такъ наз. монополисть и его труды отсутствовали. Въмѣсто жалобъ настоящаго фритредера на то, что монополисть является для него камнемъ преткновенія, ложный фритредеръ жалуется на то, что не можетъ утилизировать нѣкоторыя средства, созданныя трудомъ человѣка, котораго онъ называетъ монополистомъ. Истинный фритредеръ желаетъ только пользоваться естественными удобствами и жалуется на искусственныя помѣхи. Ложный фритредеръ, не довольствуясь естественными удобствами, жалуется на то, что не можетъ, безъ покупки, воспользоваться искусственнымъ содѣйствіемъ. Нѣкоторые противники права литературной собственности выразили передъ комиссіей изумленіе по поводу того, почему авторы до такой степени ослѣплены эгоистичными интересами, что не усматриваютъ въ защитѣ своихъ притязаній—защиты монополіи. Но авторы могли бы основательно выразить свое изумленіе по тому поводу, что профессиональные истолкователи политико-экономическихъ доктринъ смѣшиваютъ случай, когда человѣкъ желаетъ промышлять такимъ образомъ, какъ если бы другого извѣстнаго человѣка вовсе не существовало, съ тѣмъ случаемъ, когда человѣкъ стремится промышлять способомъ, невозможнымъ для него при допущеніи отсутствія извѣстнаго другого лица. Весь доводъ противниковъ права литературной собственности основанъ на смѣшеніи двухъ радикально противоположныхъ вещей, и съ установленіемъ надлежащаго различія этотъ доводъ уничтожается“ (Edinb. Rev. Oct. 1878, pp. 329—30).

Итакъ, рассматривая право литературной собственности, какъ выводъ изъ основнаго начала справедливости, едва ли можно отвергать это право хотя бы съ тѣнью основанія.

60. Сначала обычаи, а затѣмъ законы признавали права авторовъ умственныхъ произведеній. Первоначально авторы „вознаграждались приношеніями слушателей или же меценатствомъ тѣхъ вельможъ, въ чьихъ домахъ они читали свои произведенія“, при чемъ тотъ, кто уклонялся отъ вознагражденія, признавался поступающимъ дурно или даже безчестно. Въ позднѣйшую эпоху римской исторіи авторское право до того установилось, что пріобрѣло коммерческую цѣнность. Копингеръ указываетъ, что многіе древніе авторы продавали свои произведенія, такъ напр. Теренцій продалъ свои комедіи *Eunichus* и *Hecyra*, а Статій свою *Agave*. Этимъ подразумевается, что если не по закону, то на дѣлѣ, переписчики пріобрѣтали исключительное право пользованія манускрипта-

ми. У насъ, въ Англіи, справедливыя притязанія авторовъ были утверждены закономъ въ послѣднія два столѣтія. Актъ Карла II запретилъ печатаніе какого-либо труда безъ согласія автора, и право литературной собственности настолько установилось, что стало предметомъ покупки и продажи. Въ 1774 году было рѣшено, что обычное право предоставляет автору или его уполномоченному исключительное право изданія на вѣчныя времена; но этотъ періодъ былъ сокращенъ однимъ предшествующимъ статутомъ до извѣстнаго срока. Принципъ этотъ былъ затѣмъ распространенъ на другія формы умственныхъ произведеній. Какъ указано въ статьѣ Робертсона, разнаго рода произведенія искусства подверглись тѣмъ же узаконеніямъ посредствомъ актовъ 8 Георга II, глава 13, 7 Георга III глава 38 и 38 Георга III гл. 71 (модели и формы); драматическія произведенія — см. акты 3 и 4 Вильгельма IV, гл. 15; лекціи 5 и 6 Вильгельма IV, гл. 65; музыкальныя произведенія — 5 и 6 Викторіи, гл. 45; литографическія произведенія 15 и 16 Викторіи, гл. 12 и рисунки въ 1862 г.

Законодатели, а также тѣ, которые разсматривали вопросъ съ этической точки зрѣнія, не легко могли рѣшить задачу о надлежащемъ срокѣ дѣйствія литературнаго права. Должно ли это право быть неограниченнымъ для автора и его потомковъ или быть пожизненнымъ, затѣмъ еще продолжаться нѣсколько лѣтъ, или же быть только пожизненнымъ? Нѣтъ очевидной причины, почему собственность этого рода не подлежала бы общимъ законамъ владѣнія и завѣщанія наравнѣ со всякой другою собственностью. Если скажутъ, что языкъ, знанія и другія произведенія прошлой культуры, составляя предметъ пользованія автора или артиста, принадлежатъ обществу, какъ цѣлому, то отвѣтъ будетъ тотъ, что эти умственные продукты цивилизаціи доступны всѣмъ, и что авторъ или артистъ, пользуясь ими, не уменьшалъ для другихъ возможности такого же пользованія.

Не отнимая ничего отъ общаго запаса, онъ просто соединилъ съ нѣкоторыми составными частями этого общаго достоянія нѣчто исключительно ему одному принадлежащее — свои мысли, выводы, чувства, техническое искусство: вещи, принадлежащія ему съ большимъ основаніемъ, нежели любыя видимыя и осязаемыя вещи — ихъ обладателямъ, такъ какъ всѣ эти послѣднія содержатъ сырой матеріалъ, который былъ изъять изъ возможнаго пользованія другихъ лицъ. Такъ что въ

сущности произведеніе умственнаго труда можетъ быть разсматриваемо, какъ собственность въ болѣе полномъ смыслѣ слова, нежели продуктъ тѣлеснаго труда, такъ какъ то, что составляетъ цѣнность этого труда, исключительно создано работающимъ. А если такъ, то нѣтъ никакого основанія, почему бы продолжительность владѣнія въ этомъ случаѣ не могла быть, по крайней мѣрѣ, такою же значительною, какъ и въ другихъ случаяхъ.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, однако, достаточно здѣсь отмѣтить, что право собственности на этотъ родъ умственныхъ произведеній, выведенное выше изъ формулы справедливости, въ позднѣйшія эпохи цивилизаціи было воплощено въ законодательную форму; и это законодательное воплощеніе стало болѣе широкимъ и болѣе подробнымъ съ тѣхъ поръ, какъ соціальное развитіе стало выше.

61. Сказанное выше относительно книгъ и произведеній искусства примѣняется, помощью простаго измѣненія терминовъ, и къ изобрѣтеніямъ. Придумавъ или осуществивъ какое-либо новое или отчасти новое механическое приспособленіе или указавъ какой-либо новый процессъ, отличающійся отъ раньше извѣстнаго или превосходящій его достоинствами, изобрѣтатель не въ большей мѣрѣ пользуется прежними идеями, орудіями, матеріалами, процессами, нежели всякое другое лицо. Онъ не урѣзываетъ ничьей свободы дѣйствій. Поэтому, не переступая предписанныхъ границъ, онъ можетъ требовать въ свою пользу исключительныхъ выгодъ отъ своего изобрѣтенія; а если онъ раскрываетъ свою тайну, то, не принося никому ущерба, онъ вправе продиктовать условія для пользованія. Наоборотъ, постороннее лицо, не принимающее его условій, не вправе воспользоваться его изобрѣтеніемъ, не нарушая закона равной свободы; дѣйствительно, это лицо присваиваетъ плодъ труда изобрѣтателя, не дозволяя послѣднему присвоить равноцѣннаго продукта труда этого посторонняго лица или равноцѣннаго обладанія чѣмъ-либо другимъ.

Если, истративъ годы на размышленіе или на постановку опытовъ и присоединивъ денежные расходы къ мозговому и ручному труду, человекъ не можетъ добиться вытекающихъ отсюда выгодъ, то этотъ фактъ шокируетъ совѣсть большей части людей. Онъ еще больше задѣнетъ ихъ, при сопоставленіи съ тѣмъ фактомъ, что существуетъ множество притязаній, не подразумевающихъ никакого труда или жертвы и тѣмъ не менѣе не только терпимыхъ, но предъявляемыхъ съ настой-

чивостью. Спекулянтъ, „дѣлающій деньги“ игрою на повышение акцій, владѣлецъ синекуры, долго получавшій большое жалованье за ничего не дѣланіе, даже потомокъ любовницы какого-нибудь короля, получающій пенсію, пожалованную на вѣчныя времена,—пользуются нѣжнымъ признаніемъ своихъ условно-установленныхъ правъ; тогда какъ механикъ, работавшій съ утра до ночи, быть можетъ разстроившій здоровье и растратившій всѣ свои средства и, наконецъ, усовершенствовавшій машину, дающую поразительные результаты, какъ утверждаютъ, не приобрѣлъ никакого „признаннаго интереса“, несмотря на безвозвратно затраченную имъ жизненную энергію. Большая часть его ближнихъ признаютъ вполне въ порядкѣ вещей, что онъ жертвуетъ временемъ, деньгами и трудомъ, порою насмѣхаясь надъ нимъ, какъ надъ сумасброднымъ изобрѣтателемъ; но если, къ ихъ изумленію, ему повезетъ и благодѣтельные результаты, достигнутые имъ, станутъ очевидными, то раздастся восклицаніе: „О! это монополія, этого нельзя допустить!“ Если даже власть имѣющіе примутъ мѣры къ охранѣ его и ему подобныхъ, если онъ, сверхъ того, въ состояніи заплатить въ видѣ штрафа плату за патентъ ¹⁾, то такія мѣры имѣютъ въ виду не справедливость, а политику. „Патентъ не есть вещь, которую можно было бы требовать, какъ право,—говорятъ юристы:—онъ имѣетъ цѣлью „дѣйствовать какъ стимулъ для поощренія предпримчивости и таланта“. Итакъ, хотя похитить наименьшій матеріальный продуктъ есть преступленіе, подлежащее карѣ, какъ, напр., когда мальчишка-лавочникъ стащитъ одинъ пенсъ изъ выручки—но умственный продуктъ, какъ бы велика ни была его цѣнность и какого бы чудовищнаго труда ни стоилъ, можетъ, при отсутствіи извѣстныхъ законныхъ формальностей, быть обращенъ капиталистомъ въ чудовищную прибыль, безъ всякаго наказанія и безъ позора.

Даже если бы какое-либо изобрѣтеніе не принесло никакой пользы обществу, пока оно не отдано на всеобщее пользованіе бесплатно, то все же не имѣлось бы никакого справедливаго основанія для пренебреженія притязаніями изобрѣтателя; точно такъ же, какъ нѣтъ основанія пренебрегать правами того, кто работаетъ на своей фермѣ для своего собственнаго блага, а не для блага общества. Какъ

¹⁾ Немного лѣтъ тому назадъ всѣ расходы въ Англіи на патентъ составляли нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ.

бы то ни было, общество неизбѣжно выигрываетъ въ чудовищно большихъ размѣрахъ, нежели изобрѣтатель. Прежде чѣмъ онъ можетъ пріобрѣсть какую-либо выгоду отъ своихъ новыхъ процессовъ или аппаратовъ, онъ долженъ доставить выгоды своимъ ближнимъ, т. е. либо снабдить ихъ лучшими предметами по обыкновенной цѣнѣ или такими же предметами по низшей цѣнѣ. Если это ему не удастся, то и самое изобрѣтеніе останется мертвою буквою; если удастся, то онъ почти цѣликомъ передастъ всему міру новый открытый имъ источникъ богатства. Сравнимъ съ прибылью, полученною Уаттомъ отъ его патентовъ, прибыли, полученныя его націей и другими націями отъ его усовершенствованій въ конструкціи паровой машины; становится очевиднымъ, что доля изобрѣтателя безконечно мала по сравненію съ долей человечества. А между тѣмъ, немало есть людей, готовыхъ присвоить себѣ даже эту ничтожно малую долю!

Но необезпеченность этого рода умственныхъ произведеній, какъ и необезпеченность матеріальной собственности, приносятъ гибельные результаты. Въ обществѣ, такимъ образомъ управляемомъ, что накопляющій богатство не можетъ удержать его, явится разстройство благосостоянія вслѣдствіе отсутствія капиталовъ; точно также у народа, пренебрегающаго притязаніями изобрѣтателя, усовершенствованія неизбѣжно будутъ испытывать помѣхи, а промышленность пострадаетъ. Дѣйствительно, въ среднемъ выводѣ, изобрѣтательные люди перестанутъ напрягать свои мозги, не имѣя въ перспективѣ никакого вознагражденія за свои труды. Здѣсь, однако, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, замѣтить, что если не по мотивамъ справедливости, то по мотивамъ политическаго благоразумія, притязанія изобрѣтателей медленно установились законодательнымъ путемъ. Въ нашей собственной странѣ патенты первоначально выдавались въ видѣ милости; въ теченіе долгаго періода ихъ смѣшивали съ монополіями въ настоящемъ смыслѣ этого слова; однако, когда въ 1623 г. настоящія монополіи были признаны незаконными, то было сознано различіе между ними и исключительными правами, предоставляемыми изобрѣтателямъ. Кромѣ убѣжденія, что выгодно поощрять изобрѣтателей, здѣсь, быть можетъ, играло роль смутное сознаніе, что, въ случаѣ настоящей монополіи; другія лица нимало не обязаны монополисту за способность выполнять свои дѣятельности; всѣ знаютъ, что могли бы дѣйствовать такъ же или гораздо

лучше, если бы онъ даже никогда не существовалъ; наоборотъ, когда рѣчь идетъ о такъ называемой монополіи изобрѣтателя, то другія лица, пользующіяся его изобрѣтеніемъ, обязаны ему, и если-бы изобрѣтатель никогда не существовалъ, то они были бы неспособны сдѣлать то, что теперь дѣлаютъ съ его помощью. Существовало-ли это смутное сознаніе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, права изобрѣтателя, сдѣланныя принудительными въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, наконецъ, стали охраняться болѣе заботливо, и значительное пониженіе платы за патентъ уменьшило помѣхи, препятствовавшія полученію законодательной охраны. Къ этому слѣдуетъ добавить, что подобное же возрастаніе признанной закономъ охраны явилось и въ другихъ странахъ; напр. и въ гораздо большей степени мы видимъ то же въ Америкѣ; результатомъ явилось превосходство въ приспособленіяхъ, направленныхъ къ сбереженію труда.

Слѣдуетъ указать ограниченіе права, такимъ образомъ выставленнаго на видъ и оправданнаго нами. Новѣйшій опытъ убѣдилъ въ той истинѣ, что открытія и изобрѣтенія, являясь отчасти результатами индивидуальнаго генія, частью вытекаютъ изъ ранѣ существовавшихъ идей и приспособленій. Опытъ новѣйшаго времени показалъ также, что, приблизительно около того времени, когда одинъ человекъ дѣлаетъ открытіе или изобрѣтаетъ машину, другіе люди, обладающіе подобными же знаніями и подобною же изобрѣтательностью, находятся на пути къ тому же самому открытію или изобрѣтенію, и въ теченіе не очень долгаго періода это открытіе или изобрѣтеніе почти навѣрное будетъ сдѣлано въ другомъ мѣстѣ,—быть можетъ, болѣе, чѣмъ однимъ лицомъ. Продолжительное исключительное пользованіе изобрѣтеніемъ будетъ поэтому несогласно съ другими справедливыми притязаніями, могущими возникнуть; поэтому является необходимость для ограниченія періода, въ теченіе котораго данный человекъ можетъ по справедливости пользоваться охраной. На сколько лѣтъ должна простираться охрана—это вопросъ, не подлежащій здѣсь отвѣту; и, дѣйствительно, отвѣтъ можетъ быть только эмпирическимъ. Для опредѣленія надлежащаго періода, необходимо принять во вниманіе наблюдаемые промежутки времени, обыкновенно протекающіе между сходными или тождественными изобрѣтеніями, сдѣланными разными лицами. Могло бы явиться нѣкоторое признаніе продолжительнаго обдумыванія и упорныхъ усилій, необходимыхъ для осуще-

ствленія изобрѣтенія. Въ расчетъ также должна быть принята оцѣнка, основанная на фактическихъ свидѣтельствахъ, вѣроятнаго промежутка, въ теченіе котораго исключительное пользованіе изобрѣтеніемъ должно быть обезпечено для того, чтобы сдѣлать возможнымъ соотвѣтственное вознагражденіе за трудъ и рискъ. Очевидно, это такой случай, когда отношенія данной личности къ другимъ личностямъ и къ обществу настолько запутаны и смутны, что нельзя достигнуть ничего, исключая приблизительно справедливой оцѣнки.

62. Но здѣсь приходится имѣть дѣло съ другимъ родомъ того, что можно назвать невещественною собственностью; различіе отъ предыдущихъ случаевъ здѣсь въ томъ, что эта собственность не даетъ въ концѣ концовъ физической выгоды, но лишь психическую, зависящую отъ пріятнаго волненія, причиняемаго одобреніемъ другихъ людей.

Эта форма невещественной собственности, дѣйствительно, сопровождаетъ формы, возникающія изъ умственныхъ произведеній. Репутація, достигнутая поэмой, историческимъ рассказомъ, научнымъ трактатомъ, произведеніемъ пластическаго искусства или же музыкальнымъ произведеніемъ, разсматривается авторомъ произведенія, какъ часть награды за его трудъ—порою даже главная часть. И въ то же самое время, такъ какъ онъ обладаетъ правомъ на вытекающую отсюда репутацію, то попытка другого лица пріобрѣсть часть этой репутаціи или цѣлое, путемъ плагиата, признается безчестною. Хотя не существуетъ законной кары за этотъ родъ воровства, однако, существуетъ общественная кара. Подобное же справедливо относительно открытія или изобрѣтенія. Не только денежная прибыль разсматривается, какъ справедливо принадлежащая автору, но такъ смотрятъ и на восхищеніе, относящееся къ его таланту или глубокомыслию, и на порицаніе, относящееся къ каждому, кто старается выдавать себя за изобрѣтателя. Если не громогласно, то молчаливо, пріобрѣтенная у ближнихъ репутація признается вещью, которою должно пользоваться, тогда какъ присвоеніе этихъ правъ клеймится, какъ безчестное дѣло. Пріобрѣтенная репутація разсматривается, какъ невещественная собственность.

Другой, гораздо важнѣйшій родъ невещественной собственности это тотъ, который проистекаетъ не изъ умственныхъ произведеній, но изъ моральнаго поведенія. Если репутація, достигнутая умственными дѣятельностями, принимаю-

щими форму творчества, съ полнымъ основаніемъ можетъ считаться невещественной собственностью, то еще съ большимъ основаніемъ можно относиться такъ къ репутаци, зависящей отъ душевныхъ дѣяльностей, обнаруживаемыхъ въ прямотѣ, правдивости, умѣренности, хорошемъ поведеніи вообще, словомъ, — во всемъ томъ, что мы называемъ характеромъ. Лишать кого-либо такой репутаци еще болѣе позорно. Добытое, подобно всякой иной собственности, посредствомъ старанія, самоотреченія, настойчивости, и точно также доставляющее обладателю удобные пути для достиженія его цѣлей и для удовлетворенія разныхъ потребностей, уваженіе другихъ лицъ есть собственность, представляющая сходство съ осязательными имуществами. Дѣйствительно, подобно осязательнымъ имуществамъ, оно обладаетъ денежною цѣнностью; такъ какъ признаваться честнымъ значитъ пользоваться предпочтеніемъ, въ качествѣ человѣка, съ которымъ можно спокойно вести дѣла. Утратить репутацию значитъ потерять дѣла. Но помимо этого результата, имущество, зависящее отъ общаго расположенія, для многихъ представляется болѣе цѣннымъ, чѣмъ имѣніе, состоящее изъ земельной собственности. Для нѣкоторыхъ людей приобрѣтеніе прекрасной репутаци можетъ быть болѣе богатымъ источникомъ благъ, чѣмъ приобрѣтеніе банковыхъ билетовъ или железнодорожныхъ акцій. Поэтому люди, вложившіе свой трудъ въ благородныя дѣла и приобрѣтающіе въ видѣ процента благія пожеланія и сердечныя привѣтствія со стороны общества, могутъ быть разсматриваемы, какъ обладающіе правами на это вознагражденіе добродѣтели, подобно тому, какъ другія лица, вознаграждаемыя за свое усердіе. Разумѣется, это справедливо не только относительно лицъ, отличающихся необычайнымъ, достоинствомъ, но и относительно всѣхъ. Въ той мѣрѣ, въ какой каждый законно приобрѣлъ хорошую репутацию, мы должны признавать за нимъ право на нее, какъ на имущество — и притомъ такое, которое, если даже не цитировать банальнаго изрѣченія Яго, должно считаться болѣе цѣннымъ, чѣмъ всякое другое.

Главный признакъ, которымъ этотъ продуктъ хорошаго поведенія⁹ отличается отъ другихъ продуктовъ психической дѣяльности, состоитъ въ томъ, что хотя, подобно этимъ продуктамъ, онъ можетъ быть отнятъ, но не можетъ быть присвоенъ похитителемъ. Это, быть можетъ, служить основа-

ніемъ, почему воспрещеніе оскорблять чужую репутацію имѣетъ характеръ скорѣе запрещенія, относящагося къ отрицательной благожелательности, чѣмъ къ справедливости; это служитъ поясненіемъ той истины, что подраздѣленіе этики на отдѣлы не во всѣхъ случаяхъ можетъ быть отчетливо проведено. Однако, хорошая репутація приобрѣтается дѣйствіями, выполняемыми внутри предписанныхъ предѣловъ, и, дѣйствительно, является отчасти результатомъ уваженія къ этимъ предѣламъ; и такъ какъ каждый, кто разрушаетъ, отчасти или вполне, приобрѣтенную такимъ образомъ хорошую репутацію, тѣмъ самымъ вмѣшивается въ чужую жизнь, не испытывая подобнаго же взаимнаго вмѣшательства, то отсюда можно вывести, что право на репутацію есть слѣдствіе изъ закона равной свободы. Можно сказать, что каждый, испытывающій подобное оскорбленіе, можетъ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ) отомстить обидчику; это мы видимъ въ случаѣ взаимныхъ оскорбленій, или, какъ у вульгарныхъ людей, при взаимной ругани. Но отвѣтъ будетъ тотъ, что, какъ показано въ главѣ VI, законъ равной свободы, при правильномъ его истолкованіи, не дозволяетъ обмена обидами. Отвергая физическое возмездіе, онъ не допускаетъ и моральнаго возмездія.

Итакъ, хотя, лишивъ другого репутаціи, похититель не можетъ присвоить ее себѣ, во всякомъ случаѣ, отнятіе репутаціи есть все же нарушеніе закона равной свободы такимъ же самымъ образомъ, какъ и порча чужихъ платьевъ или поджигательство чужого дома.

Это соображеніе относится только къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ хорошая репутація, кѣмъ-либо достигнутая, была приобрѣтена справедливымъ образомъ; оно не касается случаевъ, когда такая репутація была приобрѣтена обманомъ или явилась слѣдствіемъ незнанія другихъ людей. Слѣдовательно, нельзя сказать, что совершаетъ правонарушеніе тотъ, кто оскорбляетъ чужую репутацію, утверждая факты, противорѣчащіе ей, но неизвѣстные обществу. Онъ просто отнимаетъ то, чѣмъ не слѣдовало обладать. Какъ бы мы ни судили объ его поступкѣ, его нельзя сравнивать съ дѣйствіями, при которыхъ отнятая репутація была законною собственностью. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ его поступокъ влечетъ за собою благо людей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ изъ желанія предупредить дурныя послѣдствія, могущія угрожать этимъ людямъ. Поэтому, если

даже считать такой поступокъ наказуемымъ, наравнѣ съ лишеніемъ другого лица репутаціи, принадлежащей ему по праву, то во всякомъ случаѣ, повидимому, нѣтъ никакой гарантіи для такого наказанія.

Остается отмѣтить, что заслуживаютъ порицанія тѣ, которые содѣйствуютъ лишенію репутаціи, повторяя оскорбительныя утвержденія и не давъ себѣ никакого труда провѣрить ихъ истинность. Въ настоящее время, распространяющіе клевету, не вникая въ факты или не взвѣсивая вѣроятности, большею частью признаются не совершившими какого-либо проступка; но со временемъ, быть можетъ, увидятъ, что ихъ не слѣдуетъ обѣлять. Впрочемъ, законодательство не обѣляетъ ихъ, но признаетъ подлежащими наказанію.

Какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, этическія требованія добиваются, наконецъ, законодательнаго признанія. Воспрещеніе лжесвидѣтельства противъ ближняго относится къ очень древней эпохѣ. Пасквиль, направленный даже противъ умершаго, былъ наказуемъ по римскому праву.

На низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, однако, охрана репутаціи посредствомъ наказанія пасквильянтовъ была установлена, главнымъ образомъ, въ интересахъ высшихъ классовъ. Буддистскій кодексъ предписывалъ суровую кару за оскорбительную рѣчь противъ челоуѣка самой высшей касты. Въ ранній періодъ исторіи новыхъ европейскихъ народовъ, люди съ положеніемъ, предполагалось, охраняли свою репутацію, какъ и свои владѣнія, силою оружія. Позднѣе явилась законодательная охрана высшихъ классовъ противъ оскорбленія низшими, такъ какъ въ этомъ случаѣ поединокъ признавался неумѣстнымъ.

Въ правленіе Эдуарда I это средство было придумано въ Англіи, а еще полнѣе оно было установлено, съ этой преднамѣренной цѣлью, Ричардомъ II. вмѣсто того, чтобы быть закономъ въ пользу привилегированнаго класса, законъ противъ диффамаци, наконецъ, обратился на пользу всѣхъ классовъ, и въ наше время онъ постоянно примѣняется съ успѣхомъ—можно даже сказать съ слишкомъ большимъ успѣхомъ, такъ какъ то, что могло бы признаваться справедливой критикой, порою признается диффамацией. Здѣсь, какъ и раньше, выводъ, вытекающій изъ основного принципа справедливости, по мѣрѣ развитія общества, воплотился въ законодательную форму.

ГЛАВА XIV.

Права даренія и завѣщанія.

63. Полное право собственности на какую-либо вещь подразумевает возможность передать право собственности другому лицу, такъ какъ частное или полное запрещеніе подразумевает частную или полную собственность со стороны власти, издающей запрещеніе, и, стало быть, ограничиваетъ или же нарушаетъ право собственности. Поэтому, допуская право собственности, мы тѣмъ самымъ допускаемъ право даренія.

Это послѣднее, дѣйствительно, коренится такъ же глубоко, какъ и первое. Если мы обратимся назадъ къ тѣмъ условіямъ сохраненія особи и вида, изъ которыхъ могутъ быть выведены основные принципы этики, то увидимъ слѣдующее: индивидуальное самосохраненіе зависитъ отъ обычной поддержки естественнаго отношенія между усиліями и продуктами усилій; сохраненіе же вида зависитъ отъ перенесенія частей этихъ продуктовъ, въ приготовленномъ или же въ сыромъ видѣ, отъ родителей къ потомству.

Способность отдать то, что было приобрѣтено, служить, слѣдовательно, основою жизни каждаго вида, включая человѣческой видъ.

Разумѣется, нельзя указать такой же гарантіи въ пользу права даренія другимъ лицамъ, вмѣсто своего потомства. Въ пользу этого права мы скажемъ, во-первыхъ, что оно есть слѣдствіе изъ права собственности; во-вторыхъ, что оно вытекаетъ изъ первичнаго принципа справедливости. Соединенный актъ даренія и полученія прямо касается только дарителя и получателя и не касается всѣхъ другихъ лицъ настолько, насколько рѣчь идетъ объ ихъ свободѣ дѣйствія. Передача какаго-либо имущества отъ А къ В можетъ, правда, касаться С, D, E и т. д., являясь помѣхой извѣстнымъ дѣятельностямъ, на которыя они рассчитывали. Но такъ какъ расчетъ ихъ могъ оправдаться или не оправдаться, то этого рода дѣятельности нельзя включить въ число тѣхъ, которымъ нельзя препятствовать безъ нарушенія правъ. Ихъ данная сферы дѣятельности остаются неприкосновенными.

Если право даренія кому-либо, кромѣ потомства, должно быть обсуждаемо съ точки зрѣнія пользы, то можно приве-

сти сильныя основанія въ защиту мнѣнія, что неограниченное дареніе не должно быть допускаемо. Взвѣсивъ основательно факты, приводимые „Обществомъ организаціи благотворительности“, а также лицами, изслѣдовавшими результаты беззаботной раздачи подаяній, мы будемъ склонны думать, что благотворительность (ложно называемая этимъ именемъ) причиняетъ больше бѣдъ, чѣмъ всѣ преступленія: отсюда, быть можетъ, мы выведемъ, что было бы полезно запретить подачу милостыни. Но въ этомъ случаѣ всеобщее убѣжденіе въ это право такъ сильно, что никому и не снится отрицать его на основаніи принципа пользы.

Законодательство ясно признаетъ этотъ выводъ изъ закона равной свободы. Не обращаясь назадъ въ поискамъ за закономъ, утверждающимъ право даренія, такъ какъ (въ Англіи) быть можетъ, такого закона не существуетъ, достаточно указать на подразумеваемое признаніе его въ одномъ актѣ Елизаветы. Актъ этотъ утверждаетъ, что дѣйствіе даренія имѣетъ силу относительно дарителя, но оно ничтожно, если противопоставляется на судѣ требованіямъ кредиторовъ: этимъ, дѣйствительно, подразумевается, что хотя человѣкъ можетъ отдать свою собственность, но не можетъ дать того, что, по справедливости, принадлежитъ другимъ лицамъ.

64. Право даренія подразумеваетъ право завѣщанія, такъ какъ завѣщаніе есть отсроченный даръ. Если человѣкъ можетъ законнымъ образомъ передать другому то, чѣмъ владѣть, то онъ въправѣ назначить и время, когда долженъ состояться переходъ. Если онъ дѣлаетъ это посредствомъ завѣщанія, то этимъ отчасти совершаетъ переводъ имущества на другое имя, но такой, который долженъ произойти лишь когда его собственное право владѣнія прекратится. Но его право дѣлать даръ, подверженный этому условію, включается въ его право собственности, такъ какъ иначе его право собственности не полно.

Одно изъ слѣдствій состоитъ въ томъ, что завѣщателю нельзя справедливымъ образомъ воспрепятствовать распределить свою собственность, насколько рѣчь идетъ о выборѣ наследниковъ или долѣ, назначенной имъ. Если другіе люди корпоративно рѣшаютъ, что онъ долженъ дать что-либо А и не дать В или дать А, В и другимъ такія-то доли, то этимъ самымъ эти другіе дѣлаютъ себя участниками въ его собственности, которою придется распорядиться согласно ихъ, а не его намѣреніямъ; и такъ какъ здѣсь мы видимъ вмѣшатель-

ство въ его право завѣщанія, то можно сказать, что въ этомъ смыслѣ собственность изъемлетъ изъ его владѣнія еще при его жизни.

Общая истина, что цивилизованный человѣкъ располагаетъ большею свободою дѣйствія, чѣмъ полу-цивилизованный или нецивилизованный, поясняется, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что право завѣщанія, первоначально едва признаваемое, установилось постепенно. До установленія закона, обычай, не менѣе повелительный, нежели законъ, обыкновенно предписываетъ способы перехода собственности по наслѣдству. У многихъ полинезійцевъ существуетъ право первородства, а на Суматрѣ раздѣль на равныя доли между сыновьями. У готтентотовъ и дамара существуетъ принудительное первородство по мужской линіи. На Золотомъ берегу, а также въ нѣкоторыхъ частяхъ Конго, наслѣдуютъ родственники по женской линіи. У эга и сосѣднихъ народовъ наслѣдованіе старшимъ сыномъ включаетъ даже женъ его отца, исключая его собственной матери. Въ Тимбукту опредѣленная обычая доля сына вдвое превышаетъ долю дочери, тогда какъ порою у ашанти и обыкновенно у фулаховъ наслѣдуютъ рабы и пріемыши; нѣкоторая свобода завѣщанія существуетъ такимъ образомъ у этихъ высшихъ изъ африканскихъ расъ. Въ Азійи обычай, господствующій у арабовъ, тогда, гхондовъ, бодо и дхималовъ, требуетъ раздѣла поровну между сыновьями.

Сыновья сестры наслѣдуютъ собственность у казіа; и только у кареновъ и мишми, судя по рассказамъ, отецъ вправѣ распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ ему вздумается.

Сказанное выше относится къ европейскимъ народамъ, въ древнія времена.

Тацитъ пишетъ о первобытныхъ германцахъ, что „у нихъ нѣтъ завѣщаній“; Беллоэ утверждаетъ, что „кельтскіе обычаи, какъ и германскіе, не допускали права завѣщанія“, а Кенигсвартеръ говоритъ то же о саксахъ и фризахъ. Первоначальная общинная собственность перешла въ семейную, такъ что имѣнія нельзя было отчуждать отъ дѣтей и другихъ родственниковъ. Въ меровингскій періодъ движимое имущество можно было завѣщать, но землю—только при отсутствіи наслѣдниковъ. Феодализмъ, унаслѣдовавъ эти обычаи и требуя, чтобы каждое ленное владѣніе доставляло свой контингентъ вооруженныхъ людей подъ надлежащимъ предводи-

тельствомъ, урегулировалъ для этой цѣли способъ наслѣдованія земельной собственности, и въ этомъ смыслѣ отвергъ право завѣщанія.

Но ростъ индустріализма, съ его болѣе свободными формами соціальныхъ отношеній, привелъ за собою возрастаніе свободы въ дѣлѣ распоряженія собственностью; это достигло высочайшей степени тамъ, гдѣ индустріализмъ всего болѣе подчинилъ себѣ милитаризмъ, а именно у насъ самихъ и у американцевъ. Во Франціи государство рѣшаетъ за завѣщателя, какая часть его собственности должна быть распределена между его родственниками; подобное же ограниченіе права завѣщанія существуетъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Но у насъ свобода завѣщанія, для подвижности, не подвергается никакому ограниченію относительно распределенія; и хотя относительно заповѣдной недвижимости право собственности ограничено и осуществляется лишь при извѣстныхъ условіяхъ, однако существуетъ явная тенденція къ устраненію этого послѣдняго ограниченія.

65. Но хотя, на-ряду съ правомъ даренія, право завѣщанія вытекаетъ изъ права собственности, и хотя право собственности, по справедливости, включаетъ право оставлять опредѣленныя доли кому угодно, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы кто-либо могъ указать нравственную гарантію въ пользу предписыванія наслѣдникамъ, какъ распоряжаться съ оставленною имъ собственностью.

Если просто выставить такое предложеніе, что умершій человекъ можетъ имѣть право собственности на какую-либо вещь, то оно явно нелѣпо; однако, въ скрытой формѣ, посмертное право собственности признавалось въ прежнія времена въ широкой степени, — признается, въ значительной мѣрѣ, и теперь, и становится принудительнымъ по той причинѣ, что приходится выполнять повелѣнія завѣщателя относительно пользованія завѣщаннымъ имъ имуществомъ. Дѣйствительно, всякое предписываніе такихъ способовъ пользованія, подразумѣвая продолженіе нѣкоторой власти надъ собственностью, предполагаетъ также продолженіе нѣкотораго владѣнія, стало быть, завѣщанное имущество вполнѣ или отчасти изымается изъ владѣнія наслѣдниковъ. Немногіе станутъ отрицать, что поверхность земного шара и вещи, на ней находящіяся, должны цѣликомъ принадлежать поколѣнію, существующему въ данное время. Поэтому право собственности не можетъ быть по справедливости истолковываемо такимъ образомъ, чтобы

любое поволеніе имѣло право сказать послѣдующимъ поколѣніямъ для какихъ цѣлей, или съ какими ограниченіями, они могутъ пользоваться поверхностью земли или находящимися на ней вещами.

Это заключеніе не въ меньшей мѣрѣ навязется намъ, если мы обратимся снова къ происхожденію права собственности изъ законовъ жизни. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, необходимое условіе, относящееся къ продолженію существованія вида, состоитъ въ томъ, что каждая особь должна получать выгоды и терпѣть невыгоды своего собственнаго поведенія. Необходимымъ условіемъ продолжительнаго сохраненія является то обстоятельство, что если усиліе было затрачено, продуктъ этого усилія не долженъ быть перехваченъ или отнятъ. Если все это такъ, и если право собственности обладаетъ этимъ біологическимъ условіемъ для своего конечнаго оправданія, — въ такомъ случаѣ, выводъ будетъ тотъ, что, являясь условіемъ поддержанія жизни, оно прекращается съ прекращеніемъ жизни.

Стало бытъ, при строгомъ истолкованіи, право даренія, когда оно принимаетъ форму завѣщанія, распространяется только на распредѣленіе завѣщанной собственности и не включаетъ опредѣленія способовъ употребленія этой собственности.

66. Здѣсь, однако, мы встрѣчаемъ нѣкоторые ограниченія, возникающія изъ того факта, что между людьми есть еще отношенія, кромѣ тѣхъ, какія существуютъ между взрослыми гражданами, а именно — отношенія родителей къ потомству. Мы видѣли, что этика государства и этика семьи противоположны между собою по природѣ; поэтому, если, какъ бываетъ по смерти родителя, обѣ эти этики вмѣшиваются въ дѣло, то приходится вступать въ компромиссъ.

Дѣйствительно, можно сказать, что если бы человѣческая жизнь была нормальна, вмѣсто того, чтобы изобиловать ненормальностями, зависящими отъ ея переходнаго состоянія, то затрудненія возникали бы очень рѣдко, такъ какъ смерть родителей не наступала бы, пока дѣти не станутъ взрослыми, а собственность, завѣщаемая имъ, могла бы переходить сразу въ ихъ владѣніе безъ ограниченій. Но такъ какъ, при существующихъ условіяхъ, смерть родителей часто наступаетъ въ эпоху, когда дѣти неспособны позаботиться о себѣ и о своей собственности, то отсюда вытекаетъ, что для выполненія родительскихъ обязанностей, насколько это возможно,

родители должны назначить способ употребленія завѣщанной собственности настолько, чтобы обезпечить благосостояніе дѣтей на время ихъ несовершеннолѣтія. Такъ какъ продукты, добываемые усиліями людей, служатъ не только для ихъ собственныхъ потребностей, но и для поддержанія потомства, то отсюда слѣдуетъ, что когда самосохраненіе преждевременно окончилось, прибрѣтенные продукты могутъ справедливымъ образомъ быть завѣщаны на поддержаніе потомства; и такъ какъ пользованіе ими съ этой цѣлью болѣе не возможно для родителя, то оно можетъ быть поручено какому-либо другому лицу: подразумѣваемое здѣсь продолжительное владѣніе со стороны родителя прекратится, когда наслѣдникъ станетъ взрослымъ.

Это завѣщаніе собственности, при назначеніи опекуна ради пользы дѣтей, требуетъ установленія возраста, въ которомъ они могутъ быть признаны способными заботиться о себѣ и о своемъ имуществѣ; при назначеніи такого возраста, этическія соображенія намъ не помогутъ. Все, что мы можемъ вывести изъ нихъ, состоитъ въ слѣдующемъ: такое продолжительное право собственности со стороны умершаго родителя, которое подразумѣвается распоряженіями, какъ пользоваться имуществомъ для блага дѣтей, можетъ, по справедливости, признаваться до того возраста, въ которомъ, судя по обыденному опыту, люди признаютъ несовершеннолѣтіе окончившимся: возрастъ этотъ, по необходимости, будетъ неопредѣленнымъ, такъ какъ онъ измѣняется для каждаго типа человѣчества, различно опредѣляется народами того же типа и не одинаковъ для разныхъ лицъ.

67. Здѣсь является другой, еще болѣе запутанный вопросъ. Конечный законъ, какъ до-человѣческой, такъ и человѣческой справедливости производится отъ необходимыхъ условій самоохраненія и сохраненія вида; отъ него, въ свою очередь, происходитъ прижизненное право владѣнія, и право ограниченнаго посмертнаго владѣнія, подразумѣваемое завѣщаніемъ дѣтямъ имущества, попадающаго подъ опеку. Представляется невозможнымъ вывести аналогичнымъ образомъ какое-либо дальнѣйшее право, цѣлью котораго было бы предписаніе способовъ пользованія завѣщаемою собственностью. Повидимому, здѣсь невозможно что-либо, кромѣ чисто эмпирическаго компромисса. Съ одной стороны, посмертное право собственности не подтверждается конечнымъ принципомъ справедливости никогда, исключая только что упомянутаго случая; съ

другой стороны, когда собственность была приобретена, быть может, посредством необычайнаго прилежанія или большаго искусства въ веденіи дѣлъ (при чемъ подразумѣвается выгода для другихъ, какъ и для себя) или, быть может, посредством изобрѣтенія, обладающаго прочною цѣнностью для человѣчества, — тяжело допустить, чтобы собственникъ былъ вполне лишенъ возможности указывать на способы употребленія послѣ его смерти, особенно если у него нѣтъ дѣтей и ему приходится оставить имущество выморочнымъ или завѣщать его чужимъ.

Очевидно, здѣсь необходимо провести различіе. Тотъ, кто владѣетъ землею, подчиненною верховному общественному праву собственности, подтверждаемому какъ этикой, такъ и закономъ, не можетъ на справедливомъ основаніи обладать возможностью завѣщать эту собственность на условіяхъ, предполагающихъ постоянное отчужденіе этой земли отъ общества. Относительно того, что называютъ движимостью, положеніе дѣлъ иное. Собственность, являющаяся продуктомъ усилій, приложенныхъ къ сырому матеріалу, за который былъ отданъ эквивалентъ (представляющій собою столько-то труда), или происходящія отъ сбереженій изъ заработной платы имъ жалованья, всякая собственность, которою обладаютъ въ силу справедливаго установленія отношеній между дѣйствіями и ихъ послѣдствіями, относится къ другой категоріи. Такая собственность, являясь долей того, что было уплачено обществомъ индивидууму за его трудъ и что не затрачено имъ на потребленіе, принадлежитъ ему настолько, что онъ съ основаніемъ можетъ требовать, при возвращеніи ее обществу, т. е. отдѣльнымъ его членамъ или нѣкоторой юридически установленной группѣ, права назначать точныя условія, при которыхъ завѣщаніе можетъ быть принято. Въ этомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы отчуждалось что-либо, принадлежащее другимъ лицамъ. Наоборотъ, другіе получаютъ то, на что они не имѣютъ права. Они получаютъ выгоды даже въ томъ случаѣ, если пользуются этимъ имуществомъ для предписанныхъ цѣлей; если же эти цѣли представляются имъ не выгодными, то имъ остается альтернатива — отказаться отъ дара. Далѣе, такъ какъ завѣщанное движимое имущество обыкновенно имѣетъ форму денежнаго капитала, то право предписывать способъ его употребленія на неограниченный срокъ можетъ привести къ тому, что капиталъ будетъ расходоваться на цѣли, бывшія хорошими въ моментъ завѣщанія, но ставшія

иними по причинѣ соціальныхъ перемѣнъ. Поэтому представляется необходимымъ эмпирической компромиссъ. Мы, повидимому, должны прійти къ тому, что завѣщателю принадлежитъ нѣкоторое право руководить распоряженіемъ собственности, не завѣщанной дѣтямъ, но что это право должно быть ограничено и предѣлы должны быть установлены посредствомъ испытанія результатовъ.

68. Такъ какъ общественное самосохраненіе стоитъ выше личнаго самосохраненія, то отсюда слѣдуетъ, что существуетъ гарантія для такого ограниченія права завѣщанія, которое возникаетъ изъ необходимости покрывать стоимость охраны однихъ личностей отъ другихъ. Допустимъ, что при существующихъ условіяхъ, справедливо относительно, чтобы общество, чрезъ посредство правительства, присвоивало себѣ собственность каждаго гражданина до степени, требуемой поддержкою національной защиты и соціального порядка; затѣмъ уже становится вопросомъ удобства, какимъ способомъ должны быть произведены надлежащія отчужденія. Если окажется удобнымъ, чтобы часть требуемыхъ доходовъ была взимаема процентами на завѣщанную собственность, то противъ этого не можетъ быть поставлено никакого этического возраженія. При этомъ ограниченіи мы видимъ, что предъидущіе выводы изъ закона равной свободы оправдываются ихъ соотвѣтствіемъ съ законодательными предписаніями; мы видимъ также, что существовало прогрессивное возрастаніе соотвѣтствія между этическими и законодательными предписаніями. Право даренія, не повсемѣстно допускаящееся въ старину, въ новѣйшее время было молчаливо признано актами, ограничивающими его тою собственностью, которая по справедливости можетъ считаться личною. Право завѣщанія, едва-ли существующее на раннихъ стадіяхъ общности, устанавливалось все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ свобода личности становилась шире; оно достигло высочайшаго законодательнаго признанія въ нашихъ (англійскихъ) свободныхъ учрежденіяхъ и въ происшедшихъ изъ нихъ американскихъ. Указаніе способовъ употребленія собственности, оставленной несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ, имѣющее за собою, какъ мы видѣли, этическую гарантію, получило подтвержденіе со стороны закона; а тѣ ограниченія права распоряженія собственностью въ иныхъ случаяхъ завѣщанія, которые указаны въ законахъ о выморочныхъ имуществахъ и т. п., гармонируютъ, въ свою очередь, съ этическими выводами.

ГЛАВА XV.

Права свободного обмена и договора.

69. Сказанное въ началѣ послѣдней главы относительно права даренія можетъ быть здѣсь повторено, съ перемѣною терминологіи, относительно права обмена, потому что на обменъ можно не безъ основанія смотрѣть, какъ на взаимное приношеніе даровъ. Быть можетъ, большинство читателей сочтутъ это фантастическимъ истолкованіемъ; наоборотъ, это толкованіе внушается намъ разсмотрѣніемъ фактовъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ мѣновой торгъ не вездѣ находится въ предѣлахъ пониманія у самыхъ низшихъ племенъ, приношеніе даровъ вездѣ имъ понятно; а какъ только приношеніе даровъ становится обычнымъ, то возникаетъ понятіе о необходимости взаимныхъ равноцѣнныхъ подарковъ. Многочисленныя описанія путешествій поясняютъ эту мысль. Итакъ, очевидно, что изъ обмена эквивалентными дарами легко можетъ возникнуть постоянная практика обмена, изъ которой уже выпадетъ представленіе о подаркахъ. Впрочемъ, если даже не выводитъ право обмена въ видѣ слѣдствія изъ права даренія, ясно, что какъ одно, такъ и другое включается въ правѣ собственности, такъ какъ собственность на какую-либо вещь не полна, если она не можетъ быть обменена на другую желаемую вещь.

Далѣе, право обмена можно утверждать какъ прямой выводъ изъ закона равной свободы. Дѣйствительно, изъ обѣихъ, добровольно вступающихъ въ обменъ сторонъ, ни одна не присваиваетъ себѣ большей свободы дѣйствій, чѣмъ другая, и ближніе не терпятъ помѣхи—они располагаютъ равно такою же свободою дѣйствія, какъ и раньше. Хотя выполненіе обмена можетъ устранить многихъ третьихъ лицъ отъ выгодныхъ сдѣлокъ, но ихъ способность вступить въ такіа сдѣлки зависѣла всецѣло отъ согласія другихъ лицъ, а потому и не можетъ быть включена въ ихъ нормальныя сферы дѣятельности. Эти сферы продолжаютъ оставаться такими, какими были бы въ томъ случаѣ, если бы оба лица, вступившія въ сдѣлку, никогда не существовали.

Какъ ни очевидно право обмена, признаніе его закономъ возникло лишь медленно; и на большей части земного

шара оно все еще далеко отъ полнаго признанія. У полинезійскихъ расъ обмѣнъ испытываетъ различнаго рода вмѣшательство со стороны вождей; въ одномъ мѣстѣ имъ принадлежитъ монополія внѣшней торговли; въ другомъ, они управляютъ цѣны; въ иныхъ мѣстахъ—продолжительность рабочаго дня. Подобное мы видимъ и въ Африкѣ у бечуановъ и у негровъ внутренней Африки; вожди обладаютъ правомъ преимущественной покупки, и никакая сдѣлка не бываетъ безъ царскаго согласія. У ашанти только король и вельможи вправе торговать, а въ Шоа извѣстные отборные товары могутъ быть покупаемы только королемъ. Негры Конго, дагомейцы и фулахи имѣютъ торговыхъ старѣйшинъ, устраивающихъ покупки и продажи. Подобныя ограниченія существовали у евреевъ, финикянъ, древнихъ мексиканцевъ и туземцевъ центральной Америки. Въ настоящее время у нѣкоторыхъ южно-американскихъ племенъ, какъ, напр., у патагонцевъ и мундруху, необходимо получить разрѣшеніе отъ вождей, прежде чѣмъ торговать. Подобные факты, встречающіеся у европейскихъ народовъ съ тѣхъ временъ, когда Диоклеціанъ опредѣлилъ размѣръ цѣнъ и заработной платы, не стоитъ здѣсь перечислять подробно. Все, что намъ здѣсь надо, это указать, что вмѣшательство въ дѣло обмѣна уменьшилось по мѣрѣ развитія цивилизаціи. Оно уменьшилось, а частью исчезло въ сдѣлкахъ между членами разныхъ обществъ. Сверхъ того, какъ для этого права, такъ и для другихъ, вмѣшательство стало наименьшимъ тамъ, гдѣ развитіе промышленнаго типа, съ сопровождающими его свободными учрежденіями, стало наибольшимъ, а именно, въ нашей собственной средѣ.

Стоитъ, однако, замѣчанія, что перемѣны, приведшія къ почти полной свободѣ торговли въ Англии, главнымъ образомъ вытекали изъ требованій политики, а не справедливости. Во время агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ очень мало говорилось о „правѣ“ свободнаго обмѣна; и въ настоящее время, когда порицаютъ протекціонистовъ у насъ или за границей, то говорятъ исключительно противъ нецѣлности ихъ политики, а не противъ ея несправедливости. Не слѣдуетъ намъ также сколько-нибудь изумляться этому, если мы вспомнимъ, что даже теперь большинство людей не допускаютъ свободы обмѣна относительно труда и заработной платы. Ослѣпленные тѣмъ, что они считаютъ своимъ интересомъ, рабочіе молчаливо отрицаютъ право какъ предпринимателя,

такъ и рабочаго рѣшить, сколько денегъ слѣдуетъ дать за столько-то труда. Въ этомъ случаѣ, законъ опередилъ мнѣніе большинства: онъ установилъ, что каждый гражданинъ воленъ заключать какія-угодно сдѣлки относительно своихъ услугъ, тогда какъ значительное большинство гражданъ утверждаетъ, что каждый не въ правѣ свободно распоряжаться этимъ.

70. Конечно, на-ряду съ правомъ свободнаго обмѣна является право свободнаго договора. Отсрочка, порою подразумеваемая, порою выговариваемая, относительно мѣновой сдѣлки, обращаетъ одну изъ этихъ формъ въ другую. Достаточно просто назвать договоры относительно услугъ на извѣстныхъ условіяхъ: договоры относительно пользованія домами и землями, договоры, относящіеся къ выполнению опредѣленныхъ работъ; договоры относительно займа капиталовъ. Все это примѣры контрактовъ, добровольно заключаемыхъ людьми, безъ нанесенія ущерба кому либо другому, — стало быть, договоры, которые они въ правѣ заключать.

Въ старину вмѣшательство въ право обмѣна, конечно, сопровождалось вмѣшательствомъ въ право договора. Многочисленные случаи регулированія заработной платы и цѣнъ, столѣтіе за столѣтіемъ нагромождавшіе уложенія цивилизованныхъ народовъ, служатъ примѣромъ. Уменьшаясь по мѣрѣ уменьшенія принудительнаго закона, эти ограниченія въ наши дни почти вездѣ исчезли. Одно подобное постепенное измѣненіе можетъ быть приведено какъ типичное: рѣчь идетъ о законахъ, касающихся ростовщиковъ. Во многихъ случаяхъ, гдѣ были сдѣланы лишь незначительные успѣхи въ смыслѣ свободы учреждений, взиманіе процентовъ по денежнымъ ссудамъ совсѣмъ запрещалось; такъ, напр., у древнихъ евреевъ, у нашихъ собственныхъ предковъ и у французовъ въ эпоху разцвѣта королевской власти. Затѣмъ, въ видѣ ограниченія, былъ установленъ наибольшій процентъ, какъ въ древности сдѣлалъ сдѣлалъ Цицеронъ въ своей провинціи, или въ Англіи, гдѣ Генрихъ VIII назначилъ 10⁰/₀, Яковъ I—восемь, Карлъ II—шесть, Анна—пять, или во Франціи, гдѣ при Людовикѣ XV было назначено четыре процента. Въ концѣ-концовъ, мы видимъ исчезновеніе всѣхъ ограниченій, и займодавцамъ, какъ и заемщикамъ, предоставляется заключать сдѣлки по своему вкусу.

Мы замѣчаемъ, что законъ въ этомъ случаѣ постепенно приблизился къ соотвѣтствію съ справедливостью; можно

также замѣтитъ одинъ исключительный случай, когда законъ сходится съ справедливостью, воспрещая договоры. Говорю о нравственномъ и юридическомъ запрещеніи человѣку продавать себя въ рабство. Если мы обратимся опять къ біологическому источнику справедливости, т. е. къ поддержанію той зависимости между усилями и продуктами усилій, которая необходима для продолженія жизни, то увидимъ, что эта зависимость уничтожается рабскимъ состояніемъ. Стало бытъ, человѣкъ, соглашающійся продать себя въ рабство подъ условіемъ получить какую-либо непосредственную выгоду, нарушаетъ тотъ конечный принципъ, изъ котораго вытекаетъ общественная нравственность. Или же, если мы рассмотримъ этотъ вопросъ съ непосредственной этической точки зрѣнія, то становится яснымъ слѣдующее: контрактъ, заключенный согласно съ закономъ равной свободы, подразумеваетъ, что договаривающіяся стороны должны дать приблизительные эквиваленты; стало бытъ, не можетъ бытъ настоящаго контракта тамъ, гдѣ условія съ обѣихъ сторонъ несоизмѣримы, какъ, напр., если для поддержки жизни въ настоящее время человѣкъ продаетъ всю остальную свою жизнь. Такимъ образомъ, если вмѣсто признанія дѣйствительною продажи самого себя, законъ, наконецъ, воспретилъ такую продажу, то такое исключеніе изъ права заключать договоры также соответствуетъ справедливости. Здѣсь законъ снова гармонируетъ съ этикой.

71. Права обмѣна и договора, конечно, сообща съ другими правами, должны бытъ подчинены тѣмъ ограниченіямъ, которыя вынуждаются общественнымъ самосохраненіемъ въ присутствіи внѣшнихъ враговъ. Тамъ, гдѣ есть достаточныя свидѣтельства, что свобода договора угрожаетъ національной защитѣ, она, на основаніи справедливости, можетъ бытъ упразднена.

Это такое ограниченіе права, которое, очевидно, необходимо на стадіяхъ, характеризуемыхъ постоянными войнами. Общества, находящіяся въ состояніи хроническаго антагонизма съ другими обществами, должны бытъ въ промышленномъ отношеніи „самодовлѣющими“. Въ раннюю эпоху феодализма во Франціи, въ помѣстьяхъ самыя различныя промыслы существовали совмѣстно, и „въ замкахъ выдѣлывались почти всѣ продукты, тамъ потреблявшіеся“. Трудности сообщенія, разныя потери имущества во время перевозки, опасности, возникавшія отъ постоянныхъ междоусобицъ, все

это дѣлало необходимымъ, чтобы существенные продукты производились дома. Сказанное о малыхъ социальныхъ группахъ было справедливо и для крупныхъ группъ; международная свобода обмена поэтому испытывала значительныя помѣхи. Воскликанія вроде того, что мы „зависимъ отъ иностранцевъ“, раздававшіяся во время агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, имѣли долю основанія, такъ какъ только во время прочно обеспеченнаго мира нація можетъ безъ риска купить значительную часть пищи за границей, вмѣсто того, чтобы самой воздѣлывать, напр. хлѣбъ.

Кромѣ этого ограниченія правъ обмена и договора, не остается болѣе никакого другого, имѣющаго какую-либо этическую гарантію. Вмѣшательство въ свободу купли или продажи по какимъ-либо инымъ основаніямъ, кромѣ только что указанныхъ, есть правонарушеніе, кѣмъ бы оно ни было совершаемо. Лица, именующія себя протекціонистами, т. е. охранителями, должны быть названы, въ сущности, насильниками. Дѣйствительно, запретить А покупать у В и заставить его покупать у С (большею частью, на худшихъ условіяхъ)—это значитъ явнымъ образомъ совершить нарушеніе того права свободнаго обмена, которое, какъ мы видимъ, составляетъ слѣдствіе закона равной свободы.

Главный фактъ, который слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, однако, состоитъ въ томъ, что у насъ, если не у другихъ народовъ, этической выводъ, послѣ индуктивной провѣрки, пріобрѣтаетъ признаніе законодательнымъ путемъ—если не по нравственнымъ, то по политическимъ основаніямъ.

ГЛАВА XVI.

Право промышленной свободы.

72. Хотя, съ одной стороны, промышленная свобода подразумѣется правами свободнаго движенія и перемѣщенія, а съ другой—правами свободнаго обмена и договора, однако, есть еще одна точка зрѣнія, не включенная въ эти права явнымъ образомъ и требующая особаго указанія Хотя дока-

зательство едва-ли требуется, все же необходимо привести его, съ цѣлью показать, какъ мало это признавалось раньше и въ какой значительной степени признается теперь.

Подъ правомъ промышленной свободы здѣсь подразумѣвается право каждаго человѣка продолжать свои занятія, каковы бы они ни были, какимъ ему угодно способомъ, пока онъ не нарушаетъ этимъ правъ сосѣдей; какъ выгоды, такъ и невыгоды должны быть при этомъ принимаемы имъ на себя, смотря по выбранному пути. Хотя это право представляется теперь самоочевиднымъ, оно далеко не казалось такимъ въ прошедшія времена. Дѣйствительно, естественно, что это было такъ, когда болѣе очевидныя права не были признаны.

Отмѣтимъ, что въ далекомъ прошломъ промышленность находилась подъ контролемъ духовной власти, какъ, напр., у евреевъ; во Второзаконіи (XXII, 8 и слѣд.) мы находимъ постановленія, относящіяся къ методамъ постройки и къ земледѣлію. Достаточно также замѣтить, какъ значительны и настойчивы были ограниченія промышленной свободы у европейскихъ народовъ во время господства той военной организаціи, которая всячески подчиняетъ себѣ индивидуальныя воли. Въ старинной Англіи владѣлецъ имѣнія въ своей помѣстной управѣ (Court-leet) осматривалъ произведенія промышленности, а послѣ установленія королевской власти явились распоряженія относительно уборки жатвы, времени стрижки овецъ, способовъ паханія. Послѣ норманскаго покоренія явились правила относительно обращиванья матерій. Начиная съ Эдуарда III и до Якова I, оффиціальныя надсмотрщики должны были наблюдать, чтобы разнаго рода товары выдѣлывались надлежащимъ образомъ. Нѣкоторымъ промышленникамъ указывалось, сколько помощниковъ они вправѣ имѣть; культура извѣстныхъ растений была сдѣлана принудительною; кожевники были обязаны держать шкуры въ ямахъ въ теченіе опредѣленнаго времени; были чиновники, наблюдавшіе за мѣрою хлѣба и пива. Съ развитіемъ учрежденій, характеризующихъ промышленный типъ, эти ограниченія промышленной свободы стали уменьшаться, и въ началѣ царствованія Георга III пять шести этихъ ограниченій исчезло. Они стали вновь возрастать въ теченіе военного времени, вызваннаго французскою революціей, и затѣмъ вновь стали убывать, пока, наконецъ, не были уничтожены почти всѣ виды государственнаго вмѣшательства въ способы

производства. Весьма знаменательно, однако, что недавнее оживленіе милитаризма въ Англіи, бывшее послѣдствіемъ новаго чудовищнаго развитія его на континентѣ (вторично возбужденнаго величайшимъ изъ бичей новѣйшаго времени, а именно династіей Бонапартовъ)—это оживленіе сопровождалось промышленной реакціей, въ смыслѣ новой регламентаціи; такъ что въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ явилось много новыхъ актовъ, указывающихъ, какъ слѣдуетъ вести дѣла: начиная съ запрещенія обѣдать на спичечныхъ фабрикахъ иначе, какъ въ извѣстныхъ помѣщеніяхъ, и кончая указаніями, какъ строить и чистить жилища рабочихъ; начиная съ приказовъ, какъ окрашивать пекарни, и оканчивая наказаніемъ фермеровъ, если они принимаютъ на работу не ходившихъ въ школу дѣтей. Не мѣшаетъ замѣтить, что во Франціи, гдѣ воинственная дѣятельность, вызванная внѣшними обстоятельствами, развила военный строй до болѣе высокой степени, промышленная регламентація стала болѣе выработанной и болѣе строгой, а въ послѣдніе дни стараго монархическаго режима была доведена до едва вообразимаго размѣра. „Легионы чиновниковъ“ принуждали къ выполненію правилъ, все болѣе усложнявшихся новыми правилами, имѣвшими цѣлью поправить старыя; указывалось, напр., какой длины слѣдуетъ ткать куски матеріи, какой выбирать узоръ, какой избирать способъ производства, какихъ избѣгать недостатковъ. Даже послѣ революціи, когда временно была достигнута болѣе значительная свобода промышленности, вмѣшательство вскорѣ вновь усилилось, такъ что въ 1806 году, по Левассеру, администрація назначала длину рабочаго дня, обѣденные часы, начало и конецъ дня въ разныя времена года. Дѣйствительно, поучительно наблюдать, какъ во Франціи, гдѣ идея равенства всегда подчиняла себѣ идею свободы, гдѣ подъ видомъ свободной формы правленія граждане безропотно подчинялись бюрократіи, одинаково деспотической какъ при республиканской формѣ правленія, такъ и при монархической, гдѣ, наконецъ, возвратъ къ вполнѣ воинственному строю случался не разъ— во Франціи промышленная свобода личности, вмѣстѣ со многими другими видами свободы, никогда не достигала такой полноты, какъ въ Англіи; въ этой послѣдней воинская слава никогда не была такою выдающеюся цѣлью и военная организація никогда не была такъ рѣзко выражена.

Если оставить въ сторонѣ подробности, то можно ска-

зять, что общій обзоръ фактовъ доказываетъ слѣдующее: начиная съ тѣхъ раннихъ стадій, когда мало уваженія оказывалось жизни, свободѣ и собственности, и кончая тѣми позднѣйшими стадіями, когда все это считалось священнымъ,—постоянно замѣчалось движеніе отъ режима, при которомъ способы производства предписывались повелительно, въ тому режиму, при которомъ эти способы предоставлялись волѣ предпринимателя. И оказывается, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ законодательство всего болѣе признаетъ индивидуальную свободу въ другихъ отношеніяхъ, оно признаетъ эту свободу и въ рассматриваемомъ отношеніи.

ГЛАВА XVII.

Права свободы убѣжденія и культа.

73. Если толковать слова буквально, то говорить о свободѣ убѣжденія, какъ особомъ правѣ, нелѣпо, такъ какъ никакая внѣшняя сила не способна отнять этого права. Утвержденіе такого права влечетъ за собою даже двойную нелѣпость. Убѣжденіе не можетъ быть не только уничтожено или измѣнено обузданіемъ извнѣ, но въ сущности не можетъ быть уничтожено или измѣнено никакимъ принужденіемъ изнутри. Оно опредѣляется причинами, лежащими внѣ внѣшняго контроля, а въ значительной мѣрѣ также внѣ внутренняго контроля. Здѣсь подразумѣвается, разумѣется, право свободного *исповѣданія* убѣжденій. Едва-ли стоитъ говорить о томъ, что это есть слѣдствіе изъ закона равной свободы. Исповѣданіе извѣстнаго убѣжденія кѣмъ бы то ни было само по себѣ не мѣшаетъ исповѣданію другихъ убѣжденій другими; а если другіе навязываютъ кому-либо свое убѣжденіе, то этимъ они явно присваиваютъ себѣ болѣе значительную свободу дѣйствія, чѣмъ та, которою пользуется данное лицо.

Свобода тѣхъ различныхъ убѣжденій, которыя не касаются сколько-нибудь очевиднымъ образомъ поддержки установленныхъ учрежденій, не подвергается никакому сомнѣнію. Если оставимъ въ сторонѣ нѣкоторыя нецивилизованныя общества, то можно сказать, что запрещенію подвергаются исключительно такія убѣжденія, которыя, повиди-

тому, находятся въ противорѣчїи съ существующимъ социальнымъ порядкомъ. Тамъ, гдѣ воинственный типъ организаціи ничѣмъ не ограниченъ, каждый, кто утверждаетъ, что данная политическая система или социальная организація не такова, какою она должна была бы быть, подвергается наказанію. Но гдѣ основныя права обыкновенно попираются, тамъ естественно, не слѣдуетъ ожидать никакого уваженія къ правамъ, значеніе которыхъ не такъ очевидно. Тотъ фактъ, что право политической оппозиціи не признается тамъ, гдѣ вообще права не находятъ признанія, позволяетъ заключить, что, безъ всякаго сомнѣнія, это прямой выводъ изъ закона равной свободы.

Право исповѣдывать религіозныя убѣжденія влечетъ за собою право обнаруживать ихъ актами, относящимися къ культу. Дѣйствительно, такое обнаруживаніе можетъ происходить, не уменьшая подобныхъ же правъ другихъ людей и не причиняя имъ никакихъ иныхъ насилій въ ихъ житейскихъ дѣлахъ. Пока такія дѣйствія не причиняютъ безпокойствъ сосѣдямъ, вродѣ непріятности, доставляемой въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ постояннымъ звономъ колоколовъ или у насъ въ Англии гамомъ, поднимаемымъ процессіями арміи спасенія (на что наши власти смотрятъ сквозь пальцы, обнаруживая постыдную слабость)—до тѣхъ поръ нельзя, не нарушая справедливости, препятствовать культу. Исповѣдающіе другія религіозныя вѣрованія, или даже ни во что не вѣрующіе, при этомъ могутъ такъ же свободно, какъ и прежде, выполнять требованія своего культа или ровно ничего не выполнять.

74. Дикарь, далеко не обладая тою свободою, какою ему приписывали сентиментальные социальныя мечтатели, имѣетъ убѣжденія, продиктованныя обычаемъ, наравнѣ съ привычками, повелительно регулирующими его жизнь. Въ Гвинеѣ человекъ, не выполняющій пророчества фетиша и не выздоравливающій, подвергается удушенію за то, что онъ заставилъ фетиша солгать. Читая это, мы легко поймемъ, что выраженіе скептицизма тамъ совершенно неизвѣстно. Фиджійцы, поклоняющіеся богамъ-людодамъ, выражали ужасъ по тому поводу, что у самоанцевъ нѣтъ подобнаго же культа; они гнѣвно называли Джэксона „бѣлымъ нечестивцемъ“ за то, что тотъ пренебрегъ однимъ изъ ихъ религіозныхъ запрещеній. Сомнительно, чтобы эти люди могли потерпѣть какой-либо религіозный скептицизмъ у своего собственнаго простаго на-

рода, точно такъ же, какъ они не потерпѣли бы политическаго скептицизма относительно божественной власти своихъ вождей. Таковъ выводъ неизбежно вытекаетъ изъ того, что мы читаемъ у Уильямса объ одномъ фиджійцѣ, едва не поплатившемся жизнью по возвращеніи его изъ Америки за то, что онъ осмѣлился сказать, что Америка больше, чѣмъ Фиджи. Обращаясь къ древнимъ цивилизаціямъ, мы встрѣчаемъ многочисленные случаи отрицанія права свободы вѣры. Платонъ предписываетъ наказанія за уклоненіе отъ греческой религіи (Законы, книга X). Сократъ умеръ за нападки на господствовавшіе взгляды, относившіеся къ богамъ; Анаксагоръ подвергся преслѣдованію за утвержденіе, что солнце не колесница Аполлона. Обращаясь къ эпохѣ, когда исповѣдываніе христіанской вѣры было наказуемо, и къ послѣдующему времени, когда исповѣдываніе всякой другой вѣры подлежало карѣ, намъ достаточно отмѣтить, въ связи съ дѣйствіями инквизиторовъ и съ пытками, примѣняемыми то католиками къ протестантамъ, то протестантами къ католикамъ, что во всѣхъ случаяхъ рѣчь шла о требованіи вѣшняго единовѣрія. Достаточно было номинальнаго усвоенія предписанной вѣры, безъ всякаго доказательства реальнаго усвоенія. Оставивъ въ сторонѣ эпоху болѣе древнихъ религіозныхъ преслѣдованій, при которыхъ молчаливо отрицалось право свободнаго убѣжденія, достаточно отмѣтить, что со времени „Акта терпимости“ 1688 г., который, требуя признанія извѣстныхъ основныхъ догматовъ, отмѣнилъ наказанія за другія разногласія, — съ этого времени явился рядъ послѣдовательныхъ послабленій. Было отмѣнено воспрещеніе диссентерамъ занимать извѣстныя должности. Въ настоящее время въ Англіи всякій можетъ свободно вѣрить во что хочетъ, или не вѣрить, не подвергаясь никакой юридической карѣ и испытывая лишь ничтожную общественную кару, или даже вовсе никакой.

Подобнаго же рода перемѣны постепенно привели къ упрощенію свободы политическихъ убѣжденій. Прекратились наказанія или дурное обращеніе за отрицаніе такихъ политическихъ догматовъ, каково божественное право королей, или за выраженіе сомнѣній относительно права того или другого лица занимать престоль. Сторонники деспотизма, наравнѣ съ явными анархистами, одинаково пользуются правомъ думать, что имъ угодно.

75. Неужели же свобода убѣжденія или, точнѣе, право

свободно исповѣдывать свое убѣжденіе не подлежить никакому ограниченію? Или же, исходя изъ того положенія, что требованія общественнаго самосохраненія должны быть поставлены выше притязаній отдѣльныхъ лицъ, мы должны вывести, что, при извѣстныхъ условіяхъ, это право подлежитъ должнымъ ограниченіямъ?

Единственные случаи, когда ограниченіе можетъ быть выставлено, это тѣ, когда открыто поддерживаемыя убѣжденія таковы, что они стремятся ослабить способность общества къ защитѣ противъ враждебныхъ обществъ.

Успѣшное примѣненіе сложныхъ общественныхъ силъ предполагаетъ подчиненіе правительству и дѣятельностямъ, имѣющимъ отношеніе къ войнѣ; и можно на рациональномъ основаніи утверждать, что открытое признаніе убѣжденій, которыя, будь они общаго характера, должны были бы парализовать исполнительную власть, не должно быть допускаемо. Здѣсь, дѣйствительно, мы снова видимъ, что военный режимъ, разными другими способами подавляющій или ограничивающій права индивидуумовъ, является помѣхою даже для права свободнаго убѣжденія.

Дѣйствительно, лишь по мѣрѣ постепеннаго перехода отъ той принудительной системы, которую производятъ хроническія враждебныя столкновенія, къ той договорной системѣ, которая замѣняетъ предыдущую, какъ только промышленная жизнь одерживаетъ верхъ, — лишь по мѣрѣ такого развитія утвержденіе правъ становится вообще болѣе и болѣе дѣйствительнымъ и примѣнимымъ на дѣлѣ. И лишь въ теченіе этой перемѣны, естественно наступаетъ переходъ отъ предполагаемой обязанности усваивать убѣжденія, предписанныя властью, къ утвержденію права личнаго выбора убѣжденій.

При такомъ истолкованіи, мы видимъ, что право свободнаго убѣжденія имѣетъ исторію, представляющую параллелизмъ съ исторіей другихъ правъ. Этотъ выводъ изъ закона равной свободы, первоначально игнорируемой и затѣмъ постепенно все болѣе и болѣе признаваемой, наконецъ получаетъ полное законодательное признаніе.

ГЛАВА XVIII.

Право свободы слова и печати.

76. Предметъ настоящей главы едва-ли отдѣлимъ отъ разсмотрѣннаго выше. Такъ какъ убѣжденіе, взятое само по себѣ, не допускаетъ контроля со стороны внѣшней силы и только исповѣдываніе этого убѣжденія можетъ быть узнано властью и можетъ стать дозволеннымъ или запрещеннымъ, то отсюда слѣдуетъ, что утвержденіе права свободнаго убѣжденія подразумѣваетъ право свободы слова. Далѣе, здѣсь подразумѣвается право свободы слова для распространенія своего убѣжденія. Каждое предложеніе, дающее доводъ или цѣль доводовъ, имѣющихъ цѣлью подтвердить убѣжденіе, въ свою очередь составляетъ убѣжденіе. Стало быть, право высказывать доводы включается въ право свободы убѣжденій.

Конечно, какъ одно, такъ и другое право является непосредственнымъ выводомъ изъ закона равной свободы. Пользуясь словомъ для выраженія или для поддержки убѣжденія, никто не препятствуетъ никому другому поступать такимъ же образомъ; исключеніемъ служитъ тотъ случай, когда кто-либо, переувеличивая другого или дѣйствуя слишкомъ настойчиво, мѣшаетъ выслушать противника. Въ этихъ случаяхъ, однако, дѣйствія такого рода обыкновенно признаются непристойными, т. е. нарушающими законъ равной свободы.

Очевидно, стоитъ измѣнить терминологию, и то же самое можно сказать о правѣ издавать сочиненія, о „свободѣ безцензурной печати“. По отношенію къ этикѣ, не существуетъ существеннаго различія между произнесеніемъ рѣчи и изображеніемъ ея на письмѣ или же напечатаніемъ того, что было раньше написано.

Одно ограниченіе, подразумѣваемое и въ предыдущихъ главахъ, должно быть здѣсь указано. Свобода слова, письма и печати не включаетъ свободы пользоваться словомъ для высказыванія клеветы или распространенія ея. Не включена сюда и свобода пользоваться словомъ для нанесенія обидъ другимъ. То и другое очевидно исключается тѣми предѣлами индивидуальной свободы, которые были нами установлены.

77. Хотя въ наше время въ Англіи защита этихъ правъ представляется излишнею, не мѣшаетъ посчитаться съ тѣми доводами, которые выставлялись противъ этихъ правъ у насъ

самихъ въ сравнительно недавнія времена и все еще выступаютъ въ другихъ странахъ!

Говорятъ, что правительство должно гарантировать своимъ подданнымъ „безопасность и чувство безопасности“. Отсюда выводятъ, что власти должны прислушиваться къ декламациямъ популярныхъ ораторовъ и приостанавливать все, что рассчитано на возбужденіе смуты. Этотъ выводъ, однако, наталкивается на затрудненія. Дѣло въ томъ, что всякая значительная перемѣна, какъ въ области политики, такъ и въ области религіи, когда она выставляется впервые, возбуждаетъ страхъ большинства и такимъ образомъ уменьшаетъ чувство безопасности; поэтому пришлось бы запретить защиту всякой такой перемѣны. Было множество людей, испытывавшихъ хроническую тревогу во время агитаціи въ пользу билля о реформѣ. Если бы предупрежденіе этой тревоги было настоятельно необходимо, то такую агитацію слѣдовало подавить. Далѣе, весьма многіе такъ были взволнованы мрачными предсказаніями газеты *Standard* и меланхоличными причитаніями газеты *Herald*, что охотно положили бы конецъ пропагандѣ свободы торговли, и если рѣчь шла о томъ, чтобы поддержать ихъ чувство безопасности, то слѣдовало дать имъ волю. То же относится къ вопросу объ устраненіи неправомерности католиковъ. Пророчествовали о возобновленіи папистскихъ преслѣдованій за вѣру со всѣми ихъ ужасами. Поэтому слѣдовало бы запретить говорить и писать объ этой перемѣнѣ, если бы защита чувства безопасности была настолько необходима.

Очевидно, что такія предложенія ограничить право свободы слова, идетъ-ли рѣчь о политикѣ или о религіи, могутъ быть защищаемы лишь при молчаливомъ предположеніи, что всевозможныя господствующія въ данное время убѣжденія вполне справедливы. Но такъ какъ это молчаливое допущеніе въ прежнія времена обыкновенно оказывалось ошибочнымъ, то опираясь на опытъ, можно съ основаніемъ усомниться въ томъ, чтобы нынѣшнія убѣжденія были непогрѣшимы. Мы должны все еще признать свободу слова такимъ дѣятелемъ, посредствомъ котораго можетъ быть разрушено заблужденіе и если не беремъ на себя роль папы, то мы не вправѣ налагать запрещенія.

Кромѣ потребности, въ прежнія времена не возбуждавшей прекословія, а именно—ограничить публичное обнаруженіе политическихъ и религіозныхъ убѣжденій, несогласныхъ съ

господствующими, существуетъ еще потребность, до сихъ поръ не оспариваемая большинствомъ людей, — ограничить такія обнаруженія, которыя переступаютъ предѣлы пристойности или рассчитаны на поощреніе половой распущенности. Вопросъ этотъ трудень; онъ кажется, не допускаетъ никакого удовлетворительнаго рѣшенія. Съ одной стороны, кажется несомнѣннымъ, что неограниченная свобода слова въ этихъ дѣлахъ можетъ имѣть результатомъ подрывъ идей, чувствъ и учрежденій, соціально благодѣтельныхъ; и тамъ, гдѣ есть недочеты въ существующемъ семейномъ режимѣ, мы имѣемъ сильныя основанія въ пользу предположенія, что это въ большинствѣ случаевъ приноситъ пользу. Но если такъ, то можно утверждать, что опубликованіе ученій, стремящихся подорвать такой режимъ, несомнѣнно вредно и требуетъ предупредительныхъ мѣръ. Однако, съ другой стороны, мы должны помнить, что въ прежнія времена считалось въ такой же степени абсолютно достовѣрнымъ, что слѣдуетъ наказывать распространителей ереси, такъ какъ иначе они совратятъ и навѣки погубятъ тѣхъ, кто ихъ слушаетъ; этотъ фактъ внушаетъ предположеніе, что, быть можетъ, опасно слишкомъ полагаться на наши мнѣнія о томъ, каковы именно должны быть половыя отношенія. Во всѣ времена и повсюду люди держались того мнѣнія, что ихъ идеи и чувства по этимъ вопросамъ, какъ и по вопросамъ религіи, вполне правильны. Но если мы правы, то они были не правы. Въ Англіи мы признаемъ очевиднымъ, что заключеніе браковъ между дѣтьми, практикуемое въ Индіи, порочно; однако, большинство индусовъ этого не думаютъ. Точно также у насъ большинство людей не видитъ ничего дурного въ бракахъ по расчету, однако найдется не мало людей, которые сочтутъ это дурнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Африки не только многоженство признается умѣстнымъ, но одноженство прямо осуждается, даже женщинами; тогда какъ въ Тибетѣ многомузіе не только признается правильною формою брака мѣстными жителями, но и путешественники того же мнѣнія относительно этой голодающей страны. Въ виду многочисленныхъ разногласій въ мнѣніяхъ, встрѣчаемыхъ даже у цивилизованныхъ людей, едва ли разумно признавать доказаннымъ, что мы—единственные люди, стоящіе выше всякой критики относительно понятій и обычаевъ; а если такъ, то препятствія свободѣ слова по вопросамъ, касающимся отно-

шеній между полами, вѣроятно, воспрепятствуютъ достиженію чего-либо лучшаго и высшаго.

Безъ сомнѣнія, должны существовать злоупотребленія, сопряженныя со свободою слова въ этой области, какъ и въ области политики и религіи; однако, нашъ выводъ тотъ, что съ этимъ зломъ приходится мириться, принимая во вниманіе возможное благо. Далѣе, слѣдуетъ помнить, что такое зло постоянно будетъ встрѣчать помѣху со стороны общественнаго мнѣнія. Опасеніе сказать или написать то, что повлечетъ за собою соціальныи остракизмъ, во многихъ случаяхъ обазывается гораздо болѣе вліятельнымъ, чѣмъ законодательное ограниченіе.

78. Хотя излишне подчеркивать, что, на-ряду съ другими правами, право свободы слова и печати, въ старину почти повсюду отрицаемое или признаваемое не открыто, установилось лишь постепенно,—однако, не мѣшаетъ привести нѣсколько примѣровъ съ цѣлью подчеркнуть эту истину. Многие изъ фактовъ, указанныхъ въ предыдущей главѣ могли бы быть здѣсь вновь приведены, такъ какъ преслѣдованіе свободы убѣжденій влекло за собою упраздненіе свободы слова. Гнѣвъ еврейскаго духовенства противъ Иисуса Христа за ученіе, противорѣчившее ихъ вѣрѣ, привелъ къ распятію; Павелъ, сначала преслѣдовавшій христіанъ, самъ, затѣмъ подвергся гоненію за то, что убѣждалъ людей стать христіанами; многие римскіе императоры мучили проповѣдниковъ христіанства—все это общеизвѣстные примѣры, доказывающіе, что свобода слова отвергалась въ старину. Точно также, послѣ того, какъ христіанская вѣра стала господствующею, стали наказывать тѣхъ, кто отвергалъ ученіе о божественномъ ествѣ Христа; наказывали и тѣхъ, кто публично доказывалъ предопредѣленіе, и тѣхъ, кто распространялъ ученіе о двухъ верховныхъ началахъ добра и зла. Все это, какъ и преслѣдованіе Гуса и Лютера, служитъ общеизвѣстнымъ примѣромъ отрицанія правъ высказывать мнѣніе, противорѣчащее тому, которое признано властью. Точно то же мы видимъ въ Англіи, начиная со времени, когда Генрихъ IV назначалъ жестокия кары еретикамъ, и до XVII вѣка, когда нонконформистское духовенство подвергалось карѣ за то, что учило не тому, чего требовала господствующая церковь, и когда Буніана посадили въ тюрьму за проповѣдь на открытомъ воздухѣ,—и даже вплоть до послѣдняго процесса за пропаганду атеизма,—дѣла еще

свѣжаго въ нашей памяти. Но постепенно, въ послѣдніе вѣка, право свободы слова относительно вопросовъ религій, утверждавшееся все болѣе и болѣе, допускалось во все болѣе мѣрѣ; такъ что, наконецъ, теперь нѣтъ никакого ограниченія для публичнаго „оказательства“ какого-либо религіознаго мнѣнія, если только это выраженіе не имѣетъ понапрасну оскорбительной формы.

Параллельный прогрессъ привелъ къ установленію права свободы рѣчи по политическимъ вопросамъ—права, которое отвергалось въ старину. У афинянъ эпохи Солона смертная казнь опредѣлялась за оппозицію извѣстной господствующей политикѣ, а у римлянъ выраженіе запретныхъ мнѣній преслѣдовалось, какъ государственное преступленіе. Точно также въ Англіи, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, политическая критика, даже умѣренная, влекла за собою суровыя наказанія. Недавняя эпоха характеризуется то болѣе, то меньшею свободой рѣчи. Стоитъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ теченіе воинственной эпохи, вызванной французскою революціей, явилось движеніе вспять, въ этомъ отношеніи, какъ и относительно другихъ правъ.

Въ 1808 году одинъ судья объявилъ, „что никому нельзя дозволить возбуждать недовольство правительствомъ“.

Но съ началомъ продолжительнаго мира стали убывать и ограниченія свободы политическихъ рѣчей, наравнѣ съ другими ограниченіями свободы. Сэръ Ф. Бердетъ былъ посаженъ въ тюрьму за осужденіе безчеловѣчныхъ дѣйствій войска, Лей Гентъ—за порицаніе жестокой порки въ арміи, но съ тѣхъ поръ въ сущности исчезли всѣ помѣхи публичному выраженію политическихъ идей. Пока гражданинъ не подстрекаетъ къ совершенію преступленій, онъ воленъ говорить что ему угодно о любомъ изъ нашихъ учрежденій или даже о всѣхъ; ему предоставляется право защищать какую угодно форму правленія, хотя бы совершенно отличающуюся отъ существующей, или даже отвергать всякую форму правленія.

Разумѣется, по мѣрѣ возрастанія признанія права свободы слова, укрѣплялось также признаніе права свободы печати. Платонъ училъ, что цензоры необходимы для предупрежденія распространенія недозволенныхъ ученій. По мѣрѣ возрастанія церковной власти, стали уничтожать сочиненія, признававшіяся еретическими. Въ Англіи въ эпоху королевы Елисаветы книги подвергались официальному разрѣшенію, и даже Долгій парламентъ подтвердилъ ту систему цензурныхъ разрѣшеній,

противъ которой Мильтонъ выразилъ свой знаменитый протестъ. Но въ два послѣднія столѣтія не было никакой официальной цензуры, исключая драматическихъ произведеній; и хотя съ тѣхъ поръ были сдѣланы многія попытки стѣснить прессу, однако, онѣ постепенно вышли изъ употребленія или были отмѣнены.

79. Но въ этомъ случаѣ, какъ и въ упомянутыхъ выше, сохраненіе общества стоитъ выше притязаній личности, а поэтому можно, не нарушая справедливости, ограничить свободу слова и печати, по скольку это необходимо во время войны для того, чтобы предупредить выгоды, которыми воспользуется непріятель. Если, какъ мы видѣли, существуетъ этическое оправданіе для пожертвованія болѣе важныхъ правъ гражданина до степени, необходимой для успѣшной національной защиты, то отсюда, конечно, вытекаетъ, что менѣе важныя права также должны подчиниться военной необходимости. Здѣсь мы снова видимъ прямую связь международною вражды съ подавленіемъ индивидуальной свободы. Дѣйствительно, очевидно, что во всемъ цивилизованномъ мірѣ подавленіе свободы слова и печати было тѣмъ болѣе строго, чѣмъ болѣе одерживалъ верхъ милитаризмъ; и въ настоящее время мы все еще наблюдаемъ такую зависимость при сравненіи контрастовъ, представляемыхъ съ одной стороны Англіей, съ другой—нѣкоторыми восточными странами.

Признавъ справедливыя ограниченія этихъ правъ, слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что они, наравнѣ съ другими правами, выведенными изъ закона равной свободы, стали пользоваться законодательнымъ признаніемъ, какъ только общество достигло болѣе высокой ступени развитія.

ГЛАВА XIX.

Обзоръ всего предыдущаго и дополненіе.

80. Тамъ, гдѣ природа людей не соотвѣтствуетъ природѣ ихъ учрежденій, является сила, стремящаяся произвести перемѣну. Одно изъ трехъ: или учрежденія передѣлаютъ природу людей, или природа передѣляетъ учрежденія, или, наконецъ, частью произойдетъ одно, частью другое, и явится болѣе устойчивое состояніе.

Въ Англии, дѣйствіе и противодѣйствіе между нашими со-

ціальними учрежденіями и нашими характерами произвело любопытный результат. Компромиссъ составляет существенную часть учрежденій: онъ сталъ пріятенъ и съ личной точки зрѣнія, такъ что онъ не только терпитъ, но и предпочитается. Явилось недоверіе къ опредѣленнымъ заключеніямъ и положительное отвращеніе къ какой-либо системѣ. Естественнымъ образомъ, государственные люди и граждане, съ одной стороны единодушно заявляющіе о верховенствѣ народа, а съ другой—почтительно пишущіе и привѣтливо слушающіе тронныя рѣчи, въ которыхъ лорды и члены палаты общинъ называются слугами, а народъ „моими подданными“,—такіе граждане съ неудовольствіемъ отнесутся къ требованію, чтобы ихъ политическія идеи отличались послѣдовательностью. Утверждая право личного сужденія въ дѣлахъ вѣры, но молчаливо позволяя, чтобы парламентъ поддерживалъ ихъ вѣру, такіе граждане упорно откажутся отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ они примиряютъ теорію съ практикой. Поэтому, въ виду многихъ случаевъ, когда имъ приходится усвоить противорѣчивыя ученія, эти люди начинаютъ неохотно относиться къ точному мышленію; имъ непріятны всѣ попытки принудить ихъ къ точнымъ предложеніямъ; они уstraшаются отвлеченныхъ принциповъ, представляющихъ для нихъ такое же пугало, какъ для служанки нѣчто такое, что она принимаетъ за привидѣніе.

Проторенная дорога мысли и чувства, произведенная такимъ образомъ социальными условіями, не можетъ измѣниться ни отъ какихъ разсужденій. Убѣжденія, несогласныя съ этими условіями, не могутъ пользоваться большимъ успѣхомъ. Читатели, у которыхъ отдѣльные доводы, содержащіеся въ предъидущихъ главахъ, не успѣли произвести перемѣны мнѣнія, не измѣнятъ своихъ мнѣній и въ томъ случаѣ, если мы соединимъ эти доводы и покажемъ, что всѣ они приводятъ къ тому же самому заключенію. Во всякомъ случаѣ, передъ тѣмъ какъ идти дальше, будетъ умѣстно показать, насколько сильны совокупныя доказательства предложеній, изъ которыхъ теперь приходится дѣлать выводы.

81. Не существуетъ этики сгущенія туманностей или этики движенія звѣздъ, или же этики эволюціи планетъ. Понятіе этики не примѣнимо къ неорганическимъ дѣятельностямъ. Обращаясь къ организованнымъ существамъ, мы также видимъ, что понятіе это не имѣетъ никакого отношенія къ явленіямъ растительной жизни. Хотя мы приписываемъ растеніямъ признаки превосходства или же низкаго уровня, при-

водящіе къ побѣдѣ или къ поражению въ борьбѣ за существованіе, однако съ этимъ мы не соединяемъ похвалы или порицанія. Лишь по мѣрѣ возрастанія чувствительности въ животномъ мірѣ, является матеріаль для этики. Поэтому этика, предполагающая животную жизнь и приобретающая опредѣленный смыслъ по мѣрѣ усложненія этой жизни, должна, въ концѣ концовъ, получить выраженіе въ терминахъ животной жизни. Этика относится къ извѣстнымъ сторонамъ поведенія въ жизни, рассматриваемымъ какъ хорошія или же дурныя; она не можетъ произносить приговора надъ этими сторонами поведенія, пока она игнорируетъ существенныя жизненныя явленія.

Въ главѣ о „Животной этикѣ“ эта связь была обнаружена въ ея конкретной формѣ. Мы видѣли, что, обращая вниманіе на какой-либо одинъ видъ и признавъ продолженіе существованія этого вида желательнымъ, придется сказать относительно этого вида, что дѣйствія, служащія для сохраненія особи и породы, признаются нами справедливыми и рассматриваются съ извѣстнымъ одобреніемъ; акты съ обратными тенденціями вызываютъ порицаніе. Въ другой главѣ, гдѣ рѣчь идетъ о „До-человѣческой справедливости“, мы видимъ, что, для достиженія желательной цѣли, необходимымъ предварительнымъ условіемъ является, чтобы каждая особь получала выгоды или испытывала невыгоды своей собственной природы и вытекающихъ изъ нея дѣйствій. Мы видѣли также, что въ низшихъ отдѣлахъ животнаго міра, гдѣ не существуетъ никакой силы, могущей быть помѣхою этому предварительному условію, послѣднее вызываетъ переживание наиболѣе приспособленныхъ. Далѣе мы видѣли, что, такъ какъ эта связь между поведеніемъ и его послѣдствіемъ признается справедливою, то отсюда слѣдуетъ, что во всемъ животномъ царствѣ то, что мы называемъ справедливостью, есть этическое выраженіе біологическаго закона, въ силу котораго жизнь вообще поддерживалась и развивалась въ высшія формы. Законъ этотъ, стало бытъ, обладаетъ наивысшимъ возможнымъ авторитетомъ.

По мѣрѣ установленія стадныхъ привычекъ, возникаетъ вторичный законъ. Когда извѣстное число особей живутъ въ такой тѣсной близости, что онѣ способны препятствовать дѣятельностямъ другихъ и не даютъ имъ достигъ желаемыхъ результатовъ, — въ такихъ случаяхъ, для избѣжанія антагонизма и послѣдующаго расбѣянія, ихъ дѣйствія дол-

жны испытать взаимныя ограниченія. Каждому приходится продолжать свою дѣятельность въ зависимости отъ ограниченія, состоящаго въ томъ, чтобы она не мѣшала подобнымъ же дѣятельностямъ другихъ въ большей степени, чѣмъ требуется взаимностью. И мы видѣли, что у разныхъ стадныхъ существъ обнаруживается значительное соблюденіе такихъ ограниченій.

Наконецъ, въ главѣ о „Человѣческой справедливости“ было показано, что у людей, т. е. высочайшихъ изъ общежительныхъ существъ, этотъ вторичный законъ, неяснымъ образомъ намѣченный у низшихъ стадныхъ животныхъ, становится болѣе рѣзко выраженнымъ, болѣе определеннымъ и имѣющимъ болѣе сложныя примѣненія. При условіяхъ, зависящихъ отъ соціальной жизни, первичный принципъ справедливости, утверждаемый для каждой особи, самъ по себѣ приводитъ къ вторичному или ограничительному принципу, утверждая то же для всякой другой особи. Такимъ образомъ, взаимныя ограниченія, вынуждаемая совмѣстнымъ выполненіемъ дѣятельностей, образуютъ необходимый элементъ справедливости въ общественномъ состояніи.

82. Приспособленіе, прямое или косвенное, или и то, и другое вмѣстѣ, относится къ строенію мозга, какъ и остального тѣла; душевныя функціи, подобно тѣлеснымъ, стремятся всегда приспособиться къ потребностямъ. Чувствованіе, ускоряющее поддержку свободы дѣйствія, обнаруживается всѣми животными и особенно рѣзко выражено у высшихъ; эти послѣднія обнаруживаютъ также извѣстную степень чувствованія, соответствующаго требованію, чтобы каждое существо дѣйствовало въ предѣлахъ, ограниченныхъ дѣятельностями другихъ. Наряду съ болѣе способностью заглядывать „впередъ и назадъ“, у человѣчества существуютъ и болѣе высокія проявленія обѣихъ этихъ чертъ. Они очевидны тамъ, гдѣ общество долго пользовалось миромъ, и затемняются тамъ, гдѣ оно было обыкновенно воинственнымъ. Гдѣ жизненныя привычки не повлекли за собою хроническаго столкновенія между этикой дружбы и этикой вражды, тамъ обнаруживается отчетливое сознаніе справедливости, какъ по отношенію къ личнымъ требованіямъ, такъ и къ соотносительнымъ требованіямъ другихъ. Но гдѣ права жизни, свободы и собственности постоянно подчиняются насильственной организаціи людей въ арміи, имѣющія цѣлью какъ можно болѣе успешныя битвы, и тамъ, гдѣ люди вслѣдствіе этого приучаются

поширять права другихъ людей, не живущихъ на одной съ ними территоріи, — въ тѣхъ странахъ какъ эгоистическія, такъ и альтруистическія эмоціи и идеи, соотвѣтствующія принципамъ справедливости, обыкновенно подавляются.

Но принявъ это ограниченіе, слѣдуетъ сказать, что общественная жизнь, въ значительной степени воспитывающая эти симпатіи, дающая просторъ чувству эгоистической справедливости, но упражняющая также чувство альтруистической справедливости, — эта жизнь порождаетъ соотнositельныя идеи; такъ что, съ теченіемъ времени, на-ряду съ нравственнымъ сознаніемъ собственныхъ и чужихъ правъ, является умственное воспріятіе ихъ. Въ концѣ концовъ возникаютъ интуиціи, соотвѣтствующія тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть выполнены, прежде чѣмъ социальныя дѣятельности могутъ выполняться гармонично; и эти интуиціи получаютъ свое наиболѣе абстрактное выраженіе въ утвержденіи, что свобода каждаго ограничивается только подобною же свободою всѣхъ. Здѣсь мы находимъ двоякій дедуктивный источникъ для этого основнаго принципа. Онъ первоначально можетъ быть выведенъ изъ условій, предшествующихъ цѣлостной жизни въ ассоцірованномъ состояніи; затѣмъ онъ также можетъ быть выведенъ изъ тѣхъ формъ сознанія, которыя создаются посредствомъ передѣлки человѣческой природы въ соотвѣтствіи съ общественными условіями.

83. Достигнутыя путемъ дедукціи заключенія согласуются съ тѣми, къ которымъ насъ привела индукція. Накопленіе опытовъ побудило людей установить законы, гармонирующие съ различными выводами, вытекающими изъ принципа равной свободы.

Жизнь, хотя ея пренебрегали на войнѣ, давно пріобрѣла священный характеръ во время мира; всѣ ущербы, наносимые физической цѣлости, даже пустячные, стали разсматриваться какъ проступки. Рабство, почти повсемѣстно существовавшее въ старину, по мѣрѣ развитія цивилизаціи постепенно смягчалось; а въ наиболѣе передовыхъ обществахъ помѣхи движенію и перемѣщенію исчезли. Равныя притязанія людей на свободное пользованіе свѣтомъ и воздухомъ, первоначально игнорируемыя, теперь вынуждаются закономъ; и хотя во время значительнаго господства военной дѣятельности право собственности на землю превращалось въ право собственности вождей и королей, однако, теперь, при развитіи индустриализма, стала признаваться истина, что частная собствен-

ность на землю подчинена верховной собственности со стороны общества, и что поэтому каждый гражданинъ скрытымъ образомъ обладаетъ законнымъ притязаніемъ на участіе въ пользованіи землею. Право собственности, въ которое безцеремонно вмѣшивались въ старину, когда права на жизнь и свободу мало уважались, стало поддерживаться все лучше и лучше, по мѣрѣ развитія обществъ. Законъ все болѣе успѣшно сталъ поддерживать право на вещественную собственность, а въ новыя времена сталъ признавать и поддерживать права на неимущественную собственность. Законы о патентахъ, о перепечаткѣ, законы противъ пасквилей постепенно становились все болѣе вліятельными.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ нецивилизованныхъ странахъ и на раннихъ ступеняхъ развитія цивилизованныхъ обществъ, индивидууму приходится защищать свою собственную жизнь, свободу и собственность, какъ онъ умѣетъ, на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія общество, чрезъ посредство правительства, все болѣе и болѣе принимаетъ на себя эту защиту. Стало быть, если только не сказать, что первичный безпорядокъ былъ лучше, нежели сравнительный порядокъ, поддерживаемый въ настоящее время, то придется допустить, что результаты оправдываютъ утвержденіе этихъ главныхъ правъ и подкрѣпляютъ доводы, посредствомъ которыхъ результаты эти выведены.

84. Аналогичный характеръ и значеніе имѣетъ одно побочное подтвержденіе. Общество, рассматриваемое въ своемъ корпоративномъ составѣ, постепенно усваивало долгъ охраны правъ каждаго человѣка отъ насилій со стороны другихъ людей; въ то же время оно само постепенно перестало нарушать права личности, какъ дѣлалось имъ прежде.

У нецивилизованныхъ народовъ, а въ старину и у цивилизованныхъ, право даренія или отвергалось (то обычаемъ, то закономъ) или же значительно было ограничено; но по мѣрѣ роста индустриализма и свойственныхъ ему социальныхъ формъ, ограниченія права даренія уменьшались и у большей части промышленно-организованныхъ націй почти исчезли. Въ грубыхъ обществахъ, правитель обыкновенно вмѣшивается въ право свободнаго обмѣна: онъ монополизировать, ограничиваетъ, запрещаетъ; но у болѣе развитыхъ обществъ, внутренній обмѣнъ испытываетъ гораздо меньше вмѣшательства, а въ нашемъ собственномъ обществѣ вмѣшательство даже въ дѣло внѣшняго обмѣна ничтожно. Въ теченіе многихъ столѣтій во

всей Европѣ государство надзидало за промышленностью; подданнымъ говорили, какіе способы они должны усваивать и какіе продукты производить; но теперь, исключая регламентации, относящейся къ охранѣ интересовъ служащихъ, право производить что угодно и какъ угодно не испытываетъ помѣхи. Первоначально вѣрованія и обрядности устанавливались властями; постепенно такія предписанія стали убывать, и теперь, въ наиболѣе подвинувшихся впередъ обществахъ, каждый можетъ вѣрить или не вѣрить, поклоняться или не поклоняться, какъ ему угодно. То же относится къ правамъ свободы слова и печати. Первоначально они отрицались и стремленіе къ нимъ наказывалось; постепенно они достигли законнаго признанія.

Одновременно съ этимъ, правительства также перестали вмѣшиваться въ другіе роды частной дѣятельности. Нѣкогда они предписывали родъ и качество пищи и число блюдъ. Людямъ ниже извѣстнаго ранга запрещалось носить платье извѣстныхъ цвѣтовъ, надѣвать мѣха, вышитыя матеріи и галуны; дозволенное имъ оружіе также предписывалось. Указывалось, кто можетъ, а кто не можетъ имѣть серебряную посуду, и кто вправѣ носить длинные волосы. Даже забавы подвергались контролю. Игры разнаго рода запрещались, а въ другихъ случаяхъ извѣстныя упражненія предписывались. Но въ новыя времена это вмѣшательство въ индивидуальную свободу прекратилось; право имѣть привычки по своему вкусу молчаливо было допущено.

Здѣсь также, если только мы не станемъ утверждать, что законы противъ роскоши и имъ подобныя должны быть восстановлены, и что свобода пріобрѣтенія, обмѣна, промышленности, убѣжденія и слова можетъ съ пользою быть упразднена, — если мы не сважемъ всего этого, то придется допустить, что выводы, извлеченные изъ формулы справедливости, прогрессивно оправдывались тѣмъ, что пренебреженіе ими оказывалось гибельнымъ.

85. Еще одинъ рядъ индуктивныхъ подтвержденій, пока не указанный, состоитъ въ фактахъ, доставляемыхъ политической экономіею.

Она учитъ насъ, что вмѣшательство въ торговлю посредствомъ запрещеній и премій гибельно, и что законъ равной свободы исключаетъ какъ то, такъ и другое, признавая это зломъ. Политическая экономія приводитъ въ выводъ, что спекулянтамъ надо предоставить орудовать на рынкахъ, какъ

имъ угодно; и основной принципъ справедливости утверждаетъ, что они вправѣ поступать такъ. Наказанія за взиманіе роста, какъ доказала политическая экономія, вредны; законъ равной свободы также отрицаетъ ихъ, какъ правонарушенія. Разсужденія политико-экономовъ показываютъ, что машины полезны народу въ широкомъ смыслѣ слова, а не причиняютъ ему вреда; сообразно съ этими выводами, законъ равной свободы запрещаетъ попытки ограничить примѣненіе машинъ. Одно изъ установленныхъ положеній политической экономіи состоитъ въ томъ, что заработная плата и цѣны не могутъ быть съ пользою искусственно регулируемы; точно такимъ же очевиднымъ выводомъ изъ закона равной свободы является тотъ, что регламентація заработной платы и цѣнъ не дозволена съ нравственной точки зрѣнія. По другимъ вопросамъ, вродѣ вредности негласнаго руководства банками, праздныхъ попытокъ поощрить одинъ родъ занятій на счетъ другихъ и т.п., политическая экономія достигаетъ тѣхъ же выводовъ, которые, независимо отъ нея, выработаны этикою.

Спрашивается, что доказываютъ всѣ эти примѣры, взятые въ совокупности? Это можно выразить вкратцѣ, сказавъ, что не только *гармонія* общественной кооперации, но и ея *успѣшность* наилучшимъ образомъ достигаются при сообразованіи съ закономъ равной свободы.

86. Два дедуктивныхъ довода и три индуктивныхъ доказательства приводятъ насъ такимъ образомъ къ одному и тому же заключенію. Законы жизни въ общественныхъ условіяхъ и повелѣнія моральнаго сознанія, происшедшаго отъ непрерывной соціальной дисциплинировки, приводятъ насъ къ непосредственному признанію закона равной свободы, какъ верховнаго моральнаго начала. Косвенно насъ приводитъ къ такому же признанію обобщеніе опыта человѣчества, насколько онъ записанъ въ послѣдовательно развивающемся законодательствѣ; такъ какъ мы видимъ, что по мѣрѣ развитія цивилизаціи постоянно возрастала правительственная поддержка личныхъ правъ и въ то же время постепенно убывало правительственное нарушеніе такихъ правъ. Затѣмъ этотъ выводъ еще подкрѣпляется доказательствомъ того, что справедливое теоретически выгодно также экономически.

Я нисколько не увѣренъ, что усвоеніе этой истины, для которой указано пять разныхъ источниковъ, станетъ сколько-нибудь болѣе легкимъ, послѣ того, какъ показано, что апостериорныя историческія доказательства подтвер-

ждають апріорніе выводы доставленніе біологіей и психологіей. Если существуютъ апріорніе мыслители, упорно отвергающіе опыты, не согласные съ ихъ сужденіями, то есть и апостеріорніе мыслители, упорно отвергающіе всякое значеніе интуитивныхъ убѣжденій. Они довѣряютъ познаніямъ, вытекающимъ изъ накопленнаго индивидуальнаго опыта, но не даютъ никакой вѣры познаніямъ, составляющимъ результатъ накопленнаго расового опыта. Мы, однако, избѣгаемъ здѣсь обоихъ предразсудковъ. Согласованіе дедукціи съ индукціей доставляетъ сильнѣйшее доказательство; а гдѣ, какъ въ этомъ случаѣ, у насъ есть множество какъ индукцій, такъ и дедукцій, нами достигается такая значительная увѣренность, какою только можно себѣ вообразить.

ГЛАВА XX.

Права женщинъ.

87. При обсужденіи въ предыдущихъ главахъ основнаго принципа справедливости, я намѣренно отложилъ одинъ относящійся сюда вопросъ, такъ какъ полагалъ, что обсужденіе его можетъ послужить подходящимъ предисловіемъ къ предмету настоящей главы. Можно спросить: „Почему права людей не должны были бы быть пропорціональными ихъ способностямъ? Почему сфера дѣятельности для лучшей личности не должна быть больше, чѣмъ для худшей? Рослый человѣкъ занимаетъ больше мѣста, чѣмъ маленькій и, навѣрное, нуждается въ большемъ количествѣ предметовъ необходимости и въ большей сферѣ для пользованія своими силами. Поэтому не безосновательно допустить, что дѣятельности рослыхъ и маленькихъ, сильныхъ и слабыхъ, высшихъ и низшихъ должны быть включены въ предѣлы, слишкомъ узкіе для однихъ и слишкомъ широкіе для другихъ“.

Первый отвѣтъ тотъ, что метафоры, къ которымъ мы вынуждены прибѣгнуть, вводятъ въ заблужденіе при буквальному ихъ истолкованіи. Хотя, какъ сказано выше и какъ указано въ предыдущихъ главахъ, равныя сферы свободы людей представляются въ видѣ пространствъ, окружающихъ cadaго человека и образующихъ взаимныя ограниченія, однако, въ сущности, такой простой способъ изображенія невозможенъ. Человѣкъ, стоящій на низшей ступени и требующій тако-

го же права тѣлесной неприкосновенности, какъ и занимающей высшее положеніе, этимъ не нарушаетъ тѣлесной неприкосновенности высшаго.

Если онъ настаиваетъ на равной съ нимъ свободѣ передвиженія и работы, то этимъ не препятствуетъ передвиженію и работѣ высшаго; а если онъ удерживаетъ, какъ свою собственность, то, что достигнуто для него его дѣятельностью, то этимъ онъ нисколько не препятствуетъ высшему человѣку удержать продуктъ его дѣятельности, по предположенію, и безъ того болѣе значительный.

Второй отвѣтъ тотъ, что отказывать менѣе способному въ сферѣ дѣятельности, равной той, которою пользуется болѣе одаренный, это значить добавлять къ естественной тягости—искусственную. Родиться карликомъ или уродомъ, или съ несовершенными чувствами, съ слабымъ тѣлосложеніемъ или умомъ, или же съ неуравновѣшенными эмоціями, само по себѣ составляетъ жалкую участь. Если бы мы имѣли право обвинять природу въ несправедливости, то могли бы съ основаніемъ признать несправедливымъ, что нѣкоторые люди обладаютъ природными способностями настолько низшими, нежели другіе, и такимъ образомъ являются въ значительной мѣрѣ неспособными къ борьбѣ за жизнь. А если такъ, то что сказать о предложеніи, сводящемся къ тому, что, испытывая уже невыгоды отъ меньшихъ способностей, они должны получать еще дальнѣйшія невыгоды отъ предоставленія имъ болѣе узкихъ сферъ дѣятельности? Симпатія могла бы подсказать обратное, а именно, что для уравновѣшенія врожденныхъ неспособностей необходимо имѣть широкія удобныя средства. Но очевидно, самое меньшее, что можно сдѣлать, это предоставить имъ столько же свободы распоряженія собою, сколько другимъ.

Третій отвѣтъ тотъ, что если бы даже было справедливо сдѣлать свободу людей пропорціональною ихъ способностямъ, то все же это было бы невыполнимо, такъ какъ мы не располагаемъ средствами, посредствомъ которыхъ то или другое могло бы быть измѣрено. Въ значительномъ числѣ случаевъ нѣтъ никакой трудности провести этотъ принципъ равенства. Если при предположеніи, что раньше не было никакого насилія, А убиваетъ В или сшибаетъ его съ ногъ, или запираетъ его, то ясно, что свобода дѣйствія не одинакова съ обѣихъ сторонъ; или же если С, купивъ у D что-либо, не уплачиваетъ условленной цѣны, то ясно, что при выполненіи

договора съ одной стороны и невыполненіи съ другой, степени свободы, которою воспользовались обѣ стороны, не одинаковы. Но если свобода должна быть пропорціональна способностямъ, то отсюда вытекаетъ, что необходимо удостовѣрить сравнительныя величины всякой способности, тѣлесной или же душевной; дальнѣйшій же выводъ тотъ, что разные роды потребной свободы должны также подвергнуться измѣренію. Ни того, ни другого нельзя сдѣлать. Поэтому, помимо прочихъ причинъ, требованіе практической примѣнимости требуетъ отъ насъ разсматривать свободу людей, какъ равную для всѣхъ, независимо отъ ихъ дарованій.

88. Съ перемѣною терминовъ, тѣ же доводы примѣнимы къ отношенію между правами мужчинъ и правами женщинъ. Здѣсь не мѣсто для подробнаго сравненія способностей мужчинъ и женщинъ. Для настоящихъ цѣлей достаточно признать тотъ неоспоримый фактъ, что нѣкоторыя женщины физически сильнѣе нѣкоторыхъ мужчинъ и что нѣкоторыя женщины обладаютъ болѣе высокими умственными способностями, нежели нѣкоторые мужчины—даже болѣе высокими, чѣмъ значительное большинство мужчинъ. Отсюда, какъ и выше, вытекаетъ, что будь свобода людей приспособлена къ ихъ способностямъ, то такое приспособленіе, если бы мы когда-либо могли его достигъ, должно было бы быть независимымъ отъ пола.

Трудность возобновляется въ другомъ видѣ, если мы выставимъ предложеніе слѣдующаго рода: если отбросить исключенія, то среднія физическія силы женщинъ менѣе значительны, чѣмъ среднія силы мужчинъ—и тоже справедливо для среднихъ умственныхъ силъ. Но мы не могли бы приспособить нашихъ плановъ къ этой истинѣ: было бы невозможно установить отношеніе между обѣими средними величинами и невозможно было бы найти справедливую пропорцію для сферъ ихъ дѣятельности.

Но, какъ было указано выше, великодушіе, стремящееся къ уравниванію, привело бы къ тому, что, посредствомъ уравниванія, меньшія способности пріобрѣли бы большія уступки въ свою пользу.

Если, однако, отложить въ сторону великодушіе, то все же справедливость требуетъ, чтобы женщины, хотя и не пользовались искусственно создаваемыми преимуществами, во всякомъ случаѣ не испытывали бы искусственныхъ помѣхъ. Поэтому, если разсматривать мужчинъ и женщинъ порознь,

какъ независимыхъ членовъ общества, изъ которыхъ каждому слѣдуетъ предоставить добиваться для себя, чего онъ желаетъ, то отсюда слѣдуетъ, что безъ нарушенія справедливости нельзя создавать никакихъ ограниченій для женщинъ по отношенію къ занятіямъ, профессіямъ или другимъ дѣятельностямъ, какими онѣ вздумали бы заняться.

Женщины должны обладать такою же свободою подготовки и такою же свободою пользоваться тѣми свѣдѣніями и тою техническою ловкостью, которая ими приобрѣтена, какъ и мужчины.

Но болѣе запутанные вопросы являются въ томъ случаѣ, если мы примемъ во вниманіе отношенія женщинъ къ мужчинамъ при бракѣ и такія же въ государственной жизни.

89. При тѣхъ равныхъ степеняхъ свободы, которыми должны пользоваться женщины наравнѣ съ мужчинами до брака, слѣдуетъ сказать, что и послѣ брака женщины по справедливости должны пользоваться всѣмъ, что только не терпитъ необходимой помѣхи отъ брачныхъ отношеній, т. е. должны пользоваться правомъ физической неприкосновенности, правомъ собственности, какъ заработанной, такъ и полученной въ даръ или по завѣщанію, правомъ свободы убѣжденія и слова и т. п. Притязанія женщинъ могутъ быть ограничиваемы лишь на столько, на сколько это вытекаетъ изъ подразумеваемыхъ или явно выраженныхъ условій договора, добровольно ими заключеннаго; а такъ какъ такія условія различны въ разныхъ мѣстахъ и въ разные эпохи, то и ограниченія должны быть разнообразны. Здѣсь, за отсутствіемъ опредѣленнаго мѣрила, приходится довольствоваться приближеніями.

Такъ, напр., по отношенію къ собственности можно основательно утверждать, что тамъ, гдѣ мужъ исключительно отвѣтственъ за прокормленіе семьи, — собственность, которая иначе должна была бы принадлежать женѣ, по справедливости должна быть въ его рукахъ и, по крайней мѣрѣ, въ его пользованіи, если не владѣніи. Въ противномъ случаѣ, жена будетъ въ состояніи пользоваться своею собственностью, или доходомъ отъ нея, исключительно для своей личной пользы, и, пожалуй, откажется содѣйствовать расходамъ на общее хозяйство. Лишь въ томъ случаѣ, если жена въ одинаковой мѣрѣ съ мужемъ отвѣтственна за поддержку семьи, представляется справедливымъ, чтобы она обладала такимъ же неограниченнымъ правомъ собственности. Однако, съ другой стороны, мы не можемъ сказать,

чтобы отвѣтственность была вполне обоюдною. Дѣйствительно, хотя, при допущеніи равныхъ правъ собственности, на первый взглядъ кажется, что каждый изъ обоихъ одинаково обязанъ содержать другого и дѣтей, но это отвергается существованіемъ съ одной стороны, тягостныхъ обязанностей, отсутствующихъ съ другой стороны и въ широкой степени лишающихъ способности къ активной жизни. Здѣсь, повидимому, невозможно что-либо, кромѣ компромисса, измѣняющагося смотря по обстоятельствамъ.

Выполненіе домашнихъ и материнскихъ обязанностей женою обыкновенно должно считаться надлежащимъ эквивалентомъ за заработокъ мужа.

Еще менѣе неопредѣленны заключенія, которыя можно вывести относительно способности контролировать взаимныя дѣйствія и самое хозяйство. Слѣдуетъ принять во вниманіе относительныя положенія обоихъ, какъ вкладчиковъ въ общую кассу и производителей услугъ; точно также слѣдуетъ принять во вниманіе и характеры: а эти факторы задачи измѣнчивы. Если является столкновеніе двухъ волей, совместно невыполнимыхъ, то законъ равной свободы не можетъ быть осуществленъ во всякомъ частномъ случаѣ, но съ нимъ можно сообразоваться въ среднемъ выводѣ; слѣдуетъ ли съ нимъ сообразоваться, будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Можно, однако, сказать, что, вообще говоря, мужчина болѣе разсудителенъ, чѣмъ женщина, а поэтому всѣ должны склоняться въ его пользу, особенно потому, что обыкновенно онъ добываетъ средства, обезпечивающія возможность выполненія воли кого-либо изъ двухъ или же обоихъ. Но въ этомъ вопросѣ разсужденіе играетъ малую роль: характеры участвующихъ лицъ опредѣляютъ форму подобныхъ отношеній. Единственное дѣйствіе, которое, повидимому, могутъ произвести этическія соображенія, состоитъ въ томъ, что они умѣряютъ пользованіе тѣмъ главенствомъ, которое порою является въ такихъ случаяхъ. Остается не менѣе (или еще болѣе) запутанный вопросъ относительно семейнаго имущества и воспитанія дѣтей.

Рѣшенія относительно веденія имущественныхъ дѣлъ приходится дѣлать ежедневно, а въ случаѣ развода приходится рѣшать вопросъ о раздѣлѣ собственности. Каковы сравнительныя притязанія мужа и жены въ подобныхъ случаяхъ? Съ одной стороны, можно сказать, что если идетъ рѣчь о физическихъ притязаніяхъ, вообще равныхъ, то мать имѣетъ

гораздо большія права по причинѣ продолжительнаго питанія, доставляемаго ею потомству до и послѣ рожденія. Съ другой стороны, въ пользу отца можно сказать, что, въ нормальномъ случаѣ, пища матери и обезпеченіе питанія ребенка были добыты трудомъ отца. Является ли это притязаніе равносильнымъ первому или нѣтъ, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ допустить, что притязанія матери не могутъ быть менѣе значительны, нежели отца.

Компромиссъ, повидимому продиктованный намъ справедливостью, состоитъ въ томъ, что власть матери можетъ основательно господствовать въ раннемъ возрастѣ ребенка, а власть отца позднѣе. Материнская природа лучше приспособлена къ потребностямъ младенческаго возраста и къ раннему дѣтству, нежели отцовская, тогда какъ для приспособленія дѣтей, особенно мальчиковъ, и борьбѣ за жизнь, отецъ, какъ болѣе опытный въ этомъ дѣлѣ, можетъ считаться лучшимъ руководителемъ. Одинаково несправедливымъ и невыгоднымъ представляется въ какой бы то ни было періодъ жизни исключеніе власти одного властью другого. Что касается сравнительныхъ притязаній на имущества въ случаѣ развода, нѣкоторое руководство вновь доставляется соображеніями относительно блага дѣтей.

Равный раздѣлъ, по возможности, долженъ былъ бы производиться такимъ образомъ, чтобы младшія дѣти оставались съ матерью, а старшія съ отцомъ. Очевидно, однако, что здѣсь ничего нельзя придумать, кромѣ компромисса, основаннаго на соображеніи съ спеціальными обстоятельствами.

Относительно притязаній женщинъ, какъ членовъ домашней ассоціаціи съ мужчинами, можно добавить, что у насъ въ Англіи, а еще болѣе въ Америкѣ, необходимость подтвердить эти притязанія не настоятельна. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на самомъ дѣлѣ, чувствуется потребность въ обратномъ, но есть другія цивилизованныя общества, гдѣ притязанія женщинъ далеко не признаются должнымъ образомъ: примѣромъ служить Германія ¹⁾).

90. Какъ и въ другихъ случаяхъ, присмотримся теперь въ стадіямъ, посредствомъ которыхъ обычай и законъ пришли

¹⁾ Къ другимъ доводамъ, подтверждающимъ эти замѣчанія, я могъ бы присоединить воспоминаніе о разговорѣ, слышанномъ между двумя нѣмцами, живущими въ Англіи. Съ презрительнымъ смѣхомъ они описывали, какъ часто видѣли въ воскресенье или вообще въ праздникъ, англійскаго рабочаго, помогавшаго женѣ тѣмъ, что несъ ребенка, бывшаго съ ними. Ихъ насмѣшки заставили меня устыдиться—но не за рабочаго.

въ соотвѣтствіе съ этикой. Исключая немногихъ первобытныхъ народовъ, не проповѣдующихъ добродѣтелей, именуемыхъ христіанскими, но просто примѣняющихъ ихъ на дѣлѣ, — за исключеніемъ тѣхъ абсолютно-мирныхъ племенъ, которыя, при превосходномъ общемъ поведеніи, обращаются съ женщинами со справедливостью и добротою, — нецивилизованныя племена, вообще говоря, имѣютъ не лучшее представленіе о правахъ женщинъ, чѣмъ о правахъ скотовъ. Разумѣется, существуетъ такое признаніе притязаній женщины, которое дѣлаетъ возможнымъ выживаніе матерей и вскармливаніе потомства, такъ какъ въ противномъ случаѣ самыя племена должны были бы исчезнуть. Но часто это признаніе не болѣе того, чѣмъ сколько требуется для предупрежденія вымиранія.

Фиджіецъ можетъ убить и съѣсть жену, если того пожелаетъ; огнеземельцы и наиболѣе дикіе изъ австралійцевъ жертвовали старухами ради пищи; у многихъ народовъ женщинъ убиваютъ, чтобы онѣ сопровождали своихъ умершихъ мужей на тотъ свѣтъ. Такіе факты показываютъ, что здѣсь за женщинами не признается даже верховнѣйшее изъ всѣхъ правъ. На этихъ низкихъ стадіяхъ, женщины, ведя жизнь рабынь, продаются какъ рабыни; для брака ихъ воруютъ или покупаютъ: ясно, что за ними не признается никакой свободы.

Тамъ, гдѣ женщины обыкновенно рассматриваются какъ собственность, отсюда вытекаетъ, что независимое право собственности едва ли можетъ у нихъ существовать: такимъ образомъ, первоначально и это дальнѣйшее основное право признается лишь весьма смутно. Хотя этотъ вопросъ во многихъ случаяхъ запутанъ и являются ограниченія вслѣдствіе генеалогіи по женской линіи, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что, вообще говоря, въ грубыхъ обществахъ, гдѣ между мужчинами насиліе ограничено лишь страхомъ мести, права женщинъ обыкновенно попираются.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать возникновеніе юридическаго положенія женщинъ. Минуя тѣ древнія общества, гдѣ происхожденіе по женской линіи доставляло женщинамъ сравнительно высокое положеніе, какъ, напр., у египтянъ, достаточно отмѣтить, что въ обществахъ, возникшихъ посредствомъ соединенія патріархальныхъ группъ, права женщинъ, сначала признававшіяся немногимъ болѣе, чѣмъ среди дикарей, постепенно утвердились.

Ограничиваясь арийцами, расселившимися по Европѣ, мы видимъ, что кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ, какъ указано Тацитомъ, женщины, участвуя въ опасностяхъ войны, приобрѣли лучшее положеніе (соотношеніе, наблюдаемое у многихъ народовъ), онѣ были абсолютно подчинены. Первобытные германцы покупали женъ, а мужья могли продавать и даже убивать ихъ. Въ древнемъ тевтонскомъ обществѣ, какъ и въ древнемъ римскомъ, существовала вѣчная опека надъ женщинами и отсюда вытекала неправоподобность по отношенію къ независимому имущественному владѣнію. Подобное же положеніе вещей существовало у насъ въ старину въ Англіи. Невѣсть покупали; ихъ воля признавалась ничтожною въ такихъ сдѣлкахъ. Постепенно явилось смягченіе. У римлянъ перестали соблюдать требованіе, чтобы невѣста передавалась жениху законнымъ актомъ. Право жизни и смерти пришло къ концу, хотя порою оно возобновлялось, какъ, напр., въ томъ случаѣ, когда старинный Анжуйскій владѣтель, Фулькъ Черный, сжегъ свою жену. Обобщая факты, мы видимъ, что, по мѣрѣ того, какъ жизнь перестала быть исключительно военной дѣятельностью, подчиненіе женщинъ мужчинамъ стало менѣе значительнымъ. Любопытнымъ примѣромъ того, какъ этотъ упадокъ принудительной системы (*status*) и возникновеніе договорной системы, характеризующей индустриализмъ, улучшали въ старину положеніе женщинъ, служитъ появленіе ихъ подписей въ документахъ гильдій, тогда какъ ихъ положеніе внѣ гильдій въ значительной степени оставалось прежнимъ.

Эта связь продолжала быть общою. Какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ, гдѣ всего болѣе развитъ промышленный типъ организациі, легальное положеніе женщины выше, чѣмъ на европейскомъ материкѣ, гдѣ рѣзче выражена военная дѣятельность.

Добавьте къ этому, что у насъ въ Англіи, вмѣстѣ съ ростомъ свободныхъ учрежденій, характеризующимъ господство индустриализма, положеніе женщинъ съ возрастающей быстротою приближалось къ положенію мужчинъ.

Здѣсь снова этические дедукціи гармонизируютъ съ историческими. Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что каждый выводъ изъ закона равной свободы, который мы называемъ правомъ, устанавливался лучше, какъ только достигалась болѣе высокая ступень соціальной жизни. Здѣсь мы снова видимъ, что общая совокупность такихъ правъ,

первоначально совсѣмъ отрицаемыхъ за женщинами, была приобрѣтена ими въ теченіе того же самаго прогресса.

91. Здѣсь приходится также разсмотрѣть съ этической точки зрѣнія политическое положеніе женщинъ, по сравненію съ положеніемъ мужчинъ. Но такъ какъ мы не разсмотрѣли еще „политическихъ правъ“ мужчинъ, то нельзя пока ничего сказать о женщинахъ. Когда придется разсмотрѣть то, что обыкновенно принято называть „политическими правами“, то придется измѣнить, существеннымъ образомъ, господствующія представленія; а пока это не было сдѣлано, политическія права женщинъ не могутъ быть разсмотрѣны надлежащимъ образомъ. Существуетъ, однако, одна сторона вопроса, которую такъ же удобно разсмотрѣть теперь, какъ и впоследствии.

Одинаковы ли политическія права женщинъ и мужчинъ? Предположеніе, что они одинаковы, теперь пользуется широкимъ распространеніемъ. Рядомъ съ равенствомъ правъ, выставленнымъ выше, по скольку оно вытекаетъ изъ общей чело-вѣческой природы обоихъ половъ, здѣсь предположено равенство правъ по отношенію къ руководству государственными дѣлами. На первый взглядъ кажется, что оба рода правъ вполне подходятъ другъ къ другу; но размышленіе показываетъ, что это неправильно.

Гражданство не только включаютъ право подачи голо-совъ, въ соединеніи съ выполненіемъ функцій представитель-ства. Оно включаетъ также извѣстныя серьезныя отвѣтствен-ности. Но если такъ, то не можетъ быть равенства гра-жданскихъ правъ, пока нѣтъ равенства въ участіи, не только въ благихъ, но и въ дурныхъ послѣдствіяхъ. Нелѣпо назвать гражданскимъ равенствомъ такое положеніе, при которомъ одинъ будетъ обладать властью даромъ, тогда какъ другой заплатитъ за это рискомъ. Но мужчины, каковы бы ни были ихъ политическія права, въ то же время подвержены риску потери свободы, лишеніямъ, а порою и смерти, вслѣдствіе необходимости защищать страну; и если женщины, обладая такими же политическими правами, не будутъ имѣть тѣхъ же обязанностей, то ихъ положеніе окажется не равенствомъ, а господствомъ.

Итакъ, пока женщины не доставляютъ, на-ряду съ муж-чинами, континентовъ въ армію и во флотъ, то очевидно, что съ этической точки зрѣнія вопросъ о равенствѣ такъ наз. „политическихъ правъ“ женщинъ не можетъ быть раз-

смаatrиваемъ, пока не будетъ достигнуто состояніе прочнаго мира. Лишь тогда станетъ возможнымъ (желательно ли это или нѣтъ) приравнять политическое положеніе женщинъ къ положенію мужчинъ.

Слѣдуетъ прибавить, что эти соображенія не приводятъ къ отрицанію притязаній женщинъ на равное участіе въ мѣстномъ управленіи. Если хотять доказать, что и здѣсь женщины не должны быть допущены, то пусть приведутъ какія-либо инныя основанія.

ГЛАВА XXI.

Права дѣтей.

92. Читатель помнитъ, что въ самомъ началѣ мы признали коренное различіе между этикою семьи и этикою государства; онъ знаетъ, что благосостояніе вида требуетъ поддержанія двухъ антагонистическихъ принциповъ, относящихся одинъ къ семьѣ, другой—къ государству. Отсюда онъ заключить, что права дѣтей должны отличаться совершенно иной природою, нежели права взрослыхъ. Онъ также выведетъ, что такъ какъ дѣти постепенно преобразуются въ взрослыхъ, то отсюда слѣдуетъ, что должно существовать непрерывно измѣняющееся соотношеніе между двумя родами правъ: существуетъ необходимость въ измѣнчивомъ компромиссѣ. Сохраненіе расы подразумѣваетъ одновременно самосохраненіе и сохраненіе потомства. Допускаемъ, что сохраненіе расы—хорошая цѣль: отсюда выводимъ, что справедливо стремиться къ поддержкѣ какъ расы, такъ и особи. Стало быть, предшествующія условія, безъ которыхъ эта цѣль не можетъ быть достигнута, становятся тѣмъ, что мы называемъ правами. Отсюда вытекаетъ, что дѣти имѣютъ права (или, ради различія, скажемъ, имѣютъ справедливыя притязанія) на матеріалы и средства, необходимые для жизни и роста; этимъ подразумѣвается, что обязанность родителей доставлять имъ такія матеріалы. Въ эпоху зрѣлости, наши права представляютъ спеціальныя формы той общей свободы дѣйствія, которая необходима для добыванія пищи, одежды, крова и т. п. Въ эпоху малолѣтства справедливыя притязанія относятся къ самой пищѣ, одеждѣ, крову и т. д., а не къ тѣмъ формамъ свободы, которыя дѣлаютъ возможнымъ добываніе пищи и

проч. Пока способности ребенка еще не развиты, онъ не можетъ занимать разныхъ сферъ дѣятельности, занятыхъ взрослыми. На этой стадіи неспособности тѣ необходимыя выгоды, которыя естественно должны быть пріобрѣтены исключительно въ предѣлахъ этихъ недоступныхъ дѣтямъ сферъ дѣятельности, должны доставаться имъ даромъ. И такъ какъ эти притязанія дѣтей выводятся изъ того же первичнаго требованія (сохраненіе вида), то ихъ слѣдуетъ разсматривать какъ равносильныя съ притязаніями, выводимыми взрослыми изъ закона равной свободы.

Я примѣняю предшествующее словесное разграниченіе между правами взрослыхъ и справедливыми притязаніями дѣтей, потому что, въ общемъ сознаніи, права въ такой широкой степени ассоцірованы съ дѣятельностями и съ продуктами дѣятельностей, что является нѣкоторое смѣшеніе понятій, если мы припишемъ права младенцамъ и маленькимъ дѣтямъ, неспособнымъ къ подобнымъ дѣятельностямъ и къ добыванію такихъ продуктовъ.

93. Все еще разсматривая сохраненіе вида какъ конечную цѣль, мы должны заключить, что въ то время, какъ справедливыя притязанія дѣтей въ широкой степени относятся къ продуктамъ, а не къ сферамъ дѣятельностей, дѣти, въ то же время, имѣютъ справедливыя притязанія на такія сферы дѣятельности, которыми они могутъ съ выгодою пользоваться. Дѣйствительно, если желательною цѣлью является сохраненіе вида, то, для достиженія ея, члены каждаго поколѣнія не только должны получать отъ родителей необходимую пищу, одежду и кровъ, но должны также пользоваться такимъ содѣйствіемъ родителей и такими выгодами, которыя, позволяя дѣтямъ упражнять свои способности, сдѣлаютъ ихъ годными для жизни, когда эти дѣти выростутъ. Даже низшія животныя, хотя и безсознательно, до нѣкоторой степени удовлетворяютъ этому требованію, руководя дѣтенышами при пользованіи членами и чувствами. Даже для сравнительно простой жизни птицъ и четвероногихъ требуется такая необходимая подготовка; тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ сложной жизни человѣчества, а еще въ большей мѣрѣ отсюда вытекаетъ отвѣтственность за заботы въ этомъ направленіи и за содѣйствіе дѣтямъ въ этомъ смыслѣ.

Въ какой мѣрѣ жизнь родителей, при необходимомъ принятіи на себя этой отвѣтственности, окажется подчиненною жизни дѣтей, это вопросъ, на который не можетъ быть дано

никакого опредѣленнаго отвѣта. У многихъ видовъ низшихъ животныхъ каждое поколѣніе совершенно приносится въ жертву ближайшему поколѣнію; какъ только положены яйца, родители немедленно умираютъ. Но у высшихъ животныхъ, которымъ приходится оказывать потомству столько содѣйствія во время его роста, или у тѣхъ, которыя воспитываютъ послѣдовательныя выводки, или, наконецъ, при совпаденіи того и другого условія, это, разумѣется, не примѣняется. Здѣсь благосостояніе вида требуетъ, чтобы родители продолжали жить въ полной силѣ и чтобы они соотвѣтственнымъ образомъ питали свое потомство въ теченіе періодовъ незрѣлости. Это, разумѣется, особенно справедливо для человѣчества, такъ какъ періодъ, въ теченіе котораго необходимо оказывать помощь, весьма продолжителенъ. Поэтому, принимая во вниманіе сравнительныя притязанія ребенка и родителя, придется заключить, что жертвы со стороны родителей не должны быть настолько велики, чтобы сдѣлать ихъ неспособными къ надлежащему выполненію своихъ родительскихъ обязанностей. Ненужныя жертвы порою приносятъ вредъ потомству, а слѣдовательно, вредятъ интересамъ вида. Къ этому слѣдуетъ добавить, что такъ какъ благосостояніе и счастье родителей само по себѣ является цѣлью, составляющую часть болѣе общей цѣли, то является дальнѣйшее этическое основаніе, указывающее, почему самопожертвованіе родителей должно быть сдерживаемо въ извѣстныхъ умѣренныхъ предѣлахъ.

94. Отъ справедливыхъ притязаній, предъявляемыхъ со стороны дѣтей родителямъ, переходимъ къ соотвѣтственнымъ обязанностямъ дѣтей по отношенію къ родителямъ. Какъ и раньше, мы должны удовольствоваться компромиссомъ, постепенно измѣняющимся во время перехода отъ дѣтства къ зрѣлости.

Хотя, какъ мы видѣли, дитя обладаетъ справедливымъ притязаніемъ на пищу, одежду, кровъ и другія средства, содѣйствующія развитію, однако, оно не обладаетъ правомъ такого распоряженія собою, которое нормально сопровождаетъ самостоятельное поддержаніе жизни. Есть два основанія не допускать этого права. Первое то, что пользованіе имъ было бы вредно самому ребенку, другое то, что отсюда вытекало бы игнорированіе притязаній родителей на дѣтей, находящихся въ необходимой связи съ притязаніями дѣтей по отношенію къ родителямъ. Первое обстоятельство самоочевид-

но, второе едва ли нуждается въ поясненіи. Хотя здѣсь нельзя дать никакого мѣрила сравнительныхъ притязаній, вродѣ того, которое возможно между взрослыми, исходя изъ закона равной свободы,—однако, если мы будемъ руководствоваться этимъ закономъ, насколько это возможно, то изъ него вытекаетъ, что за прокормленіе и другія средства къ жизни, получаемыя дѣтьми, долженъ быть эквивалентъ, и единственнымъ возможнымъ эквивалентомъ является послушаніе и оказываніе мелкихъ услугъ. Съ другой стороны, въ виду конечной цѣли — благосостоянія вида—это взаимное отношеніе между взрослымъ и малолѣтнимъ должно быть приближено къ отношенію между взрослыми, какъ только приобрѣтена способность самоподдержанія и распоряженія собою. Чтобы стать пригоднымъ къ независимымъ или самостоятельнымъ дѣятельностямъ, необходимо напрактиковаться въ нихъ, а для этого надо постепенно увеличивать свободу. То-же подразумѣвается и на основаніи справедливости. Тамъ, гдѣ дитя становится въ значительной степени способнымъ поддерживать себя, прежде чѣмъ достигнетъ зрѣлаго возраста, является и справедливое притязаніе на соотвѣтственную степень свободы. Разумѣется, при существенномъ различіи между этикой семьи и этикой государства, переходъ отъ руководства одною изъ этихъ формъ этики къ руководству другою постоянно долженъ доставлять множество трудностей. Мы можемъ только ожидать, что компромиссъ, къ которому приходится прибѣгать во всякомъ случаѣ, не забывая, однако, о благѣ расы, долженъ уравнивать притязанія обѣихъ сторонъ, при чемъ не должно быть излишняго пожертвованія тѣмъ или же другимъ.

95. Относительно дѣтей еще болѣе справедливо, нежели относительно женщинъ, что прогрессъ отъ низшихъ общественныхъ типовъ къ высшимъ сопровождается усиленнымъ признаніемъ справедливыхъ притязаній. Перемѣну можно прослѣдить въ одинаковой степени относительно жизни, свободы и собственности.

Въ каждомъ уголкѣ земного шара и у всѣхъ разновидностей человѣчества существуетъ или существовало дѣтоубійство, какъ обычай или легальное учрежденіе, при чемъ порою убивали половину всѣхъ рождавшихся. Въ особенности тамъ, гдѣ средства существованія незначительны, и гдѣ значительное увеличеніе племени было бы гибельнымъ, пожертвованіе новорожденными встрѣчается очень часто. Всего

чаще убиваютъ дѣвочекъ, такъ какъ онѣ непригодны для войны. У древнихъ грековъ и у римлянъ, у которыхъ отецъ могъ по произволу убить своего ребенка, мы видимъ, что признаніе правъ малолѣтнихъ было не болѣе значительно, чѣмъ у дигарей, по крайней мѣрѣ, по закону, хотя могло быть болѣе значительно по обычаю. То-же можно сказать о древнихъ тевтонахъ и кельтахъ. Ихъ обычай подкидывать дѣтей и такимъ образомъ косвенно убивать ихъ продолжался долго послѣ того, какъ былъ обличенъ христіанскою церковью. Конечно, пренебреженіе къ жизни дѣтей всегда сопровождалось пренебреженіемъ къ ихъ свободѣ. Обычай продавать дѣтей, въ усыновленіе или въ рабство, имѣлъ широкое распространеніе. Торгъ дѣтьми существуетъ у огнеземельцевъ, у жителей Новой Гвиней, Новой Зеландіи, у даяковъ, у малагашей и многихъ др. нецивилизованныхъ народовъ: онъ существовалъ и у предковъ народовъ цивилизованныхъ. Европейскій обычай позволялъ продажу дѣтей и захватъ ихъ за долги. Римляне продолжали продавать дѣтей до времени имперіи и даже послѣ установленія христіанства. У кельтовъ Галліи подобная же торговля производилась, пока не была подавлена эдиктами римскихъ императоровъ, а германцы упорно держались этого обычая до царствованія Карла Великаго. Конечно, если свобода дѣтей пренебрегалась въ такой крайней степени, то ею пренебрегали и въ менѣе важныхъ случаяхъ. Безразлично, каковъ бы ни былъ возрастъ, римлянинъ не могъ жениться безъ согласія отца. Конечно, на-ряду съ непризнаніемъ права жизни и свободы, мы видимъ и непризнаніе права собственности. Если дѣти не могли обладать собою, то, конечно, они не могли владѣть чѣмъ либо инымъ. Поэтому мы видимъ, что у римлянъ сынъ могъ лишь путемъ юридическихъ уловокъ пріобрѣтать независимое право собственности на нѣкоторые виды имущества, вродѣ военной добычи и извѣстнаго рода жалованья за гражданскую службу.

Здѣсь мы не можемъ описывать, какія стадіи постепенно привели къ широкому допущенію справедливыхъ притязаній дѣтей, встрѣчаемому теперь въ цивилизованныхъ обществахъ. Послѣдовательныя перемѣны постепенно установили для дѣтей широкую степень свободы, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ на примѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, болѣе значительную, чѣмъ можно считать справедливымъ или же политичнымъ. Здѣсь мы должны главнымъ образомъ отмѣтить, что призна-

ніе правъ дѣтей сдѣлало наибольшіе и самыя скорыя успѣхи тамъ, гдѣ промышленный типъ всего болѣе переросъ военный типъ. Во Франціи, до эпохи революціи, съ дѣтьми обращались какъ съ рабами. Сынѡвья, даже взрослые, за обиду, нанесенную отцамъ, могли быть посажены ими въ тюрьму, а порою и дѣйствительно туда попадали, а дѣвушекъ заключали противъ ихъ воли въ монастыри. Лишь послѣ революціи права сыновей были „наконецъ провозглашены“, а „личная свобода перестала быть въ зависимости отъ lettres de cachet, добывавшихся несправедливыми и жестокими отцами“. Хотя у насъ въ Англіи, въ прошлыя столѣтія, обращеніе съ дѣтьми было жестокимъ, отецъ не имѣлъ власти заключить въ тюрьму сына просто по собственному желанію. До новѣйшихъ временъ, родительскія запрещенія относительно браковъ дѣтей, даже совершеннолѣтнихъ, правда, добровольно признавались въ широкой степени; но не имѣли легальнаго признанія. Въ настоящее же время хотя на континентѣ родительское ограниченіе вступленія въ бракъ дѣтей примѣняется въ широкой степени, но въ Англіи бракъ, противный желанію родителей, вполне удобно совершается и даже не возбуждаетъ значительнаго общественнаго порицанія, а часто и вовсе не вызываетъ никакого порицанія.

Такимъ образомъ, существуетъ крайній контрастъ между тѣмъ древнимъ состояніемъ, когда дитя могло быть убиваемо безнаказанно, подобно скоту, и новѣйшимъ состояніемъ, когда дѣтоубійство признается убійствомъ, а искусственное производство выкидыша преступленіемъ, и когда жестокое обращеніе или недостаточное прокормленіе дѣтей родителями стало наказуемымъ, и ребенокъ сталъ правоспособнымъ въ имущественномъ отношеніи, подѣ условіемъ установленія опеки.

96. Еще разъ мы, стало быть, встрѣчаемъ соотвѣтствіе между теоріей и практикой, между этическими повелѣніями и политическими улучшеніями, между дедукціями изъ основныхъ началъ и индукціями изъ опыта.

Имѣя въ виду одновременно этику семьи и этику государства и необходимость въ измѣнчивомъ компромисѣ между тѣмъ и другимъ во время перехода дѣтей отъ младенчества и зрѣлому возрасту, — принимая во вниманіе одновременно благо особи и сохраненіе расы, мы приходимъ къ приблизительно опредѣленнымъ заключеніямъ относительно справедливыхъ притязаній дѣтей. Эти заключенія, достигаемыя апріорно, провѣряются апостеріорно историческими фактами, по-

казывающими намъ, что на-ряду съ прогрессомъ отъ низшихъ типовъ къ высшимъ общественнымъ типамъ возростало сообразованіе законовъ и обычаевъ съ моральными требованіями.

ГЛАВА XXII.

Такъ называемыя „политическія права“.

97. Ежедневно мы видимъ примѣры того, что люди думаютъ лишь о ближайшемъ и игнорируютъ отдаленное. Сила локомотива обыкновенно приписывается пару. Нѣтъ надлежащаго сзнанія того факта, что паръ просто посредникъ, а не инициаторъ, каковымъ оказывается жаръ огня. Не замѣчаютъ, что паровая машина есть въ сущности нагревательная машина, отличающаяся отъ другихъ,—напр., отъ машины, дѣйствующей газомъ,—единственно инструментами, примѣняемыми къ преобразованію молекулярнаго движенія въ массовое.

Это ограниченіе сзнанія прямыми отношеніями и игнорированіе косвенныхъ отношеній обыкновенно портитъ сужденія о социальныхъ вопросахъ. Первичное дѣйствіе, произведенное кѣмъ-либо, кто строитъ домъ или сооружаетъ дорогу, или орошаетъ поле, состоитъ въ томъ, что это даетъ работу людямъ. Работа, болѣе ясно представляющаяся въ мысли, чѣмъ средства существованія, ею добываемыя, начинается разсматриваться, какъ самостоятельное благодѣяніе. Воображаемое благо состоитъ не въ возрастаніи запаса предметовъ удобства или практическихъ примѣненій, содѣйствующихъ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, но въ затратѣ труда, производящаго эти предметы. Отсюда разныя заблужденія—напр., утвержденіе, что пожаръ выгоденъ для торговли, или же та иллюзія, что машины вредны народу. Если бы вмѣсто ближайшаго предмета—труда, имѣлась въ виду окончательная цѣль—продуктъ, то такія ошибки могли бы быть устранены. То же относится къ заблужденіямъ, относящимся къ денежному обращенію. Монеты, которыя можно вымѣнять на желательныя вещи всякаго рода, сами связываются въ умахъ людей съ понятіемъ цѣнности, въ большей степени, нежели вещи, которыя за нихъ покупаются, хотя эти вещи, какъ средство удовлетворенія желаній, пред-

ставляютъ настоящую цѣнность. Далѣе, обѣщанія уплаты, замѣняющія деньги, несмотря на то, что внутренняя ихъ цѣнность ¹⁾ равна нулю, и только потому, что ежедневный опытъ убѣждаетъ въ ихъ покупательной силѣ, до такой степени сочетаются съ понятіемъ цѣнности, что изобиліе ихъ мысленно отождествляется съ богатствомъ; отсюда вытекаетъ убѣжденіе, что требуется лишь изобиліе банковыхъ билетовъ для обезпеченія національнаго благосостоянія. Заблужденій этого рода можно было бы избѣгать, если бы разсужденіе велось при помощи терминовъ, относящихся къ самымъ предметамъ потребленія, вмѣсто того, чтобы примѣнять термины, относящіеся къ символамъ. Господство ближайшихъ мотивовъ надъ сознаніемъ и изгнаніе болѣе отдаленныхъ мотивовъ — это забвеніе цѣлей и возведеніе средствъ на мѣсто цѣлей — вновь обнаруживается въ дѣлѣ воспитанія. Было время, когда знаніе, приобрѣтенное въ древности, перестало быть общимъ благомъ; въ тѣ времена изученіе латыни и греческаго языка, на которыхъ это знаніе было записано, стало необходимымъ, какъ средство приобрѣтенія этихъ свѣдѣній, и тогда на него смотрѣли именно какъ на средство. Но теперь, когда прошло столько времени послѣ того, какъ это древнее знаніе стало намъ доступнымъ на нашемъ языкѣ, и когда накопилась гораздо большая сумма новыхъ знаній, изученіе латыни и греческаго языка все-таки продолжается; мало того, оно въ сущности разсматривается какъ цѣль, причемъ первоначальная цѣль совсѣмъ утрачена. Молодые люди, обладающіе сносными познаніями по древнимъ языкамъ, считаются получившими образованіе, хотя могло случиться, что они приобрѣли лишь ничтожныя познанія изъ числа тѣхъ, которыя воплощены въ древней литературѣ, и вовсе ничего не узнали изъ несравненно обширнѣйшаго и гораздо болѣе цѣннаго запаса знаній, установленныхъ цѣлыми вѣками научнаго изслѣдованія.

98. Съ какою цѣлью было сдѣлано это общее замѣчаніе и приведены эти пояснительные примѣры? Цѣль та, чтобы подготовить путь для дальнѣйшаго поясненія, теперь насъ касающагося. Обиходныя сужденія въ области политики глубоко испорчены этимъ смѣшеніемъ цѣлей со средствами; преслѣдованіе средствъ приводитъ къ пренебреженію цѣлями.

¹⁾ Подъ „внутренней цѣностью“ Спенсеръ подразумѣваетъ почти то же, что у политико-экономовъ называется потребительною цѣностью или полезностью. *Пер.*

Отсюда, между прочимъ, иллюзіи, господствующія относительно такъ называемыхъ „политическихъ правъ“.

Въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ никакихъ настоящихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя уже были разсмотрѣны. Права, какъ мы видѣли, это не что иное, какъ разныя стороны общей свободы, позволяющей человѣку достигать жизненныхъ цѣлей, лишь съ такими ограниченіями, которыя зависятъ отъ присутствія другихъ людей, подобнымъ же образомъ преслѣдующихъ такія же цѣли. Стало быть, если свобода человѣка не ограничена никакими дальнѣйшими способами, то онъ обладаетъ всѣми правами. Если неприкосновенность его тѣла не испытываетъ ни малѣйшаго ущербъ; если его движеніе и перемѣщеніе не испытываетъ никакихъ препятствій; если его право собственности на все, имъ заработанное или иначе пріобрѣтенное вполне уважается; если онъ можетъ дарить или завѣщать, что угодно, заниматься — чѣмъ угодно, заключать контракты или мѣняться съ кѣмъ хочетъ и чѣмъ хочетъ, придерживаться какихъ угодно мнѣній и выражать ихъ словесно и печатно и т. д., — то послѣ этого ему не остается ровно ничего требовать подъ именемъ „правъ“, если придавать этому названію надлежащее значеніе. Всякія другія притязанія, которыя онъ можетъ имѣть, должны быть иного рода — ихъ нельзя признавать правами. Много разъ и различными способами мы убѣждались въ томъ, что права, настоящимъ образомъ такъ называемыя, вытекаютъ изъ законовъ жизни, поскольку она продолжается въ общественномъ состояніи. Соціальныя учрежденія могутъ быть таковы, что права признаются всецѣло или же пренебрегаются въ большей или въ меньшей степени. Соціальныя учрежденія не могутъ создать правъ: они могутъ лишь сообразоваться съ ними или не сообразоваться. Такія стороны соціальныхъ учрежденій, которыя образуютъ то, что мы называемъ правительствомъ, служатъ орудіемъ поддержанія правъ, иногда въ большей степени, иногда въ меньшей; но какова бы ни была эта степень, эти учрежденія — простыя орудія, а то, что въ нихъ можетъ быть названо правомъ, должно считаться таковымъ лишь въ силу ихъ способности поддерживать настоящія права.

Но по причинѣ тенденціи заниматься средствами и сообразно съ этимъ исключать вопросъ о цѣляхъ, мы видимъ, что тѣ правительственныя учрежденія, которыя приводятъ къ поддержанію правъ, начинаютъ сами рассматри-

ваться какъ права, или даже начинаютъ занимать передовое мѣсто въ категоріи правъ. То участіе въ политической власти, которымъ обладаютъ граждане у наиболѣе передовыхъ націй и которое, какъ показалъ опытъ, является хорошей гарантіей жизни, свободы и собственности, рассматривается такъ, какъ будто притязанія на это участіе имѣютъ ту же природу, какъ и притязанія на жизнь, свободу и собственность. Однако, между тѣмъ и другимъ нѣтъ родства. Подача голоса, рассматриваемая сама по себѣ, нисколько не обезпечиваетъ жизни вотирующаго и вовсе не сравнима съ разными видами свободы, получившими правильное названіе правъ. Все, что мы можемъ сказать, это развѣ то, что свойственная каждому гражданину привилегія этого рода доставляетъ гражданамъ вообще возможность препятствовать нарушенію ихъ правъ; этой способностью они могутъ пользоваться съ благими намѣреніями, но бываетъ и обратное.

Смѣшеніе средствъ съ цѣлями въ этомъ случаѣ было почти неизбѣжнымъ. Контрасты между состояніемъ разныхъ націй и состояніемъ одной и той же націи въ разныя эпохи внушили людямъ сильное убѣжденіе въ пользу той общей истины, что если правительственная власть находится въ рукахъ одного или же немногихъ, ею воспользуются на благо этого одного или немногихъ людей; и явилось убѣжденіе, то многіе при этомъ потерпѣть ущербъ. Другими словами, полагаютъ, что лица, не обладающія властью, подвергнутся болѣе значительнымъ помѣхамъ и тягостямъ, нежели власть имѣющіе; у нихъ будетъ отнята та свобода, ограниченная лишь свободой другимъ, которой требуетъ справедливость; нравы ихъ будутъ болѣе или менѣе попораны. Но такъ какъ опытъ показалъ, что вслѣдъ за болѣе широкимъ распредѣленіемъ политической власти слѣдуетъ убыль подобнаго рода правонарушеній, то и вышло, что поддержаніе народной формы правленія стали отождествлять съ поддержаніемъ правъ. Возможность подавать голосъ, т. е. орудіе для поддержанія правъ, стало рассматриваться какъ особое право—и даже часто оно узурпируетъ въ общемъ мнѣніи мѣсто, принадлежащее настоящимъ правамъ.

Насколько это справедливо, мы узнаемъ, замѣтивъ, что тамъ, гдѣ такъ называемыя политическія права составляютъ всеобщее достояніе, настоящія права часто безцеремонно попираются. Во Франціи бюрократическій деспотизмъ при республикѣ такъ же великъ, какъ онъ былъ при имперіи. Вы-

могательства и насильственные мѣры не менѣе многочисленны и какъ было замѣчено делегатами англійскихъ рабочихъ союзовъ на одномъ конгрессѣ въ Парижѣ, посягательство на гражданскую свободу во Франціи доходить до предѣловъ, составляющихъ „позоръ и аномалію для республиканской націи“. То же въ Соединенныхъ Штатахъ. Всеобщая подача голосовъ не предупреждаетъ продажности муниципальных властей, которыя налагаютъ тяжкія подати и не дѣлаютъ ничего путнаго; она не предупреждаетъ также роста общихъ и мѣстныхъ учреждений, посредствомъ которыхъ каждый гражданинъ вынужденъ отдать свои права въ руки заправиламъ и интриганамъ; не препятствуетъ и тому, чтобы гражданъ стѣсняли въ ихъ частной жизни, приказывая имъ, чего они не должны пить; или тому, чтобы чудовищное большинство потребителей было подвергаемо тяжкому обложенію при посредствѣ охранительнаго тарифа ради блага ничтожнаго меньшинства фабрикантовъ и рабочихъ; даже не доставляетъ людямъ достаточной охраны отъ насильственной смерти, но во многихъ штатахъ допускаетъ частыя убійства, которыми могутъ препятствовать лишь блюстители правосудія; но они сами подвержены опасности быть застрѣленными во время выполненія своихъ обязанностей. Впрочемъ, результаты почти таковы и у насъ самихъ. Не только не достигнувъ лучшей охраны настоящихъ правъ, недавнія расширенія политическихъ вольностей привели лишь къ болѣе значительному нарушенію такихъ же вольностей. Явилось большее число приказаній дѣлать то, а не другое, причемъ болѣе прежняго посягаютъ на кошельки гражданъ.

Такимъ образомъ, какъ здѣсь, такъ и за границей, мы имѣемъ вполне ясное опроверженіе господствующаго мнѣнія. Крайній случай это тотъ, когда люди пользуются такъ наз. политическими правами для того, чтобы лишиться отъ возможности сохранить свои права въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ, напр. произошло при плебисцитѣ, избравшемъ Наполеона III. Опускаясь отъ этого случая къ тѣмъ, когда люди допускаютъ надъ собою насилія, вродѣ того, что ихъ дѣтей принуждаютъ обучаться грамматикѣ и болтать о короляхъ, нерѣдко въ ущербъ питанію и крѣпости тѣла, мы во всѣхъ случаяхъ не находимъ воображаемаго тожества. Хотя такъ наз. политическими правами можно пользоваться для поддержки свободы, но иногда они не имѣютъ этого значенія и порою даже ими можно пользоваться для установленія тиранническаго правленія.

99. Кромѣ смѣшенія средствъ съ цѣлями, есть еще и другая причина обычнаго недоразумѣнія. Понятіе о правѣ сложно, и есть возможность ошибочно признать одинъ изъ его факторовъ за оба.

Какъ было не разъ указываемо, положительный элементъ права состоитъ въ понятіи свободы, тогда какъ отрицательный сводится къ ограниченію, требуемому равною свободою другихъ лицъ. Но оба эти элемента рѣдко существуютъ совмѣстно въ надлежащей пропорціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вовсе не совмѣщаются. Можно указать примѣры свободы вполнѣ необузданной: результатомъ являются вѣчныя насилія и состояніе всеобщей войны. Обратное, можетъ существовать равенство въ дѣлѣ обузданія, идущее такъ далеко, что въ сущности оно разрушаетъ свободу. Можетъ случиться, что всѣхъ гражданъ обуздываютъ въ равной степени до того, что поработщаютъ, и что это совершается властью, ими же установленною. Бываетъ такъ, что, преслѣдуя филантропическія или иныя цѣли, граждане лишаются вслѣдствіе этого большей части свободы, которая остается на долю каждаго изъ нихъ сверхъ должнаго уваженія свободы другихъ лицъ. Но указанная выше путаница понятій, приводящая къ этому сопоставленію такъ наз. политическихъ правъ съ настоящими правами, отчасти вытекаетъ изъ того, что смотрятъ на второстепенный признакъ, а именно равенство, не думая о первостепенномъ, а именно о свободѣ. Возрастаніе одного, вообще говоря, до того связано съ усиленіемъ другихъ, что на оба стали смотрѣть какъ на неизбѣжныхъ взаимныхъ спутниковъ, и полагаютъ, что разъ добыто равенство, то свобода обезпечена сама собой.

Но, какъ показано выше, это нисколько не справедливо. Люди могутъ пользоваться своею равной свободою также для того, чтобы отдать себя въ крѣпостную зависимость. Достаточно, чтобы они не понимали (а это часто бываетъ), что требованіе равенства, взятое само по себѣ, удовлетворяется и въ томъ случаѣ, если равенство относится къ степени переносимыхъ притѣсненій и испытываемыхъ страданій. Они не замѣчаютъ той истины, что приобрѣтеніе такъ наз. политическихъ правъ нисколько не равнозначительно съ приобрѣтеніемъ правъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Первыя являются лишь орудіемъ для полученія и поддержки вторыхъ; или можно пользоваться или не пользоваться для выполненія этихъ цѣлей. Существенный вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: „Какимъ образомъ охранять права, въ настоящемъ смыслѣ этого слова? Какъ защищать ихъ противъ обидчиковъ, внѣшнихъ и домашнихъ?“ Та или иная форма пра-

вления является лишь приложеніемъ этихъ началъ. Представительное правленіе есть одна изъ практическихъ формъ; а выборъ депутатовъ посредствомъ всеобщей подачи голосовъ—лишь одно изъ многочисленныхъ средствъ, посредствомъ которыхъ можетъ быть образовано представительное правленіе. Но такъ какъ подача голосовъ есть просто способъ создать учрежденіе, охраняющее права, то вопросъ сводится къ тому, доставляетъ-ли всеобщая подача голосовъ такое именно учрежденіе? Мы видѣли, что оно не приводится къ дѣйствительному осуществленію это дѣли, а позднѣе увидимъ, что при современныхъ условіяхъ едва-ли и можетъ привести.

Но дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса придется отложить. Слѣдуетъ начать съ вопроса болѣе общаго—о природѣ государства.

ГЛАВА XXIII.

100. Изученіе эволюціи въ широкомъ смыслѣ слова знакомитъ насъ съ тою истиною, что природа какой бы то ни было вещи далеко не прочна. Не измѣняя своего тождества, вещь можетъ въ одно время обладать одною природою, а позднѣе—совершенно другою. Контрастъ между сфероидальною туманностью и твердою планетою, въ которую, наконецъ, сгущается эта туманность, едва-ли болѣе значителенъ, нежели контрасты, представляющіеся на каждомъ шагу.

Въ органическомъ мірѣ это измѣненіе природы въ сущности является всеобщимъ. Вотъ полипъ, который, послѣ періода сидячей жизни, разрывается на куски, порознь отдѣляющіеся, какъ плавающія медузы. Вотъ маленькая личинка кольчататаго типа, которая, послѣ того какъ она активно двигалась въ теченіе нѣкотораго времени въ водѣ прикрѣпляется къ рыбѣ, утрачиваетъ свои двигательные органы и, питаясь паразитически, вырастаетъ въ нѣчто, состоящее почти изъ одного желудка и яичниковыхъ мѣшковъ. А вотъ другая личинка, заканчивающая странствованія своей ранней молодости прикрѣпленіемъ къ скалѣ. Развившись въ то, что въ просторѣчи называютъ морскимъ желудемъ, она кормится, поглощая черезъ свой пищеводъ мелкія существа изъ окружающей воды. Или вотъ червеобразная личинка, которая, проживъ и прокормившись нѣкоторое время въ водѣ, наконецъ, послѣ періода покоя, прорываетъ свою кукольную оболочку и улетаетъ, въ видѣ комара. Или вотъ плодовый червякъ и мясная муха, хлѣбные черви и мотыльки и другіе общеизвѣстные примѣры. Всего болѣе странны, однако, такіе крайніе примѣры, какъ превращенія нѣкоторыхъ низшихъ

водныхъ водорослей. Двигаясь сначала въ теченіе короткаго періода и обнаруживая признаки животныхъ, зародыши въ концѣ концовъ укрупняются, проростають и становятся растеніями. Разсмотрѣніе подобныхъ фактовъ, необычайно многочисленныхъ и чудесно разнообразныхъ, предостерегаетъ насъ отъ заблужденія, могущаго возникнуть во всякое время, если будетъ молчаливо допущено, что природа какой-либо вещи была, есть и всегда будетъ неизмѣнною. Наоборотъ, мы приходимъ къ тому, что вынуждены ожидать измѣненія природы— быть можетъ, даже кореннаго измѣненія.

101. Почти всѣ молчаливо допускають, что существуетъ лишь одно правильное понятіе о государствѣ. Между тѣмъ, признавъ ту истину, что общества развиваются, и прислушиваясь къ урокамъ, доставляемымъ изученіемъ эволюціи въ широкомъ смыслѣ этого слова, мы отсюда заключимъ, что, по всей вѣроятности, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена государство имѣло существенно различную природу. Согласіе между выводомъ и фактомъ вскорѣ станетъ очевиднымъ. Не останавливаясь на болѣе древнихъ типахъ, характеризуемыхъ по большей части родословною по женской линіи, рассмотримъ сначала группу, составляющую нѣчто среднее между семьей и обществомъ, а именно патріархальную группу. Такая группа, какъ она проявляется въ кочевой ордѣ, образуетъ общество, въ которомъ родственныя отношенія особей между собою и къ ихъ общему вождю, а также отношенія къ общей собственности придають строеніямъ и отправленіямъ совокупнаго цѣлаго природу, совершенно отличающуюся отъ тѣхъ политическихъ группъ, которыя намъ теперь извѣстны. Даже когда подобная группа развивается въ сельскую общину, гдѣ, какъ мы видимъ въ Индіи, можетъ существовать, полный штатъ должностныхъ лицъ для внутренняго управленія, общность (хотя и не всеобщность) родственныхъ отношеній между вступившими въ союзъ лицами придаетъ этой группѣ лицъ характеръ общества, рѣзко отличающагося отъ того, въ которомъ кровныя узы перестали быть господствующимъ факторомъ.

Поднимаясь на высшую ступень состава (composition) мы присмотримся къ такимъ обществамъ, какъ въ древней Греціи, гдѣ соединены въ крупныя группы многія мелкія группы родственниковъ. Члены разныхъ семей, родовъ и фратрій здѣсь слиты, не теряя своего тождества, и соответственныя группы обладаютъ корпоративными интересами, независимыми и часто антагонистичными между собою. Неоспоримо, что природа такого общества какъ цѣлаго, значительно отличается отъ природы новаго общества, въ которомъ полное сліянiе составляющихъ группъ разрушило первичныя

разграничительныя линіи; и гдѣ, въ то же время, особи, а не семейныя группы стали политическими единицами.

Еще разъ, помня о контрастѣ между системой принудительнаго правленія (status) и системой договора, мы не можемъ не увидѣть существеннаго различія природы между этими двумя родами политическихъ тѣлъ. Въ весьма многихъ древнихъ обществахъ «религіозная и политическая санкція, порою въ союзѣ между собою, порою въ отдѣльности рѣшали, за каждое лицо, каковъ долженъ быть его образъ жизни, его вѣра, обязанности, положеніе въ обществѣ, и не предоставляли ни малѣйшаго простора для воли или разума самой личности». Но у насъ въ Англіи ни религіозная, ни политическая санкція не имѣетъ болѣе такой силы; и ни для одной личности здѣсь нельзя предписать положенія или карьеры. Въ виду этихъ фактовъ, мы не можемъ съ какимъ-либо основаніемъ допустить единство природы всѣхъ политическихъ тѣлъ. Мы далеки отъ допущенія, что общее понятіе о государствѣ, выработанное Аристотелемъ и извлеченное изъ жизни обществъ, ему извѣстныхъ, сохранило силу и значеніе руководящаго принципа въ настоящее время; и мы вправѣ заключить, что, по всей вѣроятности, понятіе это теперь непримѣнимо и, будь оно принято, послужило бы плохимъ руководствомъ.

102. Еще болѣе проникнемся мы этой истиной, если, вмѣсто того, чтобы противопоставлять другъ другу общества по ихъ природѣ, мы уважемъ на контрасты въ ихъ дѣятельностяхъ. Разсмотримъ разные роды жизни, которую ведутъ эти общества. Табъ какъ эволюція подразумѣваетъ постепенный переходъ, то отсюда слѣдуетъ, что какъ бы ни были велики различія, образующіяся между обществами людей, во всякомъ случаѣ рѣзкія границы не могутъ быть проведены. Но помня это ограниченіе, мы вправѣ сказать, что существуютъ три различныя цѣли, ради которыхъ люди, первоначально жившіе разсѣянными кочевыми семейными группами, могутъ соединиться въ болѣе тѣсныя группы. Одною побудительною причиною является желаніе товарищества: общительность, хотя и не всеобщая, но весьма общая черта людей, приводящая къ скопленію ихъ въ группы. Другой причиною является потребность въ совокупной дѣятельности противъ враговъ—животныхъ или людей, или тѣхъ и другихъ—кооперація, имѣющая цѣлью сопротивленіе внѣшнему нападенію или же, наоборотъ,—самое нападеніе на внѣшнихъ враговъ. Третьей цѣлью является облегченіе добыванія средствъ къ жизни посредствомъ взаимопомощи, т. е. кооперація для лучшаго удовлетворенія тѣлесныхъ, а затѣмъ и духовныхъ потребностей. Въ большинствѣ случаевъ преслѣдуются всѣ три цѣли. Онѣ, однако, не только различимы теоретически, но и каждая изъ нихъ допускаетъ отдѣльные примѣры.

Изъ социальныхъ группъ, удовлетворяющихъ только стремленію къ товариществу, можно назвать тѣ, которыя видимъ у эскимосовъ. Люди, образующіекакую-либо изъ этихъ группъ, порознь независимы. Не имѣя надобности въ группировкѣ для внѣшняго нападенія или защиты, они не нуждаются въ военачальникахъ и не имѣютъ никакого политическаго управленія. Единственный контроль, примѣняемый къ каждому, состоитъ въ неодобрительномъ мнѣніи товарищей. Не существуетъ здѣсь также никакого раздѣленія труда. Промышленная кооперація ограничена тою, которая существуетъ между мужемъ и женой въ каждомъ семействѣ. Общество не обладаетъ никакою организаціей, исключая простой смежности его частей; нѣтъ никакой взаимной зависимости.

Второй классъ весьма многочисленъ. Чистыя его формы представляются охотничьими племенами въ широкомъ смыслѣ слова. Дѣятельности ихъ колеблются между охотою на животныхъ и войною съ другими племенами. Примѣромъ могутъ служить также хищническія и разбойничьи племена, вродѣ племени Масаи. Въ такихъ обществахъ раздѣленіе труда, или оно вообще существуетъ, имѣетъ лишь зачаточный характеръ. Кооперація имѣетъ здѣсь цѣлью внѣшнюю защиту или нападеніе и едва-ли имѣетъ какое-либо значеніе для удовлетворенія внутреннихъ потребностей. Когда, посредствомъ завоеванія, образуются крупныя общества, вмѣстѣ съ этимъ является нѣкоторая промышленная кооперація; она возрастаетъ, по мѣрѣ возрастанія общества. Но такъ какъ эта промышленность ведется рабами или крѣпостными, подъ надзоромъ своихъ владѣльцевъ, то такая кооперація вводитъ лишь ничтожное ограниченіе въ существенныя черты характера общества: а существеннымъ признакомъ является здѣсь приспособленіе совместной дѣятельности противъ другихъ подобныхъ обществъ. Жизнь личностей подчинена здѣсь въ той степени, которая необходима для сохраненія (а порою и для расширенія) жизни цѣлаго. Племена и націи, у которыхъ подобнаго рода подчиненіе не поддерживается, должны, при прочихъ равныхъ условіяхъ, исчезнуть въ борьбѣ съ племенами и націями, у которыхъ оно поддерживается. Поэтому такое подчиненіе становится, посредствомъ переживанія наиболѣе приспособленныхъ, установленнымъ признакомъ. На-ряду съ безпорнымъ предположеніемъ, относящимся къ этому типу, что война есть жизненное призваніе, является убѣжденіе, что каждая личность есть подданный общества: греки полагали, что гражданинъ принадлежитъ не себѣ и не семьѣ, а своей гражданской общинѣ. И естественно, на-ряду съ этимъ подавленіемъ личныхъ притязаній въ пользу общественныхъ, мы видимъ такое обузданіе личности обществомъ, которое дѣлаетъ чело-

вѣка пригоднымъ для этихъ цѣлей. Человѣкъ подвергается такому ученію, дисциплинѣ и контролю, которые признаются необходимыми для того, чтобы сдѣлать его хорошимъ воиномъ или хорошимъ слугою государства.

Нѣтъ возможности дать сколько-нибудь удовлетворительные примѣры обществъ третьей категоріи, такъ какъ вполне развитыя формы ихъ еще не существуютъ. Тѣ немногочисленныя вполне мирныя племена, которыя находятся на нѣкоторыхъ островахъ, населенныхъ папуаскими племенами, или же живущія въ мѣстностяхъ Индіи, настолько зараженныхъ болотною лихорадкою, что окрестныя воинственныя племена не могутъ здѣсь жить, — не въ состояніи развиться въ крупныя промышленныя общества по причинѣ непригодной среды. Бодо, дхимальы, воччи и др. туземныя племена, живущія земледѣліемъ и селящіяся деревушками изъ 10—40 домовъ и перекочевывающія въ новыя области, когда они истощили почву въ прежнихъ, не обнаруживаютъ, исключая раздѣленія труда между полями, никакой дальнѣйшей коопераціи, кромѣ той, которая необходима для сооруженія домовъ и расчистки участковъ. Говоря вообще, только послѣ того, какъ завоеваніе скрѣпило малыя общества въ большія, возникаютъ удобные случаи для возрастанія взаимной зависимости между людьми, посвятившими себя разнымъ отраслямъ промышленности. Поэтому, въ теченіе продолжительныхъ періодовъ, промышленная организація, играя служебную роль по отношенію къ военной организаціи, не обнаруживала своей существенной природы. Теперь, однако, стало яснымъ, что наиболѣе развитыя новѣйшія націи организованы по принципу, кореннымъ образомъ отличающемуся отъ того, по которому было организовано значительное большинство прежнихъ націй. Если, забывая о недавнихъ ретроградныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ во всей Европѣ, мы сравнимъ древнія и средневѣковыя общества съ нынѣшними и особенно съ Англіей и Америкой, то усмотримъ радикальныя различія. Въ одномъ случаѣ, говоря вообще, всѣ свободные люди—воины, а промышленность предоставлена рабамъ и крѣпостнымъ; въ другомъ случаѣ лишь немногіе свободные люди—воины, тогда какъ огромное большинство ихъ занято производствомъ и распредѣленіемъ. Въ одномъ случаѣ многочисленныя войны стали таковыми подъ вліяніемъ принужденія, тогда какъ въ другомъ явились сравнительно немногіе войны и стали таковыми по соглашенію. Итакъ, очевидно, что существенный контрастъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ одномъ случаѣ группа оказываетъ сильное принужденіе на составляющія ее единицы, тогда какъ въ другомъ случаѣ она оказываетъ малое принужденіе и стремится уменьшиться по мѣрѣ упадка военщины. Каково зна-

ченіе этого контраста, или мы выразимъ его въ самыхъ крайнихъ терминахъ? Въ обоихъ случаяхъ цѣль, которую должно выполнить общество, какъ корпоративное цѣлое, т. е. представляемое государствомъ,—цѣль эта есть благо единицъ, составляющихъ общество: дѣйствительно, общество, какъ группа, не обладаетъ никакой чувствительностью и его сохраненіе желательно только въ его служебной роли, относящейся къ индивидуальной чувствительности. Но какъ выполняется эта роль? Первоначально посредствомъ помѣхи вмѣшательству въ личныя дѣла. На первой стадіи смерть или увѣчье, нанесенное членамъ общества внѣшними врагами, составляютъ то, что общество, какъ корпоративное цѣлое, должно предупредить если не исключительно, то главнымъ образомъ. Этической гарантіей является здѣсь обузданіе членовъ общества, насколько оно требуется этою цѣлью. На послѣдней стадіи главнымъ, хотя и не исключительнымъ предметомъ является предупрежденіе смерти или обиды, наносимой членамъ внутри общества; и этическая гарантія для обузданія членовъ очевидно не простирается далѣе требуемаго такою цѣлью.

103. Здѣсь не мѣсто разсматривать, можно-ли присоединить къ этой послѣдней функціи еще какую-либо иную. Такъ какъ рѣчь идетъ исключительно о природѣ государства, то насъ интересуетъ лишь радикальное различіе между этими двумя социальными типами. Необходимо настаивать на той истинѣ, что политическая группа, которой приходится воздѣйствовать на другія подобныя же группы и съ этой цѣлью управлять соединенными силами составляющихъ ее единицъ, радикально отличается отъ политическаго тѣла, которому приходится дѣйствовать только на свои составныя единицы. Отсюда слѣдуетъ, что такія политическія умозрѣнія, которыя исходятъ изъ предположенія, что государство во всѣхъ случаяхъ обладаетъ одинаковой природой, должны закончиться глубоко ошибочными выводами.

Слѣдуетъ указать еще одно дальнѣйшее слѣдствіе. Въ теченіе продолжительныхъ прошедшихъ эпохъ, какъ и въ наши дни, а также на неопредѣленное долгое время въ будущемъ, слѣдуетъ ожидать перемѣнъ, какъ прогрессивныхъ, такъ и ретроградныхъ, причемъ общества приближаются то къ одному типу, то къ другому; эти типы должны быть смѣшанными и неустановившимися. Слѣдуетъ поэтому ожидать преобладанія неопредѣленныхъ и измѣнчивыхъ убѣжденій, относящихся къ природѣ государства.

ГЛАВА XXIV.

Устройство государства.

104. Различіе цѣлей обыкновенно подразумѣваетъ различіе средствъ. Невѣроятно, чтобы строеніе, наилучшимъ образомъ приспособленное къ одной цѣли, было всего лучше приспособлено и къ другой цѣли, для сохраненія жизни своихъ единицъ и для поддержки той свободы въ достиженіи жизненныхъ цѣлей, которою обыкновенно обладаютъ независимые народы. Общество на извѣстной стадіи развитія должно пользоваться своей корпоративной дѣятельностью, главнымъ образомъ, для борьбы съ окружающими обществами. Въ этомъ случаѣ его организація должна быть такою, чтобы приводить въ дѣйствіе надлежащимъ образомъ скомбинированныя силы составляющихъ его единицъ въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Не требуетъ доказательства, что если единицамъ, составляющимъ общество, предоставляется дѣйствовать безъ соглашенія, то онѣ рано или поздно будутъ покорены. Ясно также безъ доказательствъ, что для произведенія дружнаго дѣйствія эти единицы должны быть вѣдь-либо управляемы. Подобное управление должно быть обеспечено принудительною силою; сила эта должна издавать сообразныя между собою повелѣнія, а для этой цѣли повелѣнія должны исходить отъ единой власти. Изслѣдованіе происхожденія военнаго типа (сравн. Основанія социологіи, §§ 547—561) приводятъ непреодолимо къ тому заключенію, что для надлежащей внѣшней дѣятельности, направляемой однимъ обществомъ противъ другихъ, необходима централизація, и установленіе ея становится тѣмъ болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ обычнѣе подобная внѣшняя дѣятельность. Не только сама армія подчиняется деспотическому правленію, но и все общество, содержащее эту армію. Воля цѣлаго, дѣйствуя чрезъ посредство развитой ею правящей власти, насилуетъ и почти подавляетъ волю индивидуальныхъ членовъ общества. Даже тѣ права, которыя предоставляются, считаются какъ бы дарованными изъ милости. Поэтому, до тѣхъ поръ, пока военный типъ преобладаетъ, устройство государства должно быть таково, что обыкновенный гражданинъ въ немъ подчиненъ либо автократіи, либо олигархіи, изъ которой постоянно стремится возникнуть автократія.

Какъ мы видѣли сначала, такое подчиненіе, съ сопутствующей ему утратою свободы и жизни, обладаетъ какъ бы этической гарантіей, когда вынуждается оборонительной войной. Частное нарушеніе правъ должно быть оправдываемо, если цѣлью является предупрежденіе того полнаго попранія и утраты правъ, которое послѣдуетъ вслѣдствіе смерти или покоренія. Обыкновенно, однако, военный типъ общества развивается болѣе наступательными войнами, нежели оборонительными, и гдѣ это такъ, то соотвѣтственное государственное устройство не имѣетъ за собою никакой этической гарантіи. Какъ ни желательно, чтобы высшія расы покоряли и вытѣсняли низшія и чтобы, поэтому, на равныхъ стадіяхъ развитія наступательныя войны содѣйствовали интересамъ человѣчества,—все же, какъ сказано раньше, содѣйствіе такимъ интересамъ этимъ способомъ должно причисляться къ другимъ родамъ борьбы за существованіе, свойственнымъ низшимъ животнымъ; этика не вправѣ включать въ свою область этотъ родъ дѣятельности,

Здѣсь необходимо отмѣтить, что если окружающія условія таковы, что обществу угрожаетъ опасность отъ другихъ обществъ, то отсюда вытекаетъ принудительный строй, хотя весьма далекій отъ абсолютной справедливости, но все же относительно-справедливый, т. е. представляющій наименьшее зло, допустимое обстоятельствами.

105. Игнорируя промежуточныя формы, мы перейдемъ отъ военного строя къ промышленному, рассматривая послѣдній въ цвѣтущую пору его развитія. Мы увидимъ, что въ этомъ случаѣ требуемое государственное устройство совсѣмъ иного рода. Въ обоихъ случаяхъ цѣлью является сохраненіе условій, при которыхъ жизнь и ея дѣятельности могутъ продолжаться; но сохраненіе этихъ условій противъ внѣшнихъ враговъ совсѣмъ не то, что защита противъ враговъ внутреннихъ.—Присмотритесь къ контрастамъ.

Въ одномъ случаѣ опасность непосредственно угрожаетъ обществу, какъ цѣлому, и косвенно грозитъ личностямъ, тогда какъ въ другомъ мы видимъ какъ разъ обратное. Въ одномъ случаѣ опасность велика, сосредоточена и на первый разъ имѣетъ мѣстный характеръ, тогда какъ въ другомъ опасности многочисленны, невелики и разсыяны всюду. Въ одномъ случаѣ всѣ члены общества одновременно подвергаются опасности отъ насилія, тогда какъ въ другомъ, насиліе угрожаетъ или испытывается то однимъ лицомъ то

другимъ, и гражданинъ, сегодня подвергшійся насилію, завтра самъ можетъ причинить его. Въ одномъ случаѣ крупное зло, разъ отъ него отдѣлались, на нѣкоторое время перестаетъ угрожать гражданамъ, тогда какъ въ другомъ случаѣ зло, хотя и не велико, встрѣчается непрерывно. Итакъ, очевидно, что, при настолько различныхъ функціяхъ, политическія учрежденія должны быть въ обоихъ случаяхъ не сходны.

Для предупрежденія убійства, воровства, мошенничества, нѣтъ надобности въ арміи. Армія, если бы ею воспользовались, не могла бы справиться съ мелкими насиліями, встрѣчающимися повсемѣстно. Требуемая администрація должна быть такъ же разбросана, какъ и предупреждаемые или караемые проступки, и ея дѣятельность должна быть не временною, а непрерывною. Но при отсутствіи крупныхъ соединенныхъ силъ, необходимыхъ для военныхъ цѣлей, нѣтъ надобности въ томъ принудительномъ законѣ, посредствомъ котораго только и возможно управлять этими соединенными силами для указанныхъ цѣлей. Наоборотъ, здѣсь требуется власть, приспособленная къ поддержанію правъ каждаго гражданина противъ другихъ и уважающаго тѣ же права въ ея собственномъ обхожденіи съ гражданами.

Каково надлежащее устройство государства? На первый взглядъ, кажется, что такъ какъ каждый гражданинъ, предполагая, что самъ онъ не обидчикъ, заинтересованъ въ сохраненіи жизни и собственности, въ выполненіи договоровъ и въ подтвержденіи всѣхъ болѣе мелкихъ правъ, то государственное устройство должно быть такимъ, чтобы каждый гражданинъ обладалъ долей власти наравнѣ со всѣми своими согражданами. Повидимому, невозможно отрицать, что если бы, преслѣдуя законъ равной свободы, люди обладали равными, обеспеченными за ними правами, имъ слѣдовало бы также обладать и равной способностью указывать на тѣхъ дѣятелей, которые обеспечиваютъ подобныя права.

Въ послѣдней главѣ было указано лишь одно, что такой выводъ не законенъ, и различныя поясненія сдѣлали яснымъ, что испытанныя средства не достигли здѣсь желательной цѣли. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, почему нѣтъ именно основанія допустить, чтобы эти цѣли могли когда-либо быть достигнуты.

106. Изъ истинъ, относящихся къ человѣческому поведенію, нѣтъ ни одной болѣе достовѣрной, нежели та, что люди, въ среднемъ выводѣ, будутъ дѣйствовать подъ вліяніемъ своихъ интересовъ или, скорѣе, кажущихся интере-

совъ. Правительство само находится подъ вліяніемъ общаго стремленія поступать такимъ образомъ, и каждый парламентскій актъ заботится о томъ, чтобы исключить свои собственные вредныя послѣдствія. Любой договоръ, любое завѣщаніе, любое условіе найма доказываетъ, до чего общераспространено и до чего общепризнано подобное стремленіе.

Успѣшность дѣятельности той или иной формы правленія неизбѣжно опредѣляется этой общей тенденціей. Лица, входящія въ составъ политическаго учрежденія и лица, прямо или косвенно ихъ назначающія, какъ и всѣ другія, будутъ находиться во власти своихъ кажущихся интересовъ. Законы всякой страны доставляютъ безчисленные доказательства; исторія доказала убѣдительно, что господствующіе будутъ пользоваться властью для своихъ выгодъ. Отсюда было выведено, что общія выгоды достижимы лишь предоставленіемъ власти всѣмъ членамъ общества. Но заблужденіе становится теперь очевиднымъ.

Поколѣніе тому назадъ, когда столько агитировали въ пользу расширенія политической власти, ораторы и журналисты ежедневно громили „классовое законодательство“ аристократовъ. Но не признавали той истины, что если бы, вмѣсто тогда господствовавшего, одержалъ верхъ другой классъ, то снова явилось бы классовое законодательство на мѣсто стараго. Ежедневно повторяются доказательства этой истины. Справедливо, что поколѣніе тому назадъ, землевладельцы и капиталисты такъ обрабатывали общественныя дѣла, что чувствовали себя хорошо и притѣсняли другихъ; не менѣе справедливо, что теперь ремесленники и рабочіе, при посредствѣ депутатовъ, обязанныхъ выполнять ихъ требованія, быстро преобразуютъ нашъ соціальный строй на пользу себѣ и къ невыгодѣ всѣмъ прочимъ. Ежегодно возникаютъ все новыя учрежденія, имѣющія цѣлью доставлять то, что кажется даровымъ благодѣяніемъ, на счетъ плательщиковъ мѣстныхъ и общихъ податей; и народная масса, пользуясь благами и освобождаясь отъ расходовъ на содержаніе общественныхъ учреждений, требуетъ размноженія ихъ.

Не справедливо, что всеобщее обладаніе политической властью обезпечиваетъ за всѣми справедливость. Наоборотъ, опытъ дѣлаетъ очевиднымъ то, что должно было бы быть очевиднымъ и безъ всякаго опыта, а именно, что при всеобщей подачѣ голосовъ, болѣе многочисленный классъ общества неизбѣжно получить выгоды на счетъ менѣе многочис-

леннаго класса. Болѣе высокій заработокъ, доставляемый высшимъ ихъ болѣе успѣшными дѣятельностями, не только не будетъ предоставленъ въ ихъ распоряженіе, но часть отъ него будетъ отобрана, какимъ-либо косвеннымъ способомъ, для того, чтобы увеличить меньшій заработокъ менѣе прилежныхъ или менѣе способныхъ; и насколько это достигается, законъ равной свободы оказывается нарушеннымъ. Очевидно, что устройство государства, свойственное промышленному типу общества, въ которомъ равенство вполнѣ осуществлено, должно быть таково, что въ немъ нѣтъ мѣста для представительства личностей; представлены должны быть интересы. Для здоровья соціального организма и благосостоянія его членовъ, требуется уравниваніе функций, а это равновѣсіе не можетъ быть поддерживаемо, если мы придадимъ каждой функціи силу, пропорціональную числу функционирующихъ. Сравнительное значеніе разныхъ функций не измѣряется числомъ единицъ, занятыхъ ихъ выполненіемъ, а поэтому всеобщее благо не будетъ достигнуто, если мы придадимъ разнымъ частямъ политическаго тѣла, силы, пропорціональныя ихъ росту.

107. Возникнетъ-ли вполнѣ такая форма общества, въ которой политическая власть можетъ быть предоставлена личностямъ, не придавая тѣмъ самымъ такой силы цѣлымъ классамъ, которая будетъ употреблена ими во зло? Этотъ вопросъ не допускаетъ никакого отвѣта. Можетъ случиться, что промышленный типъ—быть можетъ посредствомъ развитія кооперативныхъ организацій, въ теоріи, хотя и не на практикѣ (по крайней мѣрѣ въ настоящее время) изглаживающихъ различіе между предпринимателемъ и рабочимъ—произведетъ со временемъ такіа соціальныя учрежденія, при которыхъ антагонистическіе классовые интересы либо исчезнутъ, либо настолько смягчатся, что не послужатъ серьезнымъ осложненіемъ. Возможно также, что со временемъ, люди настолько станутъ уважать чужіе интересы, что это воспрепятствуетъ ненадлежащей погонѣ за собственными интересами, такъ что равное распредѣленіе политической власти не приведетъ къ замѣтному преобладанію классовыхъ интересовъ въ законодательствѣ. Но истина, требующая здѣсь признанія, состоитъ въ томъ, что рассматривая существующее теперь человечество, какимъ оно долго еще останется, придется сказать, что обладаніе такъ наз. равными политиче-

скими правами не обеспечить равенства правъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Сверхъ того, то государственное устройство, которое оправдывается относительной этикой, еще по другой причинѣ должно значительно отличаться отъ устройства, оправдываемаго абсолютной этикой. Формы правленія, приспособленныя къ существующимъ цивилизованнымъ обществомъ, должны быть переходными. Какъ подразумѣвается во всей аргументаціи, устройство государства, занятаго военной дѣятельностью, должно радикально отличаться отъ устройства государства, посвященнаго промышленной дѣятельности; на переходныхъ ступеняхъ отъ одной формы къ другой, приходится пройти смѣшанныя формы, приспособленныя то къ одному, то къ другому ряду требованій, смотря по удобству. Дѣйствительно, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ (Основанія Соціологіи, §§ 547—575), если мы исключаемъ тѣ не прогрессирующіе типы человечества, изъ которыхъ развились соціальныя организаци, болѣе не подверженныя измѣненію, и если мы рассмотримъ болѣе пластическіе типы, все еще развивающіеся индивидуально и соціально, то мы увидимъ, что возрастаніе какой бы то ни было соціальной дѣятельности вскорѣ произведетъ измѣненіе строенія общества.

Отсюда слѣдуетъ вывести, что существуетъ какъ бы этическая гарантія для смѣшанныхъ государственныхъ устройствъ, приспособленныхъ къ этимъ смѣшаннымъ требованіямъ. Наивысшей цѣлью является поддержаніе условій, при которыхъ можетъ быть продолжена индивидуальная жизнь и ея дѣятельность; поддержаніе этихъ условій подвергается опасности, то отъ массы внѣшнихъ враговъ, то отъ отдѣльныхъ внутреннихъ враговъ. Отсюда слѣдуетъ, что существуетъ подобіе этического оправданія для такого политическаго устройства, которое въ каждое данное время всего лучше приспособлено къ борьбѣ съ опасностями обоого рода; съ негодностью для одной изъ этихъ цѣлей можно помириться настолько, насколько это является вынужденнымъ по причинѣ пригодности для другой цѣли.

108. Названіе настоящей главы подразумѣваетъ еще одинъ вопросъ, а именно о предоставленіи политической власти женщинамъ. Мы уже пришли къ выводу, что въ чисто военныхъ и отчасти военныхъ обществахъ, обладаніе этими вольностями не можетъ быть предметомъ справедливыхъ притязаній со стороны женщинъ. Нельзя по справед-

ливости обладать равною властью, не обладая одинаковою отвѣтственностью. Но предполагая, что съ прекращеніемъ господства военной дѣятельности это препятствіе исчезнетъ, мы должны здѣсь задаться вопросомъ, будетъ ли въ этомъ случаѣ предоставленіе женщинамъ права голоса полезнымъ? Я говорю полезнымъ, потому что, какъ мы видимъ, это вовсе не вопросъ права въ прямомъ и настоящемъ смыслѣ слова. Вопросъ состоитъ въ томъ, слѣдуетъ ли предположить, что правá, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, встрѣтятъ лучшую поддержку, если женщины получаютъ право голоса, чѣмъ если этого не будетъ. Есть нѣкоторыя основанія допустить, что поддержка правъ будетъ въ этомъ случаѣ скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе удовлетворительный.

Сравнительная впечатлительность женщинъ это черта, способная сдѣлать усиленіе ихъ вліянія вреднымъ факторомъ въ законодательствѣ. Люди вообще, какъ они теперь организованы, въ весьма большой степени подвержены дѣйствию спеціальныхъ душевныхъ волненій, подъ вліяніемъ временнаго возбужденія, и не испытываютъ задержокъ отъ совокупности другихъ душевныхъ волненій; женщины, еще болѣе нежели мужчины, увлекаются чувствами данной минуты. Эта особенность находится въ противорѣчьи съ тѣмъ разсудительнымъ настроеніемъ духа, которое должно руководствовать законодателями.

Свобода отъ страстей, возбуждаемыхъ временными причинами или отдѣльными предметами, составляетъ очевидное предварительное условіе хорошаго законодательства. Это предварительное условіе въ настоящее время выполняется лишь несовершеннымъ образомъ, и выношеніе было бы еще болѣе несовершеннымъ, если бы привилегія распространилась на женщинъ.

Моральное различіе сопровождается аналогичнымъ интеллектуальнымъ различіемъ. Весьма немногіе мужчины и еще меньше число женщинъ составляютъ мнѣнія, въ которыхъ общему и отвлеченному отводится должное мѣсто. только частное и конкретное остается въ мысли. Девять законодателей изъ десяти и 99 подающихъ голоса изъ 100, при обсужденіи той или иной мѣры помышляютъ только о непосредственныхъ результатахъ, вовсе не думая о косвенныхъ послѣдствіяхъ или о дѣйствии, которое окажетъ такой примѣръ, или о вліяніи на характеры людей. Если бы женщины обладали правомъ голоса, то это поглощеніе сознанія

въ ближайшемъ и личномъ и исключеніе отдаленнаго и безличнаго, было бы еще значительнѣе; стало быть огромный вредъ, причиняемый теперь, могъ бы еще усилиться.

Въ началѣ было показано существованіе радикальнаго противорѣчія между этикой семьи и этикой государства; было указано, что введеніе одной изъ нихъ въ область другой вредно, даже губительно при широкомъ и непрерывномъ примѣненіи. Въ концѣ концовъ, поведеніе опредѣляется характеромъ человѣка; умъ играетъ лишь служебную роль, доставляя удовлетвореніе тѣмъ чувствованіямъ, которыя образуютъ характеръ. Въ настоящее время какъ мужчины, такъ и женщины, склонны, по причинѣ своихъ чувствованій, къ искаженію этики государства, введеніемъ въ нее этики семьи. Но это въ особенности въ натурѣ женщинъ, являясь спутникомъ ихъ свойствъ, какъ матерей. Онѣ доставляютъ благодѣянія не пропорціонально заслугамъ, но пропорціонально отсутствію заслугъ; матери отдаютъ всего болѣе тѣмъ, чьи способности наименьшія. Любовь къ безпомощнымъ, могущая служить общей характеристикой родительскаго инстинкта, болѣе сильнаго у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, и управляющая ихъ поведеніемъ внѣ семьи, какъ и въ семьѣ, въ большей мѣрѣ, нежели она управляетъ поведеніемъ мужчинъ, должна — еще въ сильнѣйшей степени, чѣмъ у мужчинъ, вызывать общественную дѣятельность, излишне принимающую во вниманіе интересы низшихъ, по сравненію съ высшими. Нынѣшнее стремленіе лицъ обоюго пола состоитъ въ томъ, чтобы признавать гражданъ обладающими притязаніями пропорціонально ихъ нуждамъ — а эти нужды обыкновенно пропорціональны отсутствію заслугъ; и это стремленіе, болѣе сильное у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, должно, если оно дѣйствуетъ въ политической области, вызвать, какъ болѣе общій фактъ, попеченія о худшихъ на счетъ лучшихъ. Въмѣсто того поддержанія правъ, которое, какъ мы видѣли, является лишь систематическимъ подтвержденіемъ принципа, что каждый долженъ пользоваться хорошими и худыми послѣдствіями своего собственнаго поведенія, здѣсь явятся болѣе частыя и болѣе многочисленныя нарушенія этого принципа, чѣмъ въ настоящее время. Еще болѣе, чѣмъ теперь, заработокъ высшаго будетъ насильственно отниматься у него для помощи низшему, и еще болѣе чѣмъ теперь, худыя послѣдствія, накликаемыя на себя низшими, будутъ сваливаться на высшихъ.

Другая черта, отличающая женщинъ, зависитъ отъ приспособленія не къ материнскимъ, но къ супружескимъ отношеніямъ. Чувствованія женщинъ сформировались особымъ образомъ для обращенія съ потомствомъ; но они также приспособились къ соотвѣтственному выбору мужей, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько условія дозволяютъ выборъ.

Сила, физическая или умственная, или та, и другая, есть и всегда была тою чертою мужской природы, которая всего болѣе привлекаетъ женщинъ; и это содѣйствуетъ размноженію болѣе сильныхъ. Разновидности, въ которыхъ это инстинктивное предпочтеніе выражалось всего менѣе, всегда должны были, при прочихъ равныхъ условіяхъ, стремиться къ исчезновенію по сравненію съ другими разновидностями. Поэтому у женщинъ является преклоненіе передъ силой во всѣхъ ея видахъ, а отсюда вытекаетъ сравнительный консерватизмъ. Авторитетъ, все равно въ какой формѣ—политической, церковной или общественной, подчиняетъ себѣ женщинъ еще болѣе, чѣмъ мужчинъ. Доказательства можно найти въ обществахъ на всѣхъ стадіяхъ развитія. Освященные древностью обычаи гораздо прочнѣе удерживаются у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, даже тамъ, гдѣ слѣдовало ожидать, что инстинктивныя чувствованія могли бы произвести противоположное дѣйствіе. Примѣромъ можетъ служить приверженность женщинъ племени юанговъ къ одеждѣ болѣе скромной, чѣмъ у Евъ, тогда какъ мужчины носятъ одежду на поясицѣ. Религіозный фанатизмъ, служащій выраженіемъ крайняго подчиненія силѣ, признаваемой за сверхъестественную, всегда былъ у женщинъ сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Различіе было замѣчено у древнихъ грековъ; то же замѣтили наблюдавшіе японцевъ; примѣры можно видѣть у индусовъ; и то же теперь очевидно во всей Европѣ. Итакъ, то чувство, которое возбуждаетъ сила и окружающій ее блескъ во всѣхъ его видахъ, должно, въ случаѣ, если женщины приобрѣтутъ право голоса, усилить всякую сласть, политическую и церковную. Могутъ подумать, что при нынѣшнихъ условіяхъ, консервативное вліяніе этого рода было бы благотѣльнымъ; и если бы не существовало вышеописанной черты, то съ этимъ можно было бы согласиться. Но въ связи съ предпочтеніемъ, оказываемымъ великодушію передъ справедливостію, этотъ культъ силы, свойственный женщинамъ, если бы ему было дозволено болѣе полное выраженіе, усилилъ бы возможность попранія личныхъ правъ властями,

подъ видомъ погони за тѣмъ, что считали бы благотѣльною цѣлью.

Совсѣмъ иной вопросъ, произойдутъ-ли такія дурныя послѣдствія въ будущія времена, когда исчезнутъ существующія теперь политическія осложненія, причиняемыя нашимъ переходнымъ состояніемъ. Вполнѣ возможно, что предоставленіе женщинамъ права голоса будетъ тогда благотѣльнымъ.

Требуютъ, однако, немедленной эмансипаціи женщинъ подъ тѣмъ предлогомъ, что безъ этого онѣ не могутъ добиться законнаго признанія своихъ справедливыхъ притязаній. Опытъ не подтверждаетъ справедливости этой жалобы. Въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія разные виды неправоиспособности женщинъ были устранены при весьма маломъ сопротивленіи со стороны мужчинъ. Сравнивая поведеніе мужчинъ относительно лицъ своего пола съ поведеніемъ ихъ относительно женщинъ, придется признать очевиднымъ, что въ новѣйшія времена чувство справедливости болѣе дѣйствовало относительно второй изъ формъ поведенія. Угнетаемые классы мужчинъ должны были гораздо долѣе бороться, — прежде чѣмъ они добились отъ угнетавшихъ ихъ классовъ требуемыхъ уступокъ, — нежели женщины, когда имъ приходилось вести борьбу противъ мужчинъ своего класса, добиваясь разнаго рода вольностей. Онѣ достиглижелаемаго, хотя не имѣли политической власти, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что и дальнѣйшія несправедливости, на которыя онѣ жалуются, главнымъ образомъ относительно опеки надъ дѣтьми, по всей вѣроятности могутъ быть также устранены, не производя тѣхъ исполинскихъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ, которыхъ добиваются нѣкоторыя изъ женщинъ.

Эта вѣроятность въ сущности, достигаетъ достовѣрности, что станетъ очевиднымъ, если мы поставимъ вопросъ объ ожидаемыхъ преимуществахъ въ его простѣйшей формѣ. Когда открыто требуютъ, чтобы женщины имѣли право подачи голоса, потому что иначе онѣ не смогутъ добиться отъ мужчинъ исполненія своихъ справедливыхъ притязаній, то при этомъ въ сущности утверждаютъ, что мужчины уступятъ право голоса, зная, что вмѣстѣ съ этимъ они уступятъ и требованіямъ, хотя не хотятъ выполнить этихъ требованій самихъ по себѣ. *A*, т. е. подача голоса, влечетъ за собою выполненіе *B*, т. е. притязаній; но намъ говорятъ, что хотя мужчины отдадутъ *A + B*, они не отдадутъ *B*, само по себѣ взятое!

109. Говоря о государственномъ устройствѣ, слѣдуетъ

сказать кое-что относительно распределенія государственных повинностей, а также государственной власти. Ясно, что съ такимъ же основаніемъ можно настаивать на равномерномъ участіи въ государственныхъ расходахъ, какъ и на равномерномъ участіи въ браздахъ правленія. Съ отвлеченной точки зрѣнія, вопросъ этотъ, повидимому, не представляетъ никакой значительной трудности. Суммы, уплачиваемыя индивидуально, должны быть пропорціональны индивидуально получаемымъ выгодамъ. Насколько эти выгоды одинаковы, несомныя повинности также должны быть одинаковы и наоборотъ. Отсюда вытекаетъ различіе между государственнымъ расходомъ на охрану личности и расходомъ на имущественную охрану. Такъ какъ жизнь и личная безопасность, говоря вообще, всѣми людьми признаются за равноцѣнныя, то отсюда вытекаетъ, что тѣ государственные расходы, которые требуются заботами объ этихъ предметахъ, должны равномерно падать на всѣхъ. Съ другой стороны, такъ какъ количество имущественныхъ благъ, которыми обладаетъ съ одной стороны рабочій, а съ другой—милліонеръ, представляетъ чудовищное различіе, то отсюда вытекаетъ, что суммы, взимаемыя за охрану имущественныхъ правъ, должны представлять чудовищныя различія, должны быть пропорціональны количеству собственности, и до нѣкоторой степени зависѣть отъ ея качества. Относительно расходовъ на внутреннюю охрану, эти соображенія указываютъ приблизительно справедливую норму распределенія; но относительно внѣшней охраны, гораздо труднѣе представить себѣ справедливое распределеніе. Вторженіе непріятели угрожаетъ и имуществу и личности. Гражданина могутъ ограбить или повредить тѣлесно или въ большей или меньшей степени лишить свободы. Справедливое распределеніе зависитъ отъ относительной цѣнности, придаваемой каждою личностью всему этому; но, повидимому, невозможно никакое опредѣленіе такихъ цѣнностей, ни спеціальное, ни общее. Поэтому и слѣдуетъ сказать, что, пока существуетъ военный строй, вполне или отчасти развитый, невозможно что-либо большее, нежели грубое приближеніе къ справедливой раскладкѣ государственныхъ повинностей. Одинъ выводъ, однако, ясенъ. Государственные налоги, какъ бы пропорціонально они ни были распределены, между гражданами, должны падать на всѣхъ. Каждый пользующійся благами, проистекающими отъ правительства, долженъ платить какую-либо долю государственныхъ расходовъ, и при томъ платить

прямо, а не косвенно. Последнее требование въ высшей степени важно. Цѣль политическаго дѣятеля обыкновенно состоитъ въ томъ, чтобы собирать государственные налоги, оставляя гражданина отчасти или вполне въ неизвѣстности насчетъ вычетовъ, дѣлаемыхъ изъ его дохода. Таможенные налоги и акцизы нерѣдко отстаиваются на томъ основаніи, что съ ихъ помощью можно вытянуть у народа гораздо большій доходъ, чѣмъ можно было бы при помощи сборщиковъ податей. Но эта система, состоящая въ томъ, что украдкой собираютъ суммы, которыя трудно было бы собрать открыто, достигаетъ цѣли, къ которой не слѣдовало бы стремиться. Сопротивленіе податному обложенію, такимъ образомъ избѣгаемое, есть благодѣтельное сопротивленіе, и если бы его не избѣгать, оно положило бы надлежащій предѣлъ государственнымъ расходамъ. Если бы каждому гражданину приходилось уплачивать въ видимой и осязательной формѣ свою долю налоговъ, то сумма оказалась бы такою крупною, что всѣ стали бы настаивать на экономіи въ выполненіи необходимыхъ функций и стали бы сопротивляться ненужнымъ функциямъ; тогда какъ теперь, въ то время какъ каждому гражданину предлагаютъ извѣстныя блага, за которыя онъ платитъ незамѣтнымъ образомъ, онъ впадаетъ въ искушеніе одобрять расточительность; и его побуждаютъ принять образъ дѣйствій, безсознательно или даже сознательно нечестный, а именно—пріобрѣтать выгоды на чужой счетъ.

Въ тѣ времена, когда агитировали за расширеніе разныхъ вольностей, постоянно повторяли правило: „Податное обложеніе безъ представительнаго правленія есть грабительство“. Съ тѣхъ поръ опытъ сдѣлалъ яснымъ, что, съ другой стороны, представительное правленіе безъ прямого обложенія влечетъ за собой грабительство.

ГЛАВА XXV.

Обязанности государства.

110. Примутъ-ли читатели тѣ этическіе принципы, которые выставлены въ первыхъ главахъ, или не примутъ, во всякомъ случаѣ большинство читателей согласятся съ практическими примѣненіями, сдѣланными въ послѣдующихъ главахъ. Дѣйствительно, нѣкоторые читатели до того не тер-

пять дедуктивнаго образа мыслей, что охотно отвергли бы выводы, даже провѣренные индуктивно, если только это было бы возможно. Но въ данномъ случаѣ выводы, достигнутые дедуктивно, оказались убѣжденіями, эмпирически установленными у цивилизованныхъ людей въ широкомъ смыслѣ этого слова, и, по мѣрѣ возрастанія опыта, все болѣе и болѣе авторитетно формулированными законодательствомъ; поэтому отрицаніе здѣсь едва-ли возможно.

Но теперь намъ приходится начать разсмотрѣніе вопроса, относительно котораго мнѣнія раздѣляются. Для избѣжанія предразсудковъ противъ достигнутыхъ выводовъ, не прибѣгая къ методу, не встрѣчающему сочувствія, лучше всего избрать методъ, котораго нельзя не одобрить. Хотя этотъ методъ, самъ по себѣ взятый, не удовлетворителенъ, всѣ согласятся съ тѣмъ, что онъ хорошъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ примѣненъ здѣсь. Итакъ, начнемъ съ индуктивнаго изслѣдованія обязанностей государства.

Если бы прославленный философъ Гоббсъ, вмѣсто того, чтобы выводить свою теорію государства изъ чистаго вымысла, подготовился къ изслѣдованію путемъ удостовѣренія дѣйствительныхъ фактовъ изъ жизни первобытныхъ людей или людей, достигшихъ первой стадіи общественной жизни, то никогда не выставилъ бы своего ученія. Если бы онъ зналъ о настоящихъ дикаряхъ нѣсколько болѣе, то не написалъ бы имъ тѣхъ понятій о социальномъ порядкѣ и его выводахъ, которыя являются продуктомъ развитой общественной жизни; онъ узналъ бы также, что подчиненіе господствующей власти на первыхъ порахъ нисколько не внушается тѣми мотивами, которые имъ выставлены. Вмѣсто апріорнаго разсужденія, станемъ размышлять апостеріорно—присмотримся къ фактамъ.

121. Первый встрѣчающійся намъ фактъ состоитъ въ томъ, что гдѣ нѣтъ и не было войны, такъ нѣтъ и правительства. Мы уже указали на эскимосовъ, у которыхъ, при отсутствіи между-племенныхъ столкновеній, едва существуютъ какія-либо столкновенія между членами общества, вродѣ тѣхъ, которыя по Гоббсу неминуемо должны возникать между людьми, не находящимися подъ властью правительства. Если (что порою случается) одинъ эскимось подвергается дурному обращенію со стороны другого, то средствомъ является обращеніе къ общественному мнѣнію при посредствѣ сатирической пѣсни. Огнеземельцы, собирающіеся въ племена, въ которыхъ

числится отъ 20 до 80 душъ, не имѣютъ вождей „да повидимому вожди имъ и не нужны для общественнаго мира“ — по словамъ Уэдделя. О племени ведда мы также читаемъ, что мелкія племена раздѣляютъ между собою лѣсъ на участки и этотъ раздѣлъ „всегда честно соблюдается“. Старшина каждаго племени это просто наиболѣе вліятельный членъ общины; и по Теннанту, онъ „не пользуется никакою властью, исключая права распредѣлять въ опредѣленное время года медъ, собранный разными членами племени“. Другой фактъ состоитъ въ томъ, что если между племенами, обыкновенно миролюбивыми, происходятъ войны, то вожаки пріобрѣтаютъ преобладающее вліяніе. Въ каждомъ подобномъ случаѣ является какой-либо человѣкъ, отличающійся отъ другихъ болѣе значительною силою, мужествомъ, искусствомъ или умомъ; такой человѣкъ, такъ какъ на него вслѣдствіе этого полагаются, становится признаннымъ вождемъ. Но первоначально, какъ видно изъ примѣра тасманцевъ, человѣкъ, пріобрѣтающій такимъ образомъ преобладаніе во время войны, утрачиваетъ его по возстановленіи мира; мы видимъ тогда возвращеніе къ состоянію равенства и отсутствіе правительственной власти. Но такъ какъ войны между племенами обыкновенно становятся хроническими, то постоянно случается, что человѣкъ, какъ вождь, то въ одной войнѣ, то въ другой, пріобрѣтаетъ себѣ прочную власть. Уваженіе, ему оказываемое, простирается и на промежуточное время между войнами какъ и на военное время, и такимъ образомъ возникаетъ начало главенства. Шошоны или племя Змѣи въ С. Америкѣ, распадающееся на три отдѣла, служатъ прекраснымъ примѣромъ этого соотношенія въ общественномъ строѣ. Горныя Змѣи, племя состоящее изъ разбросанныхъ бродячихъ шаекъ, не соединяющихся между собою съ цѣлью защиты противъ враждебныхъ имъ группъ, не имѣютъ никакого правительства. У Варъ-аръ-ари-касовъ, что означаетъ „рыбоѣдовъ“, нѣтъ и слѣда соціальной организаціи „исключая времени улова лососей“, когда они „отправляются ватагами къ рѣкамъ и у нихъ является на время кто-либо, кого именуютъ старшиной“ — его совѣтамъ скорѣе слѣдуютъ добровольно, чѣмъ повинуются. Далѣе слѣдуетъ племя Шерри-дика: они охотятся за буйволами, лучше вооружены и обнаруживаютъ болѣе опредѣленное главенство вождя, хотя власть все еще зависитъ отъ „личнаго мужества вождя“ и легко передается другому лицу. У команчей, сравнительно воин-

ственныхъ, вожди имѣютъ болѣе власти, хотя ихъ должность не наследственна, но вытекаетъ изъ „превосходства хитрости, знанія или военнаго успѣха“. Начиная съ этихъ стадій и подвигаясь все выше, мы можемъ прослѣдить происхожденіе опредѣленнаго главенства, какъ спутника хронической вражды съ другими племенами.

Третій фактъ состоитъ въ томъ, что тамъ, гдѣ предприимчивый вождь покоряетъ на войнѣ сосѣднія племена и, посредствомъ послѣдовательныхъ завоеваній, образуетъ болѣе прочно установленное общество, его верховенство становится вполне прочнымъ, а на-ряду съ усиленіемъ его власти, воля его оказывается принудительною и въ другихъ дѣлахъ, кромѣ военныхъ. Когда, посредствомъ этого процесса, образуются націи, а вожди становятся королями, правительственная власть, становясь деспотичною, въ то же время становится совмѣстною съ соціальною жизнью. Все же слѣдуетъ замѣтить, что король прежде всего является военнымъ вождемъ. Лѣтописи египтянъ и ассирійцевъ, наравнѣ съ хрониками европейскихъ народовъ, показываютъ, что правитель первоначально является главнымъ вождемъ.

Затѣмъ, обобщая нѣсколько маловажныхъ фактовъ подъ общей рубрикой, мы видимъ, что тамъ, гдѣ, какъ, напр., у новѣйшихъ націй, глава государства болѣе не командуетъ арміями въ сраженіяхъ, но передаетъ эту обязанность другому лицу, онъ все же номинально является воиномъ и получаетъ военное или флотское воспитаніе. Въ республикахъ является гражданское главенство, но и оно легко превращается опять въ военное. Требуется лишь продолжительная война для того, чтобы превратить правительственную власть въ ея первичный типъ военной диктатуры.

Эта индукція дѣлаетъ несомнѣнною ту истину, что правительство возникаетъ и развивается при посредствѣ оборонительной и наступательной дѣятельности даннаго общества, направленной противъ другихъ обществъ. Первичная функція государства или того учрежденія, въ которомъ централизованы силы государства, это функція, направляющая соединенныя дѣятельности личностей, входящихъ въ составъ государственнаго тѣла, когда это необходимо на войнѣ. Первою обязанностью правящей власти является національная защита. То, что можно счесть мѣрами для поддержанія между-племенной справедливости, имѣетъ болѣе повелительный характеръ и наступаетъ раньше, нежели мѣры для поддержанія справедливости между личностями.

112. Итакъ, въ то время, какъ мы видимъ, что подчиненіе гражданъ правителямъ первоначально не имѣетъ цѣли,

подобной той, которую вообразилъ Гоббсъ, мы видимъ также, что въ теченіе долгаго времени не является даже ни малѣйшей попытки для выполненія подобной цѣли. Многія простыя общества существуютъ продолжительно, а многія сложныя общества существовали въ теченіе долгихъ періодовъ, безъ того, чтобы правитель предпринималъ какія-либо мѣры для предупрежденія нападеній однихъ членовъ общества на другихъ.

Хотя необходимость согласной дѣятельности противъ враговъ племени очевидна и повелительна, и хотя это побуждаетъ къ повиновенію вождю, однако не существуетъ никакой очевидной необходимости для защиты одного изъ членовъ племени противъ другого. Опасность для блага племени либо не признается, либо не считается достаточно великою для того, чтобы вызвать вмѣшательство. Пока не было никакого главенства, и въ эпохи, пока главенство существовало лишь на время войны, каждый членъ племени поддерживалъ свои собственные притязанія, какъ умѣлъ. Когда онъ испытывалъ обиду, то мстилъ обидчику, какъ умѣлъ. Это грубое отправленіе правосудія, вродѣ того, что мы видимъ у стадныхъ животныхъ и у первобытныхъ ордъ, являясь признаннымъ обычаемъ раньше существованія какого бы то ни было политическаго закона, на долгое время переживало установленіе политическаго законодательства, — какъ обычай, усвоенный отъ предковъ и освященный преданіемъ. Поэтому во всѣхъ древнихъ обществахъ мы находимъ въ полной силѣ законъ частнаго возмездія (*lex talionis*) — то независимый отъ правителя, то признаваемый правителемъ.

Начиная съ сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, мы видимъ, что индѣйцы племени Змѣи, а также крики и дакоты отомщали за частныя обиды, при чемъ мстили за себя сами обиженные или члены ихъ семейства. У команчей система возмездія была обычною, хотя племенные совѣты порою безуспѣшно вмѣшивались. У ирокезовъ, хотя существовало сравнительно развитое правительство, дозволялось частное мщеніе за обиды. Точно также въ Ю. Америкѣ племена уаупе, патагонцы и арауканцы могутъ быть указаны, какъ обнаруживающіе болѣе или менѣе замѣтныя степени политическаго подчиненія, совмѣщающагося съ первичнымъ отправленіемъ правосудія каждою отдѣльною личностью за себя или же членами семьи за него. Въ Африкѣ, гдѣ мы видимъ народы на разныхъ ступеняхъ развитія, встрѣчаются различныя смѣшанныя формы тѣхъ или другихъ системъ.

Бечуанскій король или вождь мало пользуется своей властью карать за какія-либо преступленія, кромѣ тѣхъ, которыя направлены противъ него или его слугъ. У восточныхъ афри-

канцевъ оскорбленный порою самъ мститъ за себя, порою жалуется вождю. Нѣкоторыя племена береговыхъ негровъ имѣютъ судебныя наказанія, тогда какъ у другихъ убійство отомщается родственниками умершаго.

Общезвѣстно, что аналогичное положеніе дѣлъ существовало у арійскихъ племенъ, населявшихъ въ старину Европу. Частное мщеніе и общественное наказаніе смѣшивались въ разной пропорціи: одно убывало, а другое возрастало, по мѣрѣ достиженія высшей стадіи. Кембль говоритъ: «Право частной мести лежитъ въ основаніи всякаго тевтонскаго законодательства; каждый свободный (фримэнъ) воленъ защищать себя самого и друзей и отомщать за всѣ причиненныя имъ бѣдствія». Въмѣсто того, чтобы, какъ на первыхъ порахъ, быть своимъ собственнымъ судьей относительно предѣловъ возмездія, обиженный теперь удерживается въ предѣлахъ, возлагаемыхъ на него обычаемъ, и является установленная норма вознагражденія за обиды, измѣняющаяся смотря по сословію. Когда политическая власть достигаетъ силы, то первымъ шагомъ является принужденіе къ уплатѣ обычной пени, а въ случаѣ несостоятельности дозволяется частное возмездіе. «Да будетъ пеня уплачена родственникамъ, иначе да будетъ отомщено войною». На этой переходной стадіи, которую можно прослѣдить у нѣкоторыхъ изъ германскихъ племенъ, судя по первымъ описаніямъ ихъ, часть вознагражденія доставалась понесшему обиду человѣку или семьѣ, тогда какъ другая часть шла въ пользу правителя. Въ эпоху феодализма система частнаго удовлетворенія обидъ медленно уступала мѣсто публичному удовлетворенію, лишь по мѣрѣ усиленія центрального правительства. Право частной войны между дворянами сохранялось у насъ до XII—XIII в., а во Франціи даже позднѣе. Такъ глубоко укоренено было это право, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ феодальныя владѣльцы считали для себя позорнымъ поддерживать свои права какимъ-либо инымъ образомъ, нежели силою оружія. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить продолжительное переживаніе судебныхъ и частныхъ поединковъ.

Факты эти должны быть рассмотрѣны здѣсь еще съ двухъ другихъ точекъ зрѣнія. Первичная функція правительства состоитъ въ соединеніи дѣятельности личностей съ военными цѣлями, тогда какъ защита членовъ общества другъ отъ друга есть вторичная цѣль, достигаемая постепенно; но эта вторичная функція возникаетъ путемъ дифференціаціи изъ первичной. Даже на наиболѣе раннихъ стадіяхъ развитія частное удовлетвореніе обидъ является отчасти дѣломъ обиженного, частью же дѣломъ семьи или родственниковъ. Прогрессъ, приводящій къ развитію семейной организаціи, въ то самое

время, какъ онъ приводитъ къ соединенію группъ семействъ или классовъ въ общество, служить причиною развитія ученія о семейной отвѣтственности. Другими словами, частныя войны между семейными группами становятся той же природы, какъ и войны между обществами, и насильственное утвержденіе частной справедливости родственно насильственному утвержденію междуплеменной справедливости. Отсюда является мысль, кажущаяся намъ такою странною, а именно, что если членъ одной какой-либо группы былъ убитъ, то членъ группы, къ которой принадлежитъ убійца, также долженъ быть убитъ, причемъ безразлично, будетъ-ли жертвою самъ убійца или нѣтъ. Группа получаетъ эквивалентный ущербъ, а это и есть существенное требованіе.

Другая замѣчательная черта состоитъ въ томъ, что это грубое утвержденіе справедливости путемъ частныхъ войнъ превращается въ общественное отправленіе правосудія не по причинѣ заботы правителя поддержать справедливыя отношенія, но въ гораздо большей степени по причинѣ его заботы предупредить то ослабленіе общества, которое должно быть причинено внутренними раздорами. Идетъ-ли рѣчь о первобытномъ вождѣ или объ атаманѣ разбойничьей шайки, вождь долженъ предупреждать драки между своими пособниками. То, что здѣсь проявляется въ малой степени, обнаруживалось въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, когда въ феодальныя времена короли запрещали частныя войны между дворянами въ эпохи международныхъ войнъ. Очевидно, что желаніе короля поддержать общественный порядокъ, приводящій къ боевой готовности, содѣйствуетъ практикѣ посредничества между враждующими подданными; очевидно также, что жалобы, съ которыми обращаются обиженные, признавая тѣмъ самымъ власть короля и получая удовлетвореніе на этомъ основаніи, — такія жалобы стремятся все болѣе и болѣе утвердить его судебную и законодательную власть.

Разъ установленная, эта вторичная функція государства продолжаетъ развиваться и становится функціей, второю по значенію, по сравненію съ функціей защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Истина, которую здѣсь слѣдуетъ особенно подчеркнуть, состоитъ въ томъ, что въ то время какъ другіе роды правительственной дѣятельности убываютъ, этотъ родъ ея усиливается. Военныя дѣятельности могутъ постепенно ослабѣвать, а политическая дѣятельность можетъ отказаться отъ разныхъ регламентацій, прежде постигавшихъ гражданъ. Но по мѣрѣ развитія цивилизаціи, отправленіе правосудія продолжаетъ расширяться и становится болѣе дѣятельнымъ.

113. Теперь, достигнувъ этихъ выводовъ индуктивно, посмотримъ, нельзя-ли достичь соответственныхъ выводовъ пу-

темъ дедукціи. Посмотримъ, нельзя-ли изъ природы людей, какъ соціально обусловленной, вывести, что объ эти обязанности государства имѣютъ существенное значеніе.

Въ началѣ было показано, что благосостояніе любого вида достигается соотвѣтствіемъ съ двумя противоположными принципами, соотвѣтственно приспособленными къ юному и къ взрослому состоянію. Въ одномъ случаѣ, получаемыя выгоды обратно пропорціональны достоинству, въ другомъ—прямо пропорціональны. Обращая вниманіе на послѣдній изъ этихъ принциповъ, какъ теперь единственно насъ касающійся, мы ясно видимъ, что поддержаніе тѣхъ условій, при которыхъ усилія каждаго человѣка получаютъ надлежащее вознагражденіе, въ общественной жизни встрѣчаютъ помѣху отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Слѣдствіе то, что для блага вида или, въ данномъ случаѣ, для блага общества, эти условія должны быть поддерживаемы надлежащимъ примѣненіемъ силы; а для примѣненія такой силы требуется корпоративная дѣятельность общества—повелительная въ одномъ случаѣ и приблизительно повелительная въ другомъ. Подчиняться такому примѣненію силы граждане, вообще говоря (исключая преступниковъ), имѣютъ полное основаніе. Присмотритесь къ ихъ мотивамъ.

Возможность утраты жизни и та частная потеря свободы, которая постигаетъ солдатъ, а также тѣ вычеты изъ заработковъ, которые падаютъ на другихъ гражданъ, вынужденныхъ содержать армію,—все это признается всѣми справедливымъ, какъ средство для достиженія высшей цѣли, а именно возможности продолжать всѣ вообще дѣятельности и пользоваться ихъ плодами. Часть приносится въ жертву ради обезпеченія остального. Поэтому здѣсь каждый молчаливо одобряетъ требуемое принужденіе, проявляемое государствомъ.

Хотя потребность въ корпоративной охранѣ противъ внутреннихъ враговъ чувствуется менѣе настоятельно, однако, по причинѣ преслѣдованія каждымъ своихъ цѣлей возникаетъ желаніе пользоваться такой охраной. Такъ какъ въ каждомъ обществѣ мало членовъ сравнительно сильныхъ, а много сравнительно слабыхъ, то случается, что въ большинствѣ случаевъ чисто личное удовлетвореніе обидъ неосуществимо. Если, кромѣ помощи родныхъ и друзей, часто недостаточной, можно приобрести содѣйствіе кого-либо болѣе могущественнаго, то въ такомъ случаѣ стоитъ купить эту помощь, сначала помощью подкупа, затѣмъ посредствомъ дани. Наконецъ, всѣ находятъ наиболѣе подходящимъ платить за охрану, нежели терпѣть насилія. Такимъ образомъ, эти первичныя и вторичныя обязанности государствъ подразумѣваются тѣми основными потребностями, которыя испытываются людьми,

живущими въ обществѣ. Люди эти всѣ порознь желаютъ жить, продолжать свои дѣятельности и пожинать плоды. У всѣхъ имѣются мотивы для того, чтобы поддерживать противъ внѣшнихъ враговъ условія, при которыхъ эти цѣли могутъ быть выполнены, и всѣ, кромѣ обидчиковъ того или иного рода, имѣютъ основанія поддерживать эти условія противъ внутреннихъ враговъ. Отсюда одновременно возникаетъ обязанность государства и государственная власть.

114. Если эти обязанности возлагаются на государство, то государство обязано принимать такія мѣры, которыя необходимы для успѣшнаго выполненія ихъ. Каждый согласится съ тѣмъ, что необходимо принимать оборонительныя мѣры, достаточныя для предупрежденія угрожающихъ опасностей. Даже въ томъ случаѣ, когда нападеніе со стороны внѣшнихъ враговъ не представляется вѣроятнымъ, то необходимо поддерживать силы, достаточныя для отраженія нападенія, такъ какъ полная неподготовленность можетъ навлечь нападеніе. Хотя въ Европѣ въ нашу эпоху нѣтъ надобности предупреждать безцеремонныя вторженія грабящихъ ордъ, однако готовность, выражаемая такъ называемыми цивилизованными народами набрасываться другъ на друга съ огромными арміями, изъ-за пустячнаго вызова, дѣлаетъ очевиднымъ, что даже наиболѣе передовыя націи не могутъ, оставаясь въ предѣлахъ благоразумія, довѣрять сосѣдямъ. Какое количество войска необходимо для безопасности, это, разумѣется, зависитъ отъ обстоятельствъ, являясь въ каждомъ данномъ случаѣ дѣломъ, подлежащимъ обсужденію.

Необходимость поддержки такой организаціи, которая необходима для должнаго выполненія первой обязанности государства, оказывается общепризнанною. Иное дѣло поддержка такого устройства, которое необходимо для выполненія второй изъ указанныхъ обязанностей. Какъ мы видѣли выше, защита гражданъ другъ отъ друга, первоначально не относящаяся къ заботамъ государства, становится лишь постепенно его обязанностью; даже въ наиболѣе цивилизованныхъ обществахъ отправленіе этой обязанности до сихъ поръ не полно и всецѣлое усвоеніе ея государствомъ отрицается. Я, разумѣется, не желаю сказать, что отвѣтственность государства за охрану гражданъ противъ обидчиковъ признается преступною, не допускается и не выполняется; я хочу сказать, что и само государство не беретъ на себя, и граждане не допускаютъ, чтобы государство несло какую-либо отвѣтственность за охрану ихъ отъ обидчиковъ, нарушившихъ такъ называемое гражданское право. Если кого-либо сильно ударили, онъ зоветъ полицію, которая беретъ его сторону и наказываетъ обидчика; но если его недобросовѣстно разорили,

то блюстители правосудія остаются глухими, предоставляя ему или потерпѣть потерю, или подвергнуться опасности дальнѣйшей и, быть можетъ, болѣе крупной потери при веденіи тяжбы, причѣмъ еще можетъ потребоваться апелляція во второй инстанціи.

Не только юристы, но и большинство прочихъ людей защищаютъ такое положеніе дѣлъ. Смѣются надъ предложеніемъ, чтобы государство отправляло правосудіе даромъ по гражданскимъ дѣламъ, какъ это уже принято для дѣлъ уголовныхъ. Впрочемъ, вообще принято насмѣхаться надъ всякимъ болѣе справедливымъ устройствомъ, прежде чѣмъ успешное примѣненіе не докажетъ его полной пригодности. Утверждаютъ, что если бы государство посредничало между гражданами даромъ, то суды были бы до того запружены дѣлами, что конца не было бы по причинѣ отсрочекъ, не говоря уже о чудовищныхъ расходахъ, которые понесла бы страна. Но это возраженіе основано на ложномъ допущеніи, будто, при перемѣнѣ одной вещи, другія вещи останутся неизмѣнившимися. Предполагается, что если бы правосудіе было обезпечено и ничего не стоило, то число правонарушеній было бы такъ же велико, какъ и теперь, когда оно не обезпечено и влечетъ за собою большіе расходы! На самомъ дѣлѣ, огромное большинство гражданскихъ правонарушеній являются послѣдствіями неудовлетворительнаго отправленія правосудія: они никогда бы не были совершены, если бы наказаніе было несомнѣннымъ.

Но когда мы присмотримся къ этому, то изумительнымъ покажется намъ предложеніе, на которомъ основано подобное возраженіе, а именно, что многіе граждане должны молчаливо переносить свои гражданскіе убытки или же рисковать разореніемъ, если вздумаютъ возстановлять свои права; и все это потому, что государство, которому они уплатили значительныя суммы въ видѣ налоговъ, не должно трудиться и нести расходовъ на защиту ихъ! Общественное зло при отправленіи этой обязанности было бы такъ велико, что лучше, чтобы безчисленные граждане подвергались опасности обѣднѣнія, а многіе — и полнаго разоренія. А между тѣмъ, при посредствѣ своихъ мѣстныхъ агентовъ, государство наблюдаетъ даже надъ тѣмъ, чтобы помойныя ямы были въ порядкѣ.

115. Надо указать еще одну обязанность государства, косвенно включенную въ предыдущую, хотя и отличимую отъ нея и приводящую къ особаго рода слѣдствіямъ. Рѣчь идетъ объ обязанностяхъ государства относительно населенной территоріи.

Для пользованія какой-либо землей, исключая той, которая уже занята (съ молчаливаго согласія общества, при посредствѣ

правительства), требуется дозволеніе государства. Въ роли повѣреннаго за націю, государство должно рѣшить, выгодно-ли предположенное предпріятіе—дорога, каналъ, желѣзнодорожный путь, докъ и т. п., настолько способное измѣнить данный участокъ земли, что онъ станетъ негодномъ для обычныхъ цѣлей. И если выгодно, то достаточно-ли его общепольность для того, чтобы дозволить отчужденіе? Должно также назначить условія, безобидныя для того, кто вкладываетъ капиталъ въ предпріятіе; слѣдуетъ въ то же время оградить интересы нынѣшняго общества и принять во вниманіе интересы будущихъ поколѣній, которыя явятся впоследствии верховными обладателями территоріи. Для выполненія этихъ различныхъ цѣлей, справедливымъ, повидимому, было бы не отчужденіе требуемаго участка навсегда и не безцеремонное нарушеніе договора государствомъ по произволу, какъ дѣлается теперь, но отчужденіе на опредѣленный срокъ, при чемъ предполагается, что условія могутъ быть пересмотрѣны вновь по окончаніи этого срока. При отправленіи своихъ обязанностей въ качествѣ повѣреннаго, правящее установленіе должно имѣть въ виду еще одинъ видъ контроля, сходный, но не тождественный съ первымъ. Если не само государство, то его мѣстные представители должны запрещать или дозволить порчу улицъ, дорогъ и другихъ общественныхъ мѣстъ ради проведенія воды, газа, телеграфныхъ проволокъ и т. п., или ради починки такихъ проводовъ. Это требуется для охраны каждаго и всѣхъ противъ насильственныхъ дѣйствій отдѣльныхъ членовъ общества или общественныхъ группъ.

Въ достаточной мѣрѣ ясно, что подобныя же соображенія требуютъ государственнаго надзора за рѣками, озерами и др. внутренними водами, а также за ближайшей частью моря. Пользованіе водами и ихъ богатствами по справедливости можетъ подлежать такимъ ограниченіямъ, какихъ потребуютъ интересы верховнаго собственника, а именно общества.

116. Спрашивается теперь, каковы же эти государственныя обязанности, разсматриваемыя съ самой общей точки зрѣнія? Что должно дѣлать общество, какъ корпоративное цѣлое, для своихъ членовъ, какъ индивидовъ? Отвѣтъ можетъ быть данъ различными способами.

Благосостояніе вида всего лучше поддерживается, если изъ взрослыхъ каждый испытываетъ благія или дурныя послѣдствія своей собственной природы и вытекающаго отсюда поведенія. У стадныхъ видовъ выполненіе этого условія подразумѣваетъ, что особи не должны настолько мѣшать другъ другу, чтобы препятствовать полученію каждою изъ нихъ благъ, естественно доставляемыхъ ей ея дѣятельностью, или чтобы заставить другихъ перенести то зло, которое есте-

ственно накликала его дѣятельность. Основной законъ жизни вида, насколько она ограничена социальными условіями, долженъ быть поддерживаемъ социальнымъ агрегатомъ, или гражданскимъ строемъ.

Это существенное требованіе должно поддерживаться всѣми для cadaго, такъ какъ каждый порознь не можетъ съ успѣхомъ поддерживать его для себя. Онъ не можетъ самъ по себѣ изгонять внѣшнихъ враговъ, и въ среднемъ, его сопротивленіе внутреннимъ врагамъ, если оно оказано имъ самимъ или же съ помощью немногихъ, — безуспѣшно или же опасно, или стоитъ слишкомъ дорого, или составляетъ трату времени или, наконецъ, соединяетъ всѣ эти неудобства. Къ этому слѣдуетъ добавить, что всеобщая самозащита подразумѣваетъ хроническій антагонизмъ, либо дѣлающій невозможнымъ сотрудничество, либо въ значительной мѣрѣ препятствующій кооперации и вытекающимъ изъ нея жизненнымъ удобствамъ. Поэтому, при разграниченіи вещей, которыя должны быть произведены корпоративною дѣятельностью, и тѣхъ, которыя должны вытекать изъ индивидуальной дѣятельности, становится яснымъ, что произведетъ-ли корпоративная дѣятельность что-либо сверхъ этого или нѣтъ, во всякомъ случаѣ ею можно справедливо пользоваться для предупрежденія всякихъ такихъ помѣхъ для индивидуальной дѣятельности, которыя выходятъ за предѣлы, требуемые самимъ общественнымъ состояніемъ. Каждый гражданинъ желаетъ жить и настолько полною жизнью, насколько это дозволяется окружающимъ. Такъ какъ таково всеобщее желаніе, то отсюда вытекаетъ, что всѣ, пользующіеся соединеннымъ контролемъ, заинтересованы, чтобы каждый, кто не терпитъ нарушенія соотношенія между своими собственными дѣйствіями и цѣлями, не нарушалъ этого соотношенія для другихъ лицъ. Граждане, какъ корпоративное цѣлое, должны поддерживать условія, при которыхъ каждый можетъ достигъ полнѣйшей жизни, какая только совмѣстима съ наивысшею полнотою жизни его согражданъ.

Имѣетъ-ли государство другія обязанности, это вопросъ, подлежащій теперь обсужденію. Между этими существенными функциями и всѣми другими есть различіе, которое, хотя и не можетъ быть проведено во всѣхъ случаяхъ съ точностью, все же рѣзко отмѣчено. Поддерживать въ цѣлости условія, при которыхъ можетъ быть продолжена жизнь, есть дѣло, существенно отличающееся отъ вмѣшательства въ самую жизнь, путемъ-ли помощи личности или путемъ направленія ея дѣятельности или же путемъ обузданія. Мы сначала зададимся вопросомъ, дозволяетъ-ли справедливость государству взять на себя еще это дѣло; затѣмъ изслѣдуемъ, совпадаютъ-ли политическія соображенія съ соображеніями справедливости.

ГЛАВА XXVI.

Предѣлы государственныхъ обязанностей.

117. Въ тѣ древнія эпохи, когда семья и государство еще не были дифференцированы, естественно возникла теорія отеческаго правленія. Члены группы «сдерживались общимъ повиновеніемъ старѣйшему въ родѣ, отцу, дѣду или прадѣду». Если оставить въ сторонѣ тѣ еще древнѣйшія социальныя группы, которыхъ сэръ Генри Мэнъ вовсе не принимаетъ во вниманіе, то мы можемъ принять его обобщеніе, что у арійцевъ и семитовъ деспотическая власть отца надъ дѣтьми, болѣе или менѣе остающаяся и тогда, когда его дѣти становятся главами семействъ и даже когда этого достигаютъ внуки—такая власть придавала общій характеръ контролю, господствующему надъ всѣми членами группы. Когда такимъ образомъ возникаетъ идея правительства, она неизбежно входитъ также въ составъ идеи той правительственной власти, которая устанавливается, какъ только сложныя семьи превращаются въ общины; и эта идея еще сохраняется, когда многія изъ такихъ мелкихъ общинъ, не связанныхъ кровнымъ родствомъ или же представляющихъ лишь дальнее родство, скрѣпляются въ болѣе крупныя общества.

Возникающая такимъ образомъ теорія отеческаго правительства молчаливо утверждаетъ свойства неограниченнаго образа правленія.

Деспотическій контроль отца простирается на всѣ акты его дѣтей, и такъ какъ патріархальное правительство возникаетъ изъ этого обычая, то естественно, что и оно простирается на цѣлую жизнь подданныхъ. Патріархальная стадія была такою, что различія и ограниченія здѣсь еще не возникли, и группа сохраняла нѣчто подобное своему первоначальному устройству, имѣя въ общемъ одного родоначальника и обладая, если не вполне сообща, то все же на началахъ общиннаго владѣнія, населенной землей и ея произведеніями; пока это было такъ, понятіе о правительствѣ, какъ вполне неограниченномъ по компетенціи, было, быть можетъ, наилучшимъ образомъ приспособлено къ потребностямъ общества.

Но эта социальная идея, подобно древнимъ религіознымъ идеямъ, переживаетъ или постоянно появляется вновь, при условіяхъ, совершенно несходныхъ съ тѣми, къ которымъ она была приспособлена. Понятіе объ отеческомъ правленіи поддерживается смутно-сентиментальнымъ образомъ, безъ какой-либо опредѣленной попытки усвоить его истинное значеніе,

а слѣдовательно и безъ того, чтобы замѣтить непримѣнимость этого понятія къ развитымъ обществамъ.

Дѣйствительно, ни одна изъ чертъ отеческаго правленія, какъ оно первоначально возникло, не существуетъ теперь; да это и невозможно. Замѣьте контрасты.

Отеческая власть обыкновенно подразумеваетъ право собственности на средства, которыми кормятся дѣти и другія зависимыя лица; нѣчто подобное такому праву собственности продолжалось при патриархальной формѣ правленія. У развитыхъ націй не только эта черта отсутствуетъ, но является противоположная ей. Правительственный органъ теперь не кормитъ тѣхъ, къ которымъ она управляетъ; наоборотъ, управляемые доставляютъ содержаніе агентамъ правительства.

При отеческомъ правленіи, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, обладатель власти, будучи обладателемъ также и всего прочаго, оказывался въ одно и то же время и благодѣтелемъ для дѣтей, и лицомъ ихъ контролирующимъ, тогда какъ новѣйшее правительство, помимо его власти, главнымъ образомъ врученной ему тѣми, которые, по предположенію, замѣщаютъ дѣтей,—вообще не можетъ быть благодѣтелемъ, но должно получать отъ дѣтей средства, позволяющія ему сдѣлать для нихъ что-либо. Далѣе, въ простыхъ и сложныхъ семейныхъ группахъ существуетъ приближеніе къ тождеству интересовъ между управляющими и управляемыми.

Узы кровнаго родства проникаютъ такъ далеко, что обезпечиваютъ регулирующую дѣятельность, приводящую къ всеобщему благосостоянію. Но въ передовыхъ обществахъ въ политическія отношенія не входятъ никакія подобныя эмоціи, вродѣ тѣхъ, которыя возникаютъ изъ семейныхъ и родственныхъ чувствъ; въ этихъ обществахъ нѣтъ чувства, препятствующаго своекорыстію правящаго,—идеть-ли рѣчь о королѣ, объ олигархіи или о такой демократической республикѣ, каковы Соединенные Штаты. Далѣе, рассматриваемая параллель не выдерживаетъ критики, если принять во вниманіе знаніе и мудрость. Когда рѣчь идетъ о первичной отеческой власти и о патриархальной власти, изъ нея вытекающей, то обыкновенно мы видимъ болѣе обширный опытъ и болѣе глубокую проницательность, чѣмъ у потомковъ, управляемыхъ этою властью.

Но въ развитыхъ обществахъ не существуетъ никакого подобнаго контраста между умственнымъ превосходствомъ тѣхъ, которые, по предположенію, занимаютъ мѣсто отца, и умственными недостатками тѣхъ, кто, по предположенію, занимаетъ мѣсто дѣтей. Наоборотъ, среди тѣхъ, кого въ переносномъ смыслѣ слова называютъ дѣтьми, существуютъ многіе и лучше освѣдомленные, и умственно сильнѣйшіе, нежели

правитель, или правители во множественномъ числѣ, смотря по условію. И тамъ, гдѣ правительство многоголово, и гдѣ такъ называемыя дѣти его могутъ выбирать въ своей средѣ лицъ, образующихъ это правительство, эти дѣти обыкновенно пренебрегаютъ наилучшими людьми: въ результатѣ отзывается, что въ такомъ многоголовомъ правленіи дѣйствуетъ не столько коллективная мудрость, сколько коллективная глупость; отношенія отца къ сыну здѣсь еще разъ извращаются. Стало быть, та теорія функцій государства, которая опирается на этотъ воображаемый параллелизмъ, радикально ложна. Единственнымъ оправданіемъ аналогіи между отцомъ и дѣтьми, съ одной стороны, и правительствомъ и народомъ, съ другой—является дѣтство народа, поддерживающаго эту аналогію.

118. И вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить такое понятіе объ обязанностяхъ государства, которое родственно предыдущему, но постепенно отъ него уклоняется. Рѣчь идетъ о понятіи, вытекающемъ изъ опыта относительно тѣхъ государственныхъ дѣятельностей, которыя необходимы для веденія войнъ, бывшихъ до недавняго времени главными дѣятельностями государства.

Въ социальныхъ группахъ типовъ, предшествующихъ патриархальному типу, главенство устанавливается частыми войнами: въ патриархальной же группѣ, военный вождь обыкновенно является въ то же время и главою государства. Это тожество, продолжаясь въ теченіе послѣдовательныхъ стадій, опредѣляетъ природу правительства въ широкомъ смыслѣ слова.

Для того, чтобы люди могли быть хорошими воинами, они должны не только подчиняться одни другимъ, смотря по рангу, и не только подвергнуться военному обученію, но даже ихъ ежедневныя привычки должны быть регулируемы такъ, чтобы привести къ успѣшному результату. Болѣе этого: король-солдатъ, рассматривающій все общество, какъ группу, отъ которой слѣдуетъ брать солдатъ и припасы, распространяетъ свой контроль на всю жизнь своихъ подданныхъ. А такъ такъ народы, вообще говоря, были (а многіе изъ нихъ и теперь остаются таковыми) въ большинствѣ случаевъ воинственными, то это понятіе о правительственной власти, съ сопровождающимъ его понятіемъ объ обязанности государства, было почти всеобщимъ. Въ наиболѣе воинственномъ изъ греческихъ государствъ, въ Спартѣ, приготовленіе къ войнѣ было дѣломъ жизни, и вся жизнь была регулирована въ виду этой подготовки. Хотя въ Афинахъ не было приложено такихъ усилій къ выполненію этой цѣли, однако, существовало признаніе, что эта цѣль является главнѣйшею.

Идеальная республика Платона была такова, что въ ней,

посредствомъ воспитанія, граждане должны были формироваться по одному образцу, чтобы стать годными для социальнихъ цѣлей, изъ которыхъ главною была національная защита; и эта власть корпоративной группы надъ ея членами доходила до того, что регулировала даже дѣторожденіе, посредствомъ подбора родителей и надлежащаго приспособленія ихъ возрастовъ. Точно также въ «Политикѣ» Аристотеля утверждается, что воспитаніе должно быть изъято изъ попеченія родителей, и что различные классы гражданъ, различнымъ образомъ воспитанные, должны соотвѣтственно быть приспособлены къ общественнымъ нуждамъ; законодателю предоставляется также власть регулировать браки и рождаемость дѣтей. Такимъ образомъ, понятіе о правительственныхъ функціяхъ, развитое военною дѣятельностью и пригодное для арміи, становится понятіемъ о государственныхъ функціяхъ въ широкомъ смыслѣ слова.

Здѣсь, какъ и раньше, мы видимъ, что идеи, чувства и нравы, приспособленные къ раннимъ стадіямъ развитія, переживаютъ въ позднѣйшія стадіи, къ которымъ они болѣе не приспособлены, и извращаютъ господствующія убѣжденія и дѣятельности. Дѣйствительно, многіе полагаютъ, что понятіе о государственныхъ обязанностяхъ, бывшее пригоднымъ для греческихъ обществъ, остается пригоднымъ и для новѣйшихъ обществъ. Хотя наилучшая социальная организація, какъ ее понималъ Сократъ и какую одобрилъ Платонъ, состояла въ томъ, что промышленные классы должно быть абсолютно подчинены классамъ, стоящимъ выше ихъ,—хотя въ своей «Политикѣ» Аристотель, признавая семью нормально состоящею изъ свободныхъ и рабовъ, училъ, что въ наилучшимъ образомъ устроенномъ государствѣ ни одинъ ремесленникъ не долженъ быть гражданиномъ, а всѣ земледѣльцы должны быть рабами—тѣмъ не менѣе полагаютъ, что мы можемъ съ успѣхомъ усвоить сопутствующую этому взгляду теорію объ обязанностяхъ государства! Человѣкъ, у котораго понятія о справедливомъ и несправедливомъ выражаются въ убѣжденіи, что для ремесленника или слуги невозможна добродѣтель, признается учителемъ, чьи понятія о справедливомъ и несправедливомъ въ общественныхъ дѣлахъ могутъ служить намъ руководствомъ! Полагаютъ, что идеи, пригодныя для общества, организованнаго по типу принудительнаго строя (*status*), пригодны для общества, организованнаго на договорныхъ началахъ! Политическая этика, принадлежащая къ системѣ принудительной кооперации, примѣняется также къ системѣ добровольной кооперации!

119. Существуетъ, правда, то оправданіе, что до извѣстной степени у насъ самихъ, а въ гораздо большей степени у

народовъ континента, военная жизнь, въ возможности, если не въ дѣйствительности, все еще образуетъ такую значительную, а во многихъ случаяхъ такую огромную часть социальной жизни, что дѣлаетъ эти традиціональныя ученія пригодными.

Компромиссъ между старымъ и новымъ, всегда необходимый на практикѣ, долженъ быть достигнутъ также и въ теоріи; такъ какъ теорія, въ среднемъ, должна примѣняться къ практикѣ. Стало быть, безспорно, что можно вообще поддерживать убѣжденіе, въ силу котораго правительственная дѣятельность должна подвергаться нѣкоторымъ повелительнымъ ограниченіямъ.

Ученіе объ ограниченіи сферы, внутри которой только и можетъ быть справедливо примѣненъ правительственный контроль, это ученіе естественно для мирнаго и промышленнаго типа общества при полномъ его развитіи; оно не естественно ни для военнаго типа, ни для типовъ, промежуточныхъ между военнымъ и промышленнымъ. Справедливыя отношенія между обществомъ и составляющими его единицами не могутъ существовать во времена, когда общество и его единицы, совместно и порознь, причиняютъ несправедливости за границей. Люди, по найму идущіе стрѣлять другихъ людей, не справляясь, на чьей сторонѣ правда, это не такіе люди, которые могли бы организовать справедливыя общественныя учрежденія. Пока европейскія націи дѣлятъ между собою части земли, населенныя низшими народами, проявляя циничный индифферентизмъ къ притязаніямъ этихъ народовъ, до тѣхъ поръ глупо ожидать, чтобы у каждой изъ этихъ націй правительство питало такія нѣжныя отношенія къ притязаніямъ личностей, чтобы испугаться и не предпринять той или иной мнимо-политической мѣры. Пока возможность совершать завоеванія за границей, какъ полагаютъ, даетъ право на захваченныя земли, внутри государства, безъ сомнѣнія, должно упорно держаться ученіе, что парламентскій актъ можетъ сдѣлать все, что угодно, т. е. что коллективная воля можетъ справедливымъ образомъ навязать себя волѣ личностей безъ всякаго ограниченія.

Можно, правда, съ основаніемъ утверждать, что, при существующихъ условіяхъ, вѣра въ неограниченность государственнаго авторитета необходима. Молчаливое предположеніе, что контролирующее учрежденіе, назначенное или принятое обществомъ, не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ, имѣетъ за себя то, что безъ него невозможно обезпечить дружной дѣятельности, по временамъ необходимой вслѣдствіе непредвидимыхъ случайностей. На войнѣ недостатокъ вѣры въ вождя можетъ быть причиною пораженія; также точно и скептицизмъ

относительно правительственного авторитета въ случаѣ войны можетъ произвести роковыя колебанія и раздоры. Итакъ, до тѣхъ поръ, пока религія вражды такъ сильно ограничиваетъ религію дружбы, ученіе о неограниченномъ авторитетѣ государства должно оставаться господствующимъ.

120. Теперь, видя какимъ образомъ возникли господствующіе взгляды на государственныя обязанности и какъ они переживаютъ при новѣйшихъ условіяхъ, къ которымъ они приспособлены лишь отчасти, мы тѣмъ лучше подготовимся къ установленію правильнаго понятія о государственныхъ обязанностяхъ. Признавъ вѣроятность, если не достоверность того, что теорія, касающаяся надлежащей сферы правительственной дѣятельности, пригодной для обществъ, организованныхъ по принципу принудительной коопераціи, должна быть непригодною для обществъ, организованныхъ по принципу добровольной коопераціи, мы можемъ задаться вопросомъ, какова же теорія, пригодная для этой послѣдней?

Каждая нація образуетъ разновидность человѣчества. Благо человѣчества въ широкомъ смыслѣ слова достигается благосостояніемъ и распространеніемъ наилучшихъ разновидностей. Послѣ того, какъ закончилась хищническая стадія прогресса, — послѣ наступленія стадіи, въ которой состязаніе между обществами утратило характеръ насилія, — наступить, при прочихъ равныхъ условіяхъ, преобладаніе обществъ, производящихъ наибольшее число наилучшихъ особей. Производство и сохраненіе наилучшихъ особей достигается сообразованіемъ съ закономъ, по которому каждая особь достигнетъ благихъ или дурныхъ результатовъ своей собственной природы и вытекающаго изъ нея поведенія; а въ общественномъ состояніи, такъ какъ поведеніе каждаго члена общества приводитъ къ этимъ результатамъ, оно должно быть ограничено лишь предѣлами, указываемыми существованіемъ другихъ людей, подобнымъ же образомъ выполняющихъ извѣстныя дѣятельности и ожидающихъ результатовъ. Поэтому, при прочихъ равныхъ условіяхъ, наибольшее благосостояніе и размноженіе наиболѣе развитыхъ особей будетъ достигнуто въ томъ случаѣ, если каждый организованъ такъ, что можетъ выполнять требованія собственной природы, не препятствуя подобному же выполненію другими лицами. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ становится обязанность общества, какъ корпоративнаго цѣлаго, т. е. государства? Допуская, что оно болѣе не призвано къ охранѣ противъ внѣшнихъ опасностей, спрашивается, что же остается на его долю? Какъ для особей, такъ и для общества, и для цѣлаго человѣчества, желательно, чтобы особи были способны жить сообразно съ указанными выше условіями; но если такъ, то дѣло общества,

какъ корпоративнаго цѣлаго, настаивать на томъ, чтобы эти условія были выполняемы. При отсутствіи войны, ясно одно: должно-ли государство выполнять что-либо, кромѣ указаннаго, или не должно, во всякомъ случаѣ только что упомянутая обязанность является долгомъ государства, а отсюда ясно, что не дозволительно дѣлать что-либо, препятствующее выполнению указаннаго.

Поэтому вопросъ о предѣлахъ государственной дѣятельности приводитъ къ другому вопросу, можетъ-ли государство, помимо соблюденія справедливости, дѣлать еще что-либо, не нарушая той же справедливости? Разсмотрѣніе вопроса покажетъ, что это невозможно.

121. Дѣйствительно, если государство выполняетъ что-либо сверхъ своей обязанности, какъ она опредѣлена выше, то оно должно сдѣлать это однимъ изъ двухъ путей, порознь или совокупно извращающихъ его обязанности.

Изъ прочихъ дѣйствій, имъ предпринимаемыхъ, одна категория подходитъ подъ опредѣленіе дѣйствій, ограничивающихъ свободу нѣкоторыхъ особей въ большей мѣрѣ, чѣмъ это требуется поддержкою равной степени свободы другихъ особей; а такія дѣятельности сами по себѣ являются нарушеніемъ закона равной свободы. Если справедливость утверждаетъ свободу каждаго лица, ограниченную только равною свободою другихъ лицъ, то въ такомъ случаѣ проведеніе всякихъ дальнѣйшихъ границъ несправедливо; все-равно, исходить-ли принужденіе отъ одного человѣка или отъ милліона людей. Какъ мы видѣли во всемъ этомъ трудѣ, общая формула права и всѣ спеціальныя права, которыя могутъ быть выведены изъ этой формулы, не существуютъ въ силу государственнаго авторитета, но наоборотъ, государство существуетъ, какъ средство охраны этихъ правъ. Поэтому, если, вмѣсто охраны, государство потеряетъ эти права, оно причиняетъ зло, вмѣсто того, чтобы предупредить его. Не въ каждомъ обществѣ, но во всякомъ случаѣ въ нашемъ обществѣ, убіеніе всѣхъ младенцевъ, не достигшихъ уровня превосходства, требуемаго общественною властью, было бы, вѣроятно, сочтено убійствомъ, даже если бы оно было совершено многими лицами, а не однимъ; если не въ древности, то въ наше время, прикрѣпленіе людей къ землѣ, гдѣ они родились, и запрещеніе занимать чѣмъ-либо, кромѣ предписаннаго, было бы сочтено за невыносимое посягательство на свободу. Но если эти крупнѣйшія нарушенія правъ дурны, то существуютъ вѣдь менѣе крупныя. Воровство есть воровство, украденъ-ли червонецъ или копейка; точно также слѣдуетъ признать, что насиліе есть насиліе, велико-ли оно или незначительно.

Въ другихъ случаяхъ зло бываетъ общаго и косвеннаго

характера, вмѣсто того, чтобы быть спеціальнымъ и непосредственнымъ. Деньги, взятые отъ гражданина не съ цѣлью уплаты за стоимость охраны его личности отъ насилія, но съ цѣлью уплаты стоимости другихъ дѣятельностей, на которыя онъ не далъ никакого согласія, причиняють вредъ, вмѣсто его предупрежденія. Названія и обычаи такъ значительно прикрываютъ факты, что мы обыкновенно не видимъ въ налогѣ уменьшенія свободы: а между тѣмъ ясно, что это такъ. Взятые деньги представляютъ такое-то количество труда, а если продуктъ этого труда отнимается, то личности остается либо лишиться тѣхъ выгодъ, которыя достигаются этимъ, или же приложить большее количество труда. Въ эпоху феодализма, когда подчиненные классы должны были выполнять для своихъ господъ, подъ названіемъ *corvées* (барщинъ), разнаго рода повинности, опредѣленные по времени или по характеру труда, это частное рабство было достаточно очевиднымъ, а когда услуги обмѣнивались на деньги, то отношеніе оставалось тѣмъ же по сущности, хотя измѣнялось по формѣ. То же мы видимъ въ настоящее время. Плательщики налоговъ подчинены государственной повинности, которая не менѣе прежняго опредѣлена, хотя, вмѣсто извѣстнаго рода труда, отдаются равноцѣнныя суммы денегъ. Въ своей первичной неприкрашенной формѣ государственная повинность была лишеніемъ свободы; такую же она является въ своей новой замаскированной формѣ. «Столько-то вашего труда должно быть посвящено не вашимъ собственнымъ, а нашимъ цѣлямъ» говорятъ власти гражданамъ; и смотря по тому, до какихъ предѣловъ это доводится, граждане становятся въ той или въ иной мѣрѣ рабами.

«Но вѣдь это рабство для ихъ собственной выгоды—могутъ сказать,—и то, что будетъ сдѣлано съ деньгами, у нихъ взятыми, тѣмъ или инымъ путемъ приведетъ къ ихъ благосостоянію». Да, такова теорія—не вполне гармонирующая съ чудовищною массою вредныхъ законодательныхъ мѣръ, наполняющихъ различныя уложенія. Но этотъ отвѣтъ не цѣлесообразенъ. Рѣчь идетъ о справедливости; предполагая даже, что благодѣянія, которыя могутъ быть получены отъ этихъ экстренныхъ общественныхъ издержекъ, справедливо распределены между всѣми плательщиками налоговъ (чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ), во всякомъ случаѣ остается справедливымъ, что эти благодѣянія находятся въ противорѣчьи съ основнымъ принципомъ справедливаго соціального порядка. Свобода человѣка не менѣе страдаетъ въ томъ случаѣ, если властвующіе предъ нимъ обуздываютъ его, основываясь на убѣжденіи, что этимъ его благодѣлываютъ. Насилуя такимъ образомъ его волю, они нарушаютъ въ его лицѣ законъ

равной свободы, и все равно, какимъ мотивомъ они руководствуются. Насиліе, подлежащее осужденію, если оно совершается однимъ лицомъ, не можетъ быть оправдано на томъ основаніи, что оно совершается массою людей.

Безъ сомнѣнія, большая часть читателей прочтутъ съ изумленіемъ это отрицаніе неограниченнаго государственнаго могущества и молчаливое утвержденіе, что государство совершаетъ насиліе, если переступаетъ должные предѣлы. Вездѣ и всегда убѣжденія, сопровождающія существующіе учрежденія и обычаи, кажутся людямъ, придерживающимся этихъ убѣжденій, неопровержимыми. Фанатизмъ религіозныхъ преслѣдованій всюду опирался на то убѣжденіе, что разногласіе съ господствующими вѣрованіями предполагаетъ преднамѣренную злостность или одержимость демоническими силами. Признавалось чудовищнымъ сомнѣваться въ церковномъ авторитетѣ въ эпоху, когда папа господствовалъ надъ королями; и даже въ наши дни въ разныхъ мѣстахъ Африки мысль отвергнуть мѣстные вѣрованія признается настолько чудовищною, что о невѣрующихъ европейцахъ говорятъ: «Что за дураки эти бѣлые люди!» То же мы видимъ въ области политики. До недавняго времени на островахъ Фиджи чело-вѣкъ, приговоренный къ казни, стоялъ несвязанный, такъ какъ самъ объявлялъ, что «все приказанное королемъ должно быть сдѣлано»; признавалось поэтому невозможнымъ сомнѣваться въ неограниченной власти правителя. Во всей Европѣ, въ эпоху, когда ученіе о божественномъ правѣ королей было общепринятымъ, утвержденіе, что многіе не должны повиноваться одному, признавалось наихудшимъ изъ всѣхъ преступленій. Даже всего столѣтіе тому назадъ, въ Англіи, чернь, кричавшая: король и церковь!—готова была убить всякаго, кто публично проповѣдывалъ противъ установленныхъ политическихъ и церковныхъ формъ. Но до извѣстной степени это и теперь уцѣлѣло. Каждый, кто отрицаетъ неограниченную власть государства, можетъ быть увѣренъ въ томъ, что всѣ вообще люди сочтутъ его глупцомъ или фанатикомъ. Вмѣсто божественности королевской власти, у насъ явилась теперь божественная власть парламента. Многоголовое правительство, избранное толпами невѣждъ и замѣнившее одно-головое правительство, по предположенію, назначенное свыше, требуетъ прежней неограниченной власти и получаетъ ее. Священное право большинства, состоящаго обыкновенно изъ глупцовъ и малосвѣдущихъ, состоитъ въ томъ, что оно обуздываетъ меньшинство, часто болѣе разумное и болѣе свѣдущее; предполагается, что это право оправдываетъ любя по-велѣнія большинства и справедливость такого устройства признается самоочевидною.

Отъ людей, поддерживающихъ «священный долгъ кровомщенія», трудно ожидать склонности къ прощенію обидъ. Точно также нельзя ожидать, чтобы партійные политики, усердно соперничающіе между собою въ дѣлѣ добыванія голосовъ посредствомъ обѣщанія государственной помощи разнообразнѣйшаго рода,—обратили особое вниманіе на такое ученіе объ обязанностяхъ государства, которое исключаетъ наибольшее количество ихъ излюбленныхъ плановъ. Но несмотря на всѣ презрительные укоры, которые будутъ направлены съ ихъ стороны, все же слѣдуетъ утверждать, какъ уже было сказано, что ихъ планы находятся въ противорѣчьи съ основнымъ принципомъ гармонической соціальной жизни.

122. Если бы мы хотѣли строго держаться въ надлежащихъ предѣлахъ, то здѣсь слѣдовало бы поставить точку и закончить этотъ отдѣлъ «Основаній науки о нравственности». Мы видѣли, каковы повелѣнія абсолютной этики относительно обязанностей государства; видѣли также, какія ограниченія подразумѣваются тою относительною этикою, которая принимаетъ во вниманіе требованія, зависящія отъ международныхъ насилій.

Мы видѣли далѣе, что во время, переходное между военнымъ и промышленнымъ строемъ соціальной жизни, слишкомъ высокое понятіе о государственномъ могуществѣ (хотя естественномъ и въ значительной мѣрѣ необходимомъ) приводитъ къ множеству несправедливыхъ государственныхъ дѣятельствъ. Съ этической точки зрѣнія, ничего болѣе не остается сказать. Но было бы желательно здѣсь посвятить нѣкоторое мѣсто доказательствамъ того, что эти дѣятельности, несправедливыя въ теоріи, также неполитичны и на практикѣ.

Предметъ этотъ очень обширенъ и по недостатку мѣста, не можетъ быть рассмотрѣнъ всецѣло.

Было бы неудобно дать что-либо кромѣ очерка главныхъ доказательствъ, съ приведеніемъ немногихъ поясненій, необходимыхъ для того, чтобы указать на предѣлы примѣнимости этихъ доводовъ.

Сначала мы рассмотримъ государство, какъ орудіе, по сравненію съ другими орудіями. Далѣе изслѣдуемъ предположеніе, что государство обладаетъ природой, приспособленной къ исцѣленію другихъ золь, кромѣ тѣхъ, которыя зависятъ отъ нападенія вѣшняго или внутренняго. Затѣмъ рассмотримъ, насколько имѣютъ силу основанія, по которымъ государству приписывается обязанность и способность достиженія положительныхъ благъ; мы закончимъ наконецъ изслѣдованіемъ, возможно-ли допустить, что конечная цѣль—болѣе высокое развитіе человѣческой природы—въ состояніи встрѣ-

титъ содѣйствіе или препятствіе отъ расширенія дѣятельности государства.

Примѣчаніе. Относительно выводовъ, къ которымъ мы придемъ въ послѣдующихъ трехъ главахъ, умѣстно сказать, что ихъ значеніе не должно быть измѣряемо единственно приводимыми здѣсь фактами и доводами. Относительно полнаго подтвержденія этихъ выводовъ, а также относительно многочисленныхъ фактовъ, ихъ поддерживающихъ, я отсылаю читателя къ разнымъ статьямъ, періодически мною опубликованнымъ подъ общимъ названіемъ «Очерковъ». Заглавія ихъ таковы: «Чрезмѣрное законодательство»; «Представительное правленіе— для чего оно нужно?»; «Государственныя махинаціи съ деньгами и банками»; «Коллективная мудрость»; «Политическій фетишизмъ» и «Спеціализированная администрація». Сюда же можно присоединить многія главы, составляющія послѣднюю часть «Соціальной статистики», въ настоящее время изъятой изъ обращенія.

ГЛАВА XXVII.

Предѣлы государственныхъ обязанностей.

(Продолженіе).

123. Мы видѣли, въ главѣ XXIII, что на болѣе поздней стадіи эволюціи, общество можетъ приобрѣсть природу, существенно отличающуюся отъ той, которою оно обладало на болѣе ранней стадіи. Отсюда мы вывели то слѣдствіе, что теорія государственныхъ обязанностей, вполне пригодная въ одномъ случаѣ, окажется непригодной, когда природа государства станетъ иною. Здѣсь мы должны вывести дальнѣйшее заключеніе. Предполагаемое измѣненіе природы государства освобождаетъ власть отъ разныхъ функцій, для которыхъ государство первоначально было наилучшимъ образомъ приспособлено; и для этихъ функцій являются другіе, лучше исполнители.

Пока война была главнымъ дѣломъ жизни, военная организація играла главенствующую роль; принудительное правленіе было тогда необходимо для дисциплинированія непредусмотрительныхъ людей и съ цѣлью обуздать ихъ противообщественную природу. Въ тѣ времена учрежденія не правительственнаго характера не могли развиваться. Граждане не обладали ни средствами, ни опытомъ, ни склонностями, ни идеями, необходимыми для частной коопераціи въ сколько-

нибудь обширныхъ размѣрахъ. Отсюда выходило, что всё сколько-нибудь широкія задачи взваливались на государство. Слѣдовало-ли построить дорогу или прорѣзать каналъ, надо-ли было соорудить водопроводъ—единственнымъ орудіемъ была государственная власть, повелѣвавшая надъ рабами.

Но съ упадкомъ военной дѣятельности и по мѣрѣ роста индустріализма, упадокъ системы принудительнаго правленія и возрастаніе системы договора привели постепенно къ возникновенію многочисленныхъ добровольныхъ союзовъ между гражданами, имѣющихъ цѣлью выполненіе разнообразныхъ функцій. Результатъ этотъ былъ слѣдствіемъ измѣненія привычекъ, склонностей и способовъ мышленія, которое, изъ поколѣнія въ поколѣніе, происходило вслѣдствіе ежедневнаго обмѣна услугъ по соглашенію, вмѣсто ежедневнаго принудительнаго выполненія услугъ. Другой результатъ тотъ, что теперь, безъ помощи государственной власти, могутъ быть достигнуты разныя цѣли, которыя въ старину могла выполнить только одна государственная власть. Изслѣдуя сферу правительственной дѣятельности, мы должны принять во вниманіе этотъ глубоко-поучительный фактъ. Болѣе этого: необходимо принять во вниманіе явный вытекающій отсюда выводъ. Вышеуказанныя измѣненія далеки отъ завершения; и мы вправѣ заключить, что, по мѣрѣ дальнѣйшаго прогресса этихъ измѣненій, можетъ быть достигнуто дальнѣйшее облегченіе функцій, нѣкогда бывшихъ обязанностью государства.

124. Что такое облегченіе государственныхъ функцій и принятіе ихъ на себя другими дѣятелями, составляетъ дѣйствительный прогрессъ, это должно быть очевидно для каждаго, кому извѣстно что-либо о законахъ организаціи,—хотя, по несчастью, эта истина, повидимому, не болѣе цѣнится этими людьми, нежели тѣми, которые начали свое школьное обученіе составленіемъ бессмысленныхъ стиховъ, а завершили его въ зрѣлости своимъ содѣйствіемъ законодательной дѣятельности. Дѣйствительно, относительно индивидуальныхъ организмовъ, какъ и соціальныхъ нѣтъ истины болѣе достовѣрной, нежели слѣдующая: поднятіе отъ низшаго уровня къ высшему, отмѣчается возрастаніемъ неоднородности строенія и усиленіемъ подраздѣленія функцій. Въ обоихъ случаяхъ, существуетъ взаимная зависимость частей, становящаяся все болѣе значительною по мѣрѣ повышенія типа; и въ то время, какъ это подразумеваетъ прогрессивное ограниченіе одной функціи одною частью организма, наблюдается также прогрессивное приспособленіе такой то части къ такой то функціи.

Когда, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, Мильнъ-Эдвардсъ придалъ этому принципу развитія у животныхъ названіе фізіологическаго раздѣленія труда, онъ призналъ параллелизмъ между экономіей жизни и соціальной экономіей; и съ тѣхъ поръ этотъ параллелизмъ становился все болѣе и болѣе яснымъ. У немногихъ образованныхъ людей существуетъ теперь нѣкоторое смутное признаніе этой истины; въ особенности, усиленіе раздѣленія труда, обнаруживаемое промышленною стороною соціальнаго организма, стало популярнымъ благодаря политико-экономамъ, настаивавшимъ должнымъ образомъ на вытекающихъ отсюда выгодахъ. Тѣмъ не менѣе, вовсе не замѣчается или очень мало замѣчается та истина, что этотъ принципъ остается справедливымъ также для контролирующей части общества и ея отношеній къ другимъ частямъ. Даже безъ фактовъ, поясняющихъ эту истину, можно быть увѣреннымъ въ томъ, что спеціализація, съ вытекающимъ изъ нея ограниченіемъ, нормально проявляется въ регулятивныхъ структурахъ обществъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ. Такая спеціализація и такое ограниченіе должны доставить преимущества, а всякое измѣненіе въ обратномъ направленіи составляетъ регрессъ. Выводъ, стало быть, тотъ же, что и раньше. Всеобъемлющія государственныя функціи характеризуютъ низшій соціальный типъ, и прогрессъ къ высшему типу отмѣчается ослабленіемъ функцій.

125. Большинство читателей окажутъ немного довѣрія этимъ общимъ выводамъ. Необходимо поэтому достигнуть того же помощью доводовъ, которые легче могутъ быть усвоены.

Въ § 5 я привелъ тотъ фактъ, что благосостояніе любого живого тѣла зависитъ отъ надлежащаго приспособленія различныхъ его частей къ соотвѣственнымъ функціямъ. Было показано, что необходимое уравновѣшеніе силы между частями организма достигается постояннымъ соперничествомъ за пищу и притокомъ къ каждой части того количества пищи, которое соотвѣствуетъ работѣ этой части. Не требуетъ никакого доказательства, что соперничество въ промышленныхъ областяхъ общества достигаетъ аналогичнаго уравновѣшенія аналогичнымъ путемъ. Очевидно, что соціальныя нужды, вообще говоря, всего лучше удовлетворяются осуществленіемъ, по мѣрѣ возможности, этого соотношенія между усиленіемъ и выгодой.

Но во всѣхъ не правительственныхъ формахъ коопера-

ціи, образующихъ наибольшую часть новѣйшей соціальной жизни, это уравновѣшеніе достигается самопроизвольно. Мнѣ нечего останавливаться на принципѣ спроса и предложенія, какъ онъ обнаруживается въ нашей промышленной организаціи; мнѣ остается только указать, что тотъ же принципъ остается справедливымъ для всѣхъ иныхъ не-правительственныхъ учрежденій, каковы союзы для добровольнаго религіознаго обученія, филантропическіе союзы, рабочіе союзы и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, дѣятельность и ростъ или же покой и упадокъ завоятся отъ того, выполняются ли ощущаемыя потребности. Это еще не все. Необходимо съ особою силою подчеркнуть ту истину, что подъ давленіемъ соперничества, каждое изъ этихъ учрежденій должно выполнить наибольшія функціи въ обмѣнъ за данное количество питанія. Сверхъ того, соперничество постоянно принуждаетъ къ улучшеніямъ; съ этой цѣлью оно не только утилизируетъ наилучшія примѣненія, но стремится завербовать также наилучшихъ людей. Прямое соотношеніе между успѣшной дѣятельностью и процвѣтаніемъ вынуждаетъ всѣ добровольныя формы коопераціи работать подъ высшимъ давленіемъ.

Наоборотъ, принудительныя формы коопераціи, посредствомъ которыхъ выполняются государственныя дѣятельности, вмѣсто прямого соотношенія между функціей и питаніемъ выказываютъ въ высшей стпени косвенное соотношеніе. Учрежденія, управляемыя на военный ладъ, поддерживаемыя насильственно взимаемыми налогами и порознь отвѣтственные передъ своими начальниками, по большей части назначенными по партійному кумовству—такія учрежденія вовсе не непосредственно зависятъ относительно своихъ средствъ существованія и процвѣтанія отъ тѣхъ, кого они должны благодѣтельствовать. Здѣсь нѣтъ опасности банкротства, могущей принудить къ дѣятельному и энергичному выполненію обязанности; нѣтъ того, чтобы соперникъ, работающій болѣе экономно, могъ перебить дѣло; нѣтъ увеличенія прибылей отъ усвоенныхъ улучшеній, а тѣмъ болѣе отъ придумыванія ихъ. Въ результатѣ является всякаго рода недостатки. Какъ недавно мнѣ сказалъ одинъ чиновникъ относительно другого по поводу моего замѣчанія о его халатности. „О, онъ получаетъ хорошее содержаніе и ему не зачѣмъ стараться“. Послѣдствіемъ этого, лишь косвеннаго соотношенія между получаемыми преимуществами и достигаемымъ

вознагражденіемъ, является то обстоятельство, что правительственные учрежденія могутъ влачить свое существованіе и расходовать средства въ теченіе многихъ лѣтъ, а порою и многихъ поколѣній, послѣ того, какъ они утратили всякую годность; а когда эти учрежденія слабы, безпечны или медлительны, то неуспѣшность ихъ дѣятельности можетъ быть исправлена лишь давленіемъ, оказаннымъ на правительственную машину — настолько громоздкою и сложною, что только сильное давленіе, производимое съ большимъ запасомъ терпѣнія, можетъ достигъ надлежащаго результата.

126. Ежедневная печать изобилуетъ поясненіями этой истины для всего земного шара, въ связи даже съ тѣми существенными функціями, которыя мы поневолѣ должны возложить только на государство. Неуспѣшность дѣятельности, относящейся къ національной и личной охранѣ, составляетъ непрерывный скандалъ.

Относительно нашего военнаго управленія, можно привести такіе примѣры, какъ обязательное назначеніе въ Англіи главнокомандующимъ герцога королевской крови; сюда же относится чрезмѣрное количество генераловъ, имѣющее цѣлью удовлетворить классовымъ интересамъ, при чемъ производство въ генеральскій чинъ лишь въ малой степени опредѣляется у насъ истинными заслугами. Дальнѣйшимъ примѣромъ можетъ служить невѣжество нашихъ офицеровъ относительно улучшеній, которыя достигаются иностранными офицерами; сюда же относится частое разглашеніе государственныхъ тайнъ служащими въ арсеналахъ. Дальнѣйшимъ примѣромъ являются изумительныя разоблаченія относительно нашихъ депо: мы узнали, что тамъ находятся штыки, которые гнутся, сабли, которыя ломаются, картечь, которая сплющивается, бомбы не надлежащей величины. По показанію слѣдственной комиссіи 1887 года: „Нынѣшняя система не имѣетъ никакой опредѣленной цѣли, она не управляется никакими опредѣленными правилами; въ ней нѣтъ никакихъ регулярныхъ приспособленій ни для надлежащаго снабженія аммуниціей, ни для преслѣдованія не радѣющихъ объ этомъ дѣлѣ, ни для удостовѣренія того факта, что дѣло не выполняется надлежащимъ образомъ“.

Флотъ соперничаетъ съ арміей по неисправности. Объ этомъ постоянно напоминаютъ жалобы, разслѣдованія и разоблаченія. Всѣ помнятъ исторію морскихъ эволюцій по случаю юбилея, когда, безъ малѣйшаго намека на морское сра-

женіе, болѣе дюжины судовъ, большихъ и малыхъ, потерпѣли аварію тѣмъ или инымъ образомъ—отъ столеновеній, взрывовъ, поломки машинъ и т. д.

А затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о менѣе значительныхъ, но не менѣе многозначительныхъ несчастіяхъ, постигшихъ, въ томъ же году, 24 миноноски при крейсерствѣ туда и назадъ по каналу: 8 изъ 24 пришли, въ большей или меньшей степени, въ состояніе негодности. Суда, не способныя двинуться съ мѣста, пушки, годныя лишь для того, чтобы производить взрывы, корабли, идущіе ко дну—обо всемъ этомъ мы читаемъ постоянно; затѣмъ, въ видѣ замѣчательнаго контраста, можно указать на то, что когда первоклассный броненосецъ Султанъ наскакиваетъ на скалу, тонетъ и, по мнѣнію Адмиралтейства, оказывается погибшимъ, его вытаскиваетъ и спасаетъ частная компанія. Къ этому не мѣшаетъ добавить, что въ одномъ отчетѣ, относящемся къ управленію нашего адмиралтейства и напечатанномъ въ мартѣ 1887 года, указано, что „хозяйничанье вродѣ того, какое здѣсь обнаружено, въ нѣсколько мѣсяцевъ довело бы любую коммерческую фирму до банкротства“.

То же видимъ при сочиненіи и примѣненіи законовъ. До того часто встрѣчаются случаи нелѣпости и безуспѣшности, что общественное мнѣніе притупилось. Въ парламентской процедурѣ мы встрѣчаемся съ крайностями беззаботности и неразумной небрежности. То мы видимъ, что какой-либо билль проводится черезъ всѣ стадіи безъ всякихъ дебатовъ; то оказывается, что послѣ того, какъ тщательное разсмотрѣніе затянуло осуществленіе этого билля, онъ проваливается и долженъ пройти всю ту же процедуру въ слѣдующей сессіи. Начинаются поправки и поправки къ поправкамъ разныхъ частныхъ пунктовъ, при чемъ надѣются предусмотрѣть всевозможныя случайности и, наконецъ, весь актъ отбрасывается въ хаотическую грудку законодательства, запутывая и безъ того существующую путаницу. Жалобы и изобличенія остаются безплодными. Въ 1867 г. мы видѣли отчетъ комиссіи, составленный изъ выдающихся юристовъ и государственныхъ людей. каковы Крэнуртъ, Уэстбери, Кэрнсъ и др.; здѣсь была подчеркнута необходимость составить сводъ законовъ, какъ подготовку для уложенія, при чемъ указывали на то, что долгъ націи снабдить гражданъ способами познать законы, съ которыми они должны сообразоваться. Однако, хотя во-

прось этотъ былъ порою возбуждаемъ, ровно ничего не было сдѣлано—т. е. государствомъ, такъ какъ частныя лица сдѣлали кое-что: такъ напр. сочиненія Читти (Chitty, Equity Index) и сэра Джемса Стефена (J. Stephen, Digest of the Criminal Law) до извѣстной степени показали законодателямъ, что было сдѣлано ими самими и ихъ предшественниками. Здѣсь мы встрѣчаемся съ фактомъ, который не кажется намъ чудовищнымъ только потому, что мы къ нему привыкли, а именно, что даже юристы не знаютъ, какъ примѣнять новый актъ, пока судьи не рѣшили чего-либо на этотъ счетъ; тогда какъ сами судьи протестуютъ противъ запутаннаго законодательства, которое имъ приходится истолковывать. Одинъ судья сказалъ объ одной статьѣ, что „не вѣрить, что бы ее понималъ даже тотъ крючекъ, который ее вытянулъ“, да и „самъ парламентъ, который ее принялъ“, а другой заявилъ, что „для человѣческаго искусства невозможно найти словъ, болѣе рассчитанныхъ на то, чтобы сбить кого угодно съ толку“.

Естественнымъ послѣдствіемъ являются ежедневныя апелляціи и кассации; рѣшенія судовъ отмѣняются и болѣе бѣдные тяжущіеся вынуждены уступать болѣе богатымъ, могущимъ разорить ихъ при волокитѣ по разнымъ судамъ. Невѣроятная пропорція уголовныхъ приговоровъ также составляетъ ежедневный скандалъ. Вотъ голодный жнецъ, котораго отправляютъ въ тюрьму за то, что онъ съѣлъ на кофѣйку бобовъ, имъ сжатыхъ, какъ случилось въ Фэвершемѣ; а вотъ богачъ, совершившій грубое насиліе и уплачивающій за это пеню, для него совершенно пустячную. Еще болѣе унизительно обращеніе съ людьми, которыхъ обвиняютъ безъ достаточныхъ уликъ или съ людьми, которые оказываются въ концѣ концовъ невинными: ихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ держатъ въ тюрьмѣ, пока судъ не докажетъ, что они не виновны. Даже невинно осужденные, подвергнувшіеся продолжительному наказанію прежде чѣмъ удалось доказать ихъ невиновность, получаютъ лишь родъ помилованія и не пользуются никакимъ вознагражденіемъ за понесенныя страданія и за разбитую жизнь.

Даже малѣйшія сдѣлки, вродѣ уплаты извозчику или покупки ожерелья, напоминаютъ намъ ежедневно объ официальныхъ стѣсненіяхъ; дѣйствительно, не доказываетъ-ли это состояніемъ монетнаго дѣла? Здѣсь мы видимъ частыя перемѣны въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вовсе

не желательны. Являются смѣшанныя системы: десятичная, двѣнадцатиричная и неопиcуемая. До недавняго времени у насъ существовали двѣ едва различимыя между собою монеты, изъ которыхъ одна означала три пенса, а другая четыре. Четыре года тому назадъ у насъ явилась юбилейная шестипенсовая монета, которую пришлось изъять изъ обращенія, такъ какъ она до того точно воспроизводила полу-суверень, что стоило ее только позолотить, чтобы имѣть фальшивые червонцы. Недавно ввели у насъ четырехшиллинговую монету, которую лишь при тщательномъ разсмотрѣннн можно отличить отъ пятишиллинговой. Въ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ единственная надпись, имѣющая смыслъ, а именно объявленная цѣнность монеты; нѣтъ также надлежащаго приспособленія къ спросу: всюду жалуются, что мало размѣнной монеты. Такимъ образомъ, выводъ, къ которому насъ вынуждаютъ общіе законы организаціи, индуктивно провѣряется относительно трехъ существеннѣйшихъ отдѣловъ государственной дѣятельности, а также и въ одной второстепенной области, и факты, подтверждающіе это, накопляются съ каждымъ днемъ.

127. Существуетъ два главныхъ вывода, вытекающихъ изъ этой общей истины, выставленной отвлеченно, а выше поясненной также конкретными примѣрами.

Если народъ въ широкомъ смыслѣ слова выносить расточительность, безтолковость, небрежность, медлительность, ежедневно поясняемую примѣромъ нашей военной, морской и судебной администраціи, то тѣмъ легче онъ станетъ переносить тѣ же неудобства, если они проявляются въ областяхъ, не настолько важныхъ и не занимающихъ такого широкаго мѣста въ общественномъ мнѣннн. Пороки бюрократизма необходимо проявляются въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ всякаго рода, и слѣдуетъ ожидать, что они достигнутъ большей крайности тамъ, гдѣ необходимость исправленія менѣе настоятельна. Итакъ, мы можемъ съ основаніемъ утверждать, что когда государство, помимо своихъ существенныхъ функцій, беретъ на себя еще не-существенныя, оно станетъ выполнять ихъ такъ же дурно; этого мало, мы вправѣ заключить, что въ этомъ случаѣ исполненіе будетъ еще худшимъ.

Второй выводъ тотъ, что дурное выполненіе существенныхъ функцій дѣлается еще худшимъ вслѣдствіе поглощенія вниманія и энергіи при выполненнн не-существенныхъ функ-

цій. Способность вести немногія дѣла неизбежно уменьшается отъ прибавленія множества другихъ дѣлъ; ясно также, что когда критика со стороны общественнаго мнѣнія направлена на промахи разнаго рода, она должна быть менѣе успѣшною, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда направлена на немногочисленные промахи. Если бы, вмѣсто того, чтобы быть почти всецѣло поглощеннымъ другими дѣлами, парламентъ былъ занятъ почти всецѣло дѣломъ внѣшней и внутренней охраны, то никто не осмѣлится отрицать, что его дѣятельность была бы болѣе успѣшна, чѣмъ теперь; точно также, если бы дебаты на трибунѣ и въ печати почти цѣликомъ посвящались лишь этимъ дѣламъ, вмѣсто того, чтобы почти цѣликомъ касаться другихъ вещей, то общество не потерпѣло бы такой малоуспѣшности этого рода дѣятельностей, каковую мы видимъ въ настоящее время.

Такимъ образомъ, желаемъ-ли мы избѣжать умноженія дурно-выполняемыхъ функцій, или же желаемъ, чтобы существенныя функціи выполнялись лучше прежняго, во всякомъ случаѣ требованіе остается однимъ и тѣмъ же—необходимо ограниченіе.

Спеціализація функцій прямо улучшаетъ выполненіе каждой функціи, приспособляя къ ней органъ, а косвенно улучшаетъ выполненіе другихъ функцій, позволяя, чтобы каждая изъ нихъ приобрѣтала соотвѣтственный органъ.

128. Предшествующія разсужденія, приводящія къ выводу, что въ выполненіи соціальныхъ дѣятельностей справедливость совпадаетъ съ политичностью,—эти выводы немного повліяютъ на мнѣніе большинства. Убѣжденіе въ справедливости естественнаго закона и во всеобщности закона причинности не слишкомъ сильно даже въ научномъ мірѣ, когда рѣчь идетъ, напр., о жизненныхъ явленіяхъ; и оно очень слабо среди людей, непрічастныхъ къ наукѣ. Лишь доводы, основанные на обыденныхъ фактахъ, имѣютъ шансы повліять на многихъ, да и то большинство станетъ отрицать достаточность даже этихъ доводовъ.

Необходимо поэтому подкрѣпить эти доводы другими, извлеченными изъ прямо очевидныхъ фактовъ. Посвятимъ главу этому роду доказательствъ.

ГЛАВА XXVIII.

Предѣлы государственныхъ обязанностей

(Окончаніе).

129. „Въ простыхъ вещахъ нельзя довѣрять непосредственному воспріятію. Для достиженія выводовъ, заслуживающихъ довѣрія, мы должны примѣнить какой-либо способъ измѣренія, посредствомъ которыхъ можно было бы исправить несовершенство нашихъ чувствъ. Наоборотъ, въ сложныхъ вопросахъ достаточно непосредственнаго созерцанія; мы можемъ съ достаточнымъ основаніемъ суммировать и взвѣшивать факты, не ссылаясь ни на какую общую истину“.

Посмѣется-ли кто-либо, услышавъ это нелѣпое предложеніе? А почему бы ему смѣяться? Можно поставить десять противъ одного, что, въ скрытой формѣ, это предложеніе входитъ въ составъ молчаливо допускаемыхъ имъ убѣжденій. Пусть, напр., ремесленникъ скажетъ, что ему „плевать“ на термометры, такъ какъ онъ будто бы на оцупь лучше узнаетъ, какова надлежащая температура употребляемой имъ жидкости. Читатель, знающій, что ощущеніе тепла или холода значительно измѣняется, смотря по температурѣ самой руки, пойметъ, какъ нелѣпа эта самоувѣренность, происходящая отъ недостатка знаній. Но онъ не увидитъ ничего нелѣпаго въ попыткѣ достигъ, безъ всякаго руководящаго начала, правильнаго вывода относительно послѣдствій нѣкоторой дѣятельности, вліяющей многочисленными способами на миллионы людей. Здѣсь для него не требуется никакого мѣрила, могущаго провѣрить точность непосредственныхъ впечатлѣній. Если, напр., вопросъ идетъ о томъ, слѣдуетъ-ли ему защищать систему наградъ учителямъ, смотря по результатамъ экзаменовъ въ государственныхъ школахъ, то онъ признаетъ очевиднымъ, что поощреніе учителямъ этимъ способомъ не можетъ не оказаться благотѣльнымъ для учениковъ. Ему не приходитъ на умъ, что, быть можетъ, учитель станетъ черезчуръ подтягивать учащихся; что онъ, быть можетъ, достигнетъ механической воспримчивости; что это зубренье можетъ довести до полнаго отвращенія къ ученію; что возможно такимъ образомъ направить особое вниманіе на ловкихъ учениковъ, которые своимъ успѣхомъ принесутъ пользу учителю, и что въ то же время менѣе способными будутъ пре-

небрегать. Будетъ забыто и то обстоятельство, что система, оцѣнивающая знаніе по тому, достигаются-ли имъ денежные награды, а не ради самого знанія, — такая система не въ состояніи произвести здоровый умъ; и даже учителя при такой системѣ легко становятся чистыми машинами. Видя, по его мнѣнію, вполнѣ ясно, каковы непосредственные результаты и либо совсѣмъ не замѣчая отдаленныхъ результатовъ, либо относясь съ нимъ черезчуръ легко, онъ не сомнѣвается, что такой планъ вполнѣ цѣлесообразенъ. Проходитъ лѣтъ двадцать, и когда слѣдствія оказываются настолько губельными, что планъ этотъ отвергается, послѣ того, какъ повреждено здоровье милліоновъ дѣтей и причинено неизмѣримое количество физическихъ и душевныхъ страданій, — послѣ всего этого, онъ не станетъ ни на волосъ мудрѣе по причинѣ своего губельнаго промаха, но готовъ на слѣдующій день рѣшить по поводу какого-либо вновь предложеннаго плана такимъ же образомъ, посредствомъ простого разсмотрѣнія и взвѣшиванія вѣроятностей. Другими словами, какъ выше замѣчено, хотя въ простыхъ вещахъ пользованіе общими принципами признается полезнымъ, въ болѣе сложныхъ предметахъ оно не признается необходимымъ.

А между тѣмъ, минутное размышленіе должно было бы сдѣлать яснымъ для каждаго не только то, что эти неосновательныя сужденія весьма легко могутъ оказаться ошибочными, но и то, что должно существовать какое-либо руководство, посредствомъ котораго могутъ быть достигнуты точныя сужденія. Дѣйствительно, можно-ли придумать что-либо болѣе бессмысленное, нежели убѣжденіе, что въ общественныхъ дѣлахъ нѣтъ естественной причинности? И спрашивается, какимъ образомъ кто бы то ни было можетъ избѣжать обвиненія въ бессмыслии, если онъ, допуская естественную причинность, въ то же время придумываетъ законы, не принимающіе во вниманіе этой причинности? Какъ было сказано въ одной изъ предыдущихъ главъ, если не существуетъ причинности, то любой законъ такъ же хорошъ, какъ и всякій другой, а стало быть законодательная дѣятельность есть нѣчто смѣхотворное. Если же не правда, что всѣ законы одинаково хороши, въ такомъ случаѣ справедливо, что на людей, составляющихъ общество, одинъ законъ повліяетъ болѣе благотѣльно, чѣмъ другой, и что его болѣе благотѣльное дѣйствіе подразумеваетъ нѣкоторое приспособленіе къ природѣ людей и къ ихъ способамъ коопераціи. Относительно

этого должны существовать нѣкоторыя общія истины, нѣкоторые болѣе глубокіе общіе законы, а конечный результатъ любого законодательства долженъ зависѣть отъ признанія такихъ общихъ законовъ и отъ подчиненія имъ законодательной дѣятельности. Можетъ-ли быть, поэтому, что либо болѣе нелѣпое, нежели дѣйствовать, не изслѣдовавъ, каковы эти законы?

130. Добиваться счастья, не взвѣсивъ условій, выполненіе которыхъ приведетъ къ счастью, бессмысленно въ социальномъ отношеніи, какъ и въ личномъ; нѣтъ, въ первомъ случаѣ даже болѣе бессмысленно, такъ какъ бѣдствія, прорастающія отъ пренебреженія условіями, часто избѣгаются единичной личностью, но при уравниваніи между многими личностями общество никакъ не можетъ избѣжать вреда.

Взвѣшиваніе вѣроятныхъ результатовъ каждаго поступка помимо всякой общей санкціи, исключая погони за счастьемъ, — это способъ дѣйствія, свойственный каждому преступнику. Онъ думаетъ, что вѣроятность склоняется въ пользу достиженія имъ удовольствій и избѣжанія страданій, пренебрегая тѣми соображеніями справедливости, которыя могли бы обуздать его, преступникъ соображаетъ ближайшія послѣдствія, не думая объ окончательномъ результатѣ; и относительно ближайшихъ результатовъ онъ порою бываетъ правъ: онъ пользуется выгодами своихъ преступныхъ дѣяній и часто не терпитъ наказанія. Но, въ концѣ концовъ, оказывается, что зло превышаетъ благо, частью потому, что онъ не всегда избѣгаетъ кары, частью же потому, что та природа, которая воспитывается въ немъ его дѣятельностью, неспособна къ высшей формѣ счастья.

Образъ дѣйствій, которымъ преступникъ пользуется съ эгоистическими цѣлями, аналогиченъ тому, которому слѣдуетъ, хотя и съ альтруистическими цѣлями, политикъ, слѣдующій принципу такъ наз. полезности. Таковой политикъ, правда, не для своего блага, но, какъ онъ думаетъ, для блага другихъ, взвѣшиваетъ вѣроятныя удовольствія и страданія; пренебрегая повелѣніями чистой справедливости, онъ усваиваетъ такіе методы, которые, по его мнѣнію, приведутъ къ достиженію удовольствій и избѣжанію страданій. Идетъ-ли рѣчь о снабженіи общественныхъ библіотекъ книгами и газетами, онъ имѣетъ въ виду результаты, которые признаетъ очевидно благотѣльными, и въ то же время не интересуется

изслѣдовать, справедливо-ли насильно отнять деньги у А, В и С, чтобы уплатить за удовлетвореніе D, E и F.

Является-ли его цѣлью подавленіе пьянства и проистекающаго отсюда зла, онъ помышляетъ исключительно объ этихъ цѣляхъ, и, рѣшившись навязать свои собственныя убѣжденія другимъ людямъ, старается ограничить свободу обмѣна и уничтожить дѣла, въ которыя былъ вложенъ капиталъ на законномъ основаніи и съ согласія общества. Такимъ образомъ, какъ выше указано, альтруистическій нарушитель чужихъ правъ, подобно эгоистическому нарушителю, пренебрегаетъ всякимъ инымъ руководствомъ, исключая оцѣнки ближайшихъ результатовъ; его не удерживаетъ мысль о томъ, что его дѣйствія нарушаютъ основной принципъ гармоничной соціальной жизни.

Ясно, стало быть, что этотъ эмпирическій утилитаризмъ, дѣлающій счастье своей непосредственной цѣлью, находится въ противорѣчій съ рациональнымъ утилитаризмомъ, имѣющимъ цѣлью выполненіе условій счастья.

131. Защитники политическаго эмпиризма не смогутъ возразить, если мы подвергнемъ ихъ собственный методъ эмпирической провѣркѣ. Если, пренебрегая абстрактными принципами, мы станемъ руководствоваться результатами, либо вычисленными заранѣе, либо удостовѣренными опытомъ, то отсюда ясно, что таковъ наилучшій способъ и для оцѣнки самаго эмпирическаго метода.

Сдѣлаемъ это.

При одномъ обсужденіи, относящемся къ соціалистическому законодательству, во время дебатовъ въ палатѣ лордовъ 19 мая 1890 года, нашъ первый министръ сказалъ:

„Мы не болѣе задаемъ вопросомъ о происхожденіи или о философской подкладкѣ какого-либо предложенія, нежели всякій умный человекъ вопросомъ о характерѣ дѣда своего лакея, прежде чѣмъ онъ найметъ лакея“.

Осмѣявъ такимъ образомъ предположеніе, что существуютъ какіе бы то ни было общіе законы соціальной жизни, съ которыми должно сообразоваться законодательство, премьеръ продолжалъ: «прежде всего мы должны разсмотрѣть всякое дѣло по обстоятельствамъ». Такимъ образомъ лордъ Сольсбери откровенно выдалъ свой методъ; но это и есть методъ, которому всегда слѣдуютъ политики, называющіе себя практиками и насмѣхающіеся надъ «отвлеченными началами».

Но въ несчастіе для нихъ, ихъ методъ есть тотъ, которому слѣдовали законодатели, умножившіе, въ теченіе прошлыхъ тысячелѣтій, человѣческія бѣдствія. Сдѣлано это многообразными

способами и въ невѣроятной степени посредствомъ гибельныхъ законовъ. Разсмотрѣніе дѣла «по обстоятельствамъ» руководило Діоклеціаномъ, когда онъ назначилъ цѣны товаровъ и размѣръ заработной платы; такія же соображенія руководили правителями всѣхъ европейскихъ націй, которые, столѣтіе за столѣтіемъ, въ безчисленныхъ случаяхъ, рѣшали, какое количество товара должно быть отдано за столько-то денегъ. Тѣми же соображеніями руководились въ нашей собственной странѣ люди, придумавшіе, послѣ «Черной смерти», статутъ о рабочихъ, причинившій крестьянское возстаніе. Безчисленные акты, предписывавшіе, здѣсь и въ другихъ странахъ, качество продуктовъ и способы производства, и назначавшіе фискаловъ, которые должны были наблюдать, соблюдаются-ли эти приказанія—всѣ такіе законодательные акты вызывались разсмотрѣніемъ дѣла «по обстоятельствамъ» въ каждомъ данномъ случаѣ: существовало зло, которое очевидно слѣдовало предупредить. Безъ сомнѣнія, также приказанія фермерамъ относительно пропорціи ихъ пахатныхъ и пастбищныхъ земель, относительно времени стрижки овецъ, числа лошадей, которое слѣдуетъ впрягать въ плугъ, а также относительно посѣвовъ—всѣ эти распоряженія соображались съ «обстоятельствами дѣла». То же относится къ преміямъ на экспортъ извѣстныхъ товаровъ и къ ограниченію ввоза другихъ; то же можно сказать о наказаніяхъ, которымъ подвергались скупщики и о преслѣдованіи ростовщичества, какъ преступленія. Каждая изъ этихъ многочисленныхъ регламентацій вызывала необходимость существованія арміи чиновниковъ, которые во Франціи почти подавили промышленность и отчасти явились причиною революціи. Но для тѣхъ, которые установили эту систему, она представлялась сообразною съ «обстоятельствами дѣла». То же относится къ безчисленнымъ законамъ о роскоши, которые, изъ рода въ родъ издавались королями и ихъ министрами. Изъ 14.000 странныхъ актовъ, которые были отмѣнены у насъ въ Англіи, начиная съ статута Мертона и до 1872 года, нѣкоторые по причинѣ включенія въ другіе акты, другіе потому, что оказались недѣйствительными, третьи по причинѣ доставляемыхъ ими тягостей—изъ всѣхъ этихъ актовъ многіе-ли были отмѣнены по причинѣ принесеннаго ими вреда? Скажемъ-ли мы—половина, четверть или меньше четверти? Представимъ себѣ, что только 3.000 изъ этихъ актовъ были отмѣнены по причинѣ доказаннаго вреда, ими причиненнаго,—а эта цифра очень низка. Что сказать объ этихъ 3.000 актахъ, препятствовавшихъ человѣческому счастью и увеличивавшихъ человѣческія бѣдствія, то на годы, то на поколѣнія, а порою и на цѣлыя вѣка?

Каковъ же будетъ приговоръ? Если слѣдуетъ руководиться

наблюдениемъ и опытомъ, то что говорятъ намъ наблюдение и опытъ относительно способа руководства? Недоказываютъ-ли они вѣтъ всякаго сомнѣнія, что господствующій способъ привелъ къ чудовищной неудачѣ? «Нѣтъ,—быть можетъ будетъ данъ отвѣтъ.—Вы забываете, что хотя многочисленныя законы были отмѣнены, какъ причинившіе зло, многіе другіе не подверглись отмѣнѣ, и оказались благотѣльными». Совершенно вѣрно; но этотъ отвѣтъ не менѣе неудаченъ, чѣмъ первоначальное предположеніе. Дѣйствительно, каковы наилучшіе законы? Это законы, которые сообразуются съ тѣми основными началами, на которыя политики-практики хотятъ «наплевать». Это законы, основанные на той социальной философіи, о которой лордъ Сольсбери говоритъ съ такимъ пренебреженіемъ. Это законы, признающіе и выводящіе разныя слѣдствія изъ формулы справедливости. Дѣйствительно, какъ мы видѣли во множествѣ предшествующихъ главъ, социальная эволюція сопровождалась прогрессивнымъ установленіемъ этихъ этически подтвержденныхъ законовъ. Такимъ образомъ, очевидность доставляетъ двойное осужденіе метода эмпирическаго утилитаризма. Факты рѣшительно доказываютъ неуспѣхъ этого метода и успѣхъ противоположнаго метода.

Но теперь замѣтите, что ни лордъ Сольсбери, ни какой-либо другой приверженецъ той же политической вѣры, не слѣдуетъ логично этому методу, т. е. не всегда они судятъ о вещахъ «по обстоятельствамъ дѣла». Наоборотъ, въ важнѣйшихъ вопросахъ, они слѣдуютъ тому самому методу, надъ которымъ насмѣхаются. Приведите ихъ на очную ставку, и они патетически отвергнутъ руководство «обстоятельствами дѣла», если дѣло таково, что его исходъ простъ и ясенъ.

Почему воры часто убѣгаютъ на общественныхъ гуляньяхъ? Въ одной газетѣ было напечатано письмо, объясняющее это такъ. На глазахъ корреспондента произошла кража. Авторъ спросилъ одного прохожаго, мимо котораго бѣжалъ воръ, почему тотъ не остановилъ вора? Спрошенный отвѣтилъ: «Я не хотѣлъ задержать бѣднягу. Думаю, что украденное принесетъ ему больше пользы, чѣмъ тому, у кого онъ увралъ». Здѣсь также «обстоятельства дѣла» руководили сужденіемъ; относительныя степени счастья вора и обворованнаго были приняты во вниманіе и дѣло рѣшено оправданіемъ кражи. «Но права собственности должны быть уважаемы!»—отвѣтилъ бы на это лордъ Сольсбери. «Общество погибнетъ, если дозволить однимъ брать у другихъ подъ предлогомъ, что они болѣе нуждаются, нежели собственники». Именно такъ. Но это значитъ судить не по «обстоятельствамъ дѣла», а сообразно съ нѣкоторымъ общимъ принципомъ. Та философія, надъ которою насмѣхается лордъ Сольсбери, показываетъ, что со-

ціальная кооперація можетъ быть осуществлена успѣшно и гармонично лишь подъ условіемъ, чтобы соотношеніе между усиленіемъ и достигаемою выгодой оставалось ненарушеннымъ. И, какъ мы видѣли, то же справедливо для всѣхъ тѣхъ законовъ, которые составляютъ отправленіе правосудія; и поддержка этихъ законовъ есть часть существенныхъ обязанностей лорда Сольсбери; все это выводы изъ философіи, надъ которою онъ глумится.

Существенное разногласіе состоитъ въ слѣдующемъ: тысячелѣтніе уроки показали намъ, что общество прогрессируетъ пропорціонально своему сообразованію съ этими слѣдствіями, и слѣдуетъ прійти въ выводъ, что и во всякомъ новомъ случаѣ слѣдуетъ сообразоваться съ тѣми же началами. Но лордъ Сольсбери все же полагаетъ, что не слѣдуетъ сообразоваться съ этими принципами, если большинство рѣшитъ, что того требуютъ обстоятельства дѣла.

132. Удивительно, какъ можетъ тотъ, кто слѣдитъ за фактами, ежедневно сообщаемыми въ газетахъ, воображать, что мѣры, согласныя съ обстоятельствами дѣла, не приведутъ въ послѣдствіямъ, выходящимъ изъ рамокъ этого дѣла. Пере-мѣна, произведенная въ одной части общества, вызываетъ другія непредвидѣнныя пере-мѣны и т. д. Всѣ это знаютъ, и тѣмъ не менѣе думаютъ, что извѣстный парламентскій актъ произведетъ лишь преднамѣренныя послѣдствія и не приведетъ ни къ чему непредна-мѣренному. Отсюда ясно, что можно ежедневно заниматься чтеніемъ не ставъ отъ этого умнѣе. Въ любомъ агрегатѣ, состоящемъ изъ взаимно зависящихъ частей, играетъ роль та причинность, которую я когда-то называлъ плодящею. Слѣдствія любой причины, въ свою очередь, становятся причинами, часто болѣе важными, чѣмъ первоначальная; ихъ эффекты, въ свою очередь, становятся причинами. Что случилось, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ наступило значительное повышеніе цѣны каменнаго угля? Расходъ каждаго хозяйства увеличился, и бѣдняки особенно пострадали. Каждая фабрика подверглась какъ бы налогу и либо уменьшилась заработная плата, либо повысились цѣны товаровъ. Плавленіе чугуна стало стоить дороже, и стоимость всѣхъ такихъ вещей, каковы рельсы и машины, куда входитъ много желѣза, также повысилась. Способность конкурировать съ разными категоріями иностранныхъ производить уменьшилась. Меньшее количество судовъ было снаряжено для перевозки товаровъ за границу; кораблестроеніе и всѣ вспомогательныя производства упали. То же въ безчисленныхъ другихъ случаяхъ. Присмотритесь далѣе къ тому, что произошло отъ недавней стачки въ докахъ или скорѣе отъ неразумительной симпатіи, побудившей по обстоятель-

ствамъ дѣла» публику и полицію терпѣть насиліе, въ которому прибѣгали стачники для выполненія своихъ цѣлей. Успѣшное нападеніе, подстрекательство и бойкотированіе вызвали въ другихъ мѣстахъ стачки, гдѣ примѣнялись подобныя же средства: въ Соутгемптонѣ, Тильбери, Глэсго, Ноттингэмѣ и т. д. Другія категоріи послѣдовали по тому же пути — красильщики, кожевники, рѣзчики, товари, пекари, плотники, наборщики, рабочіе, выдѣлывающіе сухари, и т. п. Аналогичныя, еще болѣе безцеремонныя средства примѣнялись вслѣдъ затѣмъ въ Австраліи и въ Америкѣ. Затѣмъ, въ видѣ вторичнаго результата, наступилъ застой, явилось замѣшательство въ дѣлахъ, а чрезъ ихъ посредство и въ дѣлахъ, связанныхъ съ предыдущими, и собратилось требованіе на рабочія руки. Въ числѣ третичныхъ послѣдствій мы видимъ поощреніе той иллюзіи, что достаточно рабочимъ составить стачку, чтобы достигъ какихъ угодно условій, а отсюда являются самоубійственныя требованія. Еще болѣе отдаленнымъ результатомъ является настаиванье на государственномъ вмѣшательствѣ и подогрѣваніе социалистическихъ идей.

Косвенныя послѣдствія, умножаясь все болѣе и болѣе, часто, въ концѣ концовъ, приводятъ къ противоположному тому, что ожидалось. И въ прошедшемъ, и въ настоящемъ можно указать достаточное число примѣровъ. Относительно прошедшаго, можно указать, напр., актъ 8-й времени Елисаветы; здѣсь, съ цѣлью охраны жителей Шрусбери отъ чужеземцевъ, было запрещено всѣмъ, кромѣ свободныхъ земледѣльцевъ (фрименовъ) торговать валлійскими тканями. Шесть лѣтъ спустя жители Шрусбери взмолились объ отмѣнѣ закона, по причинѣ «обѣднѣнія и разоренія бѣдныхъ ремесленниковъ и другихъ, ради которыхъ былъ изданъ актъ». Нѣчто подобное въ болѣе недавнія времена произошло съ Спитальфильдскими ткачами. Далѣе, поразительнымъ примѣромъ изъ новѣйшаго времени служатъ результаты нѣкоторыхъ законовъ въ Западныхъ Штатахъ Америки. Въ своемъ посланіи законодательному собранію отъ 8 января 1885 г. губернаторъ Грантъ пишетъ: «Эти законы были предназначены для истребленія ястребовъ, волковъ и сорныхъ травъ ястребы и волки постоянно размножались подѣ покровительствомъ этихъ премій», т. е. судя по уплачиваемымъ суммамъ. Подобныя же результаты были испытаны въ Индіи.

Когда-то бродяги кишѣли вокругъ монастырей; съ тѣхъ поръ и до того времени, когда многіе приходы, при старинныхъ законахъ о бѣдныхъ были почти раздавлены подѣ бременемъ нищенствующихъ, опытъ непрерывно доказывалъ, что мѣры, руководимыя кажушимися «обстоятельствами дѣла», про-

изводили какъ разъ обратное тому, что предполагалось сдѣлать: онѣ увеличивали бѣдствіе вмѣсто того, чтобы уменьшать его. Недавніе факты поясняютъ то же обстоятельство. Предсѣдатель Брэдфильдскаго союза, въ письмѣ, помѣщенномъ въ Spectator (19 апрѣля 1890 г.), указываетъ на то, что 17-лѣтнее управленіе, основанное на принципѣ, вмѣсто порывовъ чувства, сократило число бѣдныхъ по квартирамъ съ 259 до 100, а на улицахъ съ 999 до 42. Въ концѣ письма онъ приходитъ къ убѣжденію, что большинство нищихъ «создается внѣшней помощью (out relief)». Это предостереженіе противъ руководства кажущимися потребностями было съ тѣхъ поръ подчеркнуто сэромъ Арнольдомъ Уайтомъ. Въ письмѣ изъ поселенія Теннисо, въ Капской колоніи, напечатанномъ въ Spectator 10 января 1891 года, Уайтъ пишетъ: «Всякій планъ колонизаціи, не включающій явной смерти для добровольныхъ лѣнивцевъ,—если они предпочтутъ умереть,—долженъ неминуемо провалиться... Это горькій урокъ, внушенный мнѣ долгими годами опытности, но пріобрѣтенный съ тяжкимъ трудомъ». Это значитъ, что если мы, относительно благотворительности, станемъ подчиняться кажущимся «обстоятельствамъ дѣла», то въ концѣ концовъ ухудшимъ зло, вмѣсто исцѣленія его.

Сужденія законодателя, осмѣивающаго философію и воображающаго, что достаточно пользоваться наличными фактами, заслуживаютъ такого же уваженія, какъ и сужденія рабочаго, который присоединяется къ товарищамъ при громогласной защитѣ какого-либо общественнаго предпріятія, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно дастъ занятіе рабочимъ рукамъ. При этомъ рабочій судитъ «по обстоятельствамъ дѣла», какъ оно представляется непосредственно, и ничего не думаетъ о болѣе отдаленныхъ послѣдствіяхъ,—не спрашиваетъ, каково будетъ слѣдствіе затраты капитала на что-либо не дающее соотвѣтственнаго дохода; не задается вопросомъ, нельзя-ли было употребить капиталъ на какія-либо другія предпріятія, быть можетъ болѣе выгодныя и поэтому болѣе полезныя; не спрашиваетъ и о томъ, какіе другіе рабочіе, ремесленники и промышленники могли бы имѣть тогда работу.

Дѣйствительно, хотя законодатель, можетъ быть, и соображаетъ нѣсколько болѣе отдаленные результаты, все же онъ въ сущности такъ же далекъ, какъ и рабочій, отъ пониманія тѣхъ перемѣнъ, которыя колеблютъ общество, подобно волнамъ, раскачивающимъ изъ стороны въ сторону.

133. Что хуже: убѣжденіе безъ очевидности, или же отказъ вѣрить чему-либо, несмотря на подавляющія доказательства? Если существуетъ неразумная вѣра, настаивающая на своемъ безъ всякихъ фактовъ, то существуетъ и неразумное отсутствіе

вѣры, упорствующей, несмотря на накопленіе фактовъ, которые должны были бы утвердить убѣжденіе; трудно сказать, не получаютъ-ли въ этомъ случаѣ худшіе результаты, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ.

Дюжинный законодатель, подобно дюжинному гражданину, не питаетъ ни малѣйшей вѣры въ благотѣльную работу соціальныхъ силъ, несмотря на почти безчисленные доказательства ея дѣйствія. Онъ упорствуетъ въ убѣжденіи, что общество есть родъ искусственнаго продукта, а не продуктъ естественнаго роста, и остается слѣпымъ къ тому факту, что обширная и сложная организація, посредствомъ которой поддерживается общественная жизнь, возникла изъ разныхъ видовъ самопроизвольной коопераціи людей, преслѣдовавшихъ свои частныя цѣли. Правда, если онъ задается вопросомъ, какимъ образомъ земной шаръ былъ расчищенъ, вспаханъ и обработанъ, какимъ образомъ возникли города, какъ явились всякаго рода производства, какъ развились искусства, какъ накопились знаніе, какъ возникла литература, то во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ вынужденъ признать тотъ фактъ, что ничто не возникало благодаря правительству, но многое пострадало, благодаря правительственной помѣхѣ. Тѣмъ не менѣе, игнорируя все это, онъ полагаетъ, что если надо выполнить что-либо благое или предупредить какое-либо зло, то необходимо призвать на помощь парламентъ. Онъ обладаетъ неограниченнымъ довѣріемъ къ той дѣятельности, которая не разъ терпѣла неудачу и не довѣряетъ той, которая много разъ достигала успѣха. Изъ различныхъ чувствъ, побуждающихъ людей къ дѣятельности, каждая категория участвуетъ въ производствѣ соціальныхъ функцій и структуръ. Прежде всего мы видимъ эгоистическія чувства, весьма могущественныя и дѣятельныя; ихъ дѣйствія, развивая учрежденія, имѣющія цѣлью производство и распредѣленіе, были уже упомянуты. Чувства эти быстро причиняютъ новыя явленія роста тамъ, гдѣ существуютъ новыя области, которыя могутъ быть съ успѣхомъ заняты. Начиная съ прорытія Суэцкаго канала и сооруженія моста черезъ р. Фортъ и оканчивая страхованіемъ овецъ, домовъ, жизни, урожая, оконъ; начиная съ изслѣдованія невѣдомыхъ областей, съ руководства экскурсіями путешественниковъ и до устройства автоматическихъ ящиковъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и отдачи на прокатъ биноклей въ театрахъ—всегда частная антреприза оказывается вездѣсущей и необычайно разнообразной, и даже если государственная дѣятельность вытѣсняетъ ее въ одномъ направленіи, она готова вынырнуть въ другомъ мѣстѣ. Вспомнимъ, какъ въ эпоху Карла II въ Лондонѣ возникла мѣстная копѣчная почта, (письмо стоило одинъ пенни), подавленная правительствомъ;

вспомнимъ о попыткѣ уничтожить артель посыльныхъ: все это факты, поясняющіе успѣшность частной предприимчивости и несносное бремя бюрократизма. Далѣе, если надо прибавить примѣръ, показывающій превосходство самопроизвольно возникающихъ учреждений, то достаточно указать на американскія компании желѣзнодорожнаго сообщенія (Express-Companies), имѣющія 7.000 агентствъ, собственные скорые поѣзда, выдающія ежегодно 25.000.000 квитанцій, работающія на правительство, обладающія системою денежныхъ переводовъ, вытѣсняющихъ почтовые переводы, и распространившія свою дѣятельность на Европу, Индію, Африку, Ю. Америку и Полинезію.

Кромѣ тѣхъ эгоистичныхъ чувствъ, которыя развили существующую организацію всякаго общества, есть еще эго-альтруистичныя и альтруистичныя чувства, жажда одобренія и симпатія, побуждающая людей къ разнымъ инымъ индивидуальнымъ и групповымъ дѣятельностямъ и порождающая разныя другія учрежденія. Необходимо оглянуться въ прошедшее, для того, чтобы пояснить дѣйствіе этихъ чувствъ по отношенію къ благотворительнымъ и воспитательнымъ учрежденіямъ. Въ настоящее время мы видимъ обильныя примѣры ихъ могущества. Въ Англіи, а еще болѣе въ Америкѣ, мы видимъ, что завѣщаются огромныя суммы на основаніе школъ, а еще чаще—на оплату профессорскихъ кафедръ и на стипендіи; мы видимъ, что чудовищныя суммы жертвуются на сооруженіе и снабженіе публичныхъ библиотекъ; частныя лица дарятъ городамъ парки и сады; націи завѣщаются частными лицами цѣлыя музеи. Въ газетѣ Standard, отъ 11 апр. 1890 г. мы читаемъ, что въ 1889 г. суммы, завѣщанныя больницамъ, пріютамъ, миссіонерствамъ, обществамъ разнаго рода достигли въ Англіи 1.080.000 фунтовъ стерлинговъ, а въ первую четверть 1890 г. набралось уже 300.000 ф. ст. Въ журналѣ Nineteenth Century за янв. 1890 г. мистеръ Юишъ сообщилъ, что за послѣдніе годы пожертвованія частныхъ лицъ на поддержку изящныхъ искусствъ достигли суммы 347.500 ф. ст. на одни зданія, картинъ же и денегъ было пожертвовано на сумму 559.000 ф. ст. Сюда можно еще добавить недавнее пожертвованіе въ 80.000 ф. ст. на одну картинную галерею, посвященную специально британскому искусству.

Не слѣдуетъ также забывать о ежедневныхъ дѣятельностяхъ многочисленныхъ филантроповъ, въ дѣлѣ возбужденія того или иного движенія на благо согражданъ. Безчисленныя общества, съ чудовищнымъ совокупнымъ доходомъ, образуются для безкорыстныхъ цѣлей; у всѣхъ ихъ, если не выполненіе, то намѣренія хороши. Мотивы, въ значительной мѣрѣ, если не всецѣло альтруистическаго характера, побуждающіе

къ организациі учрежденій и къ ихъ работѣ, не только не обнаруживаютъ упадка силы, но наоборотъ, безпрестанно становятся сильнѣе. Итакъ, навѣрное, если эти силы уже произвели такъ много и безпрестанно достигаютъ еще большаго, то можно рассчитывать на ихъ будущую успѣшную дѣятельность; и можно основательно заключить, что они совершатъ многое, чего мы еще не умѣемъ сдѣлать.

134. Итакъ, если даже мы пренебрежемъ этическими ограниченіями и упустимъ изъ виду заключенія, которыя должны быть выведены изъ прогрессирующей специализациі, обнаруживаемой обществами, то во всякомъ случаѣ мы увидимъ вѣскія основанія въ пользу утвержденія, что скорѣе слѣдуетъ ограничить государственныя функціи, нежели ихъ расширить. Расширеніе этихъ функцій въ погонѣ за тѣмъ или инымъ обѣщаннымъ благодѣяніемъ всюду уже оказалось гибельнымъ. Исторія всѣхъ народовъ сходится въ томъ, что обнаруживаетъ чудовищное зло, произведенное законодательствомъ, руководствовавшимся исключительно «обстоятельствами дѣла», тогда какъ всюду мы видимъ успѣхъ законодательства, руководившагося соображеніями справедливости.

Каждый день въ утреннихъ газетахъ мы вычитываемъ факты, убѣждающіе насъ въ томъ, что во всемъ политическомъ строѣ плодятся результаты, причинность настолько запутана, что и наивысочайшій умъ неспособенъ предсказать совокупныхъ послѣдствій. Такъ называемый политикъ-практикъ, полагающій, что вліяніе придуманной имъ мѣры можетъ быть втиснуто въ его поле зрѣнія, это въ сущности самый нелѣпый изъ теоретиковъ. И вотъ, его довѣріе въ методу искусственнаго достиженія той или иной цѣли постоянно терпитъ разочарованія, вслѣдствіе неуспѣха въ достиженіи желаемаго и вслѣдствіе успѣха въ достиженіи того, чего онъ вовсе не имѣлъ въ виду; но несмотря на все это, онъ ни мало не довѣряетъ тѣмъ естественнымъ силамъ, которыя произвели многое въ прошедшемъ, производятъ болѣе въ наше время и, какъ слѣдуетъ ожидать, всего болѣе произведутъ въ будущемъ.

ГЛАВА XXIX.

Предѣлы государственныхъ обязанностей. (Заключеніе).

135. Изъ многихъ причинъ, ограничивающихъ область правительственной дѣятельности, остается назвать самую могущественную. Цѣль, которую государственный человѣкъ долженъ считать высочайшею, состоитъ въ образованіи характера. Но

если мы усвоимъ правильное понятіе о характерѣ, какимъ онъ долженъ быть, и о средствахъ, которыми это можетъ быть достигнуто, то необходимымъ послѣдствіемъ будетъ упраздненіе многочисленныхъ казенныхъ учрежденій.

«Какъ это такъ? безъ сомнѣнія воскликнуть многіе. — Развѣ образованіе или воспитаніе характера не есть цѣль, къ которой направлена значительная доля защищаемаго нами законодательства? Развѣ мы не утверждаемъ, что важнѣйшею стороною государственной дѣятельности является созданіе хорошихъ гражданъ? Развѣ наши школы, бібліотеки, санитарныя учрежденія, гимназіи и проч. не имѣютъ цѣлью улучшеніе природы гражданъ?»

На этотъ «вопросительный отвѣтъ», произнесенный съ такимъ видомъ изумленія и убѣжденія, какъ будто болѣе ничего не остается сказать, нашъ отвѣтъ будетъ тотъ, что все зависитъ отъ того, хорошъ-ли поддерживаемый идеалъ и пригодны-ли мѣры, осуществляющія его? И то, и другое оказывается никуда не годнымъ. Здѣсь ясно выставлены борющіеся между собою взгляды, подлежащіе нашему обсужденію. Начнемъ обсуждать ихъ систематично.

136. Начиная съ дивихъ ордъ и восходя къ цивилизованнѣйшимъ націямъ, мы встрѣчаемъ безчисленные примѣры, показывающіе, что для того, чтобы выработать искуснаго воина, необходима извѣстная подготовка. Обращеніе съ оружіемъ начинается съ малолѣтства; въ теченіе юности, предметомъ честолюбія является успѣхъ въ стрѣльбѣ изъ лука, въ метаніи дротика или бумеранга съ силою и точностью, и въ искусной оборонѣ и нападеніи. Въ то же время развиваютъ скорость и проворство и пробуютъ силу. Еще ближе къ цѣли, о которой идетъ рѣчь, находится дисциплина, приучающая къ перенесенію тягостей и доходящая порою до настоящихъ пытокъ. Словомъ, всякій мужчина даннаго племени воспитывается такъ, что становится пригоднымъ для цѣлей племени, для поддержки его существованія, для покоренія сосѣдей, или же для обѣихъ этихъ цѣлей. Хотя и нѣтъ государственнаго воспитанія въ новѣйшемъ смыслѣ слова, но все же воспитаніе предписывается обычаемъ и навязывается общественнымъ мнѣніемъ. Молчаливо, если не открыто утверждается, что дѣло общества — пересоздать по своему индивида.

По мѣрѣ того соціального прогресса, который образуетъ болѣе крупныя, правильно управляемыя общины, является дальнѣйшее развитіе государственнаго воспитанія. Не только теперь преднамѣренно культивируется необходимая сила, искусство и терпѣніе, но воспитывается и то подчиненіе, которое необходимо для выполненія военныхъ эволюцій и то дальнѣйшее подчиненіе вождямъ и правителямъ, безъ котораго нель-

зя пользоваться соединенными силами для желательных цѣлей. Стоитъ только назвать Грецію и особенно Спарту, поясняющую этотъ фазисъ.

На-ряду съ практикой явилась и соответственная теорія. Изъ убѣжденія, что индивидъ принадлежитъ не себѣ и не своей семьѣ, а своей гражданской общинѣ, естественно возникло ученіе, что дѣло этой общины—пересоздать его характеръ и сдѣлать годнымъ для своихъ цѣлей. Какъ у Платона, такъ и у Аристотеля мы видимъ подробно выработанные методы, клонящіеся къ надлежащему подготовленію дѣтей и юношей для гражданской жизни; не колеблясь, они оба допускаютъ, что въ хорошемъ государствѣ воспитаніе должно быть общественнымъ дѣломъ.

Очевидно, стало быть, что пока война является главнымъ жизненнымъ занятіемъ, воспитаніе индивидовъ государственнымъ путемъ по шаблону, приспособленному къ успешной военной дѣятельности—такое воспитаніе является вполне нормальнымъ. Въ этомъ случаѣ опытъ доставляетъ довольно правильный образецъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, а также даетъ руководство въ выборѣ методовъ къ достиженію этого идеала. Всѣ свободные люди должны, по возможности, стать военными машинами, автоматически повинующимися приказаніямъ, и требуется объединяющая дисциплина для образованія этихъ машинъ. Сверхъ того, военный типъ приводитъ къ принудительной системѣ, требуемой организаціей арміи, и эта система распространяется также на всѣ служебныя части. Естественно устанавливается при этомъ та теорія, что не только воины, но и всѣ другіе члены общины должны быть перевоспитаны правительствомъ такъ, чтобы оказаться пригодными для своихъ функцій.

137. Не признавая основного различія между обществомъ, для котораго война составляетъ главное, а средства существованія—второстепенное, и тѣмъ обществомъ, у котораго отношенія какъ разъ обратны,—часто допускаютъ, что дисциплинирующая политика, пригодная для военнаго типа, годится и для ему противоположнаго. Но отношенія индивида къ государству въ обоихъ случаяхъ совершенно различны.

Въ отличіе отъ грека, который не принадлежалъ себѣ, но государству,—англичанинъ лишь въ незамѣтной мѣрѣ принадлежитъ своей націи, но весьма положительно принадлежитъ самому себѣ. Хотя, въ надлежащемъ возрастѣ, онъ можетъ быть, въ особомъ случаѣ, забранъ и поставленъ въ ряды защитниковъ отечества, все же эта случайность лишь въ ничтожной степени ограничиваетъ его частную собственность на свое тѣло и на самостоятельное управленіе своей дѣятельностью.

Въ цѣломъ рядѣ главъ мы видѣли, что прогрессивное законодательное установленіе тѣхъ правъ, которыя выводятся въ этики, утвердило свободное распоряженіе собою со стороны каждой особи и не только по отношенію къ другимъ индивидамъ, но, во многихъ случаяхъ, и относительно государства. Государство, защищая личность противъ насилій другихъ лицъ, въ разныхъ отношеніяхъ само перестало совершать насилія. Очевиднымъ слѣдствіемъ является тотъ выводъ, что въ состояніи постоянного мира эта переменна отношеній стала бы всецѣлою.

Какимъ образомъ этотъ выводъ относится къ спорному вопросу? Выводъ тотъ, что личность прежде перерабатывалась обществомъ для его цѣлей, тогда какъ теперь личность должна перерабатывать общество для своихъ цѣлей. Въмѣсто прочнаго политическаго тѣла, управляющаго массами составляющихъ его единицъ для совокупной ихъ дѣятельности—общество, утратившее свою принудительную организацію и сдерживающее составляющія его единицы лишь такими узами, которыя необходимы для мирной коопераціи, становится попросту средою для ихъ дѣятельностей. Еще разъ позвольте мнѣ подчеркнуть ту истину, что такъ какъ общество, въ своемъ корпоративномъ составѣ, не есть чувствующее существо, и такъ какъ чувствительность заключается исключительно въ составляющихъ его единицахъ, то единственнымъ основаніемъ для подчиненія чувствительности единицъ—лишенной чувства жизни общества, является военная организація, пока она обезпечиваетъ наилучшее самосохраненіе этихъ чувствующихъ единицъ. Но это основаніе отчасти отпадаетъ по мѣрѣ упадка военнаго строя, и исчезаетъ вполне, какъ только индустриализмъ становится полнымъ. Притязаніе общества дисциплинировать гражданъ исчезаетъ. Нѣтъ болѣе силы, могущей надлежащимъ образомъ вѣдписывать форму, которая должна быть усвоена личною жизнью.

„Но навѣрное общество, въ его корпоративномъ составѣ, руководимое соединеннымъ умомъ его наилучшихъ членовъ можетъ съ успѣхомъ выработать такое понятіе объ индивидуальной природѣ, которое будетъ всего лучше пригодно для гармонической индустриальной жизни; вѣроятно оно съумѣетъ выработать и дисциплину, рассчитанную на созданіе такой природы?“

Въ этомъ случаѣ молчаливо допускается право общества навязывать, при посредствѣ своихъ агентовъ, выработанный имъ планъ. Это воображаемое право совершенно несогласно, однако, съ выводами предыдущихъ главъ. Но, не останавливаясь здѣсь на этомъ вопросѣ, посмотримъ, насколько общество приспособлено къ рѣшенію относительно желательнаго характера

своихъ членовъ и относительно средствъ, пригодныхъ для созданія того или иного характера.

138. Хорошъ-ли или дурень избранный идеаль гражданина и хороши-ли средства для достиженія этой цѣли, но выборъ такого идеала неизбежно влечетъ за собою три послѣдствія, и всѣ три приводятъ къ осужденію всего дѣла.

Система должна клониться къ достиженію однообразія. Если предпринятія мѣры вообще приведутъ къ какому бы то ни было результату, то, безъ сомнѣнія, отчасти этотъ результатъ приведетъ къ нѣкоторому сходству между индивидами. Отрицать это значитъ отвергать успѣшность примененнаго процесса. Но по мѣрѣ достиженія однородности является задержка прогресса. Каждый, кто изучалъ явленія природы, знаетъ, что безъ разнообразія нѣтъ прогресса, безъ разнородности жизнь совсѣмъ не могла бы развиваться. Неизбѣжный выводъ тотъ, что дальнѣйшій прогрессъ долженъ встрѣтить помѣху, если является препятствіе къ возникновенію разнородности.

Далѣе слѣдуетъ утвержденіе пассивной воспріимчивости любой формы, какую только вздумаетъ навязать государство. Составляетъ-ли покорность часть той природы, которую общество, какъ корпоративное цѣлое, намѣрено придать своимъ единицамъ, или не составляетъ, во всякомъ случаѣ, общество не можетъ навязать своихъ плановъ, не встрѣтивъ покорности или не создавъ ея. Гласно или негласно, одной изъ сторонъ желательнаго характера должна быть готовность каждаго гражданина самому покоряться или же принуждать своихъ дѣтей къ покорности—къ дисциплинѣ, которую намѣрены навязать немногіе или многіе граждане. Могутъ быть люди, признающіе чертою высокой человѣчности такое приспособленіе воспитанія человѣческой природы къ волѣ агрегата, составленнаго большею частью изъ низшихъ единицъ. Но съ такими людьми мы не станемъ спорить.

Еще одинъ дальнѣйшій выводъ это тотъ, что или не существуетъ никакого естественнаго процесса, посредствомъ котораго граждане могутъ быть сформированы по извѣстному образцу, или же этотъ естественный процессъ долженъ быть замѣненъ искусственнымъ. Сказать первое, значитъ утверждать, что, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ существъ, стремящихся стать приспособленными къ своей средѣ, человѣкъ не стремится къ такой приспособленности,—не стремится подвергнуться перемѣнамъ, приспособляющимъ его къ жизни, требуемой условіями. Но сказать это, значитъ признать, что человѣческія разновидности возникли безъ всякой причины, или же что онѣ были причинены дѣятельностью правительствъ. Кто этого не утверждаетъ, тотъ долженъ допустить, что люди

стремятся естественно приспособляться къ требованіямъ развитаго соціального состоянія; но это допущеніе поколеблетъ увѣренность въ томъ, что искусственнымъ путемъ можетъ быть достигнуто лучшее приспособленіе.

139. Отъ абстрактнаго разсмотрѣнія вопроса перейдемъ къ болѣе конкретному. Рѣшено, положимъ, создать гражданъ приспособленныхъ къ жизни въ данномъ обществѣ. Откуда вывести понятіе о приспособленности? Люди наследуютъ не только физическія и душевныя организаци предковъ, но также, вообще говоря, ихъ идеи и убѣжденія. Господствующее понятіе о желательномъ типѣ гражданина должно поэтому быть продуктомъ прошедшаго, слегка видоизмѣненнаго настоящимъ; и предполагается, что прошедшее и настоящее передадутъ это понятіе будущему. Каждый, кто безпристрастно разсмотритъ дѣло, едва-ли проглядитъ, что здѣсь, въ другой области, повторяются нелѣпости, совершаемыя во всѣ эпохи всякимъ народомъ въ области его вѣрованій. Всюду и вездѣ средній человѣкъ воображаетъ, что вѣрованія, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, единственно истинныя. Хотя для него должно быть очевиднымъ, что навѣрное во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного, вѣрованія, которыхъ придерживаются такъ же твердо, — тѣмъ не менѣе ложны; однако, какъ и всякій другой, онъ увѣренъ, что именно его вѣра и есть исключеніе изъ правила. Самоувѣренность не менѣе нелѣпая обнаруживается людьми, намѣренными навязать будущему свой идеаль гражданина. Тотъ воспринятый типъ, который порожденъ потребностями прошлаго и настоящаго, по ихъ мнѣнію, безъ сомнѣнія былъ бы типомъ, пригоднымъ для будущихъ временъ. Но достаточно оглянуться на далекое прошлое, когда промышленная жизнь признавалась презрѣнною, а подъ добродѣтелью подразумѣвали мужество, храбрость, смѣлость; или на менѣе отдаленное прошлое, когда благородный означало рожденнаго отъ знатныхъ предковъ, тогда какъ рабочій и подлый были синонимами. Вспомнимъ время, когда постыдная покорность каждаго званія высшему званію признавалось верховнымъ долгомъ; или то время, когда добрый гражданинъ всякаго чина долженъ былъ униженно принимать предписанную ему вѣру. Мы увидимъ, что характеры, считавшіеся пригодными для людей, были не похожи на тѣ, которые теперь считаются пригодными. Тѣмъ не менѣе, не очень мудрые представители избирателей, болшею частію невѣжественныхъ, готовы, съ папской непогрѣшимостью, устанавливать форму желательной человѣ-

ческой природы и приспособлять будущія поколѣнія къ этой формѣ. При такой самоувѣренности относительно цѣлей, они не менѣе самоувѣренны касательно средствъ; хотя въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ, прошедшее доказываетъ имъ, какъ неудачны были методы, примѣнявшіеся въ теченіе вѣковъ. Во всемъ христіанскомъ мірѣ, съ его храмами и церквями, съ его обиліемъ благочестивыхъ книгъ и обрядовъ, имѣющихъ цѣлью внушеніе религіи любви, — религіи, поощряющей милосердіе и всепрощеніе, — мы видимъ господство насилія и мстительности, какую можно найти повсюду у дикарей. Люди, ежедневно читающіе свои Библии, посѣщающіе заутреннее богослуженіе и молящіеся по цѣлымъ недѣлямъ, посылаютъ вѣстниковъ мира къ низшимъ расамъ, которыя немедленно изгоняются изъ своей страны разбойничьими экспедиціями, дозволенными властью, находящейся на Даунингъ-Стритѣ. Сопротивляющіеся набѣгу признаются „бунтовщиками“, оказываемое ими возмездіе признается „убійствомъ“, а покореніе ихъ окрещивается „умиротвореніемъ“.

Видя, такимъ образомъ, достаточное основаніе для отверженія искусственнаго метода формировки гражданъ и признавая этотъ методъ одинаково дурнымъ по цѣли и по средствамъ, мы имѣемъ полное основаніе довѣрять естественному методу — самопроизвольному приспособленію гражданъ къ соціальной жизни.

140. Органическій міръ, взятый въ общемъ, преисполненъ безчисленными и необычайно разнообразными примѣрами, поясняющими ту истину, что, прямыми или же косвенными путями, способности всякаго рода существъ приспособляются къ ихъ жизненнымъ потребностямъ, и далѣе, что упражненіе каждой приноровленной способности становится источникомъ удовлетворенія. Въ нормальномъ порядкѣ вещей, не только возникаетъ особый мотивъ для каждой обязанности, но сознаніе наполняетъ болѣе или менѣе пріятныя чувства, сопровождающія дѣйствіе этихъ мотивовъ. Далѣе, нашъ выводъ тотъ, что тамъ, гдѣ гармонія была нарушена, она постепенно восстанавливается; гдѣ перемѣна обстоятельствъ разстроила способности и потребности, они медленно опять достигаютъ согласованія, либо посредствомъ переживанія наиболѣе приспособленныхъ, либо посредствомъ наслѣдственнаго дѣйствія употребленія или неупотребленія, или же обоими путями.

Этотъ законъ, справедливый для человѣческихъ существъ— какъ и для другихъ, подразумѣваетъ, что природа, наслѣдуемая нами отъ нецивилизованнаго прошлаго, и все еще весьма несовершенно приспособленная къ отчасти цивилизованному настоящему, если только ей предоставить просторъ, медленно приспособится къ требованіямъ вполне цивилизованнаго будущаго. Далѣе, отсюда вытекаетъ, что различныя способности, вкусы, таланты, установившіеся постепенно, будутъ влечь за собою удовлетвореніе при выполненіи разныхъ обязанностей, требуемыхъ соціальною жизнью.

Уже достигнута значительная способность работать, которою не обладаютъ дикари; уже развилась способность къ упорядоченной коопераціи при добровольномъ соглашеніи; достигнута и такая степень самообузданія, что большая часть людей проводятъ жизнь безъ помѣхи другимъ людямъ; уже таковы альтруистическіе интересы, признаваемые гражданами въ общественныхъ дѣлахъ, что являются усилія,— индивидуальныя и самопроизвольно сочетающіяся между собою,— достигающія общественныхъ цѣлей. Симпатіи людей стали уже достаточно дѣятельными для того, чтобы породить многочисленныя филантропическія учрежденія— можно сказать даже, черезчуръ многочисленныя. И если въ теченіе этихъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ дисциплина соціальной жизни достигла такъ многого, то безумно предполагать, что она не въ состояніи достигъ большаго; безумно думать, что она въ концѣ концовъ не достигнетъ всего необходимаго.

Еще одна истина не была нами высказана. Невозможно искусственнымъ путемъ сдѣлать то, что достигается естественнымъ путемъ. Дѣйствительно, настоящая сущность процесса, происходящаго самопроизвольно, состоитъ въ томъ, что каждая способность пріобрѣтаетъ годность для своей функціи посредствомъ выполненія этой функціи; а если эта функція выполняется посредствомъ подставнаго дѣателя, то не является никакого требуемаго приспособленія природы, но природа искажается такимъ образомъ, что приспособляется къ искусственнымъ порядкамъ, вмѣсто естественныхъ. Болѣе этого: ее приходится калѣчить и умять ради поддержки этихъ подставныхъ дѣателей. Итакъ, въ результатѣ получается не только никуда не годная, искалѣченная природа,— природа, не достигающая выполненія желательныхъ эффектовъ,— но ради поддержки учреждений, беру-

щихъ на себя надзоръ, уменьшаются средства существованія людей, которые подвержены этому надзору: подкапываются подъ ихъ жизнь и препятствуютъ имъ приспособляться инымъ путемъ.

Далѣе, позвольте мнѣ подчеркнуть основное различіе. Пока война является жизненною цѣлью, вытекающая изъ нея принудительная кооперація подразумѣваетъ формированіе единицъ цѣлыхъ агрегатомъ ради его цѣлей. Но когда является преобладаніе добровольной коопераціи, характеризующей индустриализмъ, то формировка должна достигаться самопроизвольно посредствомъ самоприспособленія къ добровольной коопераціи. Едва-ли здѣсь приспособленіе можетъ быть произведено инымъ путемъ.

141. И вотъ теперь мы, наконецъ, достигаемъ общаго принципа, выраженнаго съ самаго начала. Всѣ основанія въ пользу противодѣйствія первичному закону общественной жизни оказываются шаткими.

Нельзя достигъ прочныхъ результатовъ иначе, какъ согласуясь съ этимъ закономъ. Если можно было бы заставить политика понять сущность его плановъ, то онъ остолбенѣлъ бы, понявъ свою собственную дерзость. Онъ предлагаетъ устранить, какимъ бы то ни было способомъ или въ какой бы то ни было степени, тотъ процессъ, посредствомъ котораго развилась вся жизнь: онъ желаетъ провести бездну между поведеніемъ и его послѣдствіемъ. Законъ жизни, въ широкомъ смыслѣ слова, долженъ быть отчасти нарушенъ подобнымъ планомъ; но въ частности должна быть нарушена та его форма, которая вытекаетъ изъ общественнаго состоянія. Нарушая своимъ вмѣшательствомъ принципъ справедливости, общей всѣмъ живымъ существамъ, политикъ въ особенности стремится нарушить принципъ человѣческой справедливости, требующій, чтобы каждый пользовался выгодами, достижимыми въ надлежащихъ предѣлахъ дѣятельности; онъ желалъ бы перераспредѣлить эти выгоды. Тѣ результаты опыта, накопляемаго въ каждомъ цивилизованномъ обществѣ, которые, послѣ записи ихъ въ законодательствѣ, въ теченіе вѣковъ устанавливали права людей все яснѣе и яснѣе, просто игнорируются имъ въ томъ или иномъ случаѣ, а права попираются. И въ то время какъ, въ теченіе столѣтій, господствующія общественныя силы, поддерживая права людей противъ посягательствъ, въ свою очередь отказались отъ насилія противъ этихъ правъ, —

изобрѣтатели законодательныхъ проектовъ желали бы обернуть колесо назадъ и ослабить ту свободу дѣятельности, которая постоянно усиливалась. Такимъ образомъ, политика, приводя къ нулю основной принципъ жизни вообще и первый принципъ соціальной жизни въ особенности, игнорируетъ также обобщенные результаты наблюденія и опыта, накопленные въ теченіе тысячелѣтій. И все это на какомъ основаніи? Ради извѣстныхъ результатовъ воображаемой политики, изъ которыхъ каждый, какъ мы видимъ, не надеженъ.

Но требуется-ли какое-либо подробное опроверженіе? Можетъ-ли существовать бѣлая невольность, нежели предложеніе улучшить соціальную жизнь посредствомъ нарушенія основного закона этой жизни?!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе А.

Идея права у Канта.

Изъ тѣхъ путей, которые предстояли многимъ умамъ въ теченіе столѣтій, почти всѣ должны оказаться початыми, если не изслѣдованными. Отсюда всегда есть значительная вѣроятность противъ предположенія, чтобы въ какомъ бы то ни было ученіи содержалась абсолютно новая истина. Это замѣчаніе внушено однимъ такимъ ошибочнымъ предположеніемъ.

Основной принципъ, высказанный въ главѣ, озаглавленной „Формула справедливости“ это тотъ самый, который былъ выставленъ мною въ „Соціальной Статикѣ“ (условія, существенныя для человѣческаго счастья, ихъ указаніе и развитіе главныхъ изъ нихъ), первоначально изданной въ концѣ 1850 года. Тогда я предполагалъ, что я былъ первымъ, признавшимъ законъ равной свободы отвлеченнымъ выраженіемъ разнообразныхъ конкретныхъ случаевъ справедливости. Но я ошибся. Во второй изъ двухъ статей, озаглавленныхъ „Гербертъ Спенсеръ и его теорія общества“ м-ръ Мэтландъ (Maitland), въ настоящее время профессоръ права въ Кембриджѣ, занимающій кафедру, учрежденную Доунингомъ, указалъ въ журналѣ Mind (Томъ VIII, 1883 г., стр. 508—509), что уже Кантъ высказалъ, другими словами, подобное же ученіе. Не будучи въ состояніи прочесть нѣмецкихъ цитатъ, приводимыхъ Мэтландомъ, я не могъ провѣрить это показаніе. Но когда я взялся за этотъ вопросъ снова и достигъ главы „Формула Справедливости“, то стало необходимымъ окончательно убѣдиться, каковы были взгляды Канта. Я нашелъ ихъ въ недавнемъ переводѣ м-ра Хэсти (Hastie) сочиненія Канта, вышедшаго по англійски въ 1887 г. подъ заглавіемъ „Философія права“ (The Philosophy of Law, an exposition of the Fundamental Principles of Jurisprudence as the Science of Right). Здѣсь на стр. 45 встрѣчается слѣдующее утвержденіе: „Итакъ, право включаетъ совокупность условій, при которыхъ добровольная дѣятельность любой данной личности можетъ быть въ дѣйствительности согласована съ добровольными дѣятельностями всякой другой личности, сообразно всеобщему закону свободы“. А затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ, гдѣ читаемъ:

Всеобщій принципъ права.

Всякое дѣйствіе *справедливо*, которое само по себѣ или же по максимѣ (правилу), на которомъ оно основано, — таково, что можетъ существовать совмѣстно со свободою воли каждаго и всѣхъ въ ихъ дѣятельности, согласно съ всеобщимъ закономъ.

Итакъ, если мое дѣйствіе или мое состояніе вообще можетъ совмѣщаться со свободою всякаго другого, сообразно съ всеобщимъ закономъ, то всякій, препятствующій мнѣ совершать это дѣйствіе или оставаться въ этомъ состояніи, оказываетъ по отношенію ко мнѣ несправедливость. Дѣйствительно, такая задержка или помѣха не можетъ совмѣщаться съ свободою, сообразною со всеобщимъ закономъ.

Отсюда также вытекаетъ, что нельзя требовать, какъ права, чтобы этотъ всеобщій принципъ всѣхъ правилъ былъ самъ принятъ, какъ мое правило, т. е. чтобы я сдѣлалъ его *правиломъ* моихъ дѣйствій. Дѣйствительно, кто-либо можетъ быть свободенъ, хотя его воля совершенно безразлична для меня, или даже, если бы я въ душѣ желалъ ее ограничить, — до тѣхъ поръ, пока я въ дѣйствительности не нарушу этой свободы *моимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ*. Этика, однако, въ отличіе отъ юриспруденціи, налагаетъ на меня обязанность сдѣлать осуществленіе права *правиломъ* моего поведенія. Всеобщій законъ права можетъ, поэтому, быть выраженъ такъ: дѣйствуй внѣшнимъ образомъ такъ, чтобы свободное упражненіе твоей воли могло быть способно къ совмѣстному существованію съ свободою всѣхъ другихъ, согласно съ всеобщимъ закономъ. Это, безъ сомнѣнія, есть законъ, налагающій на меня обязательство; но онъ вовсе не подразумеваетъ и еще менѣе повелѣваетъ мнѣ, чтобы я былъ *долженъ*, единственно на основаніи этого обязательства, ограничить мою свободу этими самыми условіями. Разумъ въ этомъ отношеніи утверждаетъ только, что онъ ограниченъ настолько своей идеей и можетъ быть также ограниченъ такимъ образомъ фактически другими; и онъ устанавливаетъ это какъ постулатъ, который не подлежитъ дальнѣйшему доказательству. Такъ какъ имѣющаяся въ виду цѣль состоитъ не въ наученіи добродѣтели, но въ объясненіи того, что такое *есть* право, то постольку законъ права, такимъ образомъ установ-

ленный, не может и не долженъ быть представляемъ, какъ побудительный принципъ дѣятельности“.

Эти цитаты дѣлаютъ яснымъ, что Кантъ достигъ вывода, хотя и не тождественнаго съ моимъ собственнымъ, но близко съ нимъ родственнаго. Стоитъ, однако, замѣтить, что мысль Канта, хотя сходная по природѣ, отличается отъ моей и по происхожденію, и по формѣ.

Какъ показано на одной изъ предыдущихъ страницъ, его выводъ достигается изслѣдованіемъ „источниковъ такихъ сужденій въ чистомъ разумѣ“ и составляетъ часть „метафизики морали“. Между тѣмъ, какъ видно изъ стр. 67—68 первоначальнаго изданія моей „Соціальной статьи“, законъ равной свободы, тамъ очерченный и затѣмъ сформулированный, рассматривается какъ выраженіе первичнаго условія, которое должно быть выполнено, прежде чѣмъ величайшая степень счастья можетъ быть достигнута близкими по природѣ и живущими въ близкомъ общеніи существами. Кантъ высказываетъ апріорное требованіе, рассматривая его независимо отъ благодѣтельныхъ послѣдствій, тогда какъ я высказала то же апріорное требованіе, какъ нѣчто такое, что, при обстоятельствахъ, вынужденныхъ соціальнымъ состояніемъ, должно быть приспособлено къ достиженію благодѣтельныхъ цѣлей.

Стоитъ отмѣтить также различіе формы, въ которой представляется это понятіе. На стр. 56 Кантъ, правда, говоритъ, что „существуетъ лишь одно прирожденное право, а именно право свободы“ и, стало быть, ясно признаетъ положительный элементъ въ понятіи справедливости. Однако, въ цитированныхъ выше мѣстахъ, право личности на свободу представляется какъ вытекающее изъ неправоты поступковъ, посягающихъ на эту свободу. Отрицательный элементъ, или обязательство уважать границы, является господствующею идеей; у меня, въ роли первичнаго, выступаетъ положительный элементъ — право свободы дѣятельности, тогда какъ отрицательный элементъ, вытекающій изъ ограниченной, налагаемыхъ присутствіемъ другихъ людей, представляется какъ второстепенный. Это различіе, быть можетъ, не лишено значенія; дѣйствительно, выставлять на первый планъ обязательство кажется естественнымъ для общественнаго состоянія, въ которомъ политическія помѣхи значительны, тогда какъ выставлять на первый планъ притязанія представляется естественнымъ для соціальнаго состоянія, гдѣ существуетъ большая степень утвержденія индивидуальности.

Приложение В.

Земельный вопросъ.

Развитіе природы съ ея „окрававленными зубами и когтями“ было на высшей ступени развитіемъ цивилизаціи. Посредствомъ „крови и желѣза“ мелкія группы людей были соединены въ болѣе крупныя, а эти—въ еще болѣе крупныя, пока, наконецъ, не образовались націи. Этотъ процессъ, вездѣ и всюду происходившій при посредствѣ грубой силы, привелъ къ нагроможденію насилій надъ насиліями. Дикія племена медленно были скрѣплены посредствомъ грубыхъ средствъ. Мы не могли бы, если бы захотѣли, прослѣдить акты безцеремоннаго насилія, совершенныя въ теченіе тысячелѣтій; да если бы и могли, то не имѣли бы возможности исправить дурныя послѣдствія.

Землевладѣніе было установлено этимъ путемъ; и если происхожденіе землевладѣнія было преисполнено несправедливостями, то это были несправедливости, совершенныя не предками какого-либо одного изъ существующихъ классовъ, но предками всѣхъ существующихъ теперь людей. Дальніе предки нынѣшнихъ англичанъ были разбойниками, заграбившими землю другихъ разбойниковъ, въ свою очередь ограбившихъ такихъ же предшественниковъ. Норманнское грабительство, мѣстами полное, мѣстами частное, относилось къ землямъ, которыя за нѣсколько вѣковъ были захвачены, однѣ—датскими и норвежскими пиратами, другія въ болѣе раннія времена—ордами фризовъ или древнихъ англичанъ. Собственники-кельты, изгнанные или поработанные этими послѣдними, въ предшествующіе вѣка сами экспроприировали народы, жившіе въ подвальныхъ жилищахъ или землянкахъ, до сихъ поръ еще находимыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Что случилось бы, если бы мы пытались отдать назадъ земли, несправедливо отобранныя, т. е. если бы норманны должны были отдать отобранное датчанамъ, норвежцамъ и фризамъ, а эти послѣдніе—кельтамъ, а кельты—пещернымъ жителямъ, пользовавшимся кремневыми орудіями? Единственной возможной сдѣлкой было бы возвращеніе всей Великобританіи цѣликомъ валлійцамъ (жителямъ Уэльса) и шотландскимъ горцамъ; а если эти послѣдніе не должны были бы уступить отобраннаго, то только потому, что они

не просто отобрали земли у туземцевъ, но перебили ихъ и тѣмъ узаконили свое право собственности!

Многіе въ настоящее время выражаютъ пожеланіе, чтобы земельная собственность сообразовалась съ требованіями чистой справедливости. Это требованіе само по себѣ заслуживаетъ одобренія, и у нѣкоторыхъ людей вызывается чувствомъ добросовѣстности. Было бы, однако, желательно, чтобы люди, выражающіе подобныя требованія, высказывали ихъ не только по отношенію къ здѣшнему землевладѣнію, но и относительно различныхъ колонизируемыхъ областей: и тамъ слѣдовало бы соблюдать требованія чистой справедливости. Въ настоящее время негодованіе противъ несправедливаго присвоенія земли, происходившаго нѣкогда въ нашемъ отечествѣ, не сопровождается негодованіемъ противъ самыхъ худшихъ способовъ присвоенія, примѣняемыхъ теперь въ чужихъ странахъ. Какъ обладатели господствующей политической власти и какъ поставщики пушечнаго мяса нашихъ армій, народныя массы отвѣтственны за тѣ отвратительныя дѣянія во всѣхъ частяхъ земного шара, которыя оканчиваются захватомъ новыхъ территорій и экспроприаціей жителей. Разбойничьи экспедиціи старинныхъ англичанъ повторяются, въ гораздо крупнѣйшемъ масштабѣ, въ разбойничьихъ экспедиціяхъ нынѣшнихъ англичанъ. Но люди, проклинающіе древнія узурпаціи, не говорятъ ни слова для протеста противъ этихъ гораздо худшихъ новѣйшихъ узурпацій. Нѣтъ, они даже являются помощниками и пособниками. Оставаясь пассивными и молчаливыми, когда идетъ рѣчь о всемірномъ земельномъ грабительствѣ, которое могло бы быть приостановлено ихъ голосованіемъ, и поставляя солдатъ, выполняющихъ этотъ грабежъ, они являются отвѣтственными лицами. При посредствѣ своихъ депутатовъ, они въ этихъ случаяхъ совершаютъ худшія и болѣе многочисленныя несправедливости, чѣмъ тѣ, которыя были совершены по отношенію къ ихъ предкамъ.

Естественно, что массы безземельныхъ смотрятъ на частную земельную собственность, какъ на несправедливое учрежденіе; мы видѣли, что у нихъ есть на это основаніе. Но если рѣчь идетъ объ исправленіи, то на первое мѣсто слѣдуетъ поставить вопросъ: кто обиженные и кто обидчики? Оставимъ въ сторонѣ тотъ первичный фактъ, что предки нынѣшнихъ англичанъ, имѣющихъ землю или безземельныхъ, были, всѣ вмѣстѣ, людьми, отобравшими землю силою у пер-

выхъ собственниковъ. Будемъ думать только о насилии и обманѣ, посредствомъ которыхъ извѣстные предки овладѣли землей, тогда какъ другіе утратили ее. Первый являющійся здѣсь вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: кто потомки и тѣхъ, и другихъ? Молчаливо допускаютъ, что нынѣшніе землевладѣльцы составляютъ потомство узурпаторовъ, а безземельные — потомство ограбленныхъ. Но это далеко не такъ. Среди дворянства есть, напр., весьма мало лицъ, получившихъ свои титулы въ дни послѣднихъ узурпацій, и нѣтъ такихъ, которыя получили бы ихъ въ дни самыхъ первыхъ узурпацій. Среди нынѣшнихъ землевладѣльцевъ есть много такихъ, которые, судя по фамиліямъ, происходятъ отъ ремесленниковъ. Ясно, что теперь нельзя найти потомковъ людей, присвоившихъ себѣ землю. Наоборотъ, велико число безземельныхъ, являющихся, судя по фамиліямъ, потомками высшихъ сословій; число придется еще удвоить, если принять во вниманіе браки съ потомками по женской линіи. Ясно, что изъ нынѣшнихъ безземельныхъ многіе по крови являются потомками узурпировавшихъ землю. Поэтому горькое чувство по отношенію къ землевладѣльцамъ, возникающее у многихъ безземельныхъ, вспоминающихъ о прошлыхъ временахъ, въ значительной мѣрѣ неумѣстно. Они сами въ значительной степени являются потомками грѣшниковъ, тогда какъ тѣ, противъ кого они ратуютъ, являются съ значительной степенью потомками потерпѣвшихъ.

Но согласимся со всѣмъ тѣмъ, что говорятъ о прошлыхъ несправедливостяхъ и оставимъ въ сторонѣ всѣ прочія препятствія, стоящія на пути справедливаго перераспредѣленія. Существуетъ еще одно препятствіе, котораго, кажется, обыкновенно не замѣчаютъ. Даже допуская, что англичане, какъ раса, овладѣли землею на справедливомъ основаніи (что не правда); допуская, что нынѣшніе землевладѣльцы — потомки грабителей (а это въ значительной степени не такъ); предполагая, что нынѣшніе безземельные — потомки ограбленныхъ (и это во многихъ случаяхъ не правда), — все же придется признать одну сторону вопроса, въ значительной мѣрѣ препятствующую возстановленію нарушенныхъ правъ. Если мы вообще ссылаемся на прошлое, то надо брать это прошлое цѣликомъ, т. е. принять во вниманіе не только то, что люди вообще потеряли посредствомъ присвоенія земли частными лицами, но и то, что они получили въ обмѣнъ. Необходимо, стало быть, принять во вниманіе помощь, оказываемую на

основаниі законодательства о бѣдныхъ. М-ръ Т. Маккэй, авторъ книги The English Poor, былъ такъ любезенъ, что доставилъ мнѣ слѣдующую выписку, показывающую нѣчто вродѣ полного итога, даннаго налогомъ въ пользу бѣдныхъ со временъ Елисаветы (1601 г.) въ Англии и Уэльсѣ.

Сэръ Никольсъ (G. Nicholls, Hist. of Poor Law, прибавл. къ т. II) не рѣшается приводить вычисленій раньше 1688 года. Для этой эпохи онъ опредѣляетъ налогъ въ пользу бѣдныхъ приблизительно въ 700,000 ф. ст. въ годъ. До начала нашего столѣтія цифры болѣе или менѣе приблизительны.

ГОДЫ.	Основа исчисления.	Милліоны фунтовъ стерлинговъ.
1601—1630	примѣрно 3	3
1631—1700	(1688 по Никольсу 700 тыс.)	30
1701—1720	(1701 " " 900 ")	20
1721—1760	(1760 " " 1 1/4 милл.)	40
1761—1775	(1775 принято 1 1/2 ")	22
1776—1800	(1784 " " 2 ")	50
1801—1812	(1803, 4 милл. 1813, 6 ")	65
1813—1840	(по точнымъ даннымъ Никольса)	170
1841—1890	(по Мельголю, Dict. of Statist. и Statist. Abstract)	334
		734

Это цифры, указывающія на суммы, *израсходованныя* въ пользу бѣдныхъ. Подъ общимъ названіемъ „налога въ пользу бѣдныхъ“ (poor-rate) всегда собирались суммы на другія цѣли, напр. налоги въ пользу графствъ, приходовъ, на полицію и др. Слѣдующая таблица показываетъ ежегодный размѣръ этихъ налоговъ по сравненію съ суммами, расходуемыми на бѣдныхъ.

Цитируемый авторъ.	Годъ.	Полная сумма (сборъ).	Расходъ на бѣдныхъ.	Прочіе расходы.
Никольсъ	1803	5.348,000	4.077,000	1.271,000?
	1813	8.646,841	6.656,106	1.990,735?
	1853	6.522.412	4.939,064	1.583.341?

(Послѣдняя графа вычислена только по балансу).

(Р а с х о д ъ).

Мельголь	1875	12.694,202	7.488,481	5.205,727
(Stat. abstract)	1889	15.970,126	8.366,477	7.603,649

(Здѣсь послѣдняя графа означаетъ дѣйствительный расходъ).

Итакъ, кромѣ цифръ, указанныхъ раньше въ первой таблицѣ, надо имѣть въ виду сумму, идущую на другія цѣли и составляющую отъ $1\frac{1}{4}$ до $7\frac{1}{2}$ милл. въ годъ въ нашемъ столѣтїи.

Мельголлъ для 1853—1875 не даетъ графы „другихъ расходовъ“.

Разумѣется, изъ 734.000,000 фун. стерлинг. израсходованныхъ на бѣднѣйшихъ членовъ класса безземельныхъ въ теченіе трехъ столѣтїй, часть возникла изъ налоговъ на дома. Лишь та часть, которая падаетъ на поземельную ренту, можетъ быть правильно включена въ сумму, доставленную землю. Отъ одного землевладѣльца, въ то же время состоящаго въ совѣтѣ королевы и часто по профессїи являющагося посредникомъ по вопросу о мѣстномъ обложенїи налогами, я получилъ слѣд. сообщенїе: по его мнѣнїю, если сказать, что изъ суммъ, полученныхъ бѣдными, на землю падаетъ 500 милл. ф. стер., то эта оцѣнка будетъ ниже истинной.

Такимъ образомъ, если даже мы станемъ игнорировать тотъ фактъ, что это количество, постепенно уплаченное, при иномъ употребленїи, доставило бы такъ или иначе гораздо большую сумму, то все же очевидно, что притязанїямъ безземельныхъ можно противопоставить крупныя притязанїя землевладѣльцевъ—быть можетъ даже болѣе крупныя, чѣмъ имъ предъявляемыя.

Дѣйствительно, замѣтите теперь, что безземельные не имѣютъ справедливыхъ притязанїй на землю въ ея нынѣшнемъ состоянїи—вспаханную, подвергшуюся дренажу огоженную, унавоженную, застроенную фермами и т. п., но только на землю въ ея первобытномъ состоянїи, то каменистую, то болотистую, то покрытую лѣсомъ, бурьяномъ, верескомъ и т. д. Только эта земля принадлежитъ общинѣ. Поэтому является вопросъ: каково соотношенїе между первичной „степной цѣнностью“ земли и суммой, полученной бѣднѣйшими изъ безземельныхъ за послѣднїя три столѣтїя? Быть можетъ, землевладѣльцы въ состоянїи доказать, что за землю въ первобытномъ необработанномъ состоянїи, не доставляющую ничего, кромѣ дичихъ животныхъ и дичихъ плодовъ, сумма въ 500 милл. ф. стер. была бы высокою цѣною.

Когда въ „Соціальной статикѣ“, напечатанной въ 1850 г., я вывелъ изъ закона равной свободы то заключеніе, что земля не могла бы по справедливости быть отчуждена отъ общества, и доказывалъ, что, по вознагражденіи нынѣшнихъ владѣльцевъ, ее слѣдовало бы экспроприировать въ пользу общества, я проглядѣлъ предыдущія соображенія. Сверхъ того, я не видѣлъ ясно, что произошло бы, если бы было дано вознагражденіе за всю ту цѣнность, которая была придана землѣ трудомъ въ теченіе вѣковъ. Какъ видно изъ главы XI, я по прежнему придерживаюсь первоначальнаго вывода, что группа людей, образующихъ общество, является верховнымъ собственникомъ на землю; заключеніе это гармонируетъ и съ юридической доктриной и ежедневно примѣняется въ законодательствѣ; но въ то же время болѣе полный пересмотръ этого вопроса привелъ меня къ заключенію, что слѣдуетъ удержать частную собственность, хотя и подчиненную государственному верховенству.

Будь даже возможно исправить несправедливости, совершавшіяся въ теченіе тысячелѣтій, и посредствомъ нѣкотораго уравниванія притязаній и контръ-притязаній, прошедшихъ и нынѣшнихъ, совершить передѣлъ, справедливый съ отвлеченной точки зрѣнія, то все же въ результатѣ получилось бы положеніе дѣль менѣе желательное, чѣмъ теперь. Оставляя въ сторонѣ всѣ финансовыя возраженія противъ націонализаціи земли (сами по себѣ отвергающія сдѣлку, такъ какъ при справедливой оцѣнкѣ она была бы невыгодной), достаточно напомнить о томъ, насколько общественная администрація хуже частной, чтобы увидѣть, что государственное землевладѣніе приносило бы вредъ. При существующей системѣ, хозяйничающіе на землѣ испытываютъ непосредственное соотношеніе между усиленіемъ и выгодой; тогда какъ при государственномъ землевладѣніи хозяйничающіе не испытывали бы никакой прямой зависимости. Пороки бюрократизма неизбѣжно повлекли бы за собою чудовищныя бѣдствія.

Приложеніе С.

Моральный мотивъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ первыя пять главъ этой книги были первоначально напечатаны въ журналѣ *The Nineteenth Century*, достопочтенный Дэвисъ

(J. Llewelyn Davies) напечаталъ въ The Guardian (16 іюля 1890) нѣкоторыя критическія замѣчанія объ этихъ главахъ. Минуя то, что относится къ другимъ вопросамъ, ограничусь здѣсь чувствомъ долга и авторитетомъ, укрѣпляющимъ его. М-ръ Дэвисъ говоритъ:

„Насколько мнѣ извѣстно, м-ръ Спенсеръ, хотя его часто вызывали на объясненіе, ни разу не объяснилъ вполнѣ, какимъ образомъ, со своей философіей, онъ въ состояніи справиться съ обыденной рѣчью и чувствомъ свойственнымъ человѣчеству по отношенію къ долгу. Мнѣ приходится повторить одно мое критическое замѣчаніе, высказанное въ моей прежней статьѣ. Мнѣ вѣжется, что Спенсеръ подразумѣваетъ кое-что, имъ самимъ будто бы отвергаемое. Для построенія идеи и чувства справедливости, онъ подразумѣваетъ законъ, обладающій авторитетомъ надъ человѣческимъ умомъ и поведеніемъ, а именно тотъ законъ, что благосостояніе вида желательнѣе и что признаніе человѣческимъ умомъ этого закона, соотвѣтствуя ему, не требуетъ вслѣдствіе этого никакого оправданія. Но пытаюсь ограничиться изслѣдованіемъ естественной эволюціи, Спенсеръ вовсе не вправѣ пользоваться такимъ терминомъ, каковъ долгъ. Спрашивается, что можно прибавить къ изреченію Канта или какъ можно его опровергнуть?

„Если мы присмотримся просто къ явленіямъ природы, то слово *должно* не имѣетъ вовсе никакого смысла. Задаваться вопросомъ, какова *должна* быть природа, такъ же нелѣпо, какъ спрашивать, какого рода свойства *должны* имѣть кругъ. Единственный умѣстный вопросъ это слѣдующій: какъ происходятъ явленія природы? совершенно подобно тому, какъ мы можемъ спросить только, каковы въ дѣйствительности свойства круга?

„Когда Спенсеръ ораторствуетъ съ искреннимъ моральнымъ одушевленіемъ противъ насилія и другихъ дурныхъ дѣяній, когда онъ, напримѣръ, протестуетъ противъ „того злосчастнаго *laissez faire*, которое спокойно предоставляетъ людямъ разоряться, пытаюсь отстоять законнымъ путемъ свои справедливыя притязанія“ — въ этихъ случаяхъ онъ заимствуетъ *наши* громы, онъ похищаетъ огонь съ неба“. Далѣе, въ видѣ новаго довода, м-ръ Дэвисъ заканчиваетъ свою статью вопросомъ: гдѣ же „какое-либо оправданіе относительно пользованія этическими терминами со стороны

лица, увѣряющаго, что имъ описаны только естественные и необходимые процессы“.

Такъ какъ м-ръ Дэвисъ прислалъ мнѣ номеръ газеты Guardian, содержащій его письмо, отвѣтъ мой появился въ видѣ письма къ нему, напечатаннаго въ той же газетѣ отъ 6 августа. Опуская одно мѣсто, относящееся къ другому вопросу, привожу слѣдующее:

Ферфильдъ, 24 іюля 1890,

Дорогой м-ръ Дэвисъ. Номеръ газеты Guardian только что мною полученъ. Прочелъ вашу критику съ большимъ интересомъ. Если бы, вообще, критики писались въ томъ же духѣ!..

Ваше утверженіе, что я незаконно пользуюсь словами *долгъ*, *должно*, *обязанность* и т. п., напоминаетъ мнѣ критическія возраженія м-ра Лилли. При всемъ различіи, вы сходитесь въ томъ, что оба предполагаете, будто идея *дома* не можетъ имѣть никакого иного происхожденія, кромѣ сверхъестественнаго.

Это предположеніе подразумѣваетъ, что дѣйствія людей опредѣляются исключительно признаніемъ конечныхъ результатовъ, и что если это признаніе не приводитъ ихъ къ справедливости, то они вовсе не обладаютъ никакимъ мотивомъ для справедливыхъ поступковъ. Но множество чловѣческихъ дѣйствій прямо возбуждаются ихъ склонностями, безъ всякой мысли объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ, и среди дѣятельностей, имѣющихъ такой побудительный мотивъ, есть, во многихъ случаяхъ, и такія, которыя приводятъ къ благополучію другихъ людей. Хотя, по размышленіи, мы видимъ, что такія дѣятельности могутъ оказаться согласными съ цѣлями, признаваемыми за высочайшія, все же онѣ не возбуждаются мыслью о подобныхъ цѣляхъ.

Отношеніе прямыхъ побужденій къ косвеннымъ всего лучше проявляется въ одномъ обыденномъ случаѣ. Любой нормальный родитель затрачиваетъ много труда и мысли на содѣйствіе благополучію дѣтей и ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ, испытываетъ побужденіе поступать такъ, единственно подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства: онъ не можетъ вынести иного порядка вещей. Хотя онъ не испытываетъ побужденія поступать такимъ образомъ, по причинѣ сознанія, что онъ *долженъ* это дѣлать, все же, если вы спросите его о причинахъ, побуждающихъ къ такому самопожертвованію, онъ скажетъ вамъ, что дѣйствуетъ по обязан-

ности. Если же вы станете допрашивать далѣе, то вынудите у него признаніе факта, что если бы люди вообще не поступали такъ, то человѣчество должно было бы исчезнуть. Хотя сознаніе обязанности можетъ оправдать, а быть можетъ немало и укрѣпить мотивы его естественныхъ привязанностей, все же этихъ послѣднихъ вполне достаточно самихъ по себѣ. То же можно сказать объ идеѣ обязанности, по отношенію къ поведенію нашихъ ближнихъ. Какъ вамъ должно быть извѣстно изъ вашего личного опыта, такое поведеніе можетъ быть слѣдствіемъ непосредственнаго желанія, безъ мысли о какихъ-либо иныхъ послѣдствіяхъ, кромѣ оказываемыхъ благодѣяній. Хотя эти благодѣянія оказываются по причинѣ простаго желанія оказать ихъ, но если возбуждается вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли ихъ оказать, то является отвѣтъ, что мы обязаны содѣйствовать человѣческому благополучію.

Вы утверждаете, что моя теорія моральнаго руководства не доставляетъ мнѣ никакой гарантіи относительно моего негодованія противъ насилія или другихъ дурныхъ поступковъ; вы утверждаете, что въ такихъ случаяхъ я заимствую ваши громы. Этимъ подразумѣвается утвержденіе, что только люди, принимающіе господствующія вѣрованія, обладаютъ кѣмъ бы то ни было правомъ испытывать негодованіе, видя, что другіе люди подвергаются насилію.

Но я не могу позволить вамъ монополизировать справедливое негодованіе. Если вы спросите, что побуждаетъ меня клеймить наше несправедливое обращеніе съ низшими расами, мой отвѣтъ будетъ тотъ, что побужденіемъ является въ этомъ случаѣ чувство, возбуждаемое во мнѣ совершенно независимо отъ какого бы то ни было чувства долга, совершенно независимо отъ всякой мысли о божественномъ повелѣніи, совершенно независимо отъ всякой мысли о наградѣ или наказаніи въ этомъ или въ иномъ мірѣ. Отчасти это чувство является результатомъ сознанія причиняемаго страданія—это сознаніе всегда мучительно—частью же здѣсь является раздраженіе, зависящее отъ нарушенія закона поведенія, въ пользу котораго расположены мои чувства, при чемъ повиновеніе этому закону я считаю необходимымъ для благополучія человѣчества. Если вы скажете, что моя теорія не доставляетъ никакого основанія чувствовать это страданіе, отвѣтъ будетъ тотъ, что я не могу не чувствовать. Если же вы скажете, что моя теорія не доставляетъ мнѣ

никакого основанія въ пользу моего интереса для утверженія этого принципа, отвѣтъ будетъ тотъ, что я не могу не быть заинтересованнымъ. И если анализъ убѣждаетъ меня въ томъ, что чувство и принципъ, по своему характеру должны привести къ прогрессу человѣчества, т. е. къ высшей формѣ, способной къ большей долѣ счастія, то окажется, что хотя моя дѣятельность не побуждается непосредственно чувствомъ долга, однако она сообразуется съ моей идеей обязанности. Что мотивы, отсюда вытекающіе, могутъ дѣйствовать надлежащимъ образомъ, въ этомъ вы убѣдитесь, припомнивъ нѣкоторыя дѣла, происходившія лѣтъ 8 тому назадъ, и въ которыхъ мы оба принимали участіе. Едва-ли вы забыли, что люди, побуждаемые чувствами и идеями, вродѣ описанныхъ мною, а вовсе не какими-либо мотивами, доставляемыми господствующими вѣрованіями, обнаружили гораздо большую тревогу по поводу нашихъ отношеній къ чужимъ народамъ и по поводу того, что эти отношенія должны руководиться, такъ наз. христіанскими принципами, нежели большинство христіанъ.

Преданной Вамъ Гербертъ Спенсеръ.

P. S. Если хотите огласить это письмо, я вполне на это согласенъ. Настолько занятъ, что едва-ли смогу продолжать этотъ споръ.

На это письмо, напечатанное въ Guardian, Дэвисъ отвѣтилъ вторымъ письмомъ. Опускаю здѣсь также нѣкоторыя строки, относящіяся къ другому вопросу.

Керби Лондэль, 28 іюля 1890 г.

Дорогой м-ръ Спенсеръ! Весьма обязанъ вамъ за такой любезный отвѣтъ на вызовъ, съ которымъ я рискнулъ къ вамъ обратиться. Надѣюсь, вы не сочтете неумѣстнымъ, если я, несмотря на вашъ постскриптумъ, напечатаю нѣкоторыя соображенія, внушенныя мнѣ вашимъ письмомъ. Я всецѣло признаю благородное рвеніе въ пользу человѣческаго благополучія и негодованіе противъ насилія, обнаруживаемое вами и другими, не признающими никакой сверхъестественной санкціи морали. Нынѣшнее христіанство обязано многимъ—надѣюсь, дѣйствительно, выиграло многое—отъ вашего человѣчнаго рвенія и отъ смѣлыхъ протестовъ послѣдователей Конта.

Вѣра христіанина—это не принадлежность къ христіанскому міру въ узкомъ смыслѣ слова, но вѣрность закону

Христа и волю Небеснаго Отца. Христианинъ охотно допустить, что нѣкоторые *агностики* превзошли самихъ христианъ христианскими чувствами подобно тому, какъ самарянинъ посрамилъ священника и левита.

Для меня нисколько не затруднительно также допустить, что выполнение добрыхъ дѣлъ можетъ вытекать изъ симпатіи и изъ удовольствія совершать ихъ. Я не понимаю, почему допущеніе „сверхъестественнаго происхожденія какъ идеи долга“ предполагаетъ, что „дѣятельности людей опредѣляются только признаніемъ конечныхъ результатовъ, и что если признаніе это не приводитъ къ справедливости, то всякій мотивъ справедливыхъ поступковъ отпадетъ“. Я никогда не помышлялъ о возможности сомнѣваться въ томъ, что люди, въ значительной степени, руководствуются описанными вами мотивами. Что мнѣ было желательно знать, это слѣдующее: почему, когда является мысль о долгѣ, человѣкъ долженъ мыслить себя *обязаннымъ*, нравится-ли ему это или не нравится, поступить именно такъ, какъ того требуетъ сохраненіе вида? Я совершенно понимаю, что вы „не въ состояніи“ удержаться отъ попытокъ защитить другихъ людей отъ насилія; но вотъ чего я все-таки не вижу ясно: какимъ образомъ ваша философія оправдываетъ васъ, когда рѣчь идетъ объ упрекахъ по адресу тѣмъ людямъ, которые *могутъ* воздержаться отъ того, чтобы быть добрыми. Вы говорите, что природа дѣлаетъ мыслящаго родителя добрымъ, что она заставляетъ великодушнаго человѣка жертвовать собою ради блага ближнихъ. Но природа дѣлаетъ также многихъ родителей до себялюбія безопасными относительно интересовъ дѣтей; природа дѣлаетъ нѣкоторыхъ людей закоренѣлыми разбойниками. Они тоже не могутъ не быть тѣмъ, что они есть. Поэтому, есть-ли какой-либо смыслъ, съ вашей точки зрѣнія, въ томъ, чтобы сказать, что эти люди дѣйствуютъ такъ, какъ не должно было бы имъ дѣйствовать? Развѣ они почувствовали бы, что вы взываете къ ихъ чувству долга, если бы вы объяснили имъ какъ фактъ природы, что поступаай всѣ люди подобно имъ, то человѣческій родъ долженъ былъ бы исчезнуть? Съ точки зрѣнія м-ра Гексли, какъ философа, „вкусъ“ къ хорошему поведенію принадлежитъ къ тому же разряду, какъ музыкальный слухъ. У однихъ людей есть этотъ вкусъ, другіе лишены его; вопросъ, котораго я не могу обойти, состоитъ въ томъ, таково-ли послѣднее слово также вашей этики? Не могу понять, какимъ образомъ человѣкъ, преду-

прежденный въ томъ, что онъ дѣйствуетъ лишь по естественному импульсу, можетъ разумно сообразить, долженъ-ли онъ или не долженъ сдѣлать извѣстную вещь; или почему человекъ, знающій, что онъ дѣйствуетъ исключительно для удовлетворенія своихъ собственныхъ желаній, можетъ разумно пожертвовать собою ради какой-либо выгоды, достигаемой другими.

Такъ какъ я вовсе не знаю каковы „господствующія вѣрованія“ по спорному вопросу, то прошу принять ниже-слѣдующее, какъ сводъ моихъ собственныхъ убѣжденій по этому предмету: невидимая сила постепенно создала человечество посредствомъ процессовъ развитія; человѣческая совѣсть стала такою, что она соотвѣтствуетъ волѣ этой силы. Справедливость есть тотъ прогрессирующій порядокъ, который устанавливается Творцомъ среди людей. Онъ обязываетъ каждаго человека по мѣрѣ того, какъ человекъ усматриваетъ этотъ законъ; онъ чувствуетъ себя обязаннымъ, потому что онъ есть созданіе Творца. Вамъ искренне преданный Дж. Дэвисъ“.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему обсужденію спорнаго вопроса, замѣчу, относительно болѣе общаго вопроса, включеннаго въ послѣднія замѣчанія м-ра Дэвиса, что замѣчается любопытное тѣсное сродство между его взглядомъ и тѣмъ, который былъ много разъ высказываемъ мною. Въ § 34 „Основныхъ началъ“ я сказалъ, отвѣчая на предполагаемый вопросъ:

„Эти симпатіи въ одномъ принципамъ и отвращеніе къ другимъ не бездѣлица. Человекъ, со всѣми его способностями, стремленіями, вѣрованіями—не случайность, а продуктъ времени. Онъ долженъ помнить, что являясь потомкомъ прошедшаго, въ то же время является и отцомъ будущаго, и что его мысли подобны рожденнымъ имъ дѣтямъ, которыхъ онъ не можетъ безопасно обречь на смерть. Подобно всякому другому человеку, онъ можетъ вполне основательно признавать себя однимъ изъ безчисленныхъ дѣятелей, при посредствѣ которыхъ дѣйствуетъ неизвѣстная причина; и если неизвѣстная причина порождаетъ въ немъ извѣстныя вѣрованія, то онъ поэтому вправѣ исповѣдывать и осуществлять эти вѣрованія“.

Затѣмъ, въ „Данныхъ этики“ (§ 62), говоря о различныхъ типахъ нравственнаго ученія, какъ порознь выражающихъ ту или иную сторону истины, я сказалъ:

„Теологическое учение включает одну сторону. Если вмѣсто высшей воли, по предположенію, открывшейся сверхъестественнымъ путемъ, мы подставимъ естественное откровеніе той цѣли, которая осуществлена этой силой посредствомъ эволюціи,—тогда, изъ того, что эволюція всегда работала и теперь работаетъ въ пользу высшихъ формъ жизни, прямо вытекаетъ, что сообразованіе съ принципами, ведущими къ высшимъ формамъ, является содѣйствіемъ этой цѣли“.

Возвращаясь теперь къ спеціальному вопросу, я долженъ сначала замѣтить, что м-ръ Дэвисъ и люди съ сходными взглядами молчаливо подразумеваютъ, что будто понятіе „долга“ есть всеобщее и вполне упроченное понятіе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно переменнo и въ значительной степени относится къ социальнымъ потребностямъ даннаго времени. Въ статьѣ: „Этика Канта“, напечатанной въ журналѣ „Fortnightly Review“ (іюль 1888 года) и теперь содержащейся въ третьемъ томѣ моихъ „Очерковъ“ (Essays), я привелъ цитаты изъ семи писателей въ пользу того вывода, что у низшихъ расъ, можно сказать, отсутствуетъ идея „права“, что у нихъ вовсе нѣтъ чувства, соответствующаго понятію долгаго и общаго всѣмъ намъ, а гдѣ оно и существуетъ, тамъ оно часто направлено совсѣмъ иначе. У многихъ дикарей *долгъ* кровавой мести есть священнѣйшій изъ всѣхъ. Одно фиджійское поработненное племя утверждало, что „его *долгъ*—становиться пищею и жертвами вождей“, а Джексонъ говоритъ объ одномъ фиджійскомъ вождѣ, пришедшемъ въ состояніе религіознаго помѣшательства, вслѣдствіе убѣжденія, что богъ гнѣвается на него за то, что онъ убилъ мало враговъ. И не только у низшихъ расъ мы встрѣчаемъ понятіе о долгѣ, совершенно отличающееся отъ того, которое, по предположенію Дэвиса, признается людьми за наивысшій авторитетъ. У рифовыхъ пиратовъ на Мароккскомъ берегу нѣтъ худшаго оскорбленія человѣку, какъ сказать, что его отецъ умеръ въ постели—стало быть, не въ сраженіи во время разбойничьяго нападенія. То же видимъ у европейскихъ народовъ относительно дуэлей. Оскорбленный вынужденъ, вслѣдствіе сильнаго сознанія *обязанности*, вызвать оскорбителя; оскорбитель, безъ сомнѣнія, увѣренъ въ томъ, что онъ *долженъ* принять вызовъ; онъ и его товарищи сознаютъ, что *должно* сдѣлать нѣчто, осуждаемое исповѣдуемою ими вѣрою. Недавнее одобреніе, высказанное германскимъ императоромъ по адресу клубовъ дуэлистовъ, указывающихъ юношамъ истинный жиз-

ненный путь, обнаруживает сознательную защиту обычаевъ, рѣшительно противорѣчащихъ номинально-усвоеннымъ принципамъ правильнаго поведенія. Эти примѣры показываютъ, я думаю, что понятіе о „должномъ“ относится частью къ чувствамъ, господствующимъ у индивида, частью же къ чувствамъ и идеямъ, внушеннымъ воспитаніемъ, частью, наконецъ, къ господствующему общественному мнѣнію: а все это переменные факторы. Истина состоитъ въ томъ, что всякое желаніе, ища, какъ и слѣдуетъ, удовлетворенія, влечетъ за собою мысль, что удовлетвореніе это есть нѣчто надлежащее и справедливое; а если это желаніе сильно и встрѣчаетъ помѣху, то оно порождаетъ мысль о несправедливости препятствованія.

Это настолько справедливо, что чувство, внушившее дурное дѣяніе, но испытавшее успѣшное сопротивленіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, позднѣе породитъ сожалѣніе о томъ, что дѣяніе не было совершено. Наоборотъ, хорошій поступокъ, находящійся въ разногласіи съ обычными дурными дѣятельностями, можетъ повлечь за собою раскаяніе; примѣромъ служитъ скряга, чувствующій угрызенія, если былъ вовлеченъ въ великодушный поступокъ. Подобнымъ же образомъ сознаніе „долга“, какъ оно проявляется у людей высшихъ типовъ, есть, попросту, голосъ извѣстныхъ господствующихъ чувствъ, развитыхъ высшими формами соціальной жизни; у каждаго индивида чувства эти подкрѣпляются доставшимися по преданію вѣрованіями и господствующимъ общественнымъ мнѣніемъ — а это санкція, гораздо сильнѣйшая, нежели все, чѣмъ обладаютъ низшія чувства.

Полный отвѣтъ на вопросъ, поставленный м-ромъ Дэвисомъ, былъ уже приведенъ въ „Данныхъ этики“, въ иной, гораздо болѣе выработанной, формѣ. Въ главѣ „Психологическая точка зрѣнія“ и особенно въ параграфахъ 42—46, происхожденіе сознанія обязанности объяснено съ значительною полнотою.

Быть можетъ, м-ръ Девисъ все-же спроситъ: „почему же, сознавая обязанность, человѣкъ *долженъ* уступать этому чувству?“ Если такъ, отвѣтъ будетъ въ общемъ тотъ, какой можно было бы дать на слѣдующій вопросъ; „почему, испытывая голодъ, человѣкъ *долженъ* ѣсть“? Хотя, въ нормальномъ случаѣ, человѣкъ ѣсть съ цѣлью удовлетворенія голода и безъ опредѣленнаго сознанія отдаленныхъ цѣлей, однако если вы его спросите, чѣмъ онъ оправдываетъ свое дѣйствіе,

онъ отвѣтитъ вамъ, что ѣсть для здоровья, силы и для возможности продолжать жизнь и работу, а поэтому необходимо уступаетъ своему чувству голода. Точно также, если кто-либо выполняетъ дѣйствіе, къ которому побуждается сознаниемъ долга, и если его спросить, на какомъ основаніи онъ такъ дѣйствуетъ, то онъ можетъ дать надлежащій отвѣтъ, что, хотя онъ уступилъ своему чувству безъ помысла объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ, однако онъ видитъ, что отдаленныя послѣдствія такого соображенія со своими чувствами въ среднемъ благотѣльны не только для другихъ, но, въ концѣ концовъ, и для него самого. Позвольте мнѣ здѣсь поэтому повторить истину, на которой я настаивалъ въ другомъ мѣстѣ, а именно, что совершенно такимъ же образомъ какъ правильно принимать пищу лишь для удовлетворенія голода, тогда какъ ѣсть безъ аппетита значитъ имѣть разстроенный организмъ,—точно также, добрый поступокъ или актъ долга совершается правильно лишь въ томъ случаѣ, когда онъ удовлетворяетъ непосредственному чувству; если же онъ совершается, имѣя въ виду конечные результаты, въ этомъ или въ иномъ мѣстѣ, то этимъ самымъ подразумѣвается несовершенное моральное состояніе.

* * *

Послѣ напечатанія перваго изданія этого труда, я получилъ отъ м-ра Дэвиса письмо, содержащее, между прочимъ слѣдующія строки.

„Позвольте мнѣ протестовать противъ одного вашего утвержденія. Я полагаю, что я вовсе не допускаю молчаливо, что понятіе о должномъ есть *устойчивое* понятіе: я увѣренъ, что представленія о томъ, что справедливо, измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ соціального строя и прогрессируютъ, соотвѣтственно его прогрессу“.

Если такъ, то повидимому, еще въ одномъ отношеніи, взгляды м-ра Дэвиса въ меньшей степени уклоняются отъ моихъ, чѣмъ казалось съ перваго взгляда.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Отъ издателя	3
Предисловіе автора	—
Глава I. Нравственность у животных	5
» II. До-человѣческая справедливость	9
» III. Человѣческая справедливость	16
» IV. Чувство справедливости.	22
» V. Идея справедливости	30
» VI. Формула справедливости.	38
» VII. Авторитетъ этой формулы	41
» VIII. Слѣдствія этой формулы	53
» IX. Право физической неприкосновенности	55
» X. Права свободнаго движенія и перемѣщенія	62
» XI. Право пользованія природною средою.	69
» XII. Право собственности	82
» XIII. Право невещественной собственности	89
» XIV. Права даренія и завѣщанія	103
» XV. Права свободнаго обмѣна и договора	111
» XVI. Право промышленной свободы	115
» XVII. Права свободы убѣжденія и культа	118
» XVIII. Право свободы слова и печати	122
» XIX. Обзоръ всего предыдущаго и дополненіе	127
» XX. Права женщннъ	135
» XXI. Права дѣтей	144
» XXII. Такъ называемыя «политическія права».	150
» XXIII.	156
» XXIV. Устройство государства.	162
» XXV. Обязанности государства	173
» XXVI. Предѣлы государственныхъ обязанностей	185
» XXVII. Предѣлы государственныхъ обязанностей (Продолженіе).	195
» XXVIII. Предѣлы государственныхъ обязанностей (Окончаніе).	204
» XXIX. Предѣлы государственныхъ обязанностей (Заключеніе).	215
Приложенія:	
Приложеніе А. Идея права у Канта.	225
» Всеобщій принципъ права	226
Приложеніе В. Земельный вопросъ	228
Приложеніе С. Моральный мотивъ.	233

